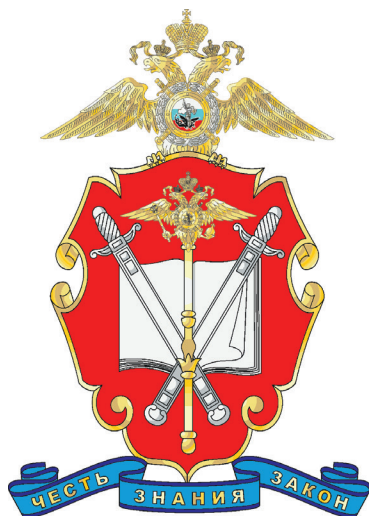

Академия управления МВД России

НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ: ИСТОРИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

**Сборник материалов международной научной конференции,
*приуроченной к 305-летию полиции России***

**Москва
2023**

УДК 351.741
ББК 94
Н12

*Одобрено редакционно-издательским советом
Академии управления МВД России*

Рецензенты: *Зверев В. О.*, доктор исторических наук, доцент (Омская академия МВД России); *Невский С. А.*, доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации (ФГКУ «ВНИИ МВД России»).

Н12

На службе Отечеству: история органов внутренних дел : сборник материалов Международной научной конференции (23 июня 2023 г.) / редкол. : Л. Н. Боде, А. Л. Ситковский, В. В. Синиченко, А. Ю. Климов, И. А. Потёмкин, Д. В. Пожарский, А. С. Сальников, К. Б. Файбусович, Л. И. Богатырёва. – Москва : Академия управления МВД России, 2023. – 346 с.

ISBN 978-5-907530-75-1

Сборник содержит материалы Международной научной конференции, посвященной 305-летию российской полиции, которая состоялась в Академии управления МВД России 23 июня 2023 г.

В статьях сборника авторами в исторической ретроспективе рассмотрены аспекты реализации полицейских функций до и после периода создания регулярной полиции Российской империи, ее дальнейшая эволюция, вопросы организации и деятельности советской милиции, функционирование органов внутренних дел России и стран СНГ на современном этапе.

Предназначен для широкого круга читателей, интересующихся историей правоохранительных органов, для курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, профессорско-преподавательского состава и сотрудников органов внутренних дел.

УДК 351.741
ББК 94

ISBN 978-5-907530-75-1

© Академия управления МВД России, 2023

Оглавление

Абишев А. Г. Организационно-правовые основы деятельности милиции Республики Казахстан в 1991–1998 гг. и ее преобразование в полицию	6
Алькинская А. А. Российские литераторы на службе в МВД Российской империи.....	13
Амиров Р. З. Полиция Российской империи: военизированные императивы организации и деятельности	30
Баранов В. П. Деятельность органов и войск НКВД СССР по обеспечению обороноспособности и внутренней безопасности в период Великой Отечественной войны.....	38
Беркутов А. С. Особенности обеспечения общественной безопасности органами внутренних дел в послевоенные годы (1945–1960 гг.)	54
Борисов А. В. Полиция и общество в Российской империи. Проблемы доверия и сотрудничества	64
Грошева В. К. Милиция Украинской ССР в годы Великой Отечественной войны и полиция ДНР в современных условиях: сравнительный анализ в историческом аспекте	69
Данчевская А. В. Вопросы организации службы чинов общей полиции Российской империи во второй трети XIX в.	80
Дорохов В. Ж. Проблемные вопросы организации местной противовоздушной обороны НКВД–МВД СССР в послевоенный период.....	86
Епифанов А. Е. Регламентация и практика обеспечения уездной полицейской стражи обмундированием и снаряжением (по материалам Саратовской губернии).....	94
Иванов Н. В. Участие милиции Чувашии в борьбе с голодом в 1921–1922 гг.	101
Иванов П. И. Особенности становления и развития службы экономической безопасности системы МВД России: историко-правовой анализ	106
Игумнов А. В., Санников А. П., Ануфриев А. В. Войска НКВД в Восточной Сибири (1941–1945).....	111
Климов А. Ю. Министр внутренних дел князь Куракин Алексей Борисович и его вклад в развитие министерства.	121

Кнауэ О. А. Кадровое обеспечение милиции СССР в 1960–1980 гг. (по материалам УВД Иркутского обл-исполкома)	130
Кожевникова А. М. Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации как источник по истории органов внутренних дел	138
Кондратьев С. С. Вклад Министерства внутренних дел в развитие оспопрививания в Российской Империи в XIX в.	145
Кутушев Г. З. Страницы биографии наркома внутренних дел Башкирской АССР Абдуллы Камалетдиновича Адигамова (1896–1968)	152
Литвин А. А., Долакова М. И. Деятельность полиции Казанской губернии по расследованию причин пожаров 1859 г.: исторические аспекты	160
Ляскина Н. В. Навеки в строю: сотрудники милиции Дальнего Востока в борьбе с преступностью несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	165
Лясович Т. Г. «Сохраняйте веру в свободу России»: князь Г. Е. Львов на посту министра председателя и министра внутренних дел Временного правительства (март – июль 1917 г.)	172
Машковцев А. А. Участковые уполномоченные милиции Кировской области – участники Великой Отечественной войны	180
Морозов А. В. Основные даты в истории формирования подразделений по контролю за оборотом наркотиков МВД России	185
Москаленко С. Г. Организационно-функциональная эволюция полиции Российской империи 1718–1917 гг.	194
Небрятенко Г. Г. Становление российской полиции в Приазовье (1775–1802 гг.)	200
Невский С. А. Организация и деятельность истребительных батальонов НКВД в годы Великой Отечественной войны	206
Нижник Н. С. Проблема прав человека в российской полициестике конца XIX – начала XX века	215
Овчинников В. А. Воспоминания подполковника милиции А.Н. Овчинникова как источник по истории органов внутренних дел СССР	223

Панфилец А. В., Удальцов А. А. Физическая и спортивная подготовка милиции в период блокады Ленинграда.....	232
Плеханов А. А. Взаимодействие Отдельного корпуса жандармов и Отдельного корпуса пограничной стражи на границе Российской империи в начале XX века.	238
Позднякова В. И. История органов внутренних дел в киноискусстве: опыт патриотического воспитания курсантов	246
Потёмкин И. А. Роль войск НКВД СССР по охране железных дорог в борьбе с националистическими формированиями на западных рубежах Советского Союза в 1944–1945 гг.	255
Рыжова Ю. В. Деятельность политической полиции на страницах журнала «Былое» в начале XX в.	266
Сальников А. С. Правовые основы начального этапа формирования милиции в Ярославской губернии после Октябрьской революции 1917 г.	273
Синенко С. А. Установление места захоронения второго министра внутренних дел Российской империи князя Алексея Борисовича Куракина	281
Синиченко В. В. Японский криминальный мир в агентурных донесениях Департамента полиции МВД России в период «союзных отношений» 1916–1917 гг.	288
Скипский Г. А. К вопросу об организации охраны общественного порядка и борьбы с преступностью в Московском государстве в XVI–XVII вв.	295
Степанов А. С. Органы внутренних дел в борьбе с преступностью в блокадном Ленинграде	303
Суверов Е. В. Борьба сотрудников милиции с преступным элементом в Томской области (в 90-х гг. XX в.).	308
Факурдинова А. Г. Роль квазисудебных органов в становлении советской милиции в 1920–1930 гг.	314
Хон Л. О. Развитие пенитенциарной системы в ведении МВД Республики Казахстан (2011–2020 гг.)	323
Ченцов А. С. Особенности деятельности органов МВД на территории Калининградской области в 1946–1949 гг.	329
Шабельникова Н. А. История органов внутренних дел Дальнего Востока России в современных исследованиях и библиографии	338

Эльдар Хасанович Абишев,
старший инспектор Управления воспитательной
и социально-психологической работы
среди осужденных
Комитет уголовно-исполнительной системы
МВД Республики Казахстан
E-mail: popovich.82@mail.ru

**Организационно-правовые основы деятельности
милиции Республики Казахстан в 1991–1998 гг.
и ее преобразование в полицию**

Аннотация

Исследование различных аспектов становления и развития организационно-правовых основ милиции Республики Казахстан в период с 1991 по 1998 гг. позволяет понять причины и особенности проведения целенаправленных мероприятий по решению общегосударственных задач по совершенствованию деятельности милиции в связи с меняющимися реалиями общественного и государственного развития того периода. Их переосмысление необходимо в контексте осуществляющего поиска дальнейших средств и концептуальных основ совершенствования органов внутренних дел Республики Казахстан с целью повышения ее эффективности и открытости к потребностям гражданского общества. Обращение к истории и опыту прошлых лет будет способствовать взвешенному подходу к решению задач, стоящих перед органами внутренних дел, а также учету итогов в поэтапном развитии организационных и правовых основ в целях выработки оптимальной модели развития системы органов внутренних дел, в частности милиции.

Ключевые слова и словосочетания: *Республика Казахстан; милиция; органы внутренних дел; развитие; совершенствование.*

Как известно, в результате стремительного разрушения высших органов государственной власти и управления СССР [7, с. 111], 25 октября 1990 г. Казахская Советская Социалистическая Республика провозгласила о государственном суверенитете, приняв соответствующую декларацию, которая юридически дала начало движению к независимости. Спустя чуть более года, в процессе неизбежного прекращения существования единого советского государства, 10 декабря 1991 г. Казахская ССР переименована в Республику

Казахстан. Для Казахстана это новый этап самостоятельного развития, положивший начало созданию новой системы государственного управления и демократическим процессам в республике.

Исторический период развития Республики Казахстан в различных источниках определяется по-разному. Основные исторические этапы развития Казахстана определены как 1991–2005 гг., – в этот период осуществляется возрождение и становление суверенитета; 2006–2019 гг. – новый этап развития [2, с. 224–252].

Первоначальный этап переходного периода становления и развития системы государственного управления пришелся на 1991–1995 гг. и проходил под знаком трансформации Казахстана к самостоятельному развитию, становлению в стране основ суверенной государственно-административной системы. Главной характеристикой данного этапа было то, что основные изменения были направлены не столько на создание новой системы, а сколько на разрушение существовавшей. Таким образом, суть произошедших тогда важнейших событий заключалась в сломе существовавшей тогда системы управления и коренной реформы всей системы общественных отношений. Переход на рыночные рельсы подразумевал сокращение участия государства на рынке [4, с. 268].

В переходный период, в 1992 г. Казахстан стал членом Интерпола [3, с. 7].

В этот период в Казахстане все еще действовали программные документы по борьбе с преступностью, принятые в условиях существования СССР. В частности, правоохранительная деятельность в республике с 1989 г. определялась Программой борьбы с преступностью и укреплению правопорядка в Казахской ССР на 1989–1995 гг., утвержденной постановлением Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 12 декабря 1989 г. № 4351-XI.

В последующем многие положения Программы борьбы с преступностью и укреплению правопорядка на 1989–1995 гг. утратили свое значение и в сентябре 1993 г. Была принята новая программа по борьбе с преступностью на 1993–1995 гг.

Первым программным документом по реформе и совершенствованию деятельности органов внутренних дел, повышению ответственности должностных лиц органов государственного управления за состояние дисциплины, общественного порядка и безопасности была Государственная программа первоочередных мер по борьбе

с преступностью и укреплению правопорядка в Республике Казахстан на 1993–1995 гг.¹

Программа предусматривала модернизацию судебной системы, органов юстиции, прокуратуры, внутренних дел, национальной безопасности, а также других государственных органов, не относящихся к силовому блоку. Стратегической точкой отсчета нового времени стало принятие 30 августа 1995 г. ныне действующей Конституции Республики Казахстан², заложившей начало кардинальным изменениям во всех сферах деятельности государства. Основные концептуальные направления развития правовой политики государства были определены в Государственной программе правовой реформы в Республике Казахстан, принятой в 1994 г.³

К характерным особенностям организационно-правового развития в этот период можно отнести реформирование органов предварительного расследования путем образования специального государственного органа – Государственного следственного комитета Республики Казахстан⁴ (далее – ГСК), что предусматривало объединение в нем следователей органов внутренних дел, национальной безопасности и прокуратуры. Как показала практика, нормативно и процедурно необеспеченные изменения в деятельности правоохранительных органов страны, первоначально воплощая в себе идею серьезной институциональной реформы органов предварительного следствия, ожидаемых результатов не дали.

На ГСК возлагались осуществление дознания, предварительного следствия по уголовным делам и оперативно-розыскная деятельность. За органами внутренних дел сохранялось право производства дознания и оперативно-розыскной деятельности как по делам, не требующим предварительного следствия, так и по делам, по кото-

---

¹ О Государственной программе первоочередных мер по борьбе с преступностью и укреплению правопорядка в Республике Казахстан на 1993–1995 годы : постановление Президента Республики Казахстан от 23 сентября 1993 г. № 1352 (утратило силу Указом Президента Республики Казахстан от 18 июня 2009 г. № 829) // ИПС «Әділет» (дата обращения: 22.03.2021).

² О Конституции Республики Казахстан : Указ Президента Республики Казахстан от 6 сентября 1995 г. № 2454 // ИПС «Әділет» (дата обращения: 11.09.2020).

³ О Государственной программе правовой реформы в Республике Казахстан : постановление Президента Республики Казахстан от 12 февраля 1994 г. № 1569 (утратило силу Указом Президента Республики Казахстан от 9 января 2006 г. № 1696) // ИПС «Әділет» (дата обращения: 20.09.2020).

⁴ О специальных государственных органах Республики Казахстан, осуществляющих дознание и следствие : Указ Президента Республики Казахстан, имеющий силу Закона от 6 октября 1995 г. № 2512 (утратил силу Законом Республики Казахстан от 9 декабря 1998 г. № 307) // ИПС «Әділет» (дата обращения: 20.09.2020).

рым оно было обязательным. Иначе говоря, оставались достаточные полномочия, силы и средства для выполнения основной функции органов внутренних дел – пресечение и предупреждение преступлений [6, с. 11–12].

Образование ГСК стало первой серьезной попыткой реформы не только системы органов внутренних дел, но и всей правоохранительной системы. Основной тезис Н. А. Биекенова заключался в том, что по набору выполняемых функций, как ГСК, так и МВД были на первый взгляд схожи [1]. Вместе с тем, как отмечал М. Ч. Когамов, в отличие от ГСК, у органов дознания функция расследования не является основной, поскольку ими решаются другие главные задачи: у органов внутренних дел – охрана общественного порядка, у органов налоговой полиции – обеспечение исполнения налогового законодательства, а у органов Государственного таможенного комитета – таможенного законодательства и т. д. [5, 7–33].

Создание ГСК было обусловлено несовместимостью функций расследования и профилактики преступлений в одном ведомстве, будь то прокуратура или органы внутренних дел. Изъятие из компетенции МВД и прокуратуры и передача дознания, следствия, оперативно-розыскной деятельности и иных функций ГСК и КНБ внесли существенные и, как показала практика, нормативно и процедурно не обеспеченные изменения в деятельность правоохранительных органов страны. Во-первых, деятельность органов внутренних дел и ГСК была существенно осложнена отсутствием нормативного регулирования практического взаимодействия данных правоохранительных структур; во-вторых, не была достаточно отлажена система передачи в ГСК подготавливаемых органами внутренних дел первоначальных материалов о совершенных преступлениях; в-третьих, профилактику преступлений органы внутренних дел осуществляли преимущественно мерами административного воздействия, недостаточно эффективными в отношении преступности. В результате чего была дезорганизована и разделена отлаженная ранее годами система работы МВД.

Перечисленные факторы негативно влияли на криминогенную обстановку в стране. Поэтому 5 ноября 1997 г. Президентом Республики Казахстан был принят Указ «О мерах по укреплению национальной безопасности, дальнейшему усилению борьбы с организованной преступностью и коррупцией». Пункт 3 данного Указа предписывал «упразднить Государственный следственный комитет Республики Казахстан с передачей его полномочий по борьбе:

– с организованной преступностью, связанной с коррупцией лиц, занимающих ответственные государственные должности,

военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, специальных служб и судей, а также контрабандой и наркобизнесом, осуществляемыми преступными сообществами, – Комитету национальной безопасности;

– с иными формами организованной, экономической преступности – Министерству внутренних дел»¹.

В итоге из Государственного следственного комитета в МВД передаются 27 010 штатных единиц и 1 914 единиц в Комитет национальной безопасности Республики Казахстан. Несмотря на передачу функций расследования преступлений в ГСК, сложились предпосылки для изменения организации и работы следствия. В силу Указа «О мерах по дальнейшему реформированию системы правоохранительных органов Республики Казахстан» от 22 апреля 1997 г. № 3465², в МВД и его органах на местах образуются подразделения, осуществляющие предварительное следствие по делам о преступлениях, не отнесенных законодательством к подсудственности Комитета национальной безопасности и Государственного следственного комитета [8, с. 96–106]. Данный Указ также предусматривал образование в составе органов внутренних дел: криминальной, административной полиции и иных служб полиции, а также военно-следственных органов и военной полиции Министерства внутренних дел, имеющих статус воинского формирования.

В 1998 г., по аналогии с международной практикой, милиция Казахстана была переименована в полицию, что соответствует подлинному значению этого термина для органов охраны правопорядка. Создание полиции не носило какого-либо многопланового характера. Законом «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан и признании утратившими силу Указов Президента Республики Казахстан, имеющих силу закона, «О специальных государственных органах Республики Казахстан, осуществляющих дознание и следствие» и «О Государственном следственном комитете Республики Казахстан и его органах» от 9 декабря 1998 г. № 307, были внесены изменения и дополнения в Указы Президента, имеющие силу закона, в том числе «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» от 21 декабря 1995 г. № 2707, Законы, Уголовно-процессуальный

---

¹ О мерах по укреплению национальной безопасности, дальнейшему усилению борьбы с организованной преступностью и коррупцией : Указ Президента Республики Казахстан от 5 ноября 1997 г. № 3731 // ИПС «Әділет» (дата обращения: 22.11.2020).

² О мерах по дальнейшему реформированию системы правоохранительных органов Республики Казахстан : Указ Президента Республики Казахстан от 22 апреля 1997 г. № 3465 // ИПС «Әділет» (дата обращения: 23.11.2020).

кодекс от 13 декабря 1997 г. и другие нормативные правовые акты. В Российской Федерации аналогичное преобразование было проведено путем принятия Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ, а с 1 марта 2011 г. милиция уже не существовала [2; 9].

В Казахстане «переименование» в полицию заложило основы для последующих институциональных изменений. Прежде всего это изменение стиля управления и усовершенствованная организационная стратегия органов внутренних дел, направленная на решение проблем и партнерство с обществом, выполнение государственных функций на принципах высокой профессиональности, с учетом лучшего международного опыта в условиях интеграции казахстанских полицейских в международное правоохранительное сообщество и стран СНГ. Это в свою очередь потребует от полиции Казахстана проведения существенных изменений, направленных на совершенствование профессиональной деятельности с современными требованиями становления Казахстана как развитого демократического, светского, правового и социального государства.

Любая идея повышения качества работы государственного органа, не подкрепленная правом, теряет всякий смысл. Автор убежден и попытался обосновать, что при соответствующих условиях органы правопорядка могут стать одним из эффективных инструментов государства в деле обеспечения правопорядка. В решении этой задачи трудно переоценить возможности права.

Список литературы:

1. *Биекенов Н. А.* Национальная полиция Казахстана: конституционно-правовые основы организации и деятельности : моногр. Бишкек. 2011. 430 с.
2. История Казахстана : учеб. 4-е изд., перераб. и доп. Алматы, 2011. 312 с.
3. *Карикболов Б. С.* Нормативные акты. Интерпол. Алматы, 1998.
4. *Кемел М., Шайкенова К.* Становление системы государственного управления Казахстана // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2015. № 2.
5. *Когамов М. Ч.* Государственный следственный комитет: версии, опыт, проблемы, решения : моногр. Изд. 2-е. Алматы, 2004. 200 с.
6. *Когамов М. Ч.* Предварительное расследование уголовных дел в Республике Казахстан: состояние, организация, перспективы : моногр. Изд. 2-е. Алматы, 2004. 128 с.

7. *Лукашевич Д. А.* РАСПАД СССР: историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
8. Полиция Казахстана: основные этапы становления и развития / под общ. ред. Б. А. Мухамеджанова. Караганда, 2005. 300 с.
9. *Румянцев Н. В., Щеглов А. В.* Федеральный закон «О полиции»: комментарии и размышления // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 4.
10. *Дуров А. И., Мочалов А. Н.* Реформа МВД: полиция или милиция? // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2010. № 3 (12).

Альфия Аминовна Алькинская,
заслуженный работник культуры
заместитель начальника по научной работе
Центральный музей МВД России
E-mail: alfiaalkin@mail.ru

Российские литераторы на службе в МВД Российской империи

*Чинов и рифм он не искал,
Но рифмы и чины
К нему летели сами.*

Н. М. Карамзин

Аннотация

Исследование посвящено проблематике взаимосвязи творчества выдающихся русских писателей XIX в. с одновременным служением их государству в качестве чиновников Министерства внутренних дел Российской империи. Исследователь темы, представляя биографии и весомый вклад героев данной работы в русскую литературу, раскрывает точки пересечения творческого пути знаменитых классиков отечественной словесности с их службой в МВД Российской империи. Отражая вопросы симметричности этих, на первый взгляд, трудносочетаемых функций, автор предлагает поразмышлять и самостоятельно сделать вывод о том, являлись ли служебная деятельность и карьера знаменитых писателей ключом для их вдохновения и стимулом к творчеству или мешала его развитию? Обращение к многочисленным источникам позволило представить в кратком очерке новые сведения из биографий его героев, чтобы показать причины выбора служителями муз профессии, связанной с выполнением ответственных обязанностей в таком важнейшем государственном учреждении, как Министерство внутренних дел Российской империи.

Ключевые слова и словосочетания: литература; писатели; Министерство внутренних дел; чиновник; Пушкин; министр внутренних дел; роман; биография; вклад; герои произведений; реформы; государственная служба.

В 2018 г. Государственный музей А. С. Пушкина, совместно с рядом других музеев, ведущих архивов и библиотек, представил выставочный проект «Музы и чины. Русские писатели на службе государству» – о российских писателях, служивших и Отечеству,

и искусству одновременно. Коллекция вернисажа позволила всесторонне рассмотреть редкие артефакты. Однако словосочетание «Министерство внутренних дел» не прозвучало там ни разу даже между строк. А между тем именно это ведомство стало местом скрещивания в карьере ряда известных представителей литературного творчества, являвшихся и поборниками государственного служения. МВД Российской империи с его важнейшими полномочиями, представлявшееся многим лишь как мир чиновничьих мундиров, наполненный регламентом и строгой иерархией, – не только открывало двери, но также оказывало и покровительство представителям этого иного мира, наполненного свободой мысли и художественного творчества.

Эпоха, в которой жили, творили и служили «по ведомству внутренних дел» представленные в очерке писатели, носит название Золотого века русской литературы. Это время объединило поколение литераторов, проникнутых особым духом и представляющих уникальный культурный пласт. В своих произведениях, отличавшихся смелостью, они заостряли внимание читателя на нравственных проблемах, утверждая высокие идеалы свободы личности. Отличаясь презрением к лицемерию, эгоизму, взяточничеству, глупости и к духовной распущенности, они брали этим на себя особую этическую ответственность перед своими читателями и согражданами, оказывая влияние на их умы и становясь своеобразными кураторами движения вперед. Руководители МВД как люди образованные и развитые с присущей им толерантностью использовали данный ресурс как индикатор эволюции ведомства, понимая, что морально растущее общество уже не могло удовлетворяться прежним чиновничеством.

Начать этот список нельзя без обращения к родоначальнику русской литературы – Александру Сергеевичу Пушкину. Особую лепту в тему преследования поэта чинами полицейских структур внесли его биографы советской поры. Однако неправда, что представители МВД и политической полиции якобы не понимали заключенного в Пушкине драгоценного наследия России. И почти никто не знает о том, что Пушкин хотел служить и успел, хоть и короткое время, послужить в МВД Российской империи в качестве редактора ведомственного издания – газеты «Дневник». Министры внутренних дел пушкинской поры, сами будучи людьми весьма образованными, близкими к писательским кругам и являясь авторами литературных произведений, успешно возглавляли первое из равных ведомств системы госуправления с важнейшими для Государства Российского полномочиями. В зрелом возрасте Пушкин был зна-

ком почти со всеми руководителями МВД. Быть в кругу этих, облаченных высоким саном и могуществом, эрудированных людей считалось честью. Они также, в свою очередь, дорожили знакомством с главным поэтом России, чей широкий кругозор, высочайшая образованность, творческая масштабность, а также славная родословная не могли им не imponировать.

С поистине шекспировским мастерством созданы герои пушкинской поэмы «Полтава», где одним из главных героев является предок первого министра внутренних дел Российской империи графа (впоследствии князя, канцлера) В. П. Кочубея. Имя заместителя В. П. Кочубея – графа П. А. Строганова, первого управляющего Медицинским департаментом МВД, – также вошло в список людей, чья судьба заинтересовала А. С. Пушкина, лаконично и емко описавшего в черновой строфе шестой главы романа «Евгений Онегин» личную драму П. А. Строганова, связанную с гибелью его сына в войне с Наполеоном, а романтическая история дочери П. А. Строганова послужила основой для написания Пушкиным повести «Метель». Пушкин часто встречался и с будущим министром внутренних дел, руководившим МВД в 1852–1855 гг., – героем войны 1812 г. Дмитрием Гавриловичем Бибиковым.

В отношениях с министром внутренних дел (в 1829–1831 гг.) А. А. Закревским приоритет принадлежал его супруге – роковой красавице Аграфене Федоровне – вдохновительнице поэта, воспетой им в 16 главе «Евгения Онегина», которую все узнавали в образе «блестящей Нины Воронской» и «сей Клеопатрою Невы» [4]. В другом важном свидетельстве, оставленном помощником того же министра А. А. Закревского – Мухановым, – говорится о встрече только что назначенного министром внутренних дел графа Д. Н. Блудова с Пушкиным, которая проливает свет на его искреннюю поддержку в жизни и творчестве поэта: «Приехал Д. Н. Блудов. Сказал Пушкину, что он о нем говорил государю и просил ему жалованья, которое давно назначено ... Пушкин будет издавать газету под заглавием «Дневник», ... газета будет давать скорые сведения политические из министерства внутренних дел». Вскоре, 7 июля, Муханов пишет о том, что он был свидетелем спора Блудова с Уваровым – министром народного просвещения: «Он уязвлен, что разрешение было дано ему (Пушкину – *прим. авт.*) Министерством внутренних дел, а не его министерством». Д. Н. Блудов (министр внутренних дел Российской империи в 1832–1839 гг.) как человек весьма незаурядный, обладавший изумительной памятью и быстрым логическим умом, обилием мыслей, живостью и меткостью выражений, что заставляло «каждого признавать его превос-

ходство над собою», высоко ценил преимущество ума Пушкина, «признанное над их современниками». Их связывала давняя дружба, зародившаяся еще в литературном обществе «Арзамас», членами которого они были оба. Блудов, сам будучи литератором, которому историк Н. М. Карамзин завещал издание последнего тома своей «Истории», хорошо осознавал феномен Пушкина и во всем старался его поддержать. Замышляемая Пушкиным политическая и литературная газета МВД под названием «Дневник» была издана при поддержке Блудова, но, к сожалению, из-за вмешательства Уварова, мстившего Пушкину в ответ на адресованную ему эпиграмму, – только пробным номером. Д. Н. Блудов стал последним действующим министром при жизни Пушкина [2].

Не раз встречался Пушкин и с министром внутренних дел в 1841–1852 гг. Львом Алексеевичем Перовским. Племянник Натальи Кирилловны Загряжской, которой Наталья Гончарова приходилась внучатой племянницей, еще в 1820 г. защитил пушкинскую поэму «Руслан и Людмила» от нападок Воейкова. В доме Л. А. Перовского Пушкин читал не напечатанного еще «Бориса Годунова».

В последний день жизни Пушкина к нему на Набережную Мойки, 12 стали съезжаться его друзья, среди которых был и будущий министр внутренних дел в 1861–1868 гг. Пётр Александрович Валугев. О теплом отношении Пушкина к молодому человеку, чей род восходил к XIV в., свидетельствует факт избрания Валугева прототипом Гринёва – главного героя повести «Капитанская дочка». (Характеризуя мужа Анны Карениной, потом и Лев Толстой воспроизвел черты Валугева, свойственные ему в зрелые годы, в своем знаменитом романе.)

Не всем литераторам посчастливилось быть знакомыми с Пушкиным, но каждый из них старался в своем творчестве находиться в рамках диапазона, обозначенного Пушкиным как их главным учителем.

По праву классическим мы называем наследие писателя 19 века, отца русской сатиры Михаила Евграфовича Салтыкова, взявшего себе литературный псевдоним Щедрин. Некоторые исследователи творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина (1826–1889 гг.) до сих пор спорят о том, был ли прав этот писатель и одновременно государственный деятель, описывая негативную сущность чиновничества родной страны, якобы безнадежно пребывающего в царстве беспросветного убожества, и что при этом двигало сочинителем благородного происхождения – отсутствие природного жизнелюбия или нещадная бескомпромиссность сатирика к окружающим его без-

образиям? И правильно ли называть его справедливые бичевания реально имеющих место вопиющих недостатков личной школой злословия?

Получив начальное образование в имени родителей в Тверской губернии, в 10-летнем возрасте М. Е. Салтыков был сразу зачислен в третий класс пансиона Московского института для дворян (где также обучались В. А. Жуковский, А. С. Грибоедов и М. Ю. Лермонтов). Затем, за выдающиеся заслуги в учебе, его направили на обучение в Царскоесельский лицей за казенный счет. После окончания лицея 18-летнего выпускника зачислили в канцелярию военного министра – светлейшего князя Александра Ивановича Чернышёва. Но, включенный в аппарат знаменитого разведчика, юноша сошелся с кружком петрашевцев, читавших литературу с идеями французских социалистов. В августе 1848 г. честолюбивый глава МВД граф Л. А. Перовский, учитывая революционные потрясения в Европе, поручил наблюдение за сетью заговорщиков. Но, еще до начала ареста петрашевцев, в апреле 1849 г. Салтыкова, уже автора двух повестей, наполненных социальной проблематикой, сослали в Вятку «за вредный образ мыслей» – старшим чиновником особых поручений при губернаторе, а вскоре представили уже как советника губернского правления: то и другое означало службу в структуре МВД. Молодой чиновник, разъезжая по губерниям, набирался наблюдений над мелкопоместным миром чиновников и крестьян. В это время при сохранении основных задач и функций МВД в его системе произошли заметные преобразования. Так, в составе министерства стало функционировать специальное подразделение для осуществления негласных ревизий и расследования материалов о злоупотреблениях чиновников местных органов полиции. Центральный аппарат ведомства был нацелен на подготовку и проведение Крестьянской реформы.

В 1855 г., после кончины Николая I, в судьбу ссыльного чиновника вмешался генерал-адъютант Пётр Петрович Ланской – муж вдовы А. С. Пушкина Н. Н. Гончаровой и двоюродный брат нового министра внутренних дел (в 1855–1861 гг.) графа Сергея Степановича Ланского. Личное заступничество министра внутренних дел, поражение в Крымской войне (с ее невероятными совпадениями с сегодняшними аспектами взаимоотношений с Западом в условиях СВО), заставившее Александра II приступить к осуществлению масштабных преобразований во всех сферах жизни, принесли свободу писателю. Но, ориентированный на решение социальных вопросов, М. Е. Салтыков-Щедрин – уже автор «Губернских очерков», – стал даже тяготиться свободой: как же, мол, обойдутся без

его личного участия в заявленных реформах? И вот, опять служба в МВД – теперь чиновником особых поручений. Он участвует в проекте подготовки Крестьянской реформы. А вскоре сатирик – уже вице-губернатор в Рязани, а затем в Твери – по-государственному возбуждает десятки судебных преследований против взяточников, воров и притеснителей-помещиков. Но фортуна опять затевает игру вкруговую. Обязанности госчиновника вновь растворяются в даровании писателя. «Современник» еле успевает печатать очерки, рассказы и пьесы маститого сатирика, объединенные темой обреченности крепостничества. После ареста Н. Г. Чернышевского Салтыков-Щедрин ведет большую работу в журнале. Но судьбе было угодно вновь связать прозаика с государственной службой: с 1865 г. он возглавляет Казенные палаты в Пензе, Туле и Рязани, а в 1868 г. уже навсегда покидает госслужбу. Следующие 16 лет писатель руководит журналом «Отечественные записки». В главной трибуне русской литературной демократии печатаются высшие достижения его творчества: «История одного города», «Помпадуры и помпадуриши», «Господа Головлёвы», «Премудрый пескарь», «Пошехонская старина» и многие другие произведения, к цитатам из которых, ставших хрестоматийными, мы обращаемся и сегодня – спустя полтора столетия.

Салтыков-Щедрин как чиновник высокого ранга умело вскрывал многие механизмы нарушения закона, что воспринималось как должное. А как писатель он показывал, что в обществе, где исполнители законов не соблюдают моральных норм, никакие законы не способны функционировать действенно и результативно. Писательский вклад всегда ценился обществом выше.

Обращаясь к бессмертному наследию Салтыкова-Щедрина, по праву занявшего место в первом ряду среди лучших мастеров русской словесности, мы и сегодня согласно киваем головами, рассматривая талантливые зарисовки к его сочинениям. Возможно, герои произведений писателя стереотипны и бесспорны, оттого что воображение и жизненная практика гениального автора показали нам их так, что иначе и представить невозможно. Но в этом критерии – как раз вся силища творчества Салтыкова-Щедрина, по словам Л. Н. Толстого – автора «великолепного, чисто народного, меткого слога». По восприятию многих наших современников – истинного демиурга, прорицателя и провидца, чьи метафоры, двусмысленность, аллегории и гиперболы, эзопов язык отнюдь не покрылись пылью веков, но и сегодня наполнены особым, здоровым смыслом. Прессингуя такие язвы общества, как обман, тупость, несправедливость, враждебность, неблагоприятность, лень, озлобле-

ние и паразитизм, писатель осознавал особую возможность улучшить своим творчеством социальную реальность. Его сверкающий юмор и фантастика с ее аллегориями, гиперболами, обличительным пафосом были стремлением вписаться в масштабные реформы и вместе с ними с треском оставить все темное, недоразвитое и ошибочное в прошлом. Выдающийся писатель умер в 1889 г., не успев закончить новый труд. Известно, что родная внучка Салтыкова-Щедрина – Тамара Николаевна фон Дистерло – была расстреляна на Бутовском полигоне НКВД в 1938 г. за участие в «контрреволюционной националистической организации».

Яркой и самобытной личностью зарекомендовал себя в литературе и на службе в МВД и другой русский писатель-публицист – выдающийся этнограф-беллетрист, феноменальный исследователь темы религиозного раскола Павел Иванович Мельников, известный читателю как Мельников-Печерский (1818–1883 гг.). П. И. Мельников родился в обедневшей дворянской семье в Нижнем Новгороде. Одной из главных реликвий в их доме была икона Спаса, пожалованная, по словам Мельникова, его предку самим Иваном Грозным. Удивительным талантам и возможностям будущего литератора, незаурядного исследователя и чиновника способствовали его любовь и тяга к чтению, которые еще в раннем детстве привил ему дед, обладавший собранием редких книг. В период учебы Павла на словесном отделении Казанского университета юноша потерял обоих родителей. Благодаря близкому знакомству со старообрядцами, сплошь заселявшими Семеновский уезд рядом с имением его матери, Мельников проявляет рвение к изучению истории раскола. Собирая информацию для подготовки диссертации, он посещает окрестные поместья, деревни и скиты. Часть наблюдений об особенностях раскольничьего быта Мельников публикует в очерках под названием «Дорожные записки», что приносит ему репутацию знатока местной истории. В 1841 г. Мельникова принимают в члены-корреспонденты Археографической комиссии, занимавшейся сбором и описанием исторических источников. После публикации Мельниковым в 1842 г. статьи о нижегородском купце Кузьме Минине, освободившем вместе с Пожарским в 1612 г. Москву от иноземных захватчиков, автору было поручено найти потомков этого героя, которых хотел вознаградить Николай I. Мельников сообщил, что благодаря обнаруженной им купчей, стало известно отчество Минина – Захарович, но что единственный сын его умер бездетным.

Последовавший затем застой в творчестве Мельникова на 12 лет был связан с тем, что семеро детей писателя, женившегося-

ся в 1841 г. на Лидии Белокопытовой, умерли, а вскоре в возрасте 30 лет скончалась и она сама. Вторая супруга – Елена Рубинская, – подарила писателю пятерых детей.

В 1849 г. Мельников знакомится с Владимиром Ивановичем Далем, предложившим ему взять псевдоним «Печерский», тем более что Мельников теперь госслужащий. Как чиновник для особых поручений при местном генерал-губернаторе он участвует в мероприятиях по искоренению сектантства, предложив особый метод устрашения раскольников – угрозу отдачи их в рекруты. Этот план с изложением подобной перспективы, одобренный местным епископом Иаковым, подается даже императору, начертавшему резолюцию: «Сделать об этой мере соображения» [5]. В результате целые скиты приходят к единоверию. Мельников, став главным гонителем раскола, в служебном порыве не только выявляет староверов и крамольных беглых, но изымает у раскольников образа, даже считавшиеся у них чудотворными. Сектанты тоже не остаются в долгу: они делают Мельникова героем своего фольклора. В их легендарном эпосе он будто бы видел сквозь стены, ездил верхом на змие и, конечно, был в союзе с самим дьяволом. А между тем добросовестный Мельников уточняет число старообрядцев, сконцентрированных в нижегородском крае – 172 тыс. чел. Ошеломляющая разница с официальной статистикой поразила власти.

Высокая компетентность религиоведа-Мельникова, его дефицитные эксклюзивные знания проблем раскола и продуктивная деятельность по борьбе с этой «язвой государственной» не остались без внимания руководства Министерства внутренних дел, одной из важных функций которого было искоренение старообрядчества. В 1850 г. Павел Иванович был причислен к штату МВД в качестве чиновника по особым поручениям. Возглавляя в 1852–1853 гг. статистическую экспедицию по изучению этнографии и фольклора родного края и собрав драгоценный материал, Мельников составил для МВД трехтомник с конфиденциальными сведениями – «Сборник постановлений, относящихся к расколу», призывая всех теперь к терпимому отношению к отступникам от официальной веры. В 1866 г. писатель, потрясенный покушением на Александра II, воспринимает роковой выстрел террориста Каракозова как крах национальной идеи государственности и приходит к убеждению, что противостоять революционному течению в России способна единственная сила, и это не что иное, как ... старообрядчество, всегда преданное устоям веры и монархии. Кардинальная перемена взглядов сказывается на карьере Мельникова-Печерского. В 1866 г. Павел Иванович был отрешен от должности, выйдя в отставку кава-

лером ордена Святой Анны I степени в чине действительного статского советника. После отставки около 10-ти лет под контролем и патронажем министра внутренних дел П. А. Валуева писатель трудится в газете МВД «Северная почта». Позже он публикует свое новое исследование о сектах хлыстов и скопцов. Потом, взяв себя в руки, Мельников издает свой бессмертный труд – роман-диологию «В лесах» (1871–1874 гг.) и «На горах» (1875–1881 гг.), как бы собирая в мозаику все стороны жизни уникальной общности необычных людей, очень крепко связанных между собой старой верой. Эти произведения приносят писателю славу автора самых увлекательных произведений русской литературы, в которых Мельников-Печерский делает достоянием истории малоизвестную невероятно экспрессивную и неповторимую атмосферу жизни старообрядчества с его традициями, скитами, крестьянством, купечеством, ремесленниками и кустарными промыслами.

В 1867 г. Мельников напоминает своим читателям, что на Руси никогда не было проблем с самозванцами, претендующими на русский престол. Героиней своего исторического очерка «Княжна Тараканова и принцесса Владимирская», основанного на изучении подлинных архивных источников, он делает расчетливую и изобретательную княжну, взявшую на себя роль никогда не существовавшего человека и выдававшую себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны и Алексея Разумовского. Автор мастерски излагает захватывающий финал истории с пленением бросившей вызов самой Екатерине II изворотливой авантюристки, «всклепавшей на себя имя».

Но признанными шедеврами Мельникова-Печерского все же считаются произведения, посвященные жизни и быту раскольников, где можно разглядеть причины крепких религиозных устоев их жизни, подивиться особенностям оригинальной лексики раскольников как носителей особой духовности и идущего из глубины веков самобытного благочестия. Самый знаменитый бытописец старообрядчества Мельников-Печерский скончался на своей малой родине в Нижнем Новгороде в 1883 г., так и не дождавшись решения о гражданских правах раскольников. По заказу П. М. Третьякова художник И. Н. Крамской в 1876 г. написал портрет П. И. Мельникова-Печерского, изобразив его в окружении предметов, свидетельствующих об особом вкладе писателя в исследование проблематики раскола.

А с портрета кисти художника В. Г. Перова, что находится в Третьяковке, на нас смотрит благообразный старец с белой, как лунь, бородой. В его облике поражает все: лицо, словно подсвечен-

ное неземным лучом, глаза, лоб, поза, руки... Так вот он какой – тот самый знаменитый Даль! Картина была написана в конце жизни этого невероятного человека по настоянию того же известного мецената Третьякова, имевшего замысел собрать портреты «лиц, дорогих нации».

Весь 2001 г. – год 200-летия со дня рождения Владимира Ивановича Даля, оставившего особый след в русской культуре этнографа, естествоиспытателя, писателя, врача, чиновника МВД, географа, лексикографа и друга Пушкина, – решением ЮНЕСКО был назван его именем. В. И. Даль (1801–1872 гг.) родился в Луганске. Получив домашнее образование, впоследствии за насыщенную невероятными событиями жизнь сменил много занятий. Его отец-датчанин был врачом по профессии, а мать-француженка, знавшая несколько языков, обладала хорошим голосом и прекрасно музицировала. Все члены многодетной семьи были приучены к чтению книг, благодаря чему у будущего непревзойденного исследователя русской лексики возник такой интерес к слову. Поступив в 13 лет в Морской кадетский корпус в Петербурге, Даль знакомится там с будущим адмиралом П. С. Нахимовым. Судьба будет постоянно сводить его с необыкновенными современниками. По окончании учебы Владимир Даль шесть лет служит на флоте, но позже оставляет службу, чтобы стать врачом. В Дерптском университете, где он после диплома досрочно защитил диссертацию, Даль знакомится с Николаем Пироговым и с другими будущими светилами медицины. Перебравшаяся в Дерпт мать Даля представляет сына посещавшим их культурный семейный очаг Василию Жуковскому, поэтам Александру Воейкову и Николаю Языкову, часто приезжающим в этот город.

Интерес к русской словесности достигал Даля везде: языковые особенности разных мест оказывались совершенно непохожими, а лексика каждого региона невероятно богатой. Даль стал настоящим охотником за знанием языка, пополняя этот багаж где только можно. Этот интерес Владимир Иванович пронесет через всю жизнь, отдав работе над своим знаменитым словарем, ставшим главным делом его жизни, более 50-ти лет трудясь над ним до самой кончины. Даже когда он учился на врача и, не упуская участия в студенческих забавах, Даль обязательно находил время для интенсивных занятий языком. Он ежедневно заучивал до 100 латинских слов и впоследствии в совершенстве освоил десятки совершенно разных по звучанию и семантике языков, став неповторимым полиглотом. Отличную репутацию врача, хирурга и диагноста Даль получает, принимая участие в войне с Турцией и в польской кампании. Его мужество и самоотверженность как врача и заправского солдата

были отмечены орденом Анны III степени и медалью св. Георгия. Но, и спасая раненых, и участвуя в боевых действиях, Даль не забывает о своем призвании. Солдаты, призванные на службу их разных регионов огромной страны, – вот кто становится источником пополнения его знаний об особенностях великого и могучего, богатейшего и многообразного, сочного и яркого русского языка.

Первый значительный литературный труд Даля – книга «Русские сказки. Пяток первый» – появился в печати в 1832 г. Это было остроумное произведение из пяти сказок, написанное простым слогом и умело наполненное народными поговорками. Однако цензура, увидев в сказках крамолу, нашла это произведение предосудительным. Весь тираж был изъят из обращения, сам автор арестован и лишь заступничество Василия Жуковского помогло Далю избежать сурового наказания. В 1830–1840 гг. составленные и опубликованные 100 очерков о русской жизни принесли ему славу талантливого бытописца. «После Гоголя это до сих пор решительно первый талант в русской литературе», – хвалил в 1845 г. Даль строгий литературный критик Виссарион Белинский [1].

В 1833 г. Даль женился на Юлии Андре. Второй супругой Даля после ее кончины стала Екатерина Соколова, которая подарила ему трех дочерей. В 1833 г. Владимир Иванович, получив звание коллежского асессора, занимает должность чиновника по особым поручениям при военном губернаторе Оренбургского края В. А. Перовском, который являлся братом министра внутренних дел Российской империи Льва Алексеевича Перовского. По возвращении из командировки «в землю уральских казаков», где он пробыл месяц, Даль встречается с приехавшим в Оренбург Пушкиным. В записках Бартенева читаем о приезде Пушкина к его «давнишнему приятелю В. А. Перовскому». Впервые Даль, мечтавший познакомиться с великим поэтом, встретился с ним в 1832 г., когда, посетив его петербургскую квартиру, он сам представился Пушкину и подарил ему уцелевший томик своих «Сказок». Пушкин, восторженно оценивший содержание книги, вручил в ответ бесценную рукопись сказки «О попе и работнике его Балде» с автографом и с дарственной надписью. Именно Пушкин сподвигнул Даля на работу над словарем русского языка и всегда настаивал на скорейшем завершении этой важной государственной миссии. Узнав, что Пушкин, работавший над историей пугачевского бунта, планирует посетить на Урале места, связанные с Пугачёвым, Даль вызвался сопровождать поэта. Позже Пушкин вручит Далю подарочный экземпляр своей книги «История Пугачёва».

Страницы жизни Даля, связанные с Пушкиным, вызывают особый трепет. Пушкин не мог не считать Даля своим другом, хотя некоторые отводят ему роль просто знакомого «солнца русской поэзии». Эту дружескую и горячую человеческую привязанность к Далю продемонстрировал величайший поэт всем окружающим и на своем смертном одре. Ведь именно Даль – врач, видевший в необычных условиях много смертей и спасший множество жизней, – в отличие от других находившихся тут же медиков, приободрял Пушкина, придав умирающему гению надежду, что несомненно облегчило страдания теряющего силы поэта. Именно Даль составил медицинское заключение о последних часах раненого Пушкина. Именно Даль закрыл глаза усопшему поэту. Понимая, что уходит в вечность, Пушкин при всех подарил Далю перстень с изумрудом, а Наталья Николаевна передала на память Далю сюртук своего гениального супруга, последние слова которого тоже были обращены к Далю.

С 1841 г. Даль, получивший бесценный опыт в период деятельности под началом оренбургского генерал-губернатора, был отозван в столицу Российской империи для продолжения работы в центральном аппарате МВД. Он служит сначала чиновником по особым поручениям, а после назначения на должность министра внутренних дел Льва Перовского (брата его бывшего начальника) возглавляет министерскую канцелярию. Но в опубликованном в 1848 г. рассказе Даля «Ворожейка» цензура вновь усмотрела «порицание действий начальства». Выговор от императора получил и сам Даль, и министр внутренних дел. Граф Перовский, сожалеющий о потере своего надежного помощника, желая оградить Даля от неприятностей, направляет его на работу в Нижегородскую губернию, где Владимир Иванович усердно трудится почти 10 лет.

Последние 13 лет жизни Даль посвящает работе над своим главным детищем – «Толковым словарем живого великорусского языка». После издания словаря, включавшего 200 тыс. слов, к Далю приходит заслуженная слава. Он становится почетным членом Общества любителей российской словесности. Полученные им награды и звания (Константиновская золотая медаль Императорского географического общества, Ломоносовская премия от Императорской Академии наук и премия Дерптского университета, звание почетного члена Академии наук) свидетельствовали уже о мировой славе ученого. В конце своей жизни Владимир Даль вдруг узнал, что предки его и не датчане вовсе, а бежавшие еще при царе Алексее Михайловиче от опалы и гонений русские староверы. Обрадованный, он с радостью принимает православие. Но усилия,

которые тратил Владимир Иванович Даль на свои изыскания, сильно подорвали его здоровье. Ставший исследователем жизни и творчества Даля, Мельников-Печерский писал: «Долговременная привычка к постоянному труду, вдруг прекратившемуся, вредно повлияла на здоровье великого трудолюбца». Владимира Ивановича Даля не стало 22 сентября 1872 г. Прах его покоится в Москве на Ваганьковском кладбище.

Активное участие в государственной службе принял и выдающийся русский писатель Иван Александрович Гончаров, причисленный литературоведами к списку представителей Золотого века русской литературы. Эту оценку литератор получил благодаря реализации в своих произведениях высоких замыслов, позволивших ему воздействовать на мышление читателей с гуманистических позиций. Обладая даром наблюдательности, Гончаров, в попытках сохранить духовное богатство общества, мастерски раскрыл в своих трудах душевное состояние героев, самые сокровенные побуждения их души.

И. А. Гончаров (1812–1891 гг.) родился в Симбирске в купеческой семье. После смерти отца воспитание четырех детей взял на себя крестный отец братьев Гончаровых богатый помещик Н. Н. Трегубов. В 1931 г. с учетом страстной тяги юноши к гуманитарным наукам и к сочинительству он успешно сдал экзамены в Московский университет, где вместе с ним получали образование и будущие классики литературы мирового уровня – М. Ю. Лермонтов, И. С. Тургенев, К. С. Аксаков, А. И. Герцен, Н. П. Огарёв, В. Г. Белинский и др. После завершения учебы Гончаров становится секретарем канцелярии симбирского губернатора, но карьера чиновника его не прельщает. В 1835 г. в Петербурге, работая переводчиком в Министерстве финансов, Иван входит в семью Майковых домашним учителем будущего поэта Аполлона Майкова и его братьев, одновременно продолжая свои литературные опыты.

Спустя годы, подлинную известность приносит ему роман «Обыкновенная история», опубликованный в «Современнике» в 1847 г. Сталкивая здесь точки зрения разных героев – идеалиста и реалиста – Гончаров дает понять, что он без колебаний предпочитает буржуазно-капиталистические отношения крепостнической скованности. Но настоящей неожиданной сенсацией для окружающих стало участие Ивана Александровича в кругосветном плавании на фрегате «Паллада». Подобная практика была тогда редкостью в среде литераторов. Благодаря уникальной возможности, за два с половиной года Гончаров посетил Японию, Англию, Индонезию, Китай, Южную Африку, Филиппины, повидал острова и архипелаги

трех великих мировых океанов, а затем проехал сухим путем через всю Россию. Опубликованные рассказы и очерки о кругосветном путешествии и полученном беспрецедентном опыте в 1958 г. Гончаров обобщил в книге «Фрегат "Паллада"». Он многое открывает для себя, наблюдая за большим миром с палубы фрегата. Перед ним отчетливо раскрывается суть эксплуататорских устремлений европейских и северо-американских «цивилизаторов» мира. Автор метко характеризует свойственный колонизаторам неизменный способ завязывания вооруженных конфликтов. В англичанах и буржуазии Соединенных Штатов писатель увидел хищнические устремления, направленные на колонизацию Дальнего Востока. Роман «Фрегат "Паллада"», проникнутый невероятной любовью Гончарова к России и горячо встреченный читателями, вошел в золотой фонд русской классической литературы. Н. А. Добролюбов подчеркивал «эпическую широту» этих очерков Гончарова [3].

Очередной звездный час писателя пробил в 1859 г., когда в «Отечественных записках» был напечатан его роман «Обломов» о «современном русском типе», отчеканенном автором по оценке Н. Добролюбова «с беспощадной строгостью и правильностью». Этот роман Гончаров писал 12 лет. Произведение сразу стало бестселлером, а автор получил высшее признание публики, показав в своем лучшем сочинении, как главному персонажу произведения Илье Ильичу Обломову – идеалисту, ищущему правду, но всюду встречающему ложь, – претят «деятельные страсти». Он везде видит одну бездуховность и суету – «не жизнь, а искажение нормы». «Где же тут человек?» – задается вопросом не сходящий со своего знаменитого дивана апатичный герой. – «Все это мертвецы, спящие люди». Имя самого пассивного героя русской литературы – диванного отшельника Обломова – сразу стало нарицательным для обозначения заглушающего волю и силу духа ядовитого явления, затягивающего в гибельную трясиину ум человека, его мечты, чувства, поступки.

Из рейтинга лучших русских классиков имя Ивана Гончарова не выпадало никогда. Эти сведения делают еще более ценными наши знания о том, что Иван Александрович Гончаров в течение многих лет являлся чиновником Министерства внутренних дел Российской империи. В 1862 г. возглавлять редакцию печатного органа МВД газеты «Северная почта» Гончарова пригласил министр внутренних дел П. А. Валуев, желая, чтобы газета приобрела 10 тыс. подписчиков. После беседы с писателем он сказал своему заму Н. А. Тройницкому, что имя Гончарова «прибавит ... подписчиков» и докажет, что газета будет всемерно способствовать более пристальному зна-

комству читателей со своим Отечеством. Важнейшей задачей этого главного органа печати МВД стало выделение значительной части пространства издания для отражения проблем, связанных с противодействием оппозиционным силам.

Три самых известных романа Гончарова – «Обломов», «Обрыв» и «Обыкновенная история» – изображали Россию дореформенного периода. Его героев объединяет панорама угасающего крепостничества. События, следовавшие за эпохой «Великих реформ», плохо поддавались анализу писателя. После руководства газетой «Северная почта» Гончаров был назначен на должность члена Совета Главного управления по делам печати МВД, осуществлявшего цензуру всей периодики. Выйдя в отставку в чине действительного статского советника, соответствующего должности градоначальников, губернаторов и директоров департамента, И. А. Гончаров оставался членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. Последние годы писатель, не имевший семьи, провел в одиночестве и скончался 27 сентября 1891 г. Похороненный в Александро-Невской лавре, он потом был перезахоронен на Волковском кладбище.

В палисаднике Литературного института на Тверском бульваре, д. 25 стоит памятник родившемуся в этом доме Александру Ивановичу Герцену (1812–1870 гг.) – революционному публицисту, философу и писателю, часть жизни которого также была связана с работой в МВД. Фамилия Герцена как внебрачного сына помещика Ивана Яковлева происходила от немецкого Herz – «сердце». В период учебы на физико-математическом факультете Московского университета вместе с Николаем Огарёвым друзья создали революционный кружок, а через год были привлечены к делу по «заговору, основанному на учении сен-симонизма». После пребывания в тюрьме повелением императора, отменившего смертную казнь, в качестве исправительной меры Герцена отправили в ссылку в Пермь – работать в губернской канцелярии. В 1837 г. по ходатайству Василия Андреевича Жуковского Герцена переводят во Владимир, где также, служа в аппарате губернатора, он редактирует местную газету. Туда же, в качестве супруги, он привозит свою кузину Наталью. Потом, по совету отца, Герцены переезжают в Петербург, где Александр поступает на службу в канцелярию МВД.

Министерством внутренних дел в это время (в 1839–1841 гг.) руководил граф Александр Григорьевич Строганов. Неизвестно, почему А. Г. Строганов оказал свое покровительство Герцену – репрессированному дерзкому смутьяну и вольнодумцу с мятежной душой, и почему, будучи консерватором, не сумел разглядеть в нем опасного для самодержавия бунтаря и революционера. Возможно,

потому, что юношу поддержал В. А. Жуковский. Но Герцен потом отплатил всем им за протянутые руки помощи «по полной». В 1840-е годы, участвуя в идейных баталиях славянофилов и западников, Герцен как один из вождей западников отстаивает осмысленность с его точки зрения вхождения России в «европейский мир».

В 1841 г. в новгородской ссылке Герцен начал трудиться над романом «Кто виноват?», опубликованном спустя пять лет. Проблемы, поднятые в произведении, – от вопросов семьи и брака до идеологии зарождающейся разночинной интеллигенции, – наделали много шума: роман имел широкий резонанс. Резолюция начальника III отделения Л. В. Дубельта гласила: «...я нахожу всю повесть предосудительною». Став после эмиграции нежелательной персоной в области отечественной словесности, Герцен использует литературный псевдоним «Искандер», – однако, прозрачный для читателей. Герои его романа – люди мыслящие, со своим горем от ума. Искромётные персонажи, такие как Бельтов, вынуждены раствориться в серости жизни. Отсюда и вопрос: «Кто виноват?», на который у Герцена не нашлось пророчества. Ведь и сам, он подобно его герою, «нажив и прожив бездну», стал скитальцем на чужбине. Лондон – его новая родина – стал для него его бедой, мучением, проклятием, наказанием.

В материалах его лондонской Вольной типографии доставалось всем. Больше всех Герцен безжалостно клеймит и бичует самодержавие с бесконечным обнародованием придворных тайн, со сценами, сопоставлениями, фактами, фрагментами, разоблачениями и инцидентами из жизни огромного числа представителей верхних этажей власти. В 1857 г. Герцен идет еще дальше и вместе с приехавшим в Лондон другом детства Николаем Огарёвым выпускает первую русскоязычную революционную газету «Колокол», чей первоначальный тираж составлял 5 тыс. экз. Однако после возвращения из ссылки декабристов, тираж стал заметно падать... Популярности «Колоколу» стоила и поддержка Герценом Польши. В июле 1867 г. издание было закрыто.

«Кто умеет жить один, тому нечего бояться лондонской скуки», – пишет Герцен в Романа «Былое и думы». Пережив скептицизм и пессимизм, он не нашел спокойствия и на чужой земле: эмиграция многое, даже все, изменила и перечеркнула в его бурной жизни. Здесь происходят перипетии со страстями, разрушением семейных уз четы Герценов, потом супругов Огарёвых; жизнь артелью, коммунальной в разном сочетании втроем; двойственность обоих писателей с признанием чужих детей своими... Пришедший в отчаяние Огарёв впадает в алкогольную зависимость. Живя на пенсию, назначенную

ему Герценом, и страдая эпилепсией, Николай Платонович Огарёв в возрасте 65 лет умирает на руках у ставшей ему близкой уличной проститутки после падения в канаву. Сам Герцен умер от простуды после публичной лекции 21 января 1870 г. в Париже, куда прибыл с женой – вдовой Огарёва Тучковой – и двумя дочерьми по семейным делам. Впоследствии прах Герцена был перенесен в Ниццу. Двое детей-близнецов Герцена и Тучковой умерли от дифтерии, а дочь Елизавета, родившаяся в 1858 г., покончила жизнь самоубийством в 1875 г. из-за неразделенной любви. Многие потомки Герцена ныне проживают в России.

Представленные в очерке национальные таланты как виртуозные художники слова и по совместительству государственные служащие в своем большинстве являлись духовно богатыми членами общества, хорошо осознающими свою воспитательную и патриотическую роль и транслирующими через свои творения важную доктрину: что без государственного сознания нет прочного государства. Включившись в рамках службы в процессы госуправления, они еще глубже постигали философию и логику жизни, что положительным образом сказывалось на их творчестве. Государственная служба помогала литераторам, чьи судьбы тесно переплелись с судьбой МВД, создавать самобытный, но максимально приближенный к настоящей российской действительности, портрет той эпохи. Для сегодняшних сотрудников органов внутренних дел – почитателей таланта показанных в очерке знаменитых представителей Золотого века русской литературы – они по-прежнему являются источником культуры и высокой профессиональной нравственности. Это означает, что гражданский подвиг этих служителей чинов и муз продолжается.

Список литературы:

1. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений : в 3 т. / под ред. Ф. М. Головенченко. М., 1948. Т. 3.
2. *Блудов Д. Н.* Большая российская энциклопедия 2004–2017 : в 30 т. М., 2004.
3. *Добролюбов Н. А.* Полное собрание сочинений : в 6 т. М.; Л., 1934, Т. 1. С. 389–390.
4. *Пушкин А. С.* Сочинения : в 3 т. М., 1955. Т. 3. С. 144.
5. *Усов П. С.* Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский): его жизнь и литературная деятельность. СПб., М., 1897. С. 1–316.

Рустем Загирович Амиров,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры истории и теории государства и права
Уфимский юридический институт МВД России
E-mail: amirov_rus@bk.ru

Полиция Российской империи: военизированные императивы организации и деятельности

Аннотация

Угрозы внутренней безопасности государства могут приобретать крайние формы, требующие применения с его стороны вооруженного насилия, что предполагает наличие военизированных императивов в организации и деятельности субъектов, противодействующих подобным угрозам. В современных условиях они проявляются в различных формах: сопряженные с насилием массовые беспорядки; насильственный экстремизм и терроризм, как крайняя форма его проявления; деятельность незаконных вооруженных формирований, диверсионно-разведывательных групп и т. п. Построенная на регулярной основе полиция Российской империи с момента своего образования представляла военизированную организацию. К полицейской службе привлекались кадровые и отставные военнослужащие, для содействия полиции прикомандировывались воинские подразделения, создавались военно-полицейские формирования; полицейские и военнослужащие взаимодействовали в процессе обеспечения общественного порядка, особенно в период действия особых правовых режимов. В статье анализируются положения отдельных нормативных правовых актов Российской империи, регламентирующих вопросы взаимодействия между полицией, воинскими формированиями и воинскими начальниками. Анализ и использование исторического опыта применительно к современным условиям способствует повышению эффективности деятельности МВД России по противодействию угрозам внутренней безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова и словосочетания: полиция; полицейская функция; внутренняя стража; жандармерия; воинское формирование; внутренняя безопасность.

Уже с момента создания полиции как государственного учреждения, осуществляющего свою деятельность на регулярной основе,

возникли проблемы, связанные с кадровым обеспечением ее деятельности. Причинами были не только сложность и непопулярность полицейской службы, но и то, что приказная бюрократия противодействовала нововведениям в государственном управлении, а способные к осуществлению государственных функций кадры предпочитали гражданской службе военной, как более престижную. В городах полицейские функции исполнялись старостами, сотскими и пятидесятскими, однако такая форма полицейского самоуправления была малоэффективна, а освобождение от этой повинности считалось оказанием особой милости. Существующие кадровые проблемы решались посредством направления военнослужащих для комплектования полиции. В июне 1718 г. 90 военнослужащих были направлены в распоряжение вновь образованного Санкт-Петербургского генерал-полицмейстерства. По данным на 1727 г., четыре воинские команды, включавшие четыре офицера, четыре капрала и 40 солдат, состояли при Главной полицмейстерской канцелярии [2, с. 44]. В докладе полицмейстерской канцелярии от 13 марта 1733 г. «Об учреждении полиции в городах» отмечалась необходимость «ко управлению полицейскому определить из имеющих в тех губерниях гарнизонов в полицмейстеры, а в губернских из капитанов, а в провинциальных из поручиков по одному человеку к тому достойных, да для караулов и содержания съезжих дворов по одному унтер-офицеру, да по капралу, рядовых в губернских по 8, в провинциальных по 6 человек»¹. Полицейские команды пополнялись унтер-офицерами и нижними чинами из состава воинских гарнизонов, руководящие должности замещались, как правило, армейскими офицерами. В середине XVIII в. на службу в полицию направлялись преимущественно «неспособные чины 2-го разряда» (признанные негодными к строевой службе) [4, с. 35]. Еще одним способом пополнения полицейских кадров являлась практика привлечения на службу отставных военнослужащих.

С образованием регулярной полиции в городах, в сельской местности военнослужащие продолжали осуществлять функции земской полиции, на что указывают как дореволюционные, так и современные исследователи. [1, с. 206]. Прежде всего это относится к практике расквартирования полевых войск в уездах [3, с. 204]. В 1724 г. издается ряд правовых актов, возлагавших на воинские части полицейские функции в полковых дистриктах: «Плакат о зборе подушном

---

¹ Российское законодательство X–XX веков. Законодательство периода расцвета абсолютизма : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984–1994. Т. 5. С. 157.

и прочем»¹; инструкции полковникам и земским комиссарам², именной указ «О должности полковника по наблюдению земской полиции в уезде, определенном для квартирования и продовольствия того полка»³. Командиры расквартированных полков были обязаны высылать воинские команды для поимки «воров и разбойников», по требованию гражданской администрации. Пункт 17 «Инструкции пехотного полку Полковнику» 1764 г. обязывал его «требовать от начальников тех городов, где он квартиру имеет, чтоб ... все до Полиции городской принадлежащая учреждения безотговорочно от стороны жителей и мещан исправлялись»⁴.

Недостаточная эффективность функционирования административного и полицейского аппарата на местах, особенно проявившаяся в годы Крестьянской войны 1773–1775 гг., потребовала проведения реформы системы государственного управления, в том числе и определенной милитаризации полицейской деятельности. Так, в уездных городах, управлявшихся военными комендантами, в их подчинение переходила городская полиция, что предусматривалось «Учреждениями для управления губерний»⁵. Еще более военизированным управление полицией стало в период правления Павла I. В соответствии с именной указом от 20 мая 1800 г., в городах полиция была подчинена военным губернаторам и комендантам, а в их отсутствие – батальонным командирам, и лишь в последнюю очередь – городничим. В начале XIX в. в Российском государстве отсутствовала упорядоченная система полицейского управления. Полицейские формирования были подчинены министерству внутренних дел, военному ведомству, гражданской администрации, что вызывало определенные трудности в осуществлении ими своих функций. Вступивший на престол Александр I своим Указом от 11 мая 1801 г. ограничил полномочия органов военного управления в руководстве полицией, оставив такое право за военными губернаторами, наделенными гражданской властью, а также военными губернаторами Санкт-Петербурга и Москвы. В п. 4 Указа оговаривалось, что «шефы полков, также полковья и батальонья командиры и прочие воинские начальники не должны входить в управление ни горо-

---

¹ Там же. Т. 4. С. 202–212.

² ПСЗ : в 50 т. Собр. 1-е. СПб, 1830–1851. Т. VII. № 4328.

³ Там же. № 4535.

⁴ Указы всепресветлейшия державнейшия Великия Государыни Екатерины Алексевны самодержицы всероссийския, состоявшиеся в 1764 году. М., 1793/94. С. 557.

⁵ Учреждения для управления губерний от 7 ноября 1775 г. // Российское законодательство X–XX веков. Законодательство периода расцвета абсолютизма : в 9 т. М., 1984–1994. Т. 5. С.170–295.

дом, ни городской полицию, а оставаться только при исправлении порученной им воинской части»¹.

В соответствии с Указом от 24 октября 1803 г. «О средствах к исправлению полиции в городах»², полиция городов, управляемых городничими, подчинялась военным губернаторам, наделенным гражданской властью и возглавлялась полицмейстером, имеющим опыт государственной службы (в том числе военной). Полиция губернских и уездных городов, в которых имелись коменданты, возглавлялась также полицмейстером, непосредственно подчиненным военному губернатору. Коменданты руководили воинской полицией и не могли вмешиваться в дела городской полиции. В крепостях и в небольших городах, где гарнизон и крепость составляли «самую главную часть», вся полиция была подчинена коменданту. В военных и смешанных (военных и купеческих) портах полиция управлялась «без всякаго изъятия» морским начальником на правах военного губернатора. Он же выбирал кандидатов на должность полицмейстера. В соответствии с составленной в 1804 г. ведомостью Инженерной экспедиции, в 33 крепостях и укреплениях, 33 городах с крепостями и 11 городах с портами полиция была подчинена воинскому начальству [5, л. 46–49, 54–60]. Согласно дополнениям от 14 апреля 1887 г. в «Положение об управлении крепостями», полиция крепостного района переходила в подчинение коменданта при объявлении крепости на военном положении. Соответствующие нормы были включены в редакцию Положения от 15 сентября 1901 г.³

Значительно расширялись права военных властей по управлению полицией в условиях действия особых правовых режимов (особенно военного положения), при подавлении вооруженных антиправительственных выступлений. «Учреждение для управления Большой действующей армии» 1812 г. устанавливало, что в условиях ведения войны земская полиция подчиняется коменданту Главной квартиры в местах дислокации действующей армии⁴. В соответствии с «Правилами для управления Главнокомандующим действующей армии в губерниях, объявленных на военном положении»⁵, полицией руководил главнокомандующий. При подавлении восстания в Царстве Польском в 1863 г. на его территории было введено военно-полицейское управление. Статьей 10 именного указа, объяв-

---

¹ ПСЗ : в 50 т. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. XXVI. № 19866.

² Там же. № 21007.

³ ПСЗ : в 48 т. Собр. 3-е. СПб., 1885–1916. Т. XXI. № 20642.

⁴ Учреждение для управления Большой действующей армии. СПб., 1812.

⁵ ПСЗ : в 50 т. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. XXXII. № 25035.

ленного в приказе Военного Министра 31 декабря 1863 г., «О военно-полицейском управлении в Царстве Польском» устанавливалось, что «Военным уездным Начальникам подчиняются непосредственно нынешние гражданские уездные Начальники и их Управления, а равно все местные власти и установления, заведывающие в уездах делами полицейского ведомства»¹. Согласно Инструкции об отношениях Военно-уездных Начальников к начальникам войск в Царстве Польском, «Военно-уездные Начальники заведывают всеми действиями полиции в уезде и первоначальными расследованиями и допросами по политическим делам»².

Военизированные императивы деятельности полиции находили свое выражение и в форме прикомандирования воинских подразделений для выполнения полицейских функций. С 1732 г. из петербургского гарнизона ежегодно направлялись в распоряжение полиции шесть унтер-офицеров, 16 капралов и 120 рядовых. В Москве на каждый съезжий двор определялись два офицера, два урядника, шесть солдат и барабанщик. К столичным полицмейстерским канцеляриям прикомандировывались роты драгун для осуществления патрульной службы. В конце XVIII в. при управе благочиния г. Ревеля состояли пехотное и артиллерийское подразделения. В 1797 г. в пехотной роте состояло: офицеров – 5, унтер-офицеров – 10, рядовых – 60. Для них была учреждена особая форма: темно-синий кафтан с красными лацканами, камзол и штаны красные. В штат артиллерийской команды входили: унтер-офицер, шпик-юнкер и 24 рядовых [7, л. 147–148]. Количество приданных полиции воинских чинов зависело от существующих внутренних и внешних угроз безопасности, при этом имея общую тенденцию к увеличению. Так, численность полевых драгунских рот, выполнявших полицейскую службу в Петербурге, в разные годы XVIII в. составляла от 57 до 118 чел. Именным указом от 8 мая 1754 г. две роты из состава полевых и драгунских полков направлялись в Москву для «караулов, разъездов патрулингом и искоренения воров»³. Московский обер-полицмейстер В. И. Толстой (1765–1770 гг.) высоко оценивал эффективность данной меры в борьбе с преступностью, отмечая, что в отсутствие гусарских разъездов «полицейскую одну команду и справиться и в поимке воров успеха сделать за невозможное предвидится» [6, л. 1]. Несмотря на это в просьбе генерал-губернатора Москвы П. С. Салтыкова о выделении до сотни кавалеристов

¹ ПСЗ : в 55 т. Собр. 2-е. СПб, 1830–1885. Т. XXXVIII. Отд. II. № 40456.

² Там же. Т. XXXVIII. Штаты и таблицы к № 40456.

³ ПСЗ : в 50 т. Собр. 1-е. СПб, 1830. Т. XIV. № 10227.

в помощь полиции Военной коллегией было отказано под предлогом «отсутствия по близости к Москве конных полков» [6, л. 1]. Данный пример является иллюстрацией типичной ситуации, когда военное ведомство всячески противилось направлению воинских команд для выполнения полицейской службы, что было характерно для всех периодов российской истории. Однако в ситуациях обострения угроз внутренней безопасности России требовалось отказываться от узковедомственных интересов. По мнению московского генерал-губернатора А. А. Беклешова (1804–1806 гг.), одно лишь появление военных кавалерийских разъездов оказывало дисциплинирующее воздействие на обывателей: «В разъездах команда в полном виде воинского штата боле на удержание порядка сама по себе имеет влияние, и составляет самой службе боле чести, нежели просто гражданская стража ... в публике почитаемая за инвалидов, следовательно, не уважаемых как должно» [8, л. 101–102]. Взаимодействие между полицией и армией организовывалось при выполнении других многочисленных функций, в частности, при тушении пожаров¹.

Воинские уставы предписывали военным служащим оказывать содействие полиции в обеспечении правопорядка и внутренней безопасности государства. В их различных редакциях особо указывалось, что «воинский чин есть слуга Государя и Отечества и защитник их от врагов внешних и внутренних», в духе чего и должен был воспитываться личный состав вооруженных сил. В случае обращения полицейского, при исполнении им своих служебных обязанностей, за содействием к военному служащему, последний был обязан «оказать ему таковое, если только сам не исполняет в это время возложенного на него начальством поручения»².

3 июля 1811 г. было принято «Положение для Внутренней Стражи», предусматривавшее право полицейских чинов привлекать для выполнения полицейских функций до роты из состава Корпуса внутренней стражи (далее – КВС)³. Жандармы КВС, представлявшие собой военным служащих «исправнейших и преимущественно служивших в кавалерии», прикомандировывались к обер-полицмейстерам столичных городов⁴. Полиция взаимодействовала с образованным в 1827 г. Корпусом жандармов, а с 1836 г. Отдельным корпусом жандармов как самостоятельным воинским соединением

¹ Там же. Т. XIV. № 10227, 10253.

² ПСЗ : в 48 т. Собр. 3-е. СПб, 1885–1916. Т. X. № 6972.

³ ПСЗ : в 50 т. Собр. 1-е. СПб, 1830. Т. XXXI. № 24704.

⁴ Там же. Т. XXXIV. № 26643.

с правами армии, вошедшим в 1880 г. в состав МВД в связи с обострением угроз внутренней безопасности империи.

Уволенные с военной службы по ранению офицеры (участники Отечественной и Крымской войн) имели приоритет в замещении вакантных должностей полицмейстеров, городничих и исправников¹. Положением Комитета министров от 23 июня 1853 г. был утвержден штат городских полицейских команд, согласно которому нижние чины для комплектования полиции по-прежнему должны были направляться военным ведомством по запросам губернаторов. Штат полицейской команды определялся количеством городского населения и составлял в городах с населением менее 2 тыс. чел. — пять рядовых; с населением от 2 тыс. до 5 тыс. чел. — один младший унтер-офицер и девять рядовых, и т. д.² Применялись меры по стимулированию военнотружущих, переходящих на службу в полицию. Именным указом от 19 мая 1847 г. нижним чинам, поступившим на службу в Санкт-Петербургскую полицию из военного ведомства, назначалось «добавочное жалованье по окладу тех войск, в коих они находились до поступления в полицию», которое «по прослужении в ней безпорочно пяти лет» переводилось в пенсионные выплаты³.

Реформы, проводимые Александром II, затронули и полицию. Именным указом от 4 июля 1873 г. военное ведомство освобождалось от обязательного назначения нижних чинов в полицейские и пожарные команды, которые должны были пополняться вольнонаемными людьми⁴. Однако новые правила комплектования полиции имели некоторые исключения. По представлению Наместника Кавказа, в соответствии с высочайше утвержденным положением Кавказского комитета от 2 марта 1874 г., в Закавказском крае полицейские и пожарные команды по-прежнему комплектовались военнотружущими⁵.

Таким образом, военизированные императивы организации и деятельности полиции Российской империи находили свое проявление в следующих основных направлениях: 1) создававшиеся с 1718 г. органы городской полиции первоначально комплектовались, как правило, воинскими чинами, причем практика отдавать приоритет кадровым и отставным военнотружущим имела место

---

¹ ПСЗ : в 55 т. Собр. 2-е. СПб, 1830–1885. Т. VI. № 4406, 4731; Т. XXXI. Ч. 1. № 30098.

² ПСЗ : в 55 т. Собр. 2-е. СПб., 1830–1885. Т. XXVIII. Ч. 2. Штаты и таблицы к № 27372.

³ Там же. Т. XXII. № 21228.

⁴ Там же. Т. XLVIII. Отд. II. № 52438.

⁵ Там же. Т. XLIX. Отд. I. № 53212.

и в более поздний период (в том числе и в земскую полицию), характеризовавшийся кадровой политикой, основанной на вольном найме кандидатов на полицейские должности; 2) как отдельные военнослужащие, так и воинские команды и подразделения придавались для оказания содействия полиции по обеспечению «порядка и благочиния»; 3) при осуществлении функций по обеспечению правопорядка полиция взаимодействовала как с военно-полицейскими формированиями (внутренняя стража, жандармерия), так и с армейскими частями и подразделениями (гарнизонные, местные, полевые войска); 4) в установленных законодательством случаях руководство полицией осуществляли органы военного управления (военные губернаторы, коменданты, военно-уездные начальники и др.).

Использование исторического опыта может найти отражение в активизации работы по привлечению к службе в МВД России лиц, имеющих опыт военной службы (в том числе участников специальной военной операции), в увеличении штатного состава военизированных формирований (на основе отрядов специального назначения «Гром») в составе МВД России, в процессе дальнейшего совершенствования взаимодействия полиции с Росгвардией, военной полицией и другими воинскими формированиями по обеспечению внутренней безопасности Российской Федерации.

Список литературы:

1. *Анисимов Е. В.* Пётр Первый: рождение империи // История Отечества: люди, идеи, решения : Очерки истории России IX – нач. XX вв. / сост. С. В. Мироненко. М., 1991. 365 с.
2. *Кириллов И. К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. 443 с.
3. *Ключевский В. О.* Сочинения : в 9 т. // Подушная подать и отмена холопства в России: статьи. М., 1990. Т. VIII. 445 с.
4. *Мулукаев Р. С.* Полиция в России (IX в. – нач. XX в.). Нижний Новгород, 1993. 104 с.
5. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Ч. 1. Д. 413.
6. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 784.
7. РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 1.
8. РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 339.

Валерий Петрович Баранов,
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации, Республики Татарстан,
вице-президент Академии военных наук
генеральный инспектор МО РФ,
главный научный сотрудник Научного центра
стратегических исследований
Федеральной службы войск национальной гвардии,

Деятельность органов и войск НКВД СССР по обеспечению обороноспособности и внутренней безопасности в период Великой Отечественной войны

Аннотация

В статье проведен анализ деятельности органов и войск НКВД СССР в период Великой Отечественной войны, показана роль личного состава органов и войск НКВД СССР в обеспечении государственной и общественной безопасности в годы войны, развитии военной промышленности и укреплении обороноспособности Советского Союза.

Ключевые слова и словосочетания: *Великая Отечественная война; органы и войска НКВД СССР; внутренние войска; Советский Союз; Красная армия; противник; экономика страны.*

Великая Отечественная война потребовала от государства, советского народа сосредоточения всех сил и возможностей для организации отпора немецко-фашистским захватчикам и их союзникам. Была проведена перестройка работы всего государственного аппарата, системы функциональных обязанностей, перестройка всего уклада жизни страны и народного хозяйства. Она коренным образом затронула органы и войска НКВД СССР.

Основными направлениями деятельности органов и войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны являлись следующие.

1. Органы и войска НКВД СССР с первых часов войны вступили в схватку с немецко-фашистскими захватчиками. Восемь западных пограничных округов: Мурманский, Карело-Финский, Ленинградский, Белорусский, Украинский, Молдавский, Черноморский в ночь на 21 июня скрытно заняли свои позиции. А начальник

ГВПУ НКВД СССР генерал-лейтенант Г. Г. Соколов находился в 87-м пограничном отряде Белорусского пограничного округа. Около 100 тыс. пограничников – сухопутных, 6 морских пограничных отрядов, 9 отдельных пограничных комендатур и 11 полков оперативных войск НКВД – насмерть держали границу страны, нанеся первые потери врагу. А в дальнейшем во многих случаях использовались военным командованием на направлениях, где надо было совместно с воинскими частями Красной армии любой ценой задержать наступление врага. Брест – 132-й отдельный батальон конвойных войск, Киев – 4-я дивизия войск НКВД по охране железнодорожных сооружений, Ленинград – 1, 8, 21, 22, 23-я стрелковые дивизии, на южных и юго-западных направлениях – 5, 13, 19-я дивизии, 43, 71-я, стрелковые бригады войск НКВД, под Москвой – четыре дивизии и две бригады войск НКВД, Сталинград – 10-я стрелковая дивизия войск НКВД.

При обороне Кавказа были сформированы: Орджоникидзевская, Грозненская и Махачкалинская дивизии войск НКВД, отличились 11-я стрелковая и Сухумская дивизии войск НКВД.

2. На органы НКВД СССР была возложена задача организации охраны высших должностных лиц государства.

20 июля 1941 г., в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об объединении Народного комиссариата внутренних дел и Народного комиссариата государственной безопасности в единый Народный комиссариат внутренних дел Союза ССР», 1-й отдел и Управление коменданта Московского Кремля вошли в состав объединенного НКВД СССР.

В дополнение к охраняемым объектам (здания наркоматов, государственные дачи, комплекс домов ЦК ВКП(б) на Старой площади и т. д.) на 1-й отдел НКВД СССР была возложена обязанность охраны особо важных пунктов размещения Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК) Генерального штаба Красной армии.

В августе из сотрудников 1-го отдела сформировали группу фельдъегерей для доставки совершенно секретных документов Генерального штаба.

14 апреля 1943 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Народного комиссариата государственной безопасности СССР». В структуре НКГБ отдел государственной охраны значительно повысил свой статус. С этого времени 1-й отдел стал 6-м Управлением охраны руководящих кадров партии и правительства.

Большой комплекс мер по обеспечению безопасности охраняемых лиц выполнялся личным составом подразделений 1-го отдела

НКВД – 6-го НКГБ СССР во время организации поездок по стране (их было 118) и за рубеж (19 командировок). Мероприятия проводились во взаимодействии с органами контрразведки, разведки, внутренних дел, Наркомата обороны, службами Наркомата иностранных дел.

Особо сложные задания приходилось выполнять при поездках охраняемых лиц на фронт и в прифронтовые районы. В этих случаях достаточно активно использовались различные виды транспортных средств. Так, за время войны из 157 поездок охраняемых лиц на фронт и в прифронтовые районы 68 были совершены самолетами, 59 – поездами, 30 – автомобилями.

Совместными усилиями сотрудников НКВД – НКГБ СССР была обеспечена безопасность 15-ти визитов глав иностранных делегаций в СССР, в числе которых было пребывание в нашей стране У. Черчилля (дважды), Ш. де Голля, Э. Бенеша, И. Б. Тито, А. Идена и других гостей.

Всего за годы войны было проведено более 800 специальных охранных мероприятий. При этом потерь среди охраняемых лиц не было, а материальный ущерб, причиненный бомбардировками врага охраняемым объектам, можно оценить как минимальный. С созданием Государственного Комитета Обороны на НКВД (Л. Берия) были возложены дополнительные функции: контроль за выполнением решения по производству самолетов и моторов, формирование ВВС, в дальнейшем – контроль за производством вооружения, минометов, боеприпасов, танков и наблюдение за работой трех наркоматов: нефтяной, угольной промышленности и путей сообщения.

С 1944 г. Л. Берия назначается заместителем председателя ГКО и председателем оперативного бюро ГКО, на которое возлагается контроль за выполнением всех решений ГКО.

3. На органы и войска НКВД в самый тяжелый период войны из-за отсутствия подготовленных офицерских кадров и младшего командного состава в Красной армии было возложено формирование 15-ти стрелковых дивизий для защиты Москвы.

В состав РККА из войск НКВД был передан ряд высших офицеров, которые были назначены на командные должности: генерал-лейтенант П. А. Артемьев – командующий Московским военным округом, нарком НКВД Л. Берия приказом Ставки Главного командования от 29 июня 1941 г. № 00101 был введен в состав Военного совета Московского военного округа генерал-майор Ф. К. Телегин – членом Военного Совета Московского военного округа. 14 июля ставкой ВГК был издан приказ № 00334 о создании резервного

фронта в составе шести армий (24, 28, 29, 30, 31, 32), четырьмя из них командовали генералы НКВД: 24 А – генерал-майор К. И. Ракутин, 29 А – генерал-лейтенант И. И. Масленников, 30 А – генерал-майор В. А. Хаменко, 31 А – генерал-майор В. Н. Долматов. Командующим фронтом резервных армий был назначен генерал-лейтенант И. А. Богданов. 30 июля 1941 г. фронт резервных армий был преобразован в резервный фронт под командованием генерала-армии Г. К. Жукова. Богданов стал его заместителем.

В 1941 г. из работников НКВД Краснодарского края, Молдавии, Украины, Ростовской области была сформирована бригада, в ноябре 1941 г. она была преобразована в дивизию.

В октябре 1942 г. началось формирование Отдельной армии войск НКВД (впоследствии – 70-я армия) в составе шести дивизий, которая с февраля 1943 г. была передана в состав Красной армии и приняла активное участие в Курской битве.

Всего с начала Великой Отечественной войны НКВД СССР сформировал и передал в состав Народного комиссариата обороны СССР 29 дивизий.

4. В предвоенный период в структуре Наркомата внутренних дел было образовано Главное управление местной противовоздушной обороны (далее – ГУМПВО). Советское правительство видело в системе местной противовоздушной обороны (далее – МПВО) неотъемлемую часть общей системы обороны страны.

ГУМПВО НКВД СССР работу штабов МПВО городов, являющихся рабочим аппаратом горисполкомов, направляло через управления МПВО, отделы МПВО и отделения МПВО, созданные в составе НКВД республик и НКВД краев и областей.

За инженерно-противохимическими частями войск ГУМПВО НКВД СССР были закреплены наиболее важные объекты с задачей обеспечения на этих объектах работы по ликвидации авианалетов.

К концу 1941 г. в СССР было создано более 80 тыс. групп самозащиты МПВО (более 5 млн чел.) и дополнительно обучено около 40 млн чел. Более 1 млн чел. было привлечено к строительству укрытий и убежищ, и в результате к концу 1942 г. вместимость бомбоубежищ возросла от 1,2 до 66,7 млн укрываемых человек. В 600-километровой зоне от линии фронта был введен режим полной светомаскировки (за это тоже отвечало МПВО).

К началу 1944 г. кадровый состав МПВО насчитывал около 222 тыс. чел., которые участвовали в ликвидации последствий авианалетов, разборе завалов, восстановлении зданий и сооружений, электрических, водопроводных и канализационных сетей. Форми-

рования МПВО проводили обезвреживание неразорвавшихся снарядов, разминирование зданий и местностей, возводили убежища.

Санитарные дружины оказали помощь более 136 тыс. раненым и пострадавшим.

Противопожарная служба ликвидировала более 10 тыс. пожаров и 77 тыс. возгораний.

Служба связи и оповещения оборудовала более 200 узлов связи, 3 570 электросирен и 4 500 мощных динамиков.

Бойцы аварийно-восстановительной службы МПВО восстановили 187 км водопроводных и канализационных магистралей, более 15 тыс. жилых домов, 205 мостов и 150 промышленных предприятий. Обезвредили и уничтожили 432 тыс. неразорвавшихся авиабомб, 3 765 тыс. снарядов и мин.

5. Охрана тыла действующей Красной армии была возложена на войска НКВД. На каждом фронте было сформировано управление войск НКВД по охране тыла с целью противодействия врагу в тылу фронта и окрестных районах. Они оперативно подчинялись командующему фронтом и выполняли все его указания по охране тыла. А также подчинялись Наркомату внутренних дел СССР.

В состав управления, в зависимости от протяженности фронта входило 3-5 полков. С выходом к Государственной границе СССР было сформировано 6 дивизий по 5 полков каждая (57, 58, 59, 60, 61, 62-я, стрелковые дивизии войск НКВД). К концу войны в охране тыла фронтов участвовало 57 полков войск НКВД общей численностью более 85 тыс. чел.

Всего за годы войны органы военной контрразведки совместно с войсками НКВД по охране тыла действующей Красной армии обезвредили 30 тыс. шпионов, около 3 500 диверсантов и свыше 6 тыс. террористов. Более половины из этого числа были задержаны в 1943 г.

Территориальная оборона республик, краев и областей вне зоны боевых действий была возложена на Наркомат внутренних дел (органы и войска НКВД с привлечением сформированных местных истребительных батальонов).

За годы Великой Отечественной войны в тыловых областях Советского Союза органами внутренних дел и госбезопасности были задержаны 1 854 германских агента, у которых были изъяты 34 376 коротковолновых радиостанций. При этом органами НКВД были обезврежены 172 диверсионные группы, в состав которых входили: 554 агента, 35 разведывательно-диверсионных групп (в составе 302 агентов противника), 109 диверсантов-одиночек, 242 раз-

ведывательные группы (в которые входили 663 немецких агента) и 224 разведчика-одиночки.

При этом 681 немецкий агент добровольно явился в органы власти и сообщил о полученном от немецкой разведки задании, остальные были задержаны в процессе проведения оперативного розыска заброшенных агентов.

127 германских агентов при задержании оказали сопротивление и были убиты в процессе завязывавшихся перестрелок.

Согласно архивным данным, за период 1941–1945 гг. органами НКВД и органами госбезопасности НКГБ СССР всего было арестовано 452 292 чел., причем 227 742 из них – на территориях, освобожденных от временной оккупации немецкими войсками.

При этом арестованным предъявлялись обвинения в совершении следующих преступлений: измена Родине – 37 056 чел.; шпионаж – 18 583 чел., в том числе за шпионаж в пользу Германии – 15 976 чел. (3 136 из них были арестованы в тылу), в пользу Японии – 403 чел., в пользу других разведок – 2 204 чел.; предательство и пособничество врагу – 142 105 чел.; участие в повстанческих организациях и бандитизме – 25 919 чел.; в терроризме и террористических намерениях – 5 089 чел. (3 495 из них в советском тылу); диверсия и диверсионные намерения – 1 771 чел.; вредительство – 2 724 чел.; саботаж – 4 789 чел.

6. Важное значение имело проведение органами и войсками НКВД борьбы с бандитизмом и дезертирством, осуществление депутатий. В первом периоде войны борьба с дезертирством являлась основной задачей органов НКВД СССР. Только с 22 июня по 10 октября 1941 г. было задержано 657 364 военнослужащих, дезертировавших с фронта или отставших от своих воинских частей. Из них 25 878 было арестовано, а 632 486 чел. были направлены во вновь сформированные воинские части и отправлены на фронт.

Борьба с бандитизмом во время войны условно делится на два этапа.

Первый этап: июнь 1941 г. – 1943 г. характеризуется борьбой с созданными немецко-фашистскими спецслужбами бандитскими формированиями в тылу Красной армии в отдельных районах страны, главным образом на Кавказе.

Второй этап: 1944 г. – весна 1945 г. – борьба с националистическим подпольем и бандитизмом в Западной Украине, Западной Белоруссии, Прибалтике.

В январе 1943 г. было создано Управление внутренних войск НКВД Северо-Кавказского округа, в феврале 1943 г. – Управление внутренних войск НКВД Украинского округа. В апреле 1944 г.

было создано Управление внутренних войск НКВД Белорусского округа, а в декабре того же – создано Управление внутренних войск Прибалтийского округа войск НКВД.

В целом за годы Великой Отечественной войны войска НКВД провели 9 292 операции по борьбе с бандгруппами, в результате которых было уничтожено 47 451 чел. и захвачено 99 732 бандита. Кроме того, пограничными войсками НКВД было ликвидировано 828 банд, общей численностью 48 тыс. чел.

В целях сужения социальной базы, подпитывающей бандитизм, по решению руководства страны, органами и войсками НКВД были проведены специальные операции по переселению отдельных народов Поволжья, Северного Кавказа, Крыма и отдельных категорий граждан Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии в восточные и южные районы страны:

- Указом Президиума ВС СССР от 28 августа 1941 г. была ликвидирована Автономная Республика немцев Поволжья. Всего было переселено до 950 тыс. немцев Поволжья. 367 тыс. немцев было депортировано в республику Коми, на Урал, в Казахстан, Сибирь, Алтай;

- Указом Президиума ВС СССР от 12 октября 1943 г. были депортированы 62 267 карачаевцев в Казахскую и Киргизскую ССР;

- постановлением СНК СССР от 28 декабря 1943 г. было депортировано 93 139 калмыков в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области;

- 31 августа 1944 г. постановлением ГКО было принято решение об упразднении Чечено-Ингушской АССР и депортации чеченцев и ингушей в Среднюю Азию и Казахстан; всего в период с 23 февраля 1944 г. по 9 марта 1944 г. было переселено 493 269 чел.;

- 5 марта 1944 г. постановлением ГКО было принято решение о выселении балкарцев. Всего было выселено 37 103 чел.;

- 11 мая 1944 г. были приняты постановления о депортации крымских татар с Крыма, 29 мая 1944 г. – греков с территории Краснодарского края и Ростовской области. Всего из Крыма было выселено 228 543 чел. Из них 191 014 – крымские татары;

- постановлением ГКО от 31 июля 1944 г. из пограничных районов Грузинской ССР были выселены турки-месхетинцы, хемшлы – всего 45 416 чел. в Казахскую, Киргизскую, Узбекскую ССР.

На органы НКВД была возложена задача по обустройству, охране и трудовому использованию спецпереселенцев.

7. Органы и войска НКВД сыграли большую роль в развёртывании партизанского движения, создании диверсионных групп и отрядов по борьбе с врагом на оккупированных территориях. До соз-

дания штаба партизанского движения в мае 1942 г. более 25 тыс. истребительных отрядов влились в ряды партизан. Диверсионные группы пустили под откос 46 вражеских эшелонов, уничтожили 46 самолетов, 214 танков, 1 684 автомашины, 103 железнодорожных моста, более 51 тыс. вражеских солдат и офицеров.

27 июля 1941 г. началось формирование Особой группы при НКВД СССР, руководитель – старший майор госбезопасности П. А. Судоплатов, в последующем 2-й отдел НКВД, а подчиненные ему воинские части были преобразованы в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (далее – ОМСБОН), в ее составе было около 25 тыс. чел., из них 2 тыс. иностранцев.

Основу бригады составляли сотрудники НКВД, НКГБ, военнослужащие пограничных и внутренних войск. Чемпионы Советского Союза и лучшие спортсмены по всем видам спорта добровольно вступили в бригаду (С. С. Щербаков, Н. Ф. Королёв – бокс, братья С. И. и Г. И. Знаменские, А.Х. Исаев – легкая атлетика, Н.И. Шатов – тяжелая атлетика, Л. А. Кулакова – лыжи).

К осени 1942 г. в тыл врага было заброшено 58 диверсионных отрядов. Всего за время войны из состава ОМСБОН 212 отрядов и групп общей численностью 7 316 чел. действовали в тылу врага.

В целом в результате действий бригады было пущено под откос 1 415 вражеских эшелонов с живой силой, техникой, боеприпасами, горючим, а также 5 бронепоездов; уничтожено 1 232 паровоза; 13 181 вагонов, платформ и цистерн; 2 323 автомашины, тягачей, мотоциклов; подорвано 92,2 км рельсовых путей; взорвано 335 железнодорожных и шоссейных мостов.

Движение поездов приостанавливалось более 450 раз. Было уничтожено 145 танков и бронемашин, сбит 51 самолет. Выведено из строя около 700 км кабеля телефонно-телеграфных линий, в том числе до 240 км кабеля, связывавшего командование немецкого Восточного фронта с гитлеровской ставкой. Осуществлено более 400 других диверсионных актов, в результате которых, в частности, было взорвано и сожжено 344 промышленных предприятия и склада. Также было проведено 1 084 боевых столкновения с противником, разгромлено 122 гарнизона, жандармских и полицейских управлений, комендатур и штабов.

В открытом бою и в результате диверсионных актов было уничтожено 136 130 солдат и офицеров противника. Было ликвидировано 87 важных представителей гитлеровских оккупантов, 2 045 фашистских агентов и пособников врага. В качестве трофеев было захвачено 45 орудий, минометов и пулеметов; более 850 винтовок

и автоматов; 21 танк, самоходных орудий и тягачей; более 100 мотоциклов и велосипедов.

7 103 военнослужащих ОМСБОН были награждены орденами и медалями, свыше 20 стали Героями Советского Союза.

Важный вклад в годы Великой Отечественной войны внесли разведывательные органы НКВД, так в 1942 г. от советского резидента в г. Сан-Франциско Григория Хейфица были получены данные о работе по созданию атомной бомбы и нахождении главного научного центра, ученых, работающих в нем. Через Елизавету Зарубину в центр был внедрен советский разведчик Клаус Фукс, который стал основным источником информации по Манхэттенскому (атомному) проекту.

8. По мере освобождения от противника захваченной советской территории, возникла необходимость организации в населенных пунктах гарнизонной службы, взятия под охрану в них жизненно важных объектов, коммуникаций, обеспечения прифронтового режима, оказания помощи местным органам власти в налаживании нормального ритма жизни. Постановлением ГКО СССР от 4 октября 1942 г. эти задачи были возложены на внутренние войска НКВД СССР.

Для выполнения этого постановления было выделено 98 тыс. военнослужащих из состава войск НКВД и сформировано 8 дивизий. В последующем, в связи с передачей 4 дивизий (8-я мсд, 9-я мсд, 10-я сд, 11-я сд) войскам Красной армии и с увеличением боевых задач, в апреле 1942 г. были сформированы 8 стрелковых бригад, один полк, три отдельных батальона, общей численностью около 44 тыс. чел.

9. В июне 1941 г. на органы и войска НКВД была возложена задача содействия Совету по эвакуации при СНК СССР. Органы НКВД и Главное управление войск НКВД по охране железнодорожных сооружений и важных предприятий промышленности приняли непосредственное участие в эвакуации населения и промышленных объектов на восток – Урал, Сибирь, Среднюю Азию. По решению ГКО, в крупных узловых центрах: Горьком, Ярославле, Куйбышеве, Уфе, Свердловске, Челябинске были созданы эвакуационные оперативные управления по эвакуации. Одновременно были образованы пересылочные эвакуобазы в Архангельском, Ленинградском, Астраханском, Одесском, Сталинградском, Новороссийском и других портах. По всем путям эвакуации Наркоматом внутренних дел были организованы заслоны железнодорожной милиции и войск НКВД, которые только на ближайших станциях к г. Москве в течение одной недели, с 28 июня по 4 июля 1941 г. задержали для про-

верки 49 730 чел., из них 2 116 чел. было арестовано; изъято 29 пулеметов, 1 026 винтовок, 1 260 пистолетов, 223 боевые гранаты, свыше 47 тыс. патронов.

Из г. Москвы к концу ноября 1941 г. было эвакуировано до 2 млн чел., из г. Ленинграда до 26 августа 1941 г. – 773 590 чел.

С Украины с июля по октябрь 1941 г. были вывезены в тыл несколько миллионов человек, а также оборудование, готовая продукция, другие ценности, около 500 заводов и фабрик. Кроме того, эвакуировано за пределы республики более 6 млн голов скота, 1 667 400 т зерна, 269 500 т зернопродуктов, тысячи тракторов, автомашин и других материальных и культурных ценностей.

Из Белоруссии было вывезено 109 крупных и средних предприятий (35 союзного и 70 республиканского значения), свыше 1,5 млн чел. 16,5 тыс. ед. ценного технического оборудования, 44 тыс. т зерна, 600 тыс. голов скота, 4 тыс. тракторов, 400 комбайнов и другого ценного оборудования.

Из Молдавии было эвакуировано 4 076 вагонов с оборудованием, техникой, продовольствием и более 300 тыс. жителей. Из Карело-Финской ССР было эвакуировано 90 % жителей.

К концу 1941 г. на новых местах было размещено 122 предприятия Наркомата авиационной промышленности, 43 – Наркомата тяжелой промышленности, 71 – Наркомата вооружения, 96 – Наркомата боеприпасов, 80 – Наркомата минометного вооружения, 199 – Наркомата черной металлургии, 91 – Наркомата химической промышленности, 45 – Наркомата цветной металлургии.

Уже в марте 1942 г. промышленность районов, куда были эвакуированы предприятия, произвела продукции столько, сколько в начале войны выпускалось на всей территории СССР.

10. На войска НКВД была возложена задача противодействия противнику при помощи радиосредств и обеспечение бесперебойной правительственной ВЧ-связи в оперативно-стратегическом звене управления войсками.

В ноябре 1942 г. в состав внутренних войск НКВД от ГРУ ГШ РККА были приняты полевые управления специальной службы и радиостанции «ОСНАЗ».

Они были переформированы в отдельные дивизионы спецслужбы, центральную и отдельную радиостанции войск НКВД с задачами разведки эфира, осуществления радиоперехвата, шифрованной радиопереписки, предварительной обработки этих данных с радиосетей войск.

С декабря 1942 г. на сформированные отдельные радиодивизионы войск НКВД были возложены задачи по глушению немецких

радиостанций, используемых для управления войсками в ультракоротковолновых и длинноволновых диапазонах.

30 января 1943 г. постановлением ГКО строительство, восстановление, эксплуатационное обслуживание и охрана всех магистральных линий, используемых для правительственной ВЧ-связи между Ставкой ВГК и штабами фронтов и армий, была возложена на НКВД СССР.

Было сформировано управление войск правительственной ВЧ-связи, куда вошли принятые от Главного управления связи Красной армии 135 отдельных линейно-строительных рот связи, которые были сведены в 12 отдельных полков, 4 отдельных батальона, отдельную автотранспортную и аэросанную роты. Общая численность войск правительственной ВЧ-связи составила более 31 тыс. чел.

В дальнейшем в связи с увеличением задач управление войск правительственной ВЧ-связи расширилось и стало самостоятельным в системе войск НКВД СССР.

11. По инициативе командования войск НКВД по охране тыла Ленинградского фронта зародилось снайперское движение во внутренних войсках НКВД. В последующем из военнослужащих войск НКВД формировались сводные снайперские подразделения (группы, взвода, роты), которые направлялись на самые сложные участки фронта. К середине 1943 г. в войсках НКВД было подготовлено 27 604 снайпера, из которых 14 980 прошли боевую стажировку в действующих на фронте воинских частях Красной армии. На счету снайперов, по подтвержденным командованием воинских частей Красной армии данным, было убито и ранено 182 445 вражеских солдат и офицеров.

12. Основная работа по борьбе с преступностью в годы войны проводилась органами милиции, которые входили в структуру НКВД. При этом сотрудникам правоохранительных органов приходилось действовать в трудных условиях. Многие опытные работники были отправлены на фронт, на их место приходили молодые, неопытные кадры. Не хватало оружия и автотранспорта, работа в тылу осложнялась наплывом беженцев и эвакуированных.

В целом по стране уровень преступности в 1942 г. вырос на 22 % по сравнению с 1941 г., в 1943 г. рост составил 21 % по сравнению с предыдущим годом, а в 1944 г., соответственно, – 8,6 %. И только в 1945 г. наметилось некоторое снижение уровня преступности, когда в первом полугодии число преступлений снизилось на 10 %. При этом наибольший прирост дали тяжкие преступления.

Если во второй половине 1941 г. в СССР (только на не оккупированной территории) были зарегистрированы 3 317 убийств, то в 1944 г. – уже 8 369, а число разбойных нападений и грабежей выросло, соответственно, с 7 499 до 20 124. Но наиболее впечатляет рост краж с 252 588 до 444 906 и скотокрадства – с 8 714 до 36 285, и речь идет только о зарегистрированных милицией преступлениях.

На 1 апреля 1944 г. у населения было изъято 8 357 пулеметов, 15 440 автоматов, 257 791 винтовка, 56 023 пистолета, 160 490 гранат. Только в г. Ленинграде у преступников за 1944 г. было изъято 6 561 238 руб., 15 232 руб. в золотой монете, 3 933 долл., 15 кг золота, 254 шт. золотых часов.

Рядовой состав сотрудников милиции работал по 14–15 часов в сутки, командно-оперативный – по 18 часов. В январе 1942 г. от голода умерло 166 сотрудников органов внутренних дел, более 1 600 были при смерти.

Несмотря на сложные условия службы сотрудников органов внутренних дел, в годы войны всегда был высокий процент раскрываемости преступлений и в 1945 г. он составил 89,9 % (табл. 1).

Таблица 1

Динамика общей уголовной преступности по Советскому Союзу за 1941–1945 гг.

Годы	1941	1942	1943	1944	1945
Зарегистрировано преступлений	488 324	515 159	622 575	675 889	558 912
% раскрываемости	83,5	88,4	86,8	87,7	89,9

Паспортными подразделениями только в 1944–1945 гг. было документировано 37 млн чел. В ходе этой работы было выявлено 8 187 пособников врага, 10 727 бывших полицаев, 73 309 служивших в оккупационных учреждениях и 2 223 судимых.

В июле – сентябре 1944 г., по приказу наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии, органы НКВД совместно с НКГБ, прокуратурой, а также «Смерш» провели масштабную операцию по выявлению дезертиров и уклонистов.

В результате, по всей стране были арестованы в общей сложности 87 923 дезертира и еще 82 834 уклониста от службы. Из числа задержанных 104 343 чел. были переданы в райвоенкоматы и пополнили ряды Красной армии в третьем периоде Великой Отечественной войны.

13. Промышленное производство НКВД СССР охватывало в годы войны более 15 отраслей народного хозяйства, в том числе цветную металлургию, уголь, нефть, производство боеприпасов, лесную промышленность, деревообработку, производство предметов широкого потребления. Общий объем выпуска промышленной продукции в неизменных ценах составил: в 1942 г. – 1,29 млрд руб., в 1943 г. – 1,56 млрд руб., в 1944 г. – 1,98 млрд руб., в 1945 г. – 1,65 млрд руб.

Кроме того, значительный вклад в победу советского народа в годы Великой Отечественной войны внес Дальстрой НКВД СССР. Источниками пополнения рабочей силы и кадров Главного управления строительства Дальнего Севера НКВД СССР являлись вербовка специалистов и завоз заключенных. На ноябрь 1942 г. в Дальстрое были заняты 202,4 тыс. работников, в том числе 126 тыс. заключенных и 76,4 тыс. вольнонаемных.

За годы войны Дальстрой добыл 19 320 т оловянного концентрата, более 360 т химически чистого золота, 280 т трехокси вольфрама.

За большой вклад в оборону страны Дальстрой удостоился правительственной награды – ордена Трудового Красного знамени. Орденами и медалями в разные периоды были награждены более 1 тыс. работников Дальстроя НКВД СССР.

Все лагеря и колонии НКВД СССР находились в годы войны на полной самокупаемости. В 1942 г. строительные организации ГУЛАГа НКВД СССР выполнили капитальных работ на 3,1 млрд руб.; в 1943 г. – на 2,3 млрд руб. (самый низкий показатель за годы войны); в 1944 г. – на 3,1 млрд руб., в 1945 г. – на 3,6 млрд руб.

С первых же дней войны ГУЛАГ организовал на своих предприятиях выполнение заказов для нужд фронта, перестроив производство всех промышленных колоний на выпуск боеприпасов, спекупопки, обмундирования и другой военной продукции.

Труд советских заключенных использовался не только в промышленности или строительстве. Имена таких узников, как А. Н. Туполев, С. П. Королёв, Д. С. Марков, В. М. Петляков, В. П. Глушко, В. М. Мясичев, А. Л. Минц, А. И. Некрасов, Б. С. Стечкин, А. М. Черёмухин и многих других выдающихся ученых были связаны с деятельностью Особых конструкторских бюро (далее – ОКБ), входивших в состав 4-го спецотдела НКВД СССР.

В январе 1939 г. *в целях использования заключенных, имеющих специальные технические знания и опыт*, при Наркомате внутренних дел СССР было организовано Особое техническое бюро, на базе

которого в июле 1941 г. сформировали 4-й спецотдел НКВД СССР. Основными задачами этого отдела являлись: *использование заключенных специалистов для выполнения научно-исследовательских и проектных работ по созданию новых типов военных самолетов, авиамоторов и двигателей, военно-морских судов, образцов артиллерийского вооружения и боеприпасов, средств химического нападения и защиты*. На 4-й спецотдел возлагалась также задача обеспечения оперативных отделов и управлений НКВД и НКГБ средствами радиосвязи и оперативной техники.

Накануне и в начале Великой Отечественной войны некоторые заключенные из числа осужденных ученых и специалистов были досрочно освобождены по постановлению Президиума Верховного Совета СССР и продолжили работу в ОКБ в качестве вольнонаемных специалистов.

Например, В. М. Петлякову, А. Н. Туполеву и А. Д. Чармскому были присвоены звания лауреатов Сталинской премии.

За успешную работу по созданию новых видов вооружения и проявленную при этом добросовестность 156 заключенных-специалистов были решением Президиума Верховного Совета СССР освобождены со снятием судимости, из этого числа 23 чел. получили правительственные награды.

14. Особой формой организации труда в годы Великой Отечественной войны являлось использование военнопленных. По данным Генерального штаба Красной армии, за период с 22 июня 1941 г. по 8 мая 1945 г. советскими войсками были взяты в плен 4,37 млн военнослужащих неприятельских армий, в их числе более 2,5 млн солдат и офицеров вермахта. После разгрома вооруженных сил Японии в августе 1945 г. число военнопленных увеличилось еще почти на 640 тыс. чел. За годы Второй мировой войны через советский плен прошли граждане более 30 государств, среди которых были представители свыше 60 национальностей.

К концу 1945 г. в системе Главного управления по делам военнопленных и интернированных (далее – ГУПВИ) НКВД СССР насчитывалось 267 лагерей, из которых для содержания бывших офицеров предназначалось 11, для рядовых – 248 (из них для немецких военнопленных – 199, для японских военнопленных 49) и восемь лагерей были смешанными. В составе лагерей насчитывалось 2 376 лагерных отделений. Кроме того, действовали шесть оперативных объектов (четыре в Московской области и два в Хабаровском крае), в которых содержались более тысячи бывших офицеров и генералов, представлявших для советского руководства «оперативный интерес».

16 декабря 1944 г. ГКО принял секретное постановление, которое предписывало: *«Мобилизовать и интернировать с направлением для работы в СССР всех трудоспособных немцев в возрасте: мужчин – от 17 до 45 лет, женщин – от 18 до 30 лет, находящихся на освобожденных Красной армией территориях Румынии, Югославии, Венгрии, Болгарии и Чехословакии. Установить, что мобилизации подлежат немцы как немецкого и венгерского подданства, так и немцы – подданные Румынии, Югославии, Болгарии и Чехословакии. Направить всех мобилизованных немцев на работы по восстановлению угольной промышленности Донбасса и черной металлургии Юга. Из прибывших на место работы немцев сформировать рабочие батальоны по 1 000 человек в каждом».*

Аналогичное постановление ГКО от 3 февраля 1945 г. касалось мобилизации немецкого населения, проживавшего непосредственно на территории Германии. Согласно постановлению, из мобилизованных немцев следовало «сформировать рабочие батальоны по 750–1200 чел. в каждом для использования на работах в Советском Союзе, в первую очередь в Украинской и Белорусской ССР». Руководить всеми операциями по мобилизации и интернированию немцев поручалось НКВД СССР. Приказом НКВД СССР от 20 февраля 1945 г. в составе ГУПВИ, наряду с Управлением по делам военнопленных было организовано специальное Управление по делам интернированных и мобилизованных.

С января по апрель 1945 г. более 208 тыс. немцев и лиц других национальностей были мобилизованы и вывезены в СССР, в их числе около 157 тыс. мужчин и 51 тыс. женщин. Интернированные были сведены в 221 рабочий батальон численностью от 750 до 1 500 чел. в каждом, распределены по наркоматам и направлены на работы по восстановлению и строительству, а также на производство в шахты и на предприятия наркоматов угольной промышленности, черной металлургии, цветной металлургии, строительных предприятий, топливной промышленности и некоторых др.

Вопрос об использовании германской рабочей силы, о так называемых «репарациях трудом», был поднят советской стороной еще до окончания войны. В феврале 1945 г. в ходе Крымской конференции главы трех правительств союзнических государств условились о том, что репарации должны взиматься с Германии в трех формах, одна из которых – «использование германского труда».

Распределение военнопленных и интернированных по отраслям народного хозяйства определялось текущими потребностями той или иной отрасли в рабочей силе. На февраль 1946 г. в народном хозяйстве СССР были заняты 1 млн 965 тыс. военнопленных

и интернированных. Распределение по отраслям было следующим: строительство – 800 тыс., топливо и энергетика – 166 тыс., лесозаготовки и лесоразработки – 86 тыс., легкая пищевая промышленности – 61 тыс., химическая промышленность – 13,6 тыс., сельское хозяйство – 9,7 тыс. чел. В других организациях (в основном местного подчинения) работали 377 тыс. чел., или 19,2 % от общей численности работающих военнопленных.

Трудовое использование военнопленных осуществлялось на основе типовых договоров, разработанных НКВД СССР, которые заключались между лагерями ГУПВИ и соответствующими хозяйственными организациями.

Таким образом, органы и войска НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны внесли весомый вклад, как на фронте, так и в тылу в дело Великой Победы.

Андрей Сергеевич Беркутов,
научно-исследовательский центр
(фундаментальных военно-исторических проблем)
Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: berkutov-andrey@mail.ru

Особенности обеспечения общественной безопасности органами внутренних дел в послевоенные годы (1945–1960 гг.)

Аннотация

В статье анализируются особенности обеспечения общественной безопасности в послевоенные годы. Целью исследования является доказательство гипотезы о том, что в условиях послевоенного времени Советское государство после 1945 г. вынуждено было передавать функции по обеспечению общественной безопасности в ведение органов госбезопасности. Для этого проанализированы документы: Государственного архива Российской Федерации, фонда Р-9401сч 2-й описи («Особая папка Сталина»), 12-й описи (тематический каталог НКВД–МВД СССР) и фонда Р-9415 (Главное управление милиции); Российского государственного архива социально-политической истории, фонда 17 136-й описи (ЦК КПСС. Общий отдел. Административный отдел ЦК ВКП(б)). В статье рассмотрено, какие именно задачи по обеспечению общественной безопасности передавались из МВД СССР в МГБ, причины этого и последствия.

***Ключевые слова и словосочетания:** обеспечение общественной безопасности; охрана общественного порядка; борьба с уголовной преступностью; ликвидация чрезвычайных ситуаций; обеспечение государственной безопасности.*

Введение. Влияние смены ведомственной принадлежности органов внутренних дел на обеспечение общественной безопасности – малоизученный вопрос российской истории. Однако их принадлежность была обусловлена историческими условиями и напрямую влияла на внутреннюю политику государства на протяжении длительного периода времени. В истории России с XIX в. органы внутренних дел и принимавшие участие в обеспечении общественной безопасности войска правопорядка подчинялись военному министерству, министерству полиции, министерству внутренних дел, министерству государственной безопасности и аналогичным им ведомствам. Периодически существовало их двойное

подчинение различным ведомствам (например, по службе и в строевом отношении) или местным органам управления.

Причиной данной ситуации было то, что в различные периоды российской истории имело большее или меньшее значение обеспечение внешней или внутренней безопасности государства (рис. 1).

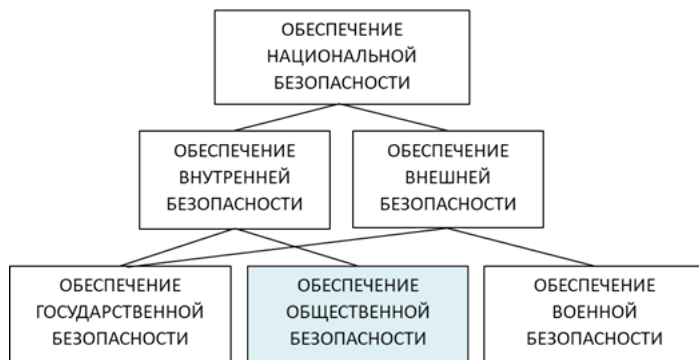

Рис. 1. Схема места обеспечения общественной безопасности в структуре обеспечения национальной безопасности

Обеспечение общественной безопасности в послевоенный период представляло из себя деятельность органов внутренних дел и войск правопорядка по охране общественного порядка, борьбе с уголовной преступностью и ликвидации чрезвычайных ситуаций (рис. 2).

Рис. 2. Схема структуры обеспечения общественной безопасности

Особенностью являлось то, что в военное время многие задачи по обеспечению военной и государственной безопасности были переданы органам внутренних дел и войскам правопорядка (рис. 3).

Рис. 3. Схема объединения задач по обеспечению государственной, общественной и военной безопасности в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

Окончание войны вызвало противоречие между необходимостью срочного восстановления мирной жизни и ограниченными возможностями органов внутренних дел и войск правопорядка по обеспечению общественной безопасности.

В данной статье рассматривается роль органов госбезопасности в обеспечении общественной безопасности в послевоенный период.

Целью исследования является доказательство гипотезы о том, что в условиях послевоенного времени Советское государство вынуждено было передавать функции по обеспечению общественной безопасности в ведение органов госбезопасности. Для этого решаются следующие задачи:

- рассматриваются исторические условия усиления органов госбезопасности в послевоенный период;
- показываются последствия передачи в МГБ задач по обеспечению общественной безопасности;
- выявляются характерные особенности обеспечения общественной безопасности в послевоенный период.

Исторические условия усиления органов госбезопасности

В третьем периоде войны, по мере освобождения советской территории, обеспечение общественной безопасности становится важной задачей, стоящей перед руководством страны.

Примерно с середины 1944 г. и до 1949 г. вопросы обеспечения общественной безопасности, в том числе охраны общественного порядка, борьбы с уголовной преступностью, ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, от ЦК ВКП(б) курировал лично Генеральный секретарь И. В. Сталин [12, с. 44]. В Управлении кадров ЦК ВКП(б) в войну и первые послевоенные годы вопросами расстановки руководящего состава занимался отдел кадров НКВД – НКГБ.

В условиях военного времени вопросы обеспечения общественной безопасности тесно переплетались с вопросами обеспечения военной и государственной безопасности. Например, для наведения порядка на освобожденной территории применялись опергруппы НКВД – НКГБ – СМЕРШ, привлекались войска фронта, внутренние войска, истребительные батальоны, органы милиции.

После завершения войны чекистско-войсковые операции по борьбе с националистическими бандитскими формированиями проводились в западных районах страны до середины 1950-х гг. Руководство операциями возлагалось на органы госбезопасности, участие в них принимали органы внутренних дел, войска правопорядка, вспомогательные силы милиции.

В условиях роста уголовной преступности в 1945–1947 гг. резко усилилась оперативная составляющая органов правопорядка, что привело в конце концов к передаче всех оперативных подразделений из МВД СССР в МГБ. 13 июня 1946 г. из отдела уголовного розыска ГУМ было создано Управление уголовного розыска.

В декабре 1946 г. к борьбе с уголовной преступностью было подключено Главное управление по борьбе с бандитизмом, органы которого стали осуществлять розыск уголовных бандитов, а также расследование групповых и вооруженных ограблений, разбоев и убийств (кроме бытовых) в сельской местности. Работа районных органов уголовного розыска, райотделов МВД СССР здесь была оперативно подчинена отделам по борьбе с бандитизмом. Его оперативные работники распределялись по райотделам для оказания помощи в работе местным аппаратам милиции. Кроме того, органы по борьбе с бандитизмом стали осуществлять агентурное наблюдение за всеми бывшими уголовными преступниками, возглавили работу по розыску лиц, скрывающихся от правосудия, беглецов из мест заключения и ссылки, а также координировали усилия правоохранительных органов по изъятию нелегально хранящегося ору-

жия и борьбу с торговлей оружием. В июле 1950 г. задача по борьбе с бандитизмом была передана из МВД СССР в МГБ. 21 января 1947 г. в МГБ была передана транспортная милиция, до этого – из войск по охране железных дорог был создан корпус охраны МГБ на железнодорожном транспорте и дивизия охраны МГБ на водном транспорте. 21 января 1947 г. отдел БХСС ГУМ стал управлением БХСС. 9 августа 1947 г. была создана милиция городов Особого списка, 19 октября 1949 г. территориальная милиция передана в МГБ.

Таким образом, во второй половине 1950-х гг. практически все оперативные подразделения МВД СССР были переданы в МГБ [8, с. 210–211] (рис. 4).

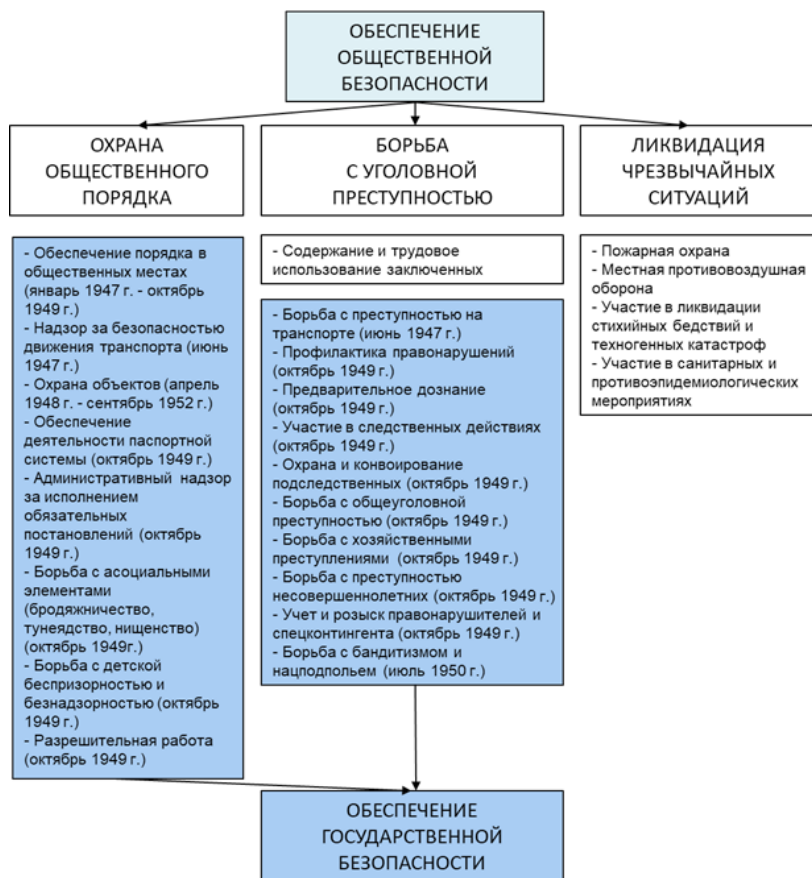

Рис. 4. Схема передачи функций по обеспечению общественной безопасности органам государственной безопасности в послевоенный период (1945–1953 гг.)

В МВД СССР остались исправительно-трудовые учреждения, пожарная охрана и местная противовоздушная оборона.

По мнению авторитетного исследователя истории органов внутренних дел России С. Ф. Зыбина, передача была вызвана временным расширением функций милиции по обеспечению госбезопасности [5, с. 25].

На наш взгляд, наоборот, в условиях, когда после войны органы внутренних дел были значительно ослаблены, наиболее быстрым и эффективным способом обеспечить общественную безопасность были оперативные методы работы (которые являлись основными для органов госбезопасности), в том числе применение в уголовном розыске разведчиков и сыщиков [3, л. 56], в наружной службе – введение патрулирования, как основного вида наряда, повышение ее мобильности. 28 мая 1948 г. приказом МВД СССР № 214 был введен в действие новый Устав постовой службы милиции (УПСМ-48). Согласно данному Уставу, вводились патрули пешие, конные, на мотоциклах и на автомобилях. При инструктаже нарядов стала доводиться оперативная обстановка в районах несения службы, для чего время инструктажа было увеличено с 30 до 45 мин. [1, л. 304–324 об.].

Кроме того, возвышение МГБ было одним из проявлений тенденции по усилению партийного контроля за органами внутренних дел и войсками правопорядка. В соответствии с постановлением Секретариата ЦК ВКП(б) от 23 октября 1950 г., по партийному призыву в органы милиции было зачислено 15 054 чел., в том числе 6 304 коммуниста и 8 750 комсомольцев. Позднее, к этому количеству было отобрано и направлено в милицию еще 5 869 чел. [14, л. 2, 45].

В августе 1951 г. министром госбезопасности был назначен партийный работник С. Д. Игнатьев. Новый министр госбезопасности считался выдвиженцем Г. М. Маленкова, что усиливало роль партийных органов в вопросах обеспечения общественной безопасности. 19 июня 1952 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О работе Политотдела Главного управления милиции МГБ СССР», которое перестроило работу ГУМ СССР с линейного на зональный принцип [10, с. 53].

Таким образом, передавая в МГБ и другие ведомства все большее количество оперативных функций, связанных с обеспечением общественной безопасности, МВД СССР постепенно меняло свой «профиль» на хозяйственный [11, с. 239]. На хозяйственных объектах МВД СССР в начале 1950-х гг. трудилось около 2 200 000 заключенных [7, с. 340].

Последствия передачи в МГБ задач по обеспечению общественной безопасности

До передачи территориальной милиции из МВД СССР в МГБ, начиная с 1944 г. вплоть до 1950 г. преступность в стране последовательно снижалась. Если в 1944 г. было зарегистрировано (округленно) 525 тыс. преступлений, то к 1950 г. они снизились до 127 тыс., т. е. в четыре раза, причем процент раскрываемости был 84,8 % [3, л. 17]. По сравнению с 1948 г., уголовная преступность уменьшилась на 46 664 преступления, или на 24,3 %, а по сравнению с 1940-м довоенным годом преступность уменьшилась на 413 741 преступление, или на 380 %. Если в 1940 г. на каждые 10 тыс. жителей СССР приходилось в среднем в год 28 преступлений, то в 1949 г. на это число жителей – только 7 преступлений [2, л. 1].

С 1951 г. стал заметен некоторый рост уголовной преступности и снижение процента раскрываемости преступлений. В 1951 г., по сравнению с 1950 г., преступность увеличилась на 20 тыс. (всего было зарегистрировано 147 тыс. преступлений), в 1952 г. вновь произошло увеличение на 6 тыс. (всего 153 тыс.) [4, л. 159]. Раскрываемость преступлений упала в начале 1950-х гг. в полтора-два раза. Если в 1946 г. раскрываемость преступлений по стране составила 90 %, в 1947 г. – 92,6 %, то в январе – феврале 1953 г. убийства с целью хищения государственной собственности раскрывались в 55,6 % случаев, убийства с целью завладения личной собственностью – в 70,6 % случаев, грабежи государственного имущества – в 51,7 % случаев, грабежи личного имущества – в 70,1 % случаев, кражи государственного и общественного имущества – в 67,8 % случаев, разведение детей – в 64,7 % случаев. В 1952 г. ухудшились показатели работы органов милиции по розыску уголовных преступников и лиц, скрывшихся от органов власти. Из находившихся в розыске 118 396 преступников было разыскано 30 167 или 25,5 % (против 35,4 % в 1951 г. и 41,5 % в 1948 г.) [4, л. 67].

Руководство органов госбезопасности расценивало рост преступности в регионах страны как следствие слабого руководства со стороны управлений милиции, неумения организовать политико-воспитательную подготовку и контроль за деятельностью личного состава. Подобные доклады органов госбезопасности шли в центральный аппарат МГБ из многих регионов страны [6, с. 244].

Руководство МГБ реагировало на это кадровыми решениями. Несколько тысяч сотрудников милиции было уволено со службы по мотивам политической неблагонадежности [13, л. 1–8, 96–120, 143]. Их место заняли кадровые сотрудники МГБ, направленные для несения службы на ключевые посты в систему милиции. Им

поручалось научить работать сотрудников милиции «по-чекистски» и в кратчайшие сроки обеспечить победу над криминальными элементами.

Однако переведенные в милицию работники госбезопасности слабо представляли себе специфику ее работы. К тому же, по сообщениям начальников управлений милиции, значительная их часть не имела необходимых деловых качеств и была переведена в милицию в связи с невозможностью дальнейшего использования на чекистской работе.

Отношения на низовом уровне между старыми работниками милиции и пришедшими из МГБ не складывались, что мешало работе, так как опыт не передавался. Это приводило к большому браку в работе, в частности, по линии следствия: необоснованному задержанию граждан, водворению их в КПЗ [14, л. 148] и необоснованному обращению в прокуратуру за санкциями на арест, ночными допросами не под протокол, применению насилия и т. д. [14, л. 143].

Значительно снизился статус начсостава милиции. Если до перехода в МГБ начальники территориальных отделов и управлений милиции являлись заместителями начальников районных отделов и областных управлений МВД СССР, то с 1950 г. они просто становились начальниками милиции, не входящими в руководящий состав органов МГБ.

Старые сотрудники органов милиции в начале 1952 г. написали на имя Г. М. Маленкова письмо (без подписи) о том, что положение милиции после передачи ее в МГБ резко ухудшилось, и с просьбой рассмотреть вопрос о возвращении обратно в МВД СССР. Рассмотрев данный вопрос, работники административного отдела ЦК ВКП(б) отметили большую работу МГБ по улучшению дел в милиции и посчитали замечания, высказанные в письме, необоснованными [15, л. 1–2].

Сильную дезорганизацию в работе с агентурой внесло руководство МГБ, дав в январе 1952 г. на Всесоюзном совещании начальников управлений милиции указание о сокращении в 2–3 раза агентурной сети. В январе 1952 г. вышел совершенно секретный приказ МГБ СССР об изменении всей системы агентурной работы в стране. Он был одобрен в Совете министров СССР и о нем были проинформированы первые секретари ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии. Суть его заключалась в том, чтобы избавиться от излишнего агентурного аппарата, оставшегося от военного времени. Вместо резидентов, агентов и осведомителей вводились агенты и специальные агенты. Право вербовки агентов предоставлялось только начальникам (от начальника отделения

и выше) органов МГБ, а рядовые оперработники только готовили материалы на вербовку, участвовали в ее осуществлении и затем работали с агентами. Срок исполнения приказа устанавливался до 15 марта 1952 г., что было очень мало для перестройки такого сложного вида деятельности и привело к ухудшению состояния агентурной работы всех подразделений МГБ СССР.

Поскольку конкретных указаний о порядке проведения этой работы и организации ее в дальнейшем дано не было, во многих органах милиции формально подошли к этому делу, исключив на 60–80 % агентурный аппарат, новых вербовок агентуры не проводили [4, л. 165].

Одной из причин роста преступности в начале 1950-х гг. было сокращение подсобных сил милиции, в связи с тем, что руководство МГБ относилось к ним с недоверием. В 1952 г., по сравнению с 1951 г., численность доверенных лиц по СССР сократилось на 165 тыс. чел., членов бригад содействия милиции (БСМ) – на 94 тыс. чел. в I квартале 1953 г. доверенных лиц – на 50 тыс. и членов БСМ – на 23 тыс. чел. [4, л. 19]. Нехватку подсобных сил милиции руководство МГБ стремилось компенсировать улучшением работы наружной службы.

Устав постовой и патрульной службы милиции (УППСМ-52), введенный приказом МГБ СССР № 208 от 16 апреля 1952 г. [1, л. 135–170] еще усилил оперативность наружной службы. Начальник городского отдела милиции, как и ранее, утверждал дислокацию постов и маршруты патрулей в городе, но начальник районного отделения милиции мог пересматривать их (с последующим докладом начальству). Патрульная служба вводилась на постоянной основе со штатными милиционерами. К вспомогательным силам милиции, кроме бригады, стали относить дворников, ночных сторожей, комендантов и управляющих домами.

Выводы

Таким образом, постепенная передача руководства работой по обеспечению общественной безопасности в руки органов госбезопасности во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. была вынужденной мерой, возникшей в условиях послевоенной нехватки сил и средств в органах внутренних дел. Среди позитивных сторон необходимо отметить: усиление кадров органов внутренних дел за счет проведения партийной мобилизации и улучшение оперативности наружной службы.

Однако обеспечение общественной безопасности – сложный многоуровневый процесс, который не сводится лишь к оперативной работе. Выделение одних направлений работы за счет развала

других – приводит к снижению общей результативности. Поэтому с 1953 г. органы внутренних дел были выведены из подчинения органов госбезопасности.

Список литературы:

1. ГАРФ. Ф. Р-9401сч. Оп. 12. Д. 231. Т. 2.
2. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 229.
3. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 235.
4. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 262.
5. *Зыбин С. Ф.* Правовые основы работы с кадрами органов внутренних дел: история и современность. СПб., 2010.
6. *Иванов В. А.* «Скорпионы»: послевоенная коррупция в Ленинграде // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997.
7. *Иванова Г. М.* История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006.
8. Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991 // Справочник. М., 2003.
9. *Некрасов В. Ф.* Аппарат ЦК КПСС в погонах и без. М., 2010.
10. *Мулукаев Р. С., Скилягин А. Т.* История советской милиции: Хронологический справочник. Л., 1976.
11. *Мулукаев Р. С., Малыгин А. Я., Епифанов А. Е.* История отечественных органов внутренних дел : учеб. М., 2005.
12. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 143.
14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 266.
15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 400.

Александр Владимирович Борисов,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Академия управления МВД России
E-mail: ivanpolikarpoff@mail.ru

Полиция и общество в Российской империи. Проблемы доверия и сотрудничества

Аннотация

В статье ставится вопрос о необходимости и намечаются направления изучения проблемы доверия и сотрудничества общества с полицией в дореволюционной России. Показываются и анализируются меры, принимавшиеся властью для повышения уровня доверия населения и степени готовности сотрудничества с ней.

Ключевые слова и словосочетания: полиция Российской Империи; МВД; климат доверия; общественное мнение; организация и деятельность полиции; кризис доверия; сотрудничество.

Проблемы доверия граждан, общества к государству, его институтам, в частности, к полиции, а также уровень доверия между различными группами населения становятся сегодня все более актуальными. Уровень, «климат доверия» считаются важнейшим условием развития, достижения благосостояния, безопасности государства и общества [7].

Политический, идеологический и даже экономический кризис, переживаемый обществом, государством рассматривается как следствие, проявление «кризиса доверия», охватывающего граждан, общество, государство. Такое состояние, как «раскол элит», приводящий, как правило, к внутреннему конфликту в обществе, государстве, также есть проявление «кризиса доверия». Такой институт государства, как полиция играет важную роль не только потому, что обеспечивает общественный порядок и проведение в жизнь решений власти, но и потому, что с ней постоянно сталкиваются, видят ее действие практически все граждане/подданные. По результатам впечатлений от действий полиции, они выносят суждение о власти.

Полиция любого государства не может существовать и действовать только применяя насилие без определенной поддержки населения, без сотрудничества с ним. Положение полиции в обществе, эффективность ее деятельности в основном определяется динами-

кой методов насилия и способов сотрудничества ее с населением [4, с. 270–289]. Уровень доверия общества к полиции в основном и определяет эффективность, степень сотрудничества между ними. Проблема доверия, сотрудничества полиции и общества имеет историческое измерение. В России создание полиции Петром I происходило в русле существенного реформирования государственного механизма, опираясь на который и используя его возможности, он проводил радикальные преобразования, превращая Московское царство в Российскую империю.

Разделяя представление европейского Просвещения о существовании «разумных законов», при помощи которых можно достичь «общего блага», Пётр I путем активного использования методов принуждения, опираясь на полицию, проводил преобразование российского общества. Признавая активное использование методов государственного принуждения и сверхвысокий темп проведения преобразований, надо отметить, что социальные, культурные изменения, происходившие в России в XVII в., создавали основательные предпосылки для петровских реформ [6].

Поэтому преобразования, проведенные Петром I при помощи полиции, в том числе в быту, культуре, имели определенную поддержку, в некоторой части общества, воспринимались как необходимость. Расцвет расширения Российской империи при Екатерине II во многом обеспечивался реформированием ею государственного механизма. Особое внимание при этом уделялось созданию местных органов государства, а в частности, полиции. Если Пётр I создал первую, построенную на европейский манер, столицу, то Екатерина II превратила в столицы губерний некоторые старые русские города, приобщая их обитателей к административной деятельности. Число чиновников при Екатерине II выросло вдвое. Но главное, что на гражданскую государственную службу активно привлекалось дворянство. Манифест о вольностях дворянства освобождал их от обязанностей службы, но делал ее моральным долгом дворянина. Доверие/недоверие общества может повлиять на судьбу государственного учреждения, особенно в условиях национально-культурного подъема, появления, возрастания роли общественного мнения.

В Российской империи это происходит в период Отечественной войны 1812 г. и после ее победного завершения. В этих условиях, созданное в 1811 г. и продемонстрировавшее эффективность в период Отечественной войны Министерство полиции, во многом под давлением общества, было упразднено в 1819 г. [1, с. 11–12]. (Также во многом под давлением общественного мнения в 1880 г.

был упразднен орган политической полиции — III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.)

Достаточная степень доверия населения к полиции во многом обеспечила безболезненное проведение Великой реформы — отмены Крепостного права. Министерство внутренних дел Российской империи и его руководство, готовившее и проводившее великую реформу, удостоилось за это похвалы даже от противников самодержавия. Так, полит-эмигрант писал о министре внутренних дел С. С. Ланском, который обеспечил общественный порядок во время проведения отмены крепостного права: «...ни русский народ, ни история не забудут того из министров, который откровенно работал в пользу освобождения крестьян».

В то же время, надо признать, что власть, руководство МВД недооценивали важность реформирования полиции, приведения ее в соответствие с требованиями нового, пореформенного периода отечественной истории. «Временные правила об общем устройстве полиции в городах и уездах по общему учреждению управляемых» 1862 г., несмотря на свое название, определяли организацию и деятельность полиции до 1917 г.

Быстрые социально-экономические изменения не сопровождались необходимыми реформами политической системы, реорганизацией государственного механизма, в частности, полиции, что стало одной из причин революционных событий 1905–1907 гг. Проблемы общей и специальной подготовки полицейских, которая во многом определяет не только уровень их профессиональной деятельности, но и взаимодействие с населением, волновали руководство МВД.

Так, министр внутренних дел Н. П. Игнатьев докладывал императору Александру III о том, что: «...у нас сложился неприятный характер отношений обывателя с полицией» [3, с. 117]. Изменение формы правления в России, произошедшее в ходе революции 1905 г., превращение ее в ограниченную монархию вызвало необходимость модернизации государственного механизма и, в не последнюю очередь, полиции. Планируемая Председателем Совета министров, министром внутренних дел П. А. Столыпиным реформа полиции включала в себя меры по улучшению подготовки полицейских, в том числе создание полицейских школ, полицейских клубов и пр.

Проблема повышения уровня доверия, взаимоуважения общества и полиции беспокоила руководство МВД. Она обсуждалась на страницах учрежденного в 1906 г. специализированного журнала «Вестник полиции».

Вопрос о реформировании существующей полиции содержался в программах практически всех политических партий, существовавших в Российской империи с 1905 г. Но, в силу противоречий, а затем и раскола политических элит, признаваемая всеми как необходимая, реформа полиции не состоялась. Необходимое увеличение бюджета МВД для модернизации полиции не находило поддержки в Государственной Думе. Более того, МВД, наряду со Святейшим Синодом, было ведомством, которое чаще всего подвергалось критике в Государственной Думе [8, с. 6].

В 1913 г. прошло массовое празднование 300-летия избрания династии Романовых на царство. Этому мероприятию придавалось особое значение. Праздник должен был продемонстрировать единство царя и народа. Такое широкомасштабное и многодневное праздничное, массовое мероприятие прошло успешно, во многом благодаря умелым действиям полиции, сумевшей предотвратить, избежать конфликтов и эксцессов, находясь в постоянном контакте с массами.

В знак благодарности и поощрения за умелые действия император Николай II в декабре 1913 г. повелел «установить общий для полиции Империи годовой праздник 5 октября, в день Святителя Алексия, Митрополита Московского» (это означало особую милость царя к полицейским, так как 5 октября, день Святителя Алексия, был днем тезоименитства наследника престола царевича Алексея). Единый праздник для полицейских Империи устанавливался для «создания нравственной связи между ними» [2]. Из-за начавшейся 1 августа 1914 г. Мировой войны празднование для полиции не состоялось.

После падения монархии полиция стала жертвой негодования народа, уверенного в том, что тягости его жизни – это следствие несправедливой и, к тому же, неэффективной, неспособной управлять страной царской власти. Пришедшая на смену полиции гражданская милиция Временного правительства не смогла справиться с задачами охраны общественного порядка и борьбы с преступностью. Надо отметить, что невиданные доселе всплеск преступности, спекуляции стали важнейшей причиной роста недоверия населения к Временному правительству и его милиции. Она за восемь месяцев своего существования прошла путь от символа и героя революции, пользуясь уважением населения до объекта насмешек, приняв на себя все последствия общественного разочарования в демократической революции весны 1917 г.

Впоследствии министр Временного правительства В. Набоков признавал, что его серьезной ошибкой стало негативное отношение

к полицейским и недостаточное внимание к организации милиции, повышение доверия к ней общества [5, с. 33].

Список литературы:

1. *Борисов А.* Полиция и милиция России в общественном мнении. Начало XVIII в. – октябрь 1917. М., 2010. 111 с.
2. Вестник полиции. 1914. № 1.
3. Записки министра внутренних дел Н. П. Игнатъева Александру III // Источник. 1992. № 2. С. 117.
4. *Макаренко В. П.* Полицейское общество: к вопросу о генезисе // Идеи и ценности в политике. Политическая наука. Ежегодник. М., 2015. С. 270–289.
5. *Набоков В.* Временное правительство // Архив Русской революции. Берлин, 1921. Т. 1. 311 с.
6. *Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ / отв. ред. Д. С. Лихачёв. Л., 1984.
7. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. 730 с.
8. *Хоскинг Д.* Доверие: история. М., 2016. 294 с.
9. *Чурьнов М. Ю.* Контроль представительных органов власти над деятельностью МВД России 1906–1917: на примере Государственной Думы : автореф. дис. ... к. ю. н., М., 2006. 25 с.

Виктория Константиновна Грошева,
докторант кафедры государственно-правовых дисциплин
Академия управления МВД России
E-mail.ru: vik-groshevaya@mail.ru

**Милиция Украинской ССР в годы Великой Отечественной войны
и полиция ДНР в современных условиях: сравнительный анализ
в историческом аспекте**

*Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее,
чтобы оно объяснило нам наше настоящее
и намекнуло о нашем будущем*

В. Г. Белинский

Процесс становления и развития государственности каждого народа имеет свои историко-правовые, социально-культурные, политические и идеологические аспекты и состоит в реализации объективных предпосылок ее возникновения.

Осмыслить сложные и трагические процессы, которые происходят в настоящее время на территории постсоветской Украины, невозможно без учета опыта Великой Отечественной войны, ставшей в истории человечества одной из самых кровопролитных и разрушительных. Украинская ССР, как и другие республики Советского Союза, значительно пострадала от войны и временной оккупации, понесла огромные потери, как человеческие, так и материальные.

Историография темы, деятельности советской милиции в годы Великой Отечественной войны, представлена широким кругом работ в области юриспруденции и в области истории. Данная тема освещалась в трудах известных советских ученых и ученых постсоветского периода – таких как Р. С. Мулукаев, П. П. Михайленко, А. Е. Шевченко, Р. Б. Герман, В. А. Гусак, А. Т. Скилягин, И. М. Логвиненко и др.

В настоящей статье анализируется опыт работы советских милиционеров в исследуемый период времени и проводится аналогия с деятельностью сотрудников полиции Донецкой Народной Республики на современном этапе.

22 июня 1941 г. Президиумом Верховного Совета СССР издан Указ «О военном положении», введенном в некоторых областях СССР и, в первую очередь, во всех пограничных республиках¹.

Для того чтобы обеспечить разгром врага, жизнедеятельность всего Советского Союза была перенаправлена на выполнение военной программы. Практически перед всеми государственными органами ставились новые, не свойственные их деятельности ранее задачи. Это касалось и милиции Украинской ССР. Процесс выполнения военной программы начался с первых дней нападения гитлеровской Германии.

Органы милиции Советской Украины перестроили свою работу, учитывая специфические особенности военного времени. Вся деятельность органов и подразделений милиции была подчинена интересам фронта, для чего осуществлялась подготовка личного состава к участию в военных действиях против врага [9, с. 153]. Кроме того, большое внимание уделялось укреплению тыла страны.

С первых дней войны работников милиции отозвали из отпусков, перевели на штатное расписание военного времени, выдали дополнительное стрелковое оружие. Были разработаны планы усиленной боевой подготовки, в соответствии с которыми проводились систематические занятия с личным составом милиции, а строевые подразделения были переведены на казарменное положение. Данные мероприятия способствовали значительному повышению боеспособности личного состава украинской милиции в условиях военного положения.

25 июня 1941 г. СНК СССР принял решение возложить функции охраны тыла действующей Красной армии на НКВД. Начался процесс формирования на базе войск и органов НКВД и советской милиции специальных частей и соединений [4, с. 15].

Проблема кадров стала одной из главных проблем в деятельности милиции в годы Великой Отечественной войны. Это было связано с изменениями и усложнениями условий работы, повышением требований к личному составу, а также с тем, что значительное количество сотрудников ушло в действующую армию [7, с. 8–9].

Необходимость выполнять боевые задачи наряду с исполнением профессиональных функций, присущих непосредственно органам милиции, значительно усложнила работу милиции. Теперь

---

¹ О военном положении : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. // Министерство обороны Российской Федерации. Центральный архив : сайт. URL: https://archive.mil.ru/archival_service/central/resources/collection/gallery.htm?id=10967@cmsPhotoGallery (дата обращения: 21.06.2022).

работники милиции кроме обеспечения общественного порядка в условиях войны поддерживали обороноспособность и работу тыла, а также непосредственно участвовали в боевых действиях.

Основными задачами органов рабоче-крестьянской милиции были следующие: задержание шпионов; охрана важных стратегических объектов; очистка городов и оборонно-хозяйственных объектов от преступных элементов; оказание помощи населению при перемещении в бомбоубежища во время авианалетов и артобстрелов; организация тушения пожаров; помощь пострадавшим; борьба с паникерами, распространителями всякого рода провокационных слухов и мародерами; в качестве помощи транспортным органам НКВД – выявление на транспорте вражеских агентов, провокаторов; обеспечение организованной эвакуации населения, промышленных предприятий и разного рода хозяйственных грузов [5, с. 48]. Также в задачи органов милиции входило оказание содействия гражданам в установлении места жительства их родных и близких, в первую очередь детей, эвакуированных в тыл страны из прифронтовых районов [10, с. 165].

Самостоятельно или совместно с подразделениями Красной армии органы милиции проводили военные операции по ликвидации вражеских агентов, диверсантов и диверсионных групп. Враждебным элементам, которые в прифронтовой полосе сотрудничали с местными националистическими и профашистскими группировками, в начале войны удавалось захватывать, а иногда и уничтожать важные объекты, совершать террористические акты. Позже они, маскируясь под беженцев, пытались продвигаться в тыл. Это являлось особой опасностью, так как провоцировались беспорядки, совершались грабежи и убийства местного населения.

Хотелось бы подчеркнуть, что с первых дней войны большое внимание уделялось ускоренной подготовке командных кадров. Уже на четвертый день войны, 26 июня 1941 г., вышел приказ НКВД СССР «О перестройке работы учебных заведений НКВД СССР на период военного времени». В приказе были определены основные направления деятельности школ милиции, отмечалось, что срок обучения в милицейских школах сокращается, будет осуществлен досрочный выпуск курсантов, которые отправятся в действующую Красную армию [12, с. 50–51].

По результатам проведения военных действий, зимой 1942–1943 гг. была освобождена значительная часть Луганской, Сталинской и Харьковской областей, а летом 1943 г., после разгрома значительных группировок фашистских войск под Курском, продолжилось освобождение территории Украинской ССР от гит-

леровских захватчиков. К осени 1943 г. Красная армия полностью освободила Донбасс и всю Левобережную Украину.

На освобожденных территориях Украины разворачивалась усиленная работа, направленная на восстановление разрушенного оккупантами народного хозяйства республики [3, с. 163].

После деокупации данных территорий органами правопорядка при осуществлении своих функций выполнялся ряд новых задач.

На территориях, которые ранее находились в условиях фашистской оккупации, работа милиции являлась особенно тяжелой и трудной. Восстановлению Советской власти препятствовали бандитские формирования, созданные гитлеровцами еще до начала войны и продолжавшие свою деятельность даже после освобождения этих территорий.

Для обеспечения порядка в тылу Советской армии нужно было в этих районах срочно сформировать органы НКВД.

НКВД УССР ставил перед областными органами милиции конкретные задачи, которые способствовали наведению порядка в областях республики, освобожденных от фашистских захватчиков, а также определял пути борьбы с уголовными преступниками и пособниками немецких оккупантов [3, с. 165].

Особенно выделялось одно из незаконных формирований – организация украинских националистов (ОУН). Данная организация была сформирована еще в 1929 г., ее центр располагался в Берлине. Организация украинских националистов в 1943 г. инициировала создание на временно оккупированной территории Украины националистических вооруженных банд, известных под названием «Украинская повстанческая армия» (УПА). Действуя на территории западных областей Украины под руководством ОУН, созданные банды всеми силами препятствовали восстановлению Советской власти путем убийств советских и партийных работников, грабежа населения, физических расправ с теми, кто проявлял сочувствие к Советской власти [5, с. 206–207]. Также бандиты разными способами препятствовали восстановлению народного хозяйства, разрушая и сжигая предприятия и учреждения, мосты и железные дороги [12, с. 222].

Украинским националистам, большая часть которых прибыла на Украину вместе с гитлеровскими захватчиками, была отведена роль прислужников, помогающих истреблять и поработать украинский народ, а также сеять ненависть украинцев к трудящимся других национальностей и в первую очередь к русским, с целью ослабления дружбы народов СССР [15, с. 89].

Стоит отметить, что сегодня УПА признана одной из пяти украинских экстремистских националистических формирований, деятельность которых запрещена на территории России [2]. Не можем оставить без внимания высказывание «железного канцлера» Германии Отто Фон Бисмарка, которое он сделал в конце XIX в.: «Могушество России может быть подорвано только отделением от нее Украины ... необходимо не только оторвать, но и противопоставить Украину России. Для этого нужно только найти и взрастить предателей среди элиты и с их помощью изменить самосознание одной части великого народа до такой степени, что он будет ненавидеть все русское, ненавидеть свой род, не осознавая этого. Все остальное – дело времени» [1].

В свою очередь на Нюрнбергском процессе один из руководителей гитлеровской военной разведки «Абвер» Э. Штольце дал такие показания: «Мною лично было дано указание руководителям украинских националистов, германским агентам Мельнику (кличка «Консул-1») и Бандере организовать сразу после нападения Германии на Советский Союз провокационные выступления на Украине с целью подрыва ближайшего тыла советских войск» [6, с. 18].

Подпольные группы украинских националистов, которые были созданы в период немецкой оккупации и усилили свою подрывную деятельность после изгнания фашистских хозяев, были вскрыты и ликвидированы органами НКВД в Запорожской, Днепропетровской, Киевской, Полтавской, Житомирской, Сталинской и других областях Украины после освобождения территорий от немецко-фашистских захватчиков.

Проведенная органами милиции УССР масштабная работа по ликвидации вооруженных ОУНовских группировок и различных бандитских антисоветских формирований позволила отвоевать важный в идеологическом плане плацдарм для построения гражданского общества и укрепления государственности.

На основании представленной информации, можно сделать вывод, что характер службы милиции в годы Великой Отечественной войны значительно изменился – появились новые формы и методы ее работы по усилению борьбы с враждебными силами в тылу. Работники милиции выполняли нехарактерные для них задачи, что было обусловлено периодом военного времени. Одна из таких задач – непосредственное участие в боевых действиях.

Проведя параллель между событиями, происходящими на территории Украинской ССР в 1941–1945 гг. и в настоящее время, можно увидеть очевидную деградацию современного украинского государства, превратившегося после антиконституционного пере-

ворота 2014 г. в антидемократическое, русофобское образование с ярко выраженной нацистской идеологией и политикой. Реабилитация нацизма и его лидеров, использование запрещенной символики, факельные шествия, героизация бандеровцев, последователи которых сегодня расправляются с оппозиционным населением некоторых частей Украины, обусловили драматические процессы гражданского и военного противостояния, дезинтеграции и распада страны. Видится, что истоки такой деформации лежат в глубинных слоях исторического, социального и культурного развития и воспитания молодого поколения, отсутствии формирования патриотизма населения после распада Советского Союза и в активной работе прозападных идеолого-информационных сообществ по переписыванию истории с целью подготовки фундамента для дальнейших преобразований и трансформации общественного сознания украинцев в своих интересах.

Этой участи удалось избежать на Донбассе, где имеет место традиционно сильный интеграционный вектор единения с Российской Федерацией и уважение к памяти о подвигах прошлых поколений.

Признание Россией независимости Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики в феврале 2022 г. и последующее вхождение Республик Донбасса, Запорожской и Херсонской областей в состав Российской Федерации в октябре 2022 г. являются показателями активного интеграционного процесса.

В 2014 г., когда в апреле на Донбассе началась так называемая антитеррористическая операция (АТО) со стороны Украины, под звуки украинской авиации и артиллерии сотрудники полиции Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) сделали свой выбор – остались служить своей Родине и своему народу. Однако, в то тяжелое время многие квалифицированные кадры, включая руководство органов внутренних дел, покинули пределы Республики, выполнив приказ киевской хунты.

Кадровый голод выражался в некомплекте сотрудников. Например, на несколько районных отделов полиции нес службу один начальник. В органах внутренних дел проявлялась большая нехватка следователей, оперативных сотрудников, участковых инспекторов и т. д.

Постановлением Совета Министров ДНР № 6–5 от 25 мая 2014 г. на всей территории Донецкой Народной Республики было введено военное положение¹. Решение было принято в связи с актом

---

¹ О введении на территории Донецкой Народной Республики военного положения : постановление Совета Министров ДНР № 6–5 от 25 мая 2014 г. URL: <https://>

внешней агрессии против ДНР со стороны подчиняющихся властям Киева военных и военизированных формирований. Криминогенная обстановка на территории Республики была напряженной, стал расти уровень преступности.

17 июля 2014 г. постановлением Совета министров ДНР было создано Министерство внутренних дел ДНР. Среди поставленных для созданного Министерства внутренних дел ДНР задач защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан в ДНР, противодействие преступности, охрана общественного порядка, собственности и обеспечение общественной безопасности¹.

Согласно статистических данных Информационного центра МВД ДНР, количество зарегистрированных на территории ДНР преступлений насильственного характера (убийства, причинение тяжких телесных повреждений, разбои) и преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и боеприпасов, за период с 2015 по 2022 гг. постепенно уменьшилось. Так, благодаря проведенной работе сотрудников органов внутренних дел МВД ДНР, количество разбоев уменьшилось с 294 в 2015 г. до 43 в 2022 г.; количество преступлений, связанных с незаконным обращением с огнестрельным оружием и боеприпасами, уменьшилось с 892 в 2015 г. до 269 в 2022 г. [11].

Отметим, что, как и в период Великой Отечественной войны, так и при обострении оперативной обстановки в Донецкой Народной Республике, в условиях военной агрессии со стороны Украины строевые подразделения МВД ДНР были переведены на усиленный вариант несения службы.

Сотрудники полиции ДНР ведут борьбу не только с уголовной преступностью, но и выполняют поставленные перед ними боевые задачи, такие как: ведение боевых действий; охрана важных стратегических объектов; эвакуация мирного населения; круглосуточное несение службы на блокпостах; осуществление контрразведывательных функций в отношении диверсионно-разведывательных групп главного управления разведки министерства обороны Украины (ГУР МО) и службы безопасности Украины (СБУ); зачистка

---

pravdnr.ru/npa/postanovlenie-soveta-ministrov-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-25-maya-2014-g-%E2%84%96-6-5-o-vvedenii-na-territorii-doneczkoj-narodnoj-respubliki-voennogo-polozheniya/ (дата обращения: 20.03.2023).

¹ О создании Министерства внутренних дел Донецкой Народной Республики : постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 17 июля 2014 г. № 17-4. URL: <https://pravdnr.ru/npa/postanovlenie-soveta-ministrov-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-17-iyulya-2014-g-%E2%84%96-17-4-o-sozdanii-ministerstva-vnutrennih-del-doneczkoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 20.03.2023).

освобождаемых населенных пунктов; выявление пособников националистов, с целью предупреждения совершения ими терактов против мирных жителей.

Также на органы внутренних дел ДНР возлагается задача по участию в деятельности военно-гражданских администраций с целью осуществления скорейшего перехода от военной к мирной жизни и обеспечения возможности восстановления инфраструктуры и объектов жизнедеятельности освобожденных населенных пунктов.

Особенно следует отметить, что личный состав полиции ДНР, защищая свою Родину, при выполнении боевых и оперативно-боевых задач, принимает непосредственное участие в боевых действиях наравне с военнослужащими Народной милиции ДНР.

Отдельно остановимся на освещении роли курсантов Академии МВД ДНР имени Ф. Э. Дзержинского, принимающих участие в специальной военной операции. Сроки обучения в Академии, так же как и годы Великой Отечественной войны, были сокращены. Молодые ребята возрастом от 18 лет и старше выполняли поставленные перед ними боевые задачи. Так, курсанты несли наряды, охраняя важные объекты, оказывали помощь в охране правопорядка на блокпостах при осуществлении паспортного контроля и личного досмотра граждан и автотранспорта, оказывали содействие военнослужащим в обеспечении снабжения продовольствием и боеприпасами (погрузка и выгрузка боекомплектов), находились на боевых позициях вместе с артиллерийскими и другими подразделениями, принимали участие в освобождении города Мариуполя и зачистке освобожденных территорий от преступных элементов.

Выполняя свой долг, многие из сотрудников полиции ДНР, включая и курсантов Академии, получили ранения разной степени тяжести, а ряд из них отдали свои жизни ради нашего будущего.

Размышляя над темой исследования, мы задались вопросом: «Какими же были главные основы победы Советского народа в Великой Отечественной войне?», и пришли к выводу – это патриотизм и героизм!

В одном из интервью Президент России Владимир Владимирович Путин сказал: «Чувство патриотизма, любви к Родине, Отечеству – сердцевина нашего будущего» [8].

В свое время значимым средством патриотического воспитания советских граждан было изучение истории СССР. В период существования СССР ее руководство проводило серьезную работу по укреплению единства советского народа, сплочению всего народа, развитию патриотического воспитания граждан, что в результа-

те и привело к победе в Великой Отечественной и Второй мировой войне.

Нами уже указывалось, что неспроста сегодня сторонние силы пытаются переписать историю России, ее прошлое, преследуя цель не только ослабить патриотизм и веру в государство, но, в конечном счете, выстроить антироссийский фронт с целью укрепления западной мировой гегемонии.

Как справедливо отметил Р. С. Мулукаев: «Сегодня об этом нужно вновь говорить, поскольку на Западе распространяются взгляды, безосновательные утверждения о том, что решающую роль в победе над фашистской Германией сыграли союзники, а не Советский Союз» [7, с. 6]. Несмотря на участвовавшие на Западе попытки переписать историю в угоду политической конъюнктуре, автор отмечает вклад советского народа в Победу во Второй мировой войне.

После развала Советского Союза, стараниями целого ряда украинских исследователей, а также политиков и масс-медиа, события, связанные с украинским национализмом, переинтерпретируются, действия бандитских формирований ОУН и УПА оправдываются, а их лидеры-коллаборанты признаются героями современной Украины. Подобные квазинаучные и реакционные выводы присутствуют в трудах некоторых современных исследователей из Западной Украины, которые представляют ОУН-УПА «украинским национально-освободительным формированием, оказавшим вооруженное сопротивление врагу» [13; 14; 16].

В свою очередь жители юго-востока Украины, несогласные с государственным, антиконституционным переворотом 2014 г., оказались чужими в собственной стране. «Новая украинская власть» подавляет несогласных с помощью вооруженных сил и националистических батальонов, в результате чего современное общество столкнулось с попыткой возрождения неонацизма.

Известно, что с трансформацией исторических фактов меняются и убеждения, что в конечном итоге ведет к искажению традиционных ценностных ориентиров и идеологии.

Фальсификация истории способствует изменению убеждений, формированию антиисторических, ложных, несоответствующих реальности мифологем. Через пропаганду ложная история превращается в определенные убеждения огромной массы людей и становится реальной доминантой человеческого поведения.

Стоит отметить, что в настоящее время как в новых субъектах Российской Федерации (Донецкой и Луганской Народных Республиках, Запорожской и Херсонской областях), так и в остальной ее части с целью недопущения искажения и фальсификации истории

следует уделять повышенное внимание ее изучению, что решительным образом влияет на формирование патриотического сознания современной молодежи и противодействию идеологии подмены исторической реальности.

Опыт деятельности советской милиции в условиях военного времени является востребованным и незаменимым в деле борьбы с неонацизмом. Мы можем убедиться в этом даже после почти 80-ти лет со времен Великой Отечественной войны.

Список литературы:

1. Бисмарк о России и Украине // Отечество. Народный журнал : сайт. URL: <https://journal-otechestvo.ru/bismark-rossia-ukraina/> (дата обращения: 25.01.2023).

2. Верховный суд РФ признал экстремистскими пять украинских националистических организаций // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/politika/1577218/> (дата обращения: 25.01.2023).

3. Из истории милиции советской Украины / Ю. В. Александров [и др.] ; под ред. П. П. Михайленко. Киев, 1965. 400 с.

4. Исаков В. М., Мельник Е. В. НКВД и милиция советского государства в условиях военного и послевоенного времени (1941–1950 гг.) // Вестник Московского университета МВД России. № 9. 2015. С. 14–17 с.

5. История Советской милиции : в 2 т. / С. М. Крылов [и др.] ; под ред. Н. А. Щёлокова. М., 1977. Т. 2. 338 с.

6. Логвиненко И. М. Участие работников милиции в Великой Отечественной войне // Труды Киевской высшей школы МВД СССР, 9. Киев, 1975. С. 13–19.

7. Мулукаев Р. С. Советская милиция в годы Великой Отечественной войны // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2015. № 1. С. 5–9.

8. Россия находится на «марше развития», считает Путин // РИА НОВОСТИ : сайт. URL: <https://ria.ru/20210214/rossiya-1597384980.html> (дата обращения: 22.03.2023).

9. Скилягин А. Т. Советская милиция в годы войны // Внутренние войска и органы внутренних дел в период Великой Отечественной войны 1941–1945 : материалы науч.-практ. конф. Ленинград, 1976. 200 с.

10. Советская милиция: история и современность (1917–1987). М., 1987. 336 с.

11. Статистические данные Информационного центра МВД ДНР № 5/5- 226 от 20 марта 2022 г.

12. *Шатилова О. А.* Профессиональная подготовка кадров органов милиции Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей / под ред. В. Ф. Воловича. Томск, 2005. Ч. 25. С. 49–52.
13. *Білас І. Г.* Репресивно-каральна система в Україні. 1917–1953: Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз : у 2 кн. К., 1994. Кн. 1 432 с.
14. *Боровікова В. С.* Актуальність об'єктивного осмислення діяльності радянських ОВС західних областей УРСР у 40-х рр. XX ст.: історично-правовий аспект // Проблеми правової реформи та розбудови громадянського суспільства в Україні: Тези доповідей на Всеукраїнській науковій конференції ад'юнктів, аспірантів та здобувачів 28 вересня 2007 р. Львів, 2007. С. 22–25.
15. Історія держави і права Української РСР 1917–1967 рр. : в 2 т. / ред. кол.: Б. М. Бабій [та ін.]. Київ, 1967. Т. 2, 1937–1967 рр. 428 с.
16. *Кульгавець Х. Ю.* Основні методи боротьби органів внутрішніх справ проти українського націоналістичного підпілля у західних областях УРСР (1944–1950 рр.) // Проблеми правової реформи та розбудови громадянського суспільства в Україні: Тези доповідей на Всеукраїнській науковій конференції ад'юнктів, аспірантів та здобувачів 26 вересня 2008 р. Львів, 2008. С. 119–123.

Анастасия Викторовна Данчевская,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин
Восточно-Сибирский институт МВД России
E-mail: vashan16@mail.ru

Вопросы организации службы чинов общей полиции Российской империи во второй трети XIX в.

Аннотация

В работе проведен анализ нормативной базы организации службы чинов общей полиции во второй трети XIX в. Автором изучены материалы Свода законов Российской империи и Полного собрания законов Российской империи (далее – ПСЗ II), на основе которых выявлены особенности процедуры принятия на полицейскую службу, установлен перечень лиц, имевших право поступления и лишенных такового, а также список предоставляемых соискателем документов. Устав о службе гражданской по определению от правительства, помимо названного, устанавливал права и преимущества служащего в зависимости от занимаемой должности и присвоенного чина, а также некоторые «социальные гарантии» – жалование, дополнительные выплаты и особые преимущества, в зависимости от должности, условий и места службы. Акты ПСЗ II дополняли и конкретизировали правила, установленные Уставами.

Ключевые слова и словосочетания: *Свод законов Российской империи; Полное собрание законов Российской империи; Устав о службе гражданской; полицейская служба; полицмейстер; исправник; жалование; столовые деньги; квартирные деньги; пенсия.*

Организация службы полицейских чиновников является одним из важнейших направлений в деятельности органов внутренних дел Российского государства, поскольку от особенностей этой организации, ее грамотного выстраивания во многом зависит эффективность деятельности полиции. В Российской империи полиция прошла длительный эволюционный путь – от полицмейстерской канцелярии в Санкт-Петербурге 1718 г. до разветвленной структуры общей и политической полиции первых десятилетий XX в. Одним из направлений развития был поиск оптимальной организации службы полицейских чинов.

Проблему организации службы полицейских чиновников Российской империи нельзя назвать глубоко изученной, изученность проблемы можно охарактеризовать как фрагментарную. Так, исследователи обращают внимание на изучение различных локальных вопросов: комплектования полиции [1; 2] или финансового обеспечения и социальной защиты чинов полиции [5]. В качестве самостоятельного предмета изучения выступают Свод законов Российской империи [3] и Полное собрание законов Российской империи [4].

В начале XVIII в. были определены лишь источники кадров для полицейской службы, а регламентация множества вопросов, связанных с материальным, жилищным и денежным обеспечением, средствами поощрения и наказания, и прочим осуществлялась в течение более чем столетия.

Общей основой организации полицейской службы с 1835 г. вплоть до событий 1917 г. стали Уставы о службе гражданской, вошедшие в III том Свода законов Российской империи. Так, Устав о службе гражданской по определению от правительства устанавливал критерии отбора кандидатов на гражданскую службу (происхождение, возраст и образование), механизм поступления, соподчинение чинов и должностей, некоторые «социальные гарантии» – жалование, столовые и квартирные деньги, форму, пенсионное обеспечение.

Перечень лиц, имевших право поступать на гражданскую службу по происхождению, составлял 11 пунктов и включал потомственных дворян и сыновей личных дворян и других лиц. Все эти лица принимались со званием канцелярских служителей и, в зависимости от происхождения, они делились на три разряда. Помимо перечня имевших право на поступление, существовал также список тех, кому к поступлению на гражданскую службу вход был закрыт. К ним относились: иностранцы, некоторые купцы и их дети, некоторые личные почетные граждане и их дети, мещане, люди, принадлежащие к податному состоянию и др.

Для первоначального определения на службу соискатель должен был написать просьбу на высочайшее имя на гербовой бумаге и предоставить выписку из метрической книги, а также документы, подтверждающие звание и право поступления на службу. Поступление на службу сопровождалось обязательным приведением соискателя к присяге соответствующего ведомства. В случае если отставной чиновник желал вернуться на службу, к вышеназванным бумагам следовало приложить послушной список и иные документы по прежней службе.

Права и преимущества гражданского служащего определялись не по должности, а по чину, и сохранялись после ухода в отставку. Лишение чина могло осуществляться исключительно приговором суда, утвержденным самим императором. В Уставе достаточно подробно описана субординация, определявшая преимущество старших чинов над младшими, а чиновников военной службы – над чиновниками гражданской. Нарушение субординации влекло наложение выговора.

В соответствии с Уставом, лицам, состоявшим в гражданской службе, в том числе служащие полиции, определялось жалование и, в зависимости от должности, – столовые и квартирные деньги или квартиры «в натуре». Канцелярские служители получали сверх того одежду и паек.

Жалование определялось по чинам, по занимаемым должностям, по особым распоряжениям начальства либо по особым Величайшим назначениям. Канцелярским служителям, не имевшим классных чинов, жалование назначалось в зависимости от установленного разряда. Нижним служителям, определенным на должность по найму, назначалась плата из остатков от штатных сумм по согласованию. В случае беспорочной службы в одном ведомстве по истечении пяти лет размер оклада увеличивался на треть, после 10 лет – еще на треть, а после 15-ти – вдвое.

Столовые и квартирные деньги определялись штатами и положениями только для некоторых должностей, в том числе полицейского ведомства. Квартирные деньги должны были выдаваться вперед за треть месяца, а столовые – сразу за весь месяц. Обеспечение жильем существовало в двух вариантах: казенные квартиры либо найм квартир у обывателей. Так, штатами царскосельской городской полиции от 1844 г. устанавливалась выдача казенных квартир полицмейстеру, письмоводителю и брандмейстерам в натуре, а выдача квартирных денег частным приставам, квартальным надзирателям, бухгалтеру и его помощнику осуществлялась в размере 1 257 руб. 60 коп. лишь в случае отсутствия квартир в натуре¹.

Для выплаты будущих пенсий и пособий из жалования чиновников осуществлялся ежегодный вычет, который рассчитывался по состоянию на 1857 г., исходя из размера оклада жалования. Если оклад превышал 142 руб. 95 коп., то вычет составлял по две копейки с рубля. Если оклад был менее этой суммы, то по одной копейке. Из столовых денег вычиталось по одной копейке с рубля.

---

¹ПСЗ II : в 55 т. СПб., 1830–1884. Т. 19. № 18291.

Канцелярским служителям третьего и четвертого разрядов полагалось выдавать форменную одежду, а канцелярским служителям, не принадлежавшим к первому и второму разрядам, назначался из казны обыкновенный воинский паек.

В случае командирования чиновника по делам службы ему полагались следующие выплаты: прогонные деньги (устанавливались по количеству лошадей, в зависимости от класса и чина), дорожные деньги, пособия на подъем и путевые издержки, суточные и квартирные деньги. При этом на отдельных территориях существовали особые правила. Так, в Якутской области полицейским чиновникам, командироваемым в дальние города для препровождения высылаемых туда лиц, и конвойным жандармам отпускалось из казны суточных по 60 и по 15 коп. соответственно на счет виновных. Чиновникам в Сибири, отправлявшимся по делам службы в уезды (округа) дальше тысячи верст от места службы, суточные деньги полагалось выплачивать на том же основании, как было установлено для чиновников внутренних губерний, командироваемых в другие губернии.

Для отдаленных местностей и малонаселенных краев империи, а также ряда западных губерний были установлены особые преимущества службы, разделявшиеся на две категории: общие и частные. Для сибирских губерний и областей, а также губерний русского севера и юга были установлены общие преимущества службы, которые распространялись как на уроженцев данных территорий, так и на жителей других губерний, желавших переехать и поступить там на службу. Так, в порядке исключения на гражданскую службу могли быть приняты сыновья лиц свободных городских сословий и церковнослужителей при условии предоставления ими доказательства о приобретении необходимых для службы познаний, то есть свидетельств от гимназий или семинарий об окончании полного курса обучения или прохождении соответствующих испытаний.

Всем классным чиновникам, определявшимся на службу в Сибирь и Ставропольскую губернию, из казны выдавалось пособие на подъем и обзаведение, а также прогонные деньги в двойном размере на весь путь. В этом случае служащие обязаны были служить в той области или губернии, куда были определены, не менее трех лет. Отставка ранее установленного срока обязывала возвращать выданные средства в полном объеме.

Принятие Уставов не означало окончательного устройства полицейской службы, поскольку они распространялись на любую гражданскую службу, а полиция имела ряд специфических особенностей, требовавших отдельной проработки. Эти особенности

были обусловлены самим характером деятельности полиции и продолжавшимися изменениями в устройстве полицейских органов, а также исторически сложившимися факторами. Например, тем, что штаты полиции изначально пополнялись из числа военных, которым следовало сохранить на новом месте службы ряд преимуществ, приобретенных на прежнем месте. Один из прецедентов был связан с переименованием служащих полиции в военные чины. Указом императора в 1835 г. было установлено правило, по которому такое переименование становилось способом поощрения и могло применяться лишь к тем полицмейстерам и городничим, которые находились на военной службе ранее¹. Спустя несколько месяцев на места было спущено пояснение, что такой способ поощрения может применяться при условии беспорочной службы на указанной должности не менее пяти лет².

Принятое в июне 1837 г. Положение о земской полиции³ предусматривало ее реорганизацию и устанавливало порядок определения и увольнения чинов и служащих земского полицейского управления. Лица на наиболее высокие должности земских судов выбирались из числа местного дворянства, однако если в этой местности не существовало дворянских выборов, а также если речь шла о замещении более низких должностей, то эти лица назначались в соответствии с установленным законом регламентом.

Таким образом, начиная с 1835 г., в Российской империи выстраивалась общая система регламентации полицейской службы. После реформы полиции в 1862 г. были определены новые штаты городских и уездных полицейских управлений для губерний, управляемых по Общему учреждению, а также установлен порядок финансирования полицейского ведомства. Временные правила об устройстве полиции не являлись исчерпывающими, однако стали основой для выстраивания новой структуры городской и уездной полиции, в связи с чем некоторые принятые ранее правила утратили актуальность, и потребовалось создавать новые.

Список литературы:

1. Аказеев Д. М. К вопросу о комплектовании полиции Российской империи в первой половине XVIII века // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 2 (38). С. 70–73.

---

¹ ПСЗ II : в 55 т. СПб., 1830–1884. Т. 10. № 8321

² ПСЗ II : в 55 т. СПб., 1830–1884. Т. 10. № 8702.

³ ПСЗ II : в 55 т. СПб., 1830–1884. Т. 12. № 10305.

2. *Кофтина Ю. Н.* Историко-правовой анализ замещения должности полицейского в государственной службе Российской империи // *Право и государство: теория и практика.* 2020. № 2 (182). С. 155–157.

3. *Самарский А. Н., Жуланов А. В.* Свод законов российской империи как основополагающий памятник полицейского права XIX века // *Вестник Уфимского юридического института МВД России.* 2021. № 1 (91). С. 19–24.

4. *Тушемилов М. В.* Организация и деятельность полиции России в XIX начале XX в. В документах полного собрания законов Российской империи // *Власть.* 2010. № 5. С. 135–138.

5. *Якушев В. А.* Правовые основы финансового обеспечения и социальной защиты сотрудников полиции, проходивших службу в Сибири и на Дальнем Востоке Российской империи // *Вестник Сибирского юридического института МВД России.* 2008. № 2. С. 193–196.

Вячеслав Жоржович Дорохов,
кандидат исторических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры социально-гуманитарных и
экономических дисциплин
Дальневосточный юридический институт МВД России
E-mail: dorohova_elen@mail.ru

Проблемные вопросы организации местной противовоздушной обороны НКВД – МВД СССР в послевоенный период

Аннотация

В истории создания и деятельности Местной противовоздушной обороны (далее – МПВО) были как успехи, так и неудачи. Одним из сложных для МПВО периодов стало послевоенное время 1945–1960-х гг., когда чрезвычайное напряжение военного времени сменилось на свою полную противоположность. Оптимизация структуры, сокращение штатов подразделений, задач и мероприятий МПВО способствовало тому, что на местах, в территориальных УВД данное направление работы оказалось практически свернуто. Новое обострение международной обстановки, вызванное наращиванием США военных и дипломатических усилий по изоляции СССР, формированию вдоль его границ «железного занавеса» и цепи военных баз потребовало полного пересмотра и обновления всей системы МПВО. МВД СССР – МВД РСФСР, ответственное за это направление, в течение 1955–1961 гг., при минимальных финансовых затратах сумели не только реанимировать, но и существенно укрепить МПВО страны.

Ключевые слова и словосочетания: МПВО МВД СССР; Организация Варшавского договора; «Угрожаемое положение»; защита населения; бомбоубежища.

Специальная военная операция, проводимая российской армией на Украине с 2022 г. обозначила множество насущных военно-политических и социально-экономических проблем, требующих своего скорейшего разрешения. В частности, одной из таких проблем является вопрос обеспечения безопасности гражданского населения от артиллерийского или ракетного обстрела, бомбардировок с воздуха.

В этой связи становится актуальным обращение к богатому опыту деятельности органов внутренних дел, почти два десятилетия

XX в. направлявших и обеспечивавших данное направление деятельности под общим названием Местная противовоздушная оборона (МПВО).

Изначально, в 1932 г., МПВО создавалась исключительно в качестве составной части Красной Армии с задачей обеспечения защиты населения, городов, объектов промышленности и транспорта от нападения с воздуха. В сферу деятельности МПВО помимо этого входило строительство и эксплуатация защитных сооружений, маскировка городов и объектов, формирование команд МПВО из гражданского населения, организация охраны порядка при введении «Угрожаемого положения» и при нападении, спасательные работы и даже обезвреживание авиабомб.

С 7 октября 1940 г., согласно постановлению СНК СССР, руководство МПВО было возложено на НКВД СССР, в структуре которого было создано Главное управление МПВО.

В военный период 1941–1945 гг. НКВД СССР, руководившее МПВО, смогло показать себя с самой лучшей стороны, отладив четкую систему обеспечения светомаскировки городов и объектов, организации оповещения, укрытия и эвакуации населения во время артиллерийских и воздушных налетов. Что характерно, если до Великой Отечественной войны предполагалось, что зона постоянного затемнения не должна по глубине превышать 150 км, то с началом войны Генеральный Штаб МПВО НКВД СССР своей директивой от 9 сентября 1941 г. увеличил ее до 800 км. Но и в этом случае большая часть территорий страны формирования МПВО не создавала и соответствующих мероприятий не осуществляли. Так, например, Сибирь, Урал, Приуралье, Среднее и Нижнее Поволжье к местной противовоздушной обороне не готовились. На Дальнем Востоке, в дополнение к Благовещенску, Хабаровску и Владивостоку, пункты МПВО были созданы лишь еще в трех городах – Совгавань, Николаевск-на-Амуре и Свободный. При этом «Угрожаемое положение» на Дальнем Востоке вводилось только на период войны с Японией.

Завершение войны привело к резкому затуханию деятельности МПВО. Существенно ускорило этот процесс и Постановление СНК СССР от 24 октября 1945 г. «О реорганизации штабов и расформировании городских частей МПВО». Сокращались либо упразднялись формирования МПВО предприятий и учреждений, сворачивалось обучение личного состава. Тренировки и учения стали формальными. Защитные сооружения оказались либо заброшены, либо переведены в разряд складских помещений. Министерства и ведомства, сосредоточившие все людские и материальные ресур-

сы на восстановлении разрушенного хозяйства, подготовкой страны к действиям по линии МПВО практически не занимались. Вопросы организационного построения, подготовительные мероприятия по линии МПВО отрабатывались лишь в масштабах отдельных городов либо объектов.

В местных Управлениях МВД отмечалась аналогичная тенденция. Отделы МПВО сворачивали свою деятельность, сохраняя за собой лишь функцию инспектирования готовности МПВО населенных пунктов или объектов. В некоторых подразделениях сворачивались и сами отделы. Так, например, в Управлении милиции Ленинграда вместо отделения МПВО со штатом в 5 ед. всю работу по этой линии возложили на одного гражданского работника. В лучшем случае в территориальных подразделениях должность инспектора МПВО заполнялась аттестованным сотрудником милиции, который в дополнение к своим прямым обязанностям по совместительству занимался другой работой, как это было в Кокчетавской области Казахской ССР, где инспектор МПВО участвовал в конвоировании арестованных, занимался проверкой постовой службы и руководил 11 участковыми уполномоченными¹.

Что говорить о мероприятиях МПВО, если на местах оказалась заброшена даже работа по бронированию и учету военнообязанных запаса.

К серьезному пересмотру работы по линии МПВО МВД СССР приступили лишь следом за созданием в мае 1955 г. Организации Варшавского Договора.

Согласно постановлению Совета Министров СССР от 29 июля 1955 г. «О мероприятиях по повышению готовности местной ПВО страны к защите населения и промышленных объектов от атомного оружия», полностью обновлялась структура МПВО страны и ее задачи, с расчетом на обеспечение противоатомной защиты населения. В МВД СССР учреждалась должность первого заместителя по МПВО, в ведении которого создавался Штаб МПВО страны. На местах – краевые и республиканские штабы, в качестве полноценных органов управления территориальных начальников МПВО.

В обновленном «Положении о местной ПВО Союза ССР» (1956 г.) все города, в зависимости от важности, разделялись на особые группы – с 1 по 5. Ввод «Угрожаемого положения» теперь осуществлялся только по решению Правительства СССР. Важным обновлением стало и то, что Положение предусматривало подключение к работе множества министерств и ведомств, для создания

---

¹ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 1374. Л. 1.

общесоюзных служб МПВО: оповещения и связи, охраны порядка и безопасности, медицинской, противопожарной, транспортной, торговли и питания.

Фактически только после этого МПВО МВД СССР предстала в качестве полноценной системы общегосударственных мероприятий, организуемых и осуществляемых на всей территории страны в целях защиты населения, создания условий, обеспечивающих надежность работы народного хозяйства, в условиях ведения военных действий.

С этого момента статус МВД СССР, отвечавшего в целом за МПВО, существенно возрос. Теперь Министерство внутренних дел получило право отдавать распоряжения и требовать отчета об их выполнении практически от всех министерств и ведомств Советского Союза. Одновременно существенно сузились непосредственные задачи территориальных органов внутренних дел, выполняемые в рамках МПВО, которые теперь сосредоточились исключительно на вопросах военно-мобилизационной готовности своих подразделений и создания специальных служб охраны порядка на «Угрожаемый период».

Подготовка к «Угрожаемому периоду» предполагала осуществление широкого спектра вопросов в органах правопорядка. Это и налаживание действенного контроля за секретной документацией, разработка и проверка планов эвакуации, мест размещения и укрытия личного состава подразделений, отработка мероприятий гражданской обороны, налаживание взаимодействия с вооруженными силами и органами КГБ на случай войны, а также отработка действий в случае воздушного налета или атомного нападения. Так, в частности, планами предусматривалось, что подразделения ОУР и ОБХСС, разрешительной системы в «Угрожаемый период» сосредоточат усилия на сохранности социалистической собственности, нормировании продуктов, изъятии оружия у населения; наружная служба и участковые – на развертывании пунктов связи, работе с подсобными силами милиции, организации контроля за светомаскировкой; ГАИ – на контроле за автотранспортом, оборудованием ими свето-маскирующими устройствами, регулированием движения в условиях частичного и полного затемнения города; паспортные отделы – на усилении паспортного режима, налаживании справочной работы, в условиях эвакуации населения и проведения мобилизации и т. д.¹

---

¹ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 1373. Л. 37–44.

Однако органы правопорядка, с 1953 г. перманентно реформируемые, занятые вопросами оптимизации, сокращения и обновления кадрового состава, сосредоточенные на вопросах обеспечения общественного порядка, вопросам по линии МПВО внимания уделяли мало.

Предпринимавшиеся в 1956–1959 гг. попытки по формированию территориальных звеньев МПВО на местах, восстановлению защитных сооружений, обеспечению светомаскировки объектов, организации обучения личного состава действиям в случае атомного нападения¹, дальше издания нормативной документации не шли. Сокращавшиеся бюджетные расходы на МВД СССР (на 318,8 млн руб. в год) не позволяли не то, чтобы разворачивать МПВО, но даже содержать уже имевшиеся структуры [1, с. 26].

Так, 20 июля 1956 г. приказом МВД СССР утверждается инструкция «По организации светомаскировки и укрытию личного состава и спецконтингента в лагерях и тюрьмах»², 29 сентября – «Положение о службе охраны порядка и безопасности МПВО», 11 октября 1956 г. – инструкция МПВО «На случай внезапного нападения с воздуха и проведения мероприятий по подготовке объектов к противорадиационной защите».

При этом только 11 января 1957 г. МВД РСФСР своим приказом объявляет о разработке проекта мобилизационного плана МВД РСФСР³, потребовав от подведомственных подразделений представить в финансовый отдел МВД РСФСР проекты балансов доходов и расходов к 25 марта 1957 г.⁴, соответственно на местах за начало отсчета в оформлении плановой и оперативно-технической документации МПВО объектов УВД было установлено 30 марта 1957 г.⁵

Невозможность в короткие сроки восстановить капитальные защитные сооружения, тем более построить новые, привела к тому, что в МВД стал прорабатываться вопрос о создании на первое время простейших защитных сооружений. Так, в июле 1957 г. начальник ГУМ МВД СССР М. В. Барсуков направил в адрес Министра записку «О мероприятиях МВД СССР по линии милиции при введении Угрожаемого положения», в которой предложил «с целью сохранения жизни работников милиции» в случае воздушного

---

¹ Архив УМВД России по Приморскому краю Ф. 12. Оп. 1. Д. 261 Л. 18.

² Архив УМВД России по Приморскому краю Ф. 12. Оп. 1. Д. 246. Л. 97.

³ Центральный архив МВД России Ф. 27. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–3.

⁴ Центральный архив МВД России Ф. 27. Оп. 1. Д. 25. Л. 65.

⁵ Архив УМВД России по Приморскому краю Ф. 12. Оп. 1. Д. 311. Л. 9.

нападения приступить к устройству 25 тыс. укрытий простейшего типа (щелей) в местах расположения наружных постов милиции¹. Несколько ранее начальник МПВО РСФСР полковник Усов, аналогично предложил использовать в качестве сооружений противохимической защиты «существующие в городском хозяйстве бани, гаражи и троллейбусные депо»².

Несмотря на неготовность местных формирований МПВО, отсутствие как таковых убежищ, МВД РСФСР с марта по сентябрь 1957 г. объявило о проведении специального обучения аттестованного и вольнонаемного состава, членов их семей, территориальных УМВД «противоатомной, противохимической и противобактериологической защите, согласно 22-часовой программе ДОСААФ»³.

Интенсивная работа МВД по обновлению нормативной и плановой документации на местном уровне, в территориальных органах правопорядка отражалась весьма своеобразно, больше в документальной, нежели практической плоскости. Например, на о. Сахалин в УВД дальше определения перечня объектов МПВО работа не пошла⁴.

Характерно, что и МВД довело информацию на места о начале работ по подготовке к действиям в военное время только в 1958 г. Накануне МВД РСФСР издало ряд установочных нормативных документов: 11 апреля – приказ «С объявлением Перечня сведений, подлежащих засекречиванию по аппарату МВД РСФСР и учреждений МВД, УВД республик, краев, областей»⁵; 26 апреля – Распоряжение «О разработке схемы оповещения личного состава центрального аппарата для организации эвакуации»⁶.

Тогда же развернулась и работа по возрождению системы «бронирования» личного состава. Так, в Приморском крае, согласно приказу начальника УВД от 30 января 1958 г., требовалось до 10 февраля завершить переоформление отсрочки от призыва военнообязанных запаса, закрепить во всех подразделениях ответственных лиц за данное направление и завести персональный учет на каждого из военнообязанных сотрудников⁷.

В августе 1958 г. в СССР состоялось первое полномасштабное учение МПВО на тему «Введение местной противовоздушной

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 1372. Л. 53–55.

² Центральный архив МВД России Ф. 27. Д. 2. Л. 382.

³ Архив УМВД России по Приморскому краю Ф. 12. Оп. 1. Д. 261. Л. 18.

⁴ Архив УМВД России по Сахалинской области Ф. 1. Оп. 1. Д. 142. Л. 80.

⁵ Центральный архив МВД России Ф. 27. Д. 268. Л. 321–322.

⁶ Центральный архив МВД России Ф. 27. Д. 38. Л. 10.

⁷ Архив УМВД России по Приморскому краю Ф. 12. Оп. 1. Д. 268. Л. 7.

обороны страны в начальный период войны», где, помимо личного состава подразделений МВД (73 тыс. сотрудников органов внутренних дел страны: 32,2 тыс. начальствующего и 40,8 тыс. рядового состава)¹, были задействованы сухопутные и воздушные части Министерства обороны, а также гражданская авиация страны. Очевидно, это было ответным ходом на череду учений стратегической авиации проведенных ВВС США в начале 1958 г. «Грубая игра» (12–15 февраля) и «Снегопад» (10–18 марта), на которых американцы отработывали нанесение массированных ударов.

Как показали учения, эффективность выполнения задач органами внутренних дел в предвоенный и военный период во многом зависела от наличия достаточного количества вооружений, транспорта и средств связи. Очевидно поэтому Дальневосточное МУВС МВД РСФСР в феврале 1961 г. своим распоряжением обязало территориальные органы провести проверку наличия и качественного состояния архимического вооружения и боеприпасов, согласно которому инвентаризации подлежало все стрелковое вооружение, боеприпасы, химимущество, смазочно-обтирочные материалы, оптические приборы, снаряжение к оружию, оптические приборы, ружейная принадлежность, военно-учебные пособия, а также мишени.

В марте 1961 г. подоспело и предписание МВД РСФСР, касающееся автотранспорта. Речь шла о подготовке закрепленного «мехтранспорта» к передаче при объявлении мобилизации или «Угрожаемого положения» в распоряжение воинских частей. Как отмечалось в распоряжении от 1 марта 1961 г. Министра внутренних дел РСФСР генерал-лейтенанта Н. П. Стаханова «после сдачи автомашин ... восполнение изъятого мехтранспорта из учреждений МВД будет осуществляться в военное время за счет поступления его из промышленности». Идея, скажем, так себе, – ведь в случае боевых действий местные органы правопорядка, передав всю технику, окажутся маломобильны, а как показала Вторая мировая война, современная война – это война, скоростей, война машин.

Пока МВД СССР предпринимало усилия по восстановлению своих территориальных звеньев МПВО, по налаживанию системы контроля подразделений и объектов МПВО иных ведомств, Советское правительство провело рокировку, передав все контрольные функции в данной сфере из МВД в специально созданную для этого структуру – Гражданскую оборону.

---

¹ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 1369. Л. 61.

В целом следует отметить, что за послевоенное десятилетие 1945–1955 гг. многое из того, что «кровью и потом» было достигнуто за годы войны в сфере организации МПВО, военно-мобилизационных мероприятиях, оказалось довольно быстро утрачено. Специальные формирования, материально-технические ресурсы, спецоружения, нормативная, плановая и отчетная документация – все оказалось если не заброшено, то отставлено на второй, а то и десятый план.

Поэтому предпринятые в 1955–1960-х гг. МВД СССР и МВД союзных республик шаги по восстановлению данного участка работы позволили на этом временном отрезке если не реанимировать, то, по крайней мере, актуализировать и активировать возрождение мероприятий по линии МПВО.

Список литературы:

1. *Малыгин А. Я., Мулукаев Р. С.* НКВД – МВД РФ. М., 2000.

Александр Егорович Елифанов,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
отдела по изучению проблем истории МВД России
научно-исследовательского центра
Академия управления МВД России
E-mail: mvd_djaty@mail.ru

**Регламентация и практика обеспечения
уездной полицейской стражи обмундированием и снаряжением
(по материалам Саратовской губернии)**

Аннотация

Учитывая цели работы, в статье с позиций истории отечественных органов внутренних дел и на основе материалов Государственного архива Волгоградской области (далее – ГАВО), многие из которых вводятся в научный оборот впервые, раскрываются организационные и правовые основы обеспечения уездной полицейской стражи обмундированием и снаряжением. Предметом исследования явились процессы разработки и принятия решений, связанных с внешним видом, принадлежностями и производством формы и снаряжения стражников. Результаты и выводы исследования включают выявление особенностей обмундирования и знаков различия нижних чинов, младшего командного и офицерского состава стражи. Применительно к Саратовской губернии, раскрываются характерные черты форменного обмундирования стражников из числа казаков. В статье охарактеризованы порядок производства обмундирования и снаряжения полицейской стражи, их хранение и сбережение.

Ключевые слова и словосочетания: *уездная полицейская стража; Саратовская губерния; обмундирование; снаряжение.*

История служебного обмундирования органов внутренних дел России представляет собой неотъемлемую часть истории Отечества, важный аспект воспитания патриотизма и чувства гордости за принадлежность к нему. Знание истории его становления и развития приобретает сегодня особенно актуальное значение, поскольку представляет собой атрибут государственной власти, обеспечивает эффективное исполнение служебных полномочий [4, с. 138]. Как представляется, затрагиваемые в статье проблемы имеют суще-

ственную теоретическую и практическую значимость, позволяющую использовать в строительстве современных органов внутренних дел опыт, накопленный на предшествующих исторических этапах, а также устранить имеющиеся пробелы в изучении организации и деятельности полиции Российской империи.

Отчеты чинов Отдельного корпуса жандармов, командированных для инспектирования («обозрения») полицейской стражи в губерниях показали, что ее чины обмундированы весьма разнообразно. В основном это объяснялось отсутствием в посвященном полицейской страже законодательстве прямых указаний по поводу формы служебного обмундирования ее чинов. В мае 1906 г. комиссией во главе с командующим Отдельным корпусом жандармов генерал-майором В. А. Дедюлиным выработана общего и единообразного типа обмундирования для всей уездной полицейской стражи была признана одной из неотложных мер [2, л. 3]. В этой связи была образована подкомиссия, которая разработала проект формы одежды нижних чинов стражи. Названный проект в целом был утвержден комиссией В. А. Дедюлина.

В окончательном виде форма обмундирования нижних чинов уездной полицейской стражи представляла собой двубортный мундир темно-зеленого цвета с оранжевой выпушкой. При мундире в обязательном порядке надевался оранжевый шерстяной аксельбант. Обмундирование дополняли серо-синие шаровары без выпушки, фуражка с оранжевой выпушкой и металлическим гербом губернии по территориальности на тулье, черная мерлушковая папаха с аналогичными выпушкой и гербом, шинель армейского образца с темно-зелеными в обрамлении оранжевой выпушки клапанами на концах воротника, башлык армейского образца, непромокаемая накидка черного цвета, полушубок обыкновенный, а также теплые сапоги или валенки.

В летнее время стражникам полагалась разрезная рубаха – китель и шаровары из прочного холста или парусины. Головной убор представляла белая хлопчато-бумажная фуражка с темно-зеленым околышем, оранжевыми выпушками и черным полированным козырьком.

Мундир, китель, шинель и накидка в обязательном порядке снабжались погонами темно-зеленого цвета с оранжевой выпушкой. Погоны пеших стражников имели трафаретную шифровку в виде номера отряда, конных – с дополнительной буквой «К» [5, с. 93].

Отличительной особенностью формы урядников и старших стражников являлись пуговицы на названных клапанах шинелей. Кроме того, всем урядникам и старшим в командах стражников,

помимо перечисленных предметов обмундирования, присваивался темно-зеленый кушак мундирного сукна. На воротнике и обшлагах названных чинов нашивался широкий армейский галун унтер-офицерского образца. Кроме того, урядникам присваивались погоны установленной для околоточных надзирателей формы с золотым галуном. Старшие стражники на погонах имели фельдфебельскую нашивку из широкого золотого галуна [2, л. 15, об. 15].

Вместе с тем, видимо из экономии средств, вплоть до 1 января 1908 г. стражникам было предписано донашивать имевшиеся у них ранее предметы обмундирования.

Большим разнообразием отличались способы заготовки обмундирования. В одних местностях администрация в снабжении стражников мундирной одеждой никакого участия не принимала, оставляя это дело всецело на усмотрение их самих. Благодаря этому, налицо была пестрота, недоброкачественность и относительная дороговизна обмундирования. В других местах, напротив, она принимала более или менее активное участие в обмундировании стражи, заготавливая необходимые предметы хозяйственным способом, организуя этот процесс на самых разных основаниях. Принимая во внимание мнения своих членов, комиссия В. А. Дедюлина признала нежелательной передачу «постройки» обмундирования в руки самих стражников и решила остановиться на хозяйственном способе его заготовки самой администрацией. При этом предполагалось погашать произведенные расходы в течение одного года посредством определенных ежемесячных вычетов из получаемого стражниками денежного содержания. Стоимость одного комплекта обмундирования было рекомендовано ограничить 30 руб. Каждому стражнику в обязательном порядке полагался лишь один комплект вполне исправного и годного обмундирования. Никаких сроков годности на носимое стражниками обмундирование не устанавливалось, но при условии, что оно всегда будет оставаться вполне пригодным к употреблению [2, л. 15].

Практика показала, что подобный подход сказывался на внешнем виде и служебных качествах стражников не самым лучшим образом. Так, 17 и 18 марта 1916 г. Саратовский губернский инспектор полицейской стражи полковник П. С. Федоренко произвел осмотр вверенной полицейской стражи Балашовского и Царицынского уездов. При этом он с досадой обратил внимание на то, что одежда почти у всех стражников, в особенности шинели, была сильно заношенной и в единственном экземпляре [2, л. 60].

Учитывая разнообразие местных условий, из всех предложенных способов заготовки обмундирования для стражников комис-

сия избрала тот, который предполагал обязательную организацию постройки обмундирования хозяйственным способом, с предоставлением права его выбора на усмотрение губернаторов. Во избежание недоразумений, со стражниками было принято решение в обязательном порядке включать в отбираемую у них подписку – согласие на производство ежесюмесячного, в определенном размере, вычета на обмундирование. При этом последнее поступало в собственность стражников, а не казны.

По предложению некоторых членов комиссии, за состоящими в полицейской страже отставными прапорщиками и зауряд-прапорщиками было признано необходимым сохранить право ношения подобающей формы. Поскольку названные чины прочились на руководящие должности соответственно полицейских офицеров и старших стражников, эта мера была призвана способствовать подержанию в командах стражи надлежащего воинского духа. Признав данную меру весьма желательной, комиссия обратилась к военному министерству с ходатайством о предоставлении находящимся на службе в полицейской страже прапорщикам запаса прав, связанных с действительной военной службой в части, касающейся ношения соответствующей данному званию формы обмундирования.

Необходимо отметить, что, по всей видимости, из тех же соображений, за нижними чинами полицейской стражи сохранялось право ношения всех регалий, заслуженных ими прежде на военной службе. Подобные знаки различия нашивались в нижней части погон [2, л. 15].

Что касается стоявших во главе стражи офицеров полиции, то комиссия В. А. Дедюлина сочла вопрос их обмундирования не подлежащим обсуждению, поскольку он уже был разрешен в законодательном порядке. Действительно, при поступлении в уездную полицейскую стражу армейские офицеры зачислялись в нее «по роду оружия». В этой связи они обязаны были носить то обмундирование, которое было присвоено соответствующему роду войск [2, л. 11].

Все предметы снаряжения стражников подлежали изготовлению из прочной черной кожи и снабжались медными приборами. Револьверные шнуры применялись хотя и военного образца, но оранжевого цвета. Особенностью снаряжения конных стражников было то, что необходимым его аксессуаром для каждого из них была нагайка [3, с. 420]. Принимая во внимание, что снаряжение (патронташи, патронные сумки, ружейные ремни, портупей, поясные ремни и т. п.) составляют неотъемлемую принадлежность вооружения, комиссия В. А. Дедюлина постановила, что эти предметы в собственность стражников не поступают, а остаются в собственности стражи, т. е. казны. В этой связи было признано, что

снаряжение для чинов полицейской стражи в обязательном порядке должно приобретаться и ремонтироваться исключительно по распоряжению губернаторов. Вызванные этим расходы были отнесены за счет остатков по содержанию стражи.

Большое внимание обеспечению уездной стражи обмундированием и снаряжением уделялось на местах. 21 и 22 февраля 1907 г. в Саратовской губернии состоялось собрание, на котором «исполняющий дела» губернатора С. С. Татищев совместно с исправником обсудил состояние местной полицейской стражи. 8 июня того же года на предмет устранения выявленных дефектов С. С. Татищевым был издан циркуляр № 23418 [1, л. 43–45].

Согласно данному циркуляру, уездные полицейские управления были призваны самостоятельно позаботиться о «приискании» предпринимателей и мастеров, желающих заняться пошивом обмундирования для стражников. Вместе с тем сведения о таких лицах, а также установленных ими расценках за работы подлежали направлению в Губернское правление. В отличие от обмундирования, предметы снаряжения составляли собственность казны. Губернское правление заготавливало их с запасом и выдавало по мере надобности уездным полицейским управлениям по требованию.

Применительно к Саратовской губернии, существенными особенностями отличалось обмундирование стражников, набранных из числа казаков. Из отчетов жандармских чинов, командированных для «обозрения» подразделений полицейской стражи следовало, что принятые в состав полицейской стражи казаки носят присвоенную казачьим войскам форму. Отсутствовали лишь галуны, кокарды и погоны [7, л. 122].

В то же время со стороны военного министра стали возникать препятствия относительно предоставления казакам-стражникам права ношения обще-казачьей формы. Кроме того, имели место случаи обращения к губернаторам начальников гарнизонов с требованием прекратить ношение казачьего обмундирования чинами полицейской стражи [1, л. 72].

Между тем 6 декабря 1905 г. Советом министров было установлено, что в случае комплектования команд частновладельческой стражи по вольному найму из числа отставных или льготных казаков, они оставляли за собой право ношения обычного для них обмундирования. Однако при этом в каждом конкретном случае требовалось согласие соответствующего наказного атамана. Кроме того, согласно п. 2 утвержденного императором 3 июня 1903 г. положения Комитета Министров, а также состоявшегося с военным министром соглашения о конно-полицейских командах в Полтав-

ской и Саратовской губерниях, служившие в них казаки сохраняли присвоенную им форму обмундирования. Вместе с тем, согласно повелению императора от 15 марта 1884 г., чины названных команд, включая казаков, обязаны были носить на головном уборе установленную для нижних чинов полиции кокарду с изображением герба соответствующей губернии. Учитывая названные прецеденты, циркуляром Министерства внутренних дел № 74 «О форме обмундирования и вооружения казаков, поступающих на службу в полицейскую стражу» от 22 декабря 1906 г., использование принятыми в полицейскую стражу отставными и льготными казаками традиционного для них обмундирования было легализовано [2, л. 72].

26 января 1907 г. последовал посвященный обмундированию казаков-стражников циркуляр МВД № 5 [2, л. 76]. Он закрепил состоявшееся с военным министром новое соглашение, согласно которому казакам в составе команд уездной полицейской стражи было окончательно предоставлено право на ношение присвоенной казачьим войскам обычной для них формы. Вместе с тем названным циркуляром стражникам-казакам запрещалось ношение шифровок на погонах и иных знаков различия, которые свидетельствовали о принадлежности к строевым частям. Кроме того, было вновь подтверждено требование ношения стражниками этой категории кокарды с гербом соответствующей губернии на головном уборе. В том случае, если казаки не изъявляли желания облачиться в форму нового образца, при подсчете необходимых материалов и предметов для ее заготовки, согласно названному циркуляру, во внимание они не принимались. При этом им разрешалось ношение присвоенной ранее войсковой казачьей формы, но со знаками различия уездной полицейской стражи.

В заключение необходимо отметить, что, поскольку служебное обмундирование оставалось в собственности стражников, комиссия В. А. Дедюлина не сочла необходимым детально регламентировать правила его хранения и сбережения. Вместе с тем при казарменном расположении стражников было рекомендовано организовать хранение их обмундирования по образцу, принятом в военном ведомстве [2, л. 5]. Что касается снаряжения, то во всех случаях оно подлежало хранению и сбережению согласно правилам, предписанным Наставлением для обучения стрельбе 1884 г. [6] Какие-либо отклонения от них ни в коем случае не допускались.

Список литературы:

1. ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 98.

2. ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 109.

3. *Епифанов А. Е.* К вопросу о культуре правоприменения в деятельности российской политической полиции по дознанию на рубеже XIX–XX вв. // Право – явление цивилизации и культуры : материалы III Междунар. науч. конф. М., 2021. С. 411–421.

4. История отечественного государства и права / В. М. Курицын [и др.]. М., 2006. 600 с.

5. *Мулукаев Р. С., Епифанов А. Е., Чабан О. К.* История отечественных органов внутренних дел в материалах их информационных подразделений : учеб. пособие. Волгоград, 1997. 268 с.

6. Наставление для обучения стрельбе. СПб., 1884. 346 с.

7. Органы внутренних дел России: история становления и развития / А. Г. Фастов [и др.]. Волгоград, 2005. 228 с.

Николай Васильевич Иванов,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Чувашский государственный университет
имени И. Н. Ульянова
E-mail: Ivanov.N.V58@mail.ru

Участие милиции Чувашии в борьбе с голодом в 1921–1922 гг.

Аннотация

В настоящей статье, составленной на основе документов государственных архивов Чувашской Республики и опубликованных материалов периодической печати, сделана попытка обобщения роли органов милиции в борьбе с голодом на территории региона в 1921–1922 гг.

Ключевые слова и словосочетания: голод; борьба; помощь; милиция; Чувашия; дети; граждане; расхитители.

В 1921 г. Чувашскую автономную область, как и все Среднее и Нижнее Поволжье, Крым, часть Украины и Южного Урала, постигло страшное стихийное бедствие – неурожай, под угрозой реального голода оказалось более 23 млн чел.¹ О действительных размерах бедствия в регионе можно судить по следующему факту: с начала голода до 1 апреля 1922 г. в области умерло 69 тыс. чел. [5, с. 195].

Страшный характер распространения голода нашел свое отражение в материалах периодической печати того времени. Так, газета «Чувашский край» сообщала о нескольких случаях каннибализма: «В ночь на 27 февраля 1922 г. в с. Катергино Чебоксарского уезда крестьянин И. Иванов в состоянии голодного иступления зарезал свою 10-летнюю дочь и съел ее в течение трех дней» и др. [9]. Повсеместно на страницах газет описывались вопиющие случаи, когда доведенные до отчаяния граждане употребляли в качестве пищи трупы людей, лошадей, коров, мелкого скота и птиц, разрывались

---

¹ Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях : сб. документов / под общ. ред. А. Я. Вышинского. М., 1939. XII. С. 66–67.

скотомогильники и другое, что зачастую способствовало распространению опасных эпидемий и заболеваний¹.

Сложившаяся в Чувашии ситуация с голодом требовала принятия экстренных мер, включая привлечение дополнительных финансовых средств. Одним из решений со стороны властных органов страны стало принятие 23 февраля 1922 г. декрета ВЦИК РСФСР с предложением всем местным Советам в месячный срок организовать принудительное изъятие из церковного имущества предметов из золота, серебра и драгоценных камней [9]. Для практической реализации этого декрета решением Чувашского облисполкома от 2 марта 1922 г. была образована специальная комиссия с включением в ее состав работников милиции [4, д. 152, с. 1].

Сразу после образования областной комиссии в населенных пунктах Чувашии повсеместно стали проводиться специальные собрания, на которых гражданам объяснялась необходимость принятия мер по изъятию церковных ценностей. В большинстве своем верующие отнеслись к таким действиям с пониманием, в некоторых случаях активно подключались к этой работе даже сами священнослужители. Например, группа священников г. Ядрин обратилась к своим прихожанам со следующим призывом: «Православные, примите проведение в жизнь Декрета об изъятии церковных ценностей, как единственный выход к спасению голодающих, собратий в мире и спокойствии» [4, д. 152, с. 12], а Ишакский церковный приходской совет Чебоксарского уезда добровольно пожертвовал в пользу голодающих, помимо серебряных риз весом 3 фунта 3 золотника (около 1.400 г), серебряные деньги в сумме 110 руб., медных монет в сумме – 10 млн руб. и 105 аршин холста, собранных в ходе так называемых «тарелочных сборов», проходивших в ходе богослужений, начиная с 8 марта 1922 г. [9, 17 марта]. Фиксировались и случаи, когда священники снимали с себя кресты и цепочки: «Крест, пожертвованный отцом Никольским, размером мал, но он спасет несколько человек от голодной смерти» [7, 23 апреля].

В Чебоксарах мероприятия по изъятию церковных ценностей завершились к 15 апреля 1922 г. Всего из 13 церквей, монастырей и соборов города изъято 23 пуда 18 фунтов и 43 золотника серебра (около 372 кг) [8, 23 апреля]. В то же время процесс изъятия церковных ценностей в сельской местности несколько затянулся [9, 7 мая].

Не везде этот процесс шел гладко и без каких-либо осложнений. Был отмечен ряд случаев, когда представители духовенства

---

¹ О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР: постановление ВЦИК // СУ РСФСР. 1922. № 19. Ст. 297.

пытались спровоцировать верующих на выступления против изъятия ценностей [4, д. 152, с. 1]. Так, священнослужители Ильинской церкви Татаркасинской волости Космодемьянского уезда среди населения распространяли слухи о том, что «...в одной из церквей ... при изъятии церковных ценностей у одного работника, снимавшего ризу с икона, отнялись руки» [3, с. 132].

В некоторых случаях дело доходило до прямых угроз физической расправы над экспроприаторами. Например, такой случай был зафиксирован в г. Ядрин, где группа верующих женщин прихода Михайлово-Архангельской церкви при подстрекательстве священника Мордвинова, дьяконов Герасимова, Щетинина и Губкина совершила прямое нападение на членов комиссии по изъятию церковных ценностей [6, с. 286].

Работники органов местной милиции и уголовного розыска совместно с работниками судебно-следственных органов принимали меры по пресечению подобных выступлений. Так, сотрудниками милиции, в г. Чебоксары была пресечена агитационная деятельность благочинного Соловьёва, церковного старосты Попова, инструктора кредитсоюза Галахова. За подстрекательскую деятельность среди верующих и выступление против изъятия церковных ценностей военный отдел ревтрибунала Чувашской автономной области в составе председателя А. П. Лбова, членов коллегии Тюмерова и Симонова, рассмотрев данное дело, приговорили Соловьёва и Галахова к высшей мере наказания, Попова – к трем годам лишения свободы [9, 16 мая].

В общей сложности к лету 1922 г., в Чувашской автономной области из 223 церквей и пяти монастырей были изъяты ценности из золота, серебра и драгоценностей общим весом 82 пуда 3 фунта 48 золотников и 32 доли (более 1 т 300 кг) [4, д. 48, с. 250]. На эти ценности удалось приобрести 16 159 пудов хлеба, 2 002 пуда муки, 432 пуда овощей, которые были использованы для оказания помощи голодающим [6, с. 281]. В свою очередь, на территории всей страны к весне 1922 г. для населения Поволжья, включая Чувашию, было собрано дополнительно 170 млн руб. золотом [8].

Свой вклад в дело борьбы с голодом внесли работники милиции и уголовного розыска Чувашии. Они также активно участвовали в сборе пожертвований, отчисляли часть продуктов из своего и так скудного пайка в фонд помощи голодающим. Так, только в январе 1922 г. в пользу голодающих ими было выделено: муки ржаной – 48 пудов 6 фунтов 57 золотников; крупы – 8 пудов 11 фунтов 63 золотника; рыбы – 7 пудов 38 фунта 66 золотников; сахару – 2 пуда 12 золотников; соли – 1 пуд 18 фунтов 8 золотни-

ков; кофе – 12 фунтов 23 золотника; сухих овощей – 1 пуд 2 фунта 8 золотников; мяса – 1 пуд 2 фунта 48 золотников; масла – 23 фунта 8 золотников; табаку – 5 фунтов 80 золотников; льна – 2 фунта 80 золотников; спичек – 17 коробок; картофеля – 3 пуда 12 фунтов 18 золотников; капусты – 1 пуд 12 фунтов. Кроме того, за этот же период работниками милиции и уголовного розыска было собрано пожертвованных деньгами в сумме 2 201 507 руб. [9, 24 марта].

Еще одним важным направлением деятельности органов милиции стала борьба с преступностью. По итогам заслушанного доклада председателя ревтрибунала А. П. Лбова, на заседании президиума облисполкома 1 апреля 1922 г. было намечено ряд мер по усилению борьбы прежде всего с такими имущественными преступлениями, как хищения, грабежи, разбой, бандитизм [1, с. 35].

В условиях разразившегося голода преступные элементы разными путями стремились обратить сложившуюся кризисную ситуацию в свою пользу. Устраиваясь на работу в пункты общественного питания, заведующими складами и базами, они зачастую умышленно запутывали отчетность, составляли фиктивные документы и ведомости на отпуск продовольствия, тем самым создавая условия для кражи и растаскивания различных товаров, включая продовольствие.

Так, в ходе ревизии 1922 г. в Ибресинской и Вурнарской заготовительных конторах органами милиции была выявлена недостача хлеба в общей сложности 9 578 пудов. За расхищение и разбазаривание хлеба, выделенного в пользу голодающих, работники заготовительных контор были привлечены к разным видам наказания, вплоть до уголовного [4, д. 133, с. 62]. В марте 1922 г. работниками милиции Цивильского уезда была разоблачена группа расхитителей в Бургаскинском детском доме [4, д. 38, с. 506]. В мае 1922 г. в Ядринском уезде работала специальная комиссия в составе сотрудников Чувашского ревтрибунала и уголовного розыска с целью выявления недочетов и злоупотреблений со стороны волостных комиссий помогла и должностных лиц при распределении пайков среди голодающих [9]. В ходе проверки в д. Передние Карачи было выявлено обвешивание путем использования поддельных гирь при отпуске товаров голодающим со склада его заведующим Трофимовым [9]. В августе 1922 г. был привлечен к уголовной ответственности председатель исполкома Богородской волости Чебоксарского уезда Волков за подделку и перепродажу конских карточек [7].

В этот же период в Чувашии резко увеличилось количество бандитских нападений с целью завладения имуществом. Жертвой бандитских налетов чаще всего становились обозы, достав-

ляющие на места продовольствие, одежду, обувь, медикаменты и другое имущество. В Чувашии продолжали активно действовать довольно крупные банды в пределах Ядринского и Чебоксарского уездов [2, с. 5].

Работники милиции, уголовного розыска, суда и ГПУ при поддержке местного населения принимали меры по своевременному задержанию преступников и привлечению их к ответственности. Благодаря принятым мерам в 1921–1922 гг., были разгромлены банды Мизюркина и Толстова, действовавшие в Мало-Карачкинской волости Козьмодемьянского уезда, Агашкина и Краснова – в Помьяльской волости Чебоксарского уезда, братьев Негометьяновых – в Богородской волости Чебоксарского уезда, Зарубина и Тенягина – в Чебоксарах, Яробейкина – в Балдаевской волости Ядринского уезда, братьев Харитоновых – в Ибресинском (Батыревоком) уезде. На основании приговоров революционного трибунала Чувашской автономной области, 13 чел. из этих банд были приговорены к высшей мере наказания, а остальные осуждены к лишению свободы на разные сроки [10].

Приведенные примеры наглядно свидетельствуют о том, что работники милиции и уголовного розыска Чувашии также внесли свой весомый вклад в борьбу с голодом на территории региона в 1921–1922 гг. Это выразилось не только в обеспечении общественного правопорядка, но и в проведении активной борьбы прежде всего с различного рода имущественными преступлениями. Они, тем самым, способствовали укреплению народной власти на местах и успешному преодолению последствий голода, созданию благоприятных условий для скорейшего восстановления разрушенного народного хозяйства.

Список литературы:

1. ГАСИ ЧР. Ф. П–1. Оп. 3. Д. 11.
2. ГИА ЧР. Ф. Р–2. Оп. 1. Д. 548.
3. ГИА ЧР. Ф. Р–77. Оп. 1. Д. 154.
4. ГИА ЧР. Ф. Р–125. Оп. 1.
5. ГИА ЧР. Ф. Р–161. Оп. 1. Д. 3.
6. *Денисов П. В.* Религия и атеизм чувашского народа. Чебоксары, 1972. 487 с.
7. Канаш. 1922. 17 авг. (на чувашском языке).
8. Правда. 1922. 21 марта.
9. Чувашский край. 1922. 22 марта.
10. Чувашский край. 1923. 7 февр.

Пётр Иванович Иванов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
главный научный сотрудник научно-исследовательского центра
Академия управления МВД России
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

Особенности становления и развития службы экономической безопасности системы МВД России: историко-правовой анализ

Аннотация

В условиях действия антироссийских санкций и иных недружественных действий, предпринятых со стороны стран Евросоюза, мы полагаем, что обращение к истории становления службы экономической безопасности в системе МВД России весьма уместным, поскольку с этим нами связывается поиск наиболее приемлемых форм и методов укрепления экономической основы государства, одновременно такого рода действия выступают ответной мерой противодействия новым вызовам и угрозам. В статье, на основе изучения и анализа обширного исторического материала, приведена краткая характеристика этапов эволюции (развития) указанной службы¹, а также законодательных и иных нормативных правовых актов, сопровождающихся принятием мер по совершенствованию организации борьбы с фальшивомонетничеством, налоговыми преступлениями, легализацией (отмыванием) криминальных доходов, казнокрадством и проявлениями коррупции. Автор настоящей статьи рассматривает противодействие указанным уголовно-правовым деяниям как механизм (систему), определяющий порядок обеспечения данной службой экономической безопасности в пределах ее полномочий. Хотим подчеркнуть, что в этом контексте в системе МВД России служба экономической безопасности выступает в качестве головной.

Ключевые слова и словосочетания: служба экономической безопасности; МВД России; защита экономических интересов; борьба с преступностью; государственность.

---

¹ Давая характеристику становления и развития указанной службы, мы не ставили перед собой задачу всестороннего их рассмотрения из-за ограниченности объема настоящей статьи. К тому же, ранее нами этот вопрос более подробно уже освещался. Об этом см.: *Иванов П. И., Кустов А. М. Служба экономической безопасности системы МВД России: историческая ретроспектива // Вопросы истории. 2020, № 8. С. 237–245.*

Говоря о становлении службы, защищающей экономические интересы страны, следует отметить, что среди специалистов теории оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) органов внутренних дел разгорелся настоящий спор относительно года рождения указанной службы. Подавляющее большинство ведущих специалистов (Б. Е. Богданов, Б. В. Бойцов, Г. К. Синилов, Е. В. Токарев, А. Ю. Шумилов и др.) утверждали, что 1919 г. следует считать началом становления службы БХСС – БЭП. При этом они свою позицию аргументировали, исходя из следующих двух состоявшихся в то время событий, а именно: а) создание НКВД РСФСР так называемой промышленной милиции¹; б) принятие трех важных инструктивных документов², непосредственно связанных с определением общего порядка осуществления борьбы, прежде всего, со спекуляцией. Особо значимыми в контексте ОРД оказались закрепленные в них положения в части осуществления негласной работы штатными секретными сотрудниками.

Как нам представляется, доводы вышеприведенных профессоров оказались вполне убедительными и в настоящее время ими руководствуются исследователи указанной области знания.

В 30-е годы XX в. в стране сложилась весьма сложная криминальная ситуация, так как экономические преступления получили широкое распространение. Для того чтобы как-то стабилизировать оперативную обстановку, государством принимается ряд мер, охватывающие определенные хронологические рамки. Условно мы поделили их на три периода.

Первый период (1937–1945 гг.). Отличительной особенностью этого периода является создание специализированной правоохранительной структуры³.

Начало *второго периода* (1946–1991 гг.) ознаменовали административные реформы, которые не обошли вниманием и службу экономической безопасности⁴.

---

¹ По существу, создается новая правоохранительная структура, специализирующаяся по борьбе с хищениями и иными корыстными преступлениями на промышленных предприятиях.

² Это следующие документы: Инструкция следователям Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией № 188, Инструкция по борьбе со спекуляцией и, наконец, Инструкция для наружного наблюдения.

³ До 1937 г. такого централизованного органа по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией не было.

⁴ Существенным преобразованием подвергся аппарат БХСС – БЭП. Частые реформы были обусловлены прежде всего стремлением отыскать эффективные организационные формы, которые бы в полной мере соответствовали меняющимся условиям

Третий период (с декабря 1991 г. по настоящее время) характеризуется изменением государственного строя. Система правоохранительных органов также претерпела структурные преобразования.

Заметим, что рассматриваемая служба в 2003 г. укрепляется за счет упраздненной налоговой полиции¹. Вследствие таких «реформ» федеральный уровень управления также претерпел изменения². Следует отметить, что на разных исторических этапах уточнялись и корректировались задачи и функции службы экономической безопасности, менялось ее организационно-структурное построение.

Небезынтересен тот факт, что такие направления противодействия рассматриваемой службы, как борьба с фальшивомонетничеством [3, с. 268–277], налоговыми преступлениями [2, с. 232–239], легализацией (отмыванием) криминальных доходов [4, с. 269–278], казнокрадством и проявлениями коррупции [1, с. 236–244] во все времена, включая Древнерусское государство в IX–XI вв., считались приоритетными, и они насквозь были пронизаны стремлением государства найти наиболее эффективные меры борьбы с ними с последующей ориентацией, особенно в советский период, на их практическое применение службой экономической безопасности.

В современный период актуальность дальнейшего развития службы экономической безопасности во многом определена Страте-

---

борьбы с экономической преступностью и коррупцией. В анализируемый период было ликвидировано Министерство внутренних дел СССР.

¹ Приведем некоторую историческую справку. В 1992 г. было создано Главное управление налоговых расследований при Государственной налоговой службе Российской Федерации. Через год это управление было преобразовано в Департамент налоговой полиции Российской Федерации, получив статус самостоятельной правоохранительной структуры. В 1995 г. Департамент налоговой полиции был переименован в Федеральную службу налоговой полиции Российской Федерации (ФСНП России), которая просуществовала до 2003 г.

² Чтобы было легче проследить «реформы», приведем историческую справку. В 2004 г. Главное управление по экономической безопасности МВД России, структурными звеньями которого стали, в том числе два управления: 1) по экономическим преступлениям; 2) по налоговым преступлениям. А в 2011 г. в ходе реформы центрального аппарата МВД России создается самостоятельное структурное подразделение — Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации (ГУЭБиПК), которое призвано осуществлять в пределах своей компетенции функции Министерства по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области обеспечения экономической безопасности и противодействия коррупции в части выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений. В настоящее время указанное управление является головным подразделением МВД России по обеспечению экономической безопасности государства, противодействию преступлениям экономической и коррупционной направленности.

гией экономической безопасности Российской Федерации¹ и Концепцией, принятой в свете ее реализации (приказ МВД России № 760 от 14 октября 2021 г. «Об утверждении Концепции реализации в системе МВД РФ государственной политики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации»).

Впервые, в частности, в Стратегии определены такие понятия, как «экономическая безопасность», «угроза экономической безопасности», «вызовы экономической безопасности», «риск в области экономической безопасности», наконец, «обеспечение экономической безопасности», которые конкретизируют и уточняют в современных условиях компетенцию рассматриваемой службы.

В свою очередь Концепция, будучи ведомственным документом стратегического планирования, определяет: угрозы экономической безопасности, цели, задачи, принципы, приоритетные направления и меры по обеспечению экономической безопасности в пределах ее полномочий. Так, меры в ней дифференцированы по следующим основным критериям: научно-теоретические, правовые, организационные, технические и оперативно-тактические, реализация которых способствует повышению эффективности противодействия экономической и коррупционной преступности.

В заключение следует отметить, что становление и развитие службы экономической безопасности системы МВД России и их особенности могут быть представлены в виде своеобразной системы: «исторические этапы – внутренние и внешние факторы – специфические особенности». При этом сама система выступает как инструмент, благодаря которому удастся целостно представить структурно-содержательное построение процесса становления и развития указанной службы. Ее становление и развитие нельзя анализировать в отрыве от ключевых положений в анализируемом контексте самой системы МВД России, поскольку рассматриваемая нами служба выступает лишь ее структурным подразделением (звеном). В то же время следует иметь в виду, что данное подразделение на сегодня является головной службой обеспечения экономической безопасности в разрезе ведомственного сегмента, деятельность которой нацелена на реализацию Концепции. Современный этап развития рассматриваемой службы характеризуется, прежде всего, тем, что подразделения экономической безопасности и коррупции, будучи в составе этой службы, одновременно входят в число опе-

---

¹ Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : принята Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 22.03.23).

ративных подразделений полиции, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в полном объеме.

Список литературы:

1. *Иванов П. И., Шитов А. С.* Коррупция и борьба с ней в исторической ретроспективе // Вопросы истории. 2020. № 10 (4).

2. *Иванов П. И., Шитов А. С.* Подразделения по борьбе с налоговыми преступлениями (история возникновения и развития) // Вопросы истории. 2021, № 1.

3. *Иванов П. И., Журавлёв А. В., Анников А. В.* Борьба с фальшивомонетничеством в России: ретроспективный анализ // Вопросы истории. 2021, № 4 (1). С. 268–277.

4. *Иванов П. И., Пирожников С. А.* Отмывание криминальных доходов: историко-правовой анализ // Вопросы истории. 2021. № 12 (1). С. 269–278.

Александр Владимирович Игумнов,
начальник отдела УРЛС
ГУ МВД России по Иркутской области
E-mail: aps.72@mail.ru

Александр Павлович Санников,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Иркутский государственный университет

Александр Валерьевич Ануфриев,
старший преподаватель кафедры истории России
Иркутский государственный университет

Войска НКВД в Восточной Сибири (1941–1945)

К началу Великой Отечественной войны на территории Забайкалья и Прибайкалья был развернут значительный контингент войск НКВД, представленный, прежде всего, пограничными войсками и войсками по охране железных дорог.

Еще 17 февраля 1940 г. здесь был создан Забайкальский пограничный округ, куда вошли пограничники Читинской области и Бурято-Монгольской автономной республики. Управление войск округа размещалось в Чите, а пограничные отряды были разбросаны на огромной территории Восточной Сибири. Штатная численность округа к началу войны составляла 13 429 чел., из них фактически – 12 219 чел. Начальником был назначен комбриг П. В. Бурмак, заместителем по политической части – бригадный комиссар Н. Г. Андрианов.

В состав округа входили (1941–1942 гг.): 51-й (Кяхта) пограничный отряд (в т. ч. КПП «Кяхта», КПП «Наушки», КПП «Улан-Удэ»); 53-й (Даурский) Восточно-Гобийский пограничный отряд (в т. ч. КПП «Соловьёвка», КПП «Отпор»); 54-й (Нерчинский завод) пограничный отряд; 55-й (Джалинда) пограничный отряд; 64-й (Мангутское) пограничный отряд (в т. ч. КПП «Верхний Ульхун»); 74-й (Покровка) Шилкинский кавалерийский пограничный отряд; 19-я (Кырен) Тункинская Отдельная пограничная комендатура (в т. ч. КПП «Монды»); 7-й (Иркутск) кавалерийский полк Пограничных войск НКВД; 47-й (Иркутск) резервный кавалерийский полк Пограничных войск НКВД; 48-й (Сковородино) резервный кавалерийский полк Пограничных войск НКВД.

Кроме того, в округ входили: Окружная школа младшего начальствующего состава Пограничных войск (Горный Зерентуй), Окружная школа младшего начальствующего состава службы собак Пограничных войск НКВД (ст. Китой), 9-я Отдельная авиационная эскадрилья Пограничных войск НКВД (ст. Белая Забайкальской ж/д), Отдельный контрольно-пропускной пункт (ст. Отпор), Отдельная рота связи (Чита), Войсковой лазарет (Чита), Контрольная радиостанция (Чита), Санитарно-бактериологическая лаборатория (Чита), Гарнизонная комендатура (Чита), Окружная ремонтная мастерская связи (Чита), Управление дивизиона речных катеров (Чита).

В оперативном управлении штаба находилась и размещенная в Якутии 2-я отдельная Якутская рота Оперативных войск НКВД.

В первые годы войны в составе округа происходили серьезные изменения. Так, в декабре 1941 г. были сформированы 179-й и 180-й отдельные резервные батальоны (г. Иркутск, г. Чита), на их формирование был направлен личный состав отдельных строительных рот округа. Из Иркутска убыл летом 7-й кавалерийский полк Пограничных войск НКВД.

Главной задачей пограничников Забайкалья была защита государственной границы. К концу 1945 г. охрану государственной границы с Маньчжурией на протяжении 4 083 км осуществляли четыре пограничных отряда Забайкальского пограничного округа (53, 54, 55 и 74-й). В состав округа входили также 64-й и 51-й пограничные отряды и 19-я отдельная комендатура, которые несли службу на границе СССР и Монгольской Народной Республики. Только за 1943 г. на забайкальском участке советско-маньчжурской границы было задержано 506 ее нарушителей, среди них пограничниками совместно с военной контрразведкой выявлено 242 японских агента, прошедших длительную подготовку в японских военных миссиях в Маньчжурии [5].

Активное участие приняли забайкальские пограничники и в войне с Японией. В сводке штаба Забайкальского пограничного округа от 11 сентября 1945 г. «О боевой деятельности частей по ликвидации японо-маньчжурских кордонов и гарнизонов с 9 августа по 10 сентября 1945 г.» отмечено, что «за время боевых действий на Дальнем Востоке частями Забайкальского пограничного округа в пограничной полосе Маньчжурии ликвидировано: пять пограничных полицейских отрядов, четыре опорных пункта маньчжуро-чжаланьского укрепрайона, 6 районных пограничных полицейских отрядов, 38 малых пограничных полицейских отрядов, три пограничных поста, 27 вооруженных войсковых групп японо-маньчжу-

ров. В результате проведенных операций частями округа уничтожено 592 солдата и офицера противника, взят в плен 541 чел. [5, с. 95].

В апреле 1939 г., на основании приказа Главного Управления войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений № 11/сс от 10 апреля 1939 г., во исполнение приказа НКВД СССР № 00206 от 8 марта 1939 г. «О реорганизации Управления пограничных и внутренних войск НКВД Союза ССР», постановления СНК СССР № 154–16 сс от 2 февраля 1939 г. «О реорганизации управления пограничными и внутренними войсками», в Восточной Сибири была вновь сформирована на базе бригады 8-я стрелковая дивизия войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений. Кроме этого, в Красноярске по линии железных дорог охрану нес 111-й полк 27 бригады войск НКВД по охране железных дорог, численностью 1 365 чел.

О состоянии железнодорожной и автодорожной связи центра с Дальним Востоком можно судить по воспоминаниям П. Г. Григоренко, который в своих мемуарах рассказывает эпизод, связанный с вступлением в должность нового командующего Дальневосточным фронтом генерала армии И. Р. Опанасенко: «Опанасенко сразу же пожелал лично ознакомиться с оперпланом. Начали с плана прикрытия. Докладывал я, т. к. был ответственен за эту часть оперплана. Казаковцев стоял рядом. По мере доклада, Опанасенко бросал отдельные реплики, высказывал суждения. Когда я начал докладывать о расположении фронтовых резервов, Опанасенко сказал: “Правильно! Отсюда удобнее всего маневрировать. Создастся угроза здесь, мы сюда свои резервы, – и он повел рукой на юг. – А создастся здесь, сманеврируем сюда”, – двинул он руку на Запад. Казаковцев, который молчал, когда рука Опанасенко двигалась на юг, теперь спокойно, как о чем-то незначительном, бросил: “Сманеврируем, если японцы позволят”.

– Как это? – насторожился Опанасенко.

– А так. На этой железной дороге 52 малых туннеля и больших моста. Стоит хоть один из них взорвать, и никуда мы ничего не повезем.

– Перейдем на автотранспорт. По грунту сманеврируем.

– Не выйдет. Нет грунтовки, параллельной железной дороге.

У Опанасенко над воротником появилась красная полоска, которая быстро поползла вверх. С красным лицом, с налитыми кровью глазами он рявкнул: “Как же так! Кричали: Дальний Восток – крепость! Дальний Восток – на замке! А оказывается, сидим здесь, как в мышеловке!» [4].

Единственной ниточкой, связывающей Москву и Владивосток был Транссиб. И самый сложный его участок контролировал 67-й полк. В зону его ответственности входила и Кругобайкальская железная дорога – знаменитая «золотая пряжка Транссиба».

На соединения войск по охране железных дорог выпала сложнейшая задача – они должны были обеспечить бесперебойную работу железных дорог Прибайкалья и Забайкалья.

Как же оценивалась боеспособность войск? В приказе № 009СС от 12 ноября 1941 г. командир дивизии, подводя итоги года, констатировал: «В течение 1941 г. части дивизии успешно справились с выполнением оперативно-служебных задач ... и обеспечили сохранность охраняемых ими сооружений... Весь личный состав сплочен вокруг партии Ленина-Сталина и Советского правительства и во всей своей массе готов выполнять любое задание партии и Советского правительства».

А вот дальше начинался настоящий анализ, комдив отмечал: «...в летний период в части влилось до 45–50 % личного состава, призванного из запаса. Значительная часть из них не проходила подготовку или проходила в других частях». Именно они потянули показатели дивизии вниз. По итогам 1941 г., дивизия получила оценку «плохо». Комдив отмечал: «живучими оказались старые порочные методы руководства. Не изжиты нечеткость, опоздания и невыполнение распоряжений в срок» [7].

Массированная переброска войск с Дальнего Востока на Запад началась еще до начала войны. Так, согласно Директиве Генерального Штаба от 25 мая 1941 г. 16-й армии (Забайкалье) приказывалось с 26 мая начать грузиться в эшелоны. В начале июля под Смоленск была переброшена 46-я стрелковая дивизия из-под Иркутска.

В тяжелейшем для Москвы и для всей страны в октябре 1941 г. сибирские железнодорожники получили задание Государственного комитета обороны (далее – ГКО) как можно быстрее перебросить под Москву часть войск из Дальневосточного и Забайкальского военных округов. Переброску дивизий надо было осуществить скрытно и ускоренно. О том, как выполнялось это задание на Восточно-Сибирской дороге, вспоминал М. П. Сычëв, бывший ее начальником. «Руководство дороги для выполнения задания ГКО решило добиться максимальной скорости для воинских эшелонов, организовав перевозки по принципу движения скорых пассажирских поездов. К приходу воинского эшелона на входную станцию ему вместо одного грузового паровоза выставлялись два, а иногда и три локомотива. К прибытию воинских составов на станцию все паровозные бригады, причем самые лучшие, были готовы к поездке,

а бригады осмотрщиков вагонов встречали поезда уже на подходе. Благодаря этому, смена паровозов, осмотр и необходимый ремонт вагонов проводились за 10–15 мин. Затем эшелон следовал без остановок до следующего основного или оборотного депо. За сутки воинские составы проходили расстояние в 1 200 – 1 300 км. Причем все они проследовали по ВСЖД без единой аварии или крушения».

Дважды Герой Советского Союза генерал армии А. П. Белобородов в книге «Всегда в бою» писал: «Переброску войск с Дальнего Востока под Москву контролировала Ставка Верховного Главнокомандования. Это мы чувствовали на всем пути. Железнодорожники открыли нам “зеленую улицу”. На узловых станциях эшелоны стояли не более 5–7 мин. В результате все 36 эшелонов пересекли страну с востока на запад со скоростью курьерских поездов. Последний эшелон дивизии вышел из Владивостока 17 октября, а 28 октября наши части уже выгружались в Подмоскovie, в г. Истре и на ближайших к нему станциях» [6].

Только с Дальнего Востока и Забайкалья по Транссибу проследовали осенью 1941 г. 32-я стрелковая дивизия (отличившаяся в боях под Москвой и сражавшаяся на Бородинском поле); 78-я стрелковая дивизия (получившая за мужество и героизм звание гвардейской); 92-я, 239-я, 413-я и 415-я стрелковые дивизии; 13-я, 17-я, 57-я, 58-я, 59-я, 60-я и 112-я танковые дивизии.

315 тыс. вагонов с войсками и воинскими грузами, были доставлены под Москву с начала октября по начало декабря 1941 г. из восточных районов СССР, и примерно 70 % из них были пропущены по Восточно-Сибирской железной дороге или формировались на ее станциях. Интересно посчитать интенсивность движения этого пика, чтобы воочию представить предельное напряжение сил страны. 70 % от 315 тыс. вагонов – это 220,5 тыс. вагонов. Чтобы пропустить эту колоссальную массу военных грузов и эшелоны войск, через ст. Тайшет на запад надо было пропускать 3 675 вагонов в сутки. Интенсивность переброски – 92 эшелона в сутки, или воинский состав каждые 15 мин. Это непрерывно и круглосуточно в течение 2-х мес. подряд¹.

Важной составной частью перестройки экономики на военный лад был прием и восстановление эвакуированных предприятий из западных районов страны. Первые эшелоны с оборудованием фабрик и заводов, сырьем, рабочими и служащими стали прибывать в Иркутскую область в августе 1941 г., к январю 1942 г. прибыла основная часть грузов – 15 заводов и фабрик и 10 тыс. рабо-

---

¹URL: <https://periskop.su> (дата обращения: 04.11.2021).

чих и членов их семей. Эшелоны с грузами прибывали вплоть до 1943 г. Основными районами приема грузов были Иркутск, Черемхово, Усолье, Свирск.

Согласно плану Всесоюзного совета по эвакуации, область приняла 22 крупных предприятия и около 10 трестов и сырьевых баз. Значительное количество оборудования пришло со Старо-Краматорского и частично Ново-Краматорского заводов тяжелого машиностроения из г. Краматорска на Украине. В Черемхово был перебазирован завод имени Карла Маркса Наркомугля из г. Варварополье Ворошиловградской области с 86 металлорежущими станками и другим оборудованием, а также с 59 рабочими. Предприятие производило оборудование для шахт Донбасса (рештаки, лебедки, камнедробилки и т. д.). Завод был размещен на производственной площадке Черемховского горнотехнического завода треста Востсибуголь. В январе 1942 г. он полностью вступил в строй и уже в первом полугодии вышел в число передовых предприятий страны [2].

В сентябре 1941 г. с запада начали прибывать военно-санитарные поезда. Железнодорожники ВСЖД принимали их, организовывали разгрузку и проводили ремонт. Только за 5 мес. 1941 г. на дорогу поступило 52 военно-санитарных поезда. Под госпитали были заняты здания железнодорожных школ, клубов, жилые дома.

Воины-чекисты обеспечивали безопасность дороги, охраняли тоннели и мосты. Почти сразу после начала войны появились слухи, что немецкие и японские диверсанты и шпионы хотят остановить движения по Транссибу. Так, по информации Братского райкома партии о политико-моральном состоянии в районе 25 августа 1941 г. фиксируется наличие следующих слухов: «О положении на востоке Чупин сообщил, что Япония усиленно готовится к войне против Советского Союза, подвозит вооружение к границам и куда-то прячет, что каждый день Япония засылает к нам 30–40 чел. диверсантов, и что на его глазах диверсанты убили 8 человек железнодорожников, и т. д.» [2, с. 133].

В августе 1941 г. 2-ой батальон полка на основании приказа НКВД СССР № 001092 от 15 августа 1941 г. «О сформировании в составе 8-ой дивизии войск НКВД горнострелкового полка», во исполнение постановления ГКО СССР № 443-сс от 09 августа 1941 г. «Об усилении охраны тоннельного участка Восточно-Сибирской железной дороги», переформирован в 86-й горнострелковый полк внутренних войск НКВД СССР [3].

Управление полка было размещено на ст. Маритуй (КБЖД) Иркутской области. Костяк полка формировался из воинов-срочников дивизии, главным «донором» для горнострелков стали 67-й

и 68-й полки. Формирование полка продолжалось и позднее – так в 1944 г. из читинского полка в Маригуй было передано 100 военнослужащих: 50 рядовых и 50 ефрейторов [10]. В 1945 г. на базе 86-го горнострелкового полка была развернута единственная в войсках НКВД 33-я горнострелковая бригада.

В январе 1942 г. приказом НКВД СССР/НКПС СССР № 001711/с/713/Ц от 25 декабря 1941 г. в рамках исполнения Постановления ГКО СССР № 1024-сс от 14 декабря 1941 г. «О мероприятиях по улучшению охраны железных дорог» в состав полков дивизии был включен личный состав ВОХР Восточно-Сибирской железной дороги и дороги им. Молотова.

В самом начале 1942 г. изменился и порядковый номер соединения. Приказом НКВД СССР № 00293 от 11 февраля 1942 г. 8-я дивизия была переименована в 29-ю стрелковую дивизию войск НКВД СССР по охране железных дорог.

В апреле 1942 г. на основании приказа НКВД СССР № 00625 от 23 марта 1942 г. во исполнение приказа НКВД СССР/НКПС СССР № 001717/с-713/ц от 25 декабря 1941 г. «О мероприятиях по улучшению охраны железных дорог» 1-й батальон полка реформирован в 7-й отдельный стрелковый батальон войск НКВД СССР по охране железных дорог. Штаб батальона был размещен на западе области в г. Нижнеудинске [1].

В ноябре 1942 г., на основании приказа НКВД СССР № 002344 от 21 октября 1942 г. полковой бронепоезд № 67 выведен из состава полка и выделен в 41-й отдельный бронепоезд войск НКВД СССР по охране железных дорог.

Фактическая отправка на фронт более трети дивизии привела к резкому падению дисциплины. На смену молодым бойцам 1920–1921 гг. рождения с высокой комсомольской прослойкой, отборным и хорошо подготовленным, приходили вихровцы ВСЖД и воины запаса. Это не могло не сказаться на порядке несения службы и дисциплине – начиная от формы одежды и до прямых воинских преступлений.

Но если с нарушениями формы одежды можно смириться, то нарушения правил внутреннего распорядка и несения воинской службы преследовалось предельно жестко. Так, по приговору Военного трибунала войск НКВД Иркутской области № 265 от 19 апреля 1942 г. был осужден на семь лет ИТЛ красноармеец Н. А. Вишняков за «совершения самовольной отлучки». В тексте приговора указывалось, что он дважды (18 и 23 марта 1942 г.) самовольно уходил в Иркутск и употреблял в городе алкогольные напитки. За подобное нарушение приговором этого же трибунала № 136сс был осужден

на 10 лет ИТЛ красноармеец Я. А. Матвиенко, но наказание было заменено отправкой на фронт.

Особо стоит обратить внимание на редкий, но чудовищный пример. Трибуналом к высшей мере наказания – расстрелу – был приговорен 3 февраля 1942 г. красноармеец 68-го полка Иван Кузьмич Тетерин, который «отрубил умышленно указательный и средний палец левой руки топором во время хозяйственных работ». Сделал он это умышленно, узнав о готовящейся отправке на фронт. Вина его была подтверждена письмами к жене, в которых он сообщал, что на фронт в любом случае не пойдет [8].

Однако это были единичные эпизоды. Гораздо чаще в рапортах и донесениях говорилось о грамотном несении службы воинами-чекистами. Так, в 1942 г. солдаты 68-го (Читинского) полка задержали 105 дезертиров и уголовников, и одного шпиона. 21 апреля 1942 г., находясь в дозоре, младший сержант Яценко на ст. Могзон задержал неизвестного. В ходе оперативных мероприятий было выяснено, что это завербованный немецкой разведкой, добровольно сдавшийся в плен старшина РККА, кандидат в члены ВКП(б). Шпион был брошен в тыл для проведения разведывательных мероприятий на Транссибе. Враг имел прекрасно подготовленные документы, для достоверности ранения ему была проведена операция на левой руке. Изобличенный преступник был передан военной контрразведке.

Особую опасность представляли дезертиры. Уже 13 августа 1941 г. красноармейцами гарнизона Петровский Завод, Волковым и Гармаевым, при помощи розыскных собак был задержан гр. Луценко, дезертировавший из воинского эшелона. 20 августа 1942 г. начальник гарнизона ст. Тарская младший лейтенант Вяткин задержал на зимовье дезертира, изъяв у него винтовку с 18 патронами. 1 августа 1943 г. лейтенант Толстых в п. Чиндант лично задержал четырех дезертиров.

Особой сложностью отличалась служба на участке Кругобайкальской железной дороги. Каждый год воины дивизии предотвращали сотни опасных ситуаций. Так, в 1936 г. на участке ответственности 67-го полка было выявлено: 348 лопнувших рельс, 145 поврежденных накладок, 45 обвалов грунта, 2 пожара, и всего было предупреждено 165 возможных крушений [9].

Особо пристально необходимо было следить за воинскими эшелонами. Иногда воины-чекисты просто спасали своей бдительностью личный состав и технику РККА. 5 мая 1942 г. красноармеец О. И. Федоренко на ст. Хохотуй заметил возгорание в поезде, который вез селитру. Подал сигнал, он остановил поезд и вместе с поезд-

ной бригадой потушил пожар. Страшно представить, что бы произошло после возгорания 30 вагонов селитры, следовавших в эшелоне. 22 июня 1941 г. дежуривший на посту № 2 (ст. Болото) красноармеец Бессонов увидел возгорание на платформе, перевозившей танки. Двумя выстрелами в воздух он остановил эшелон и принял личное участие в ликвидации пожара.

Внимание уделялось и сохранности грузов. Так, 16 августа 1945 г. в восточном парке ст. Чита-1 дежурный младший лейтенант Остапенко задержал трех вооруженных расхитителей, похитивших 2 куля крупы и 4 куля муки. За свой поступок он был награжден именными часами. Хотя иногда и сами бойцы становились укрывателями или даже соучастниками краж. Так, на той же станции, 20 октября 1943 г. часовые В. В. Марков и Г. Д. Бедратый разрешили рабочему Филько слить из цистерны ведро растительного масла, а 16 февраля 1944 г. на ст. Петровский Завод ефрейторы Клыков и Алексеев лично похитили из вагона 11 байковых одеял. Факты краж расследовались и виновные после осуждения отправлялись на фронт в штрафные роты или в лагеря [11].

В ходе Великой Отечественной войны войска НКВД Восточной Сибири активно помогали народному хозяйству, принимая участие в уборке урожая. Так, в 1942 г. солдаты 68-го полка по охране железных дорог отработали в колхозах Забайкалья 3 328 человека-дней. Всего в помощи селянам был задействован 961 боец. В субботниках приняли участие 841 чел.

По инициативе бойцов НКВД в 1943 г. в действующую армию была передана танковая колонна «Дальневосточный чекист». Танки были построены на средства, собранные пограничниками и бойцами внутренних войск. Так, 68-й полк собрал на строительство «своего» танка 97 351 руб. [12].

Передавали деньги в Фонд обороны СССР и забайкальские пограничники. Их патриотический порыв был высоко оценен Верховным Главнокомандующим. В телеграмме И. В. Сталина командованию округом говорилось: «Передайте благодарность рядовым, сержантам, офицерам, их семьям, собравшим 112 720 руб. в фонд Красной Армии» [5, с. 77].

В период войны с Японией 29-я дивизия по охране железных дорог и горнострелковая бригада в полном составе были включены в состав действующей Советской Армии в соответствии с приказом НКВД СССР/НКГБ СССР № 001376/00459 от 17 ноября 1945 г.

О заслугах воинов-сибиряков НКВД, обеспечивших охрану тыла и особо важных объектов, говорят полученные награды. Так, военнослужащие 68-го полка НКВД по охране железных дорог

получили 328 медалей «За победу над Германией» и 650 медалей «За победу над Японией» [12].

В целом воины, охранявшие Транссиб, не допустили ни одной диверсии и крупной аварии на линии, обеспечив бесперебойную работу железной дороги. На их счету десятки задержанных дезертиров, бандитов и беглецов из ИТЛ. Они обеспечили бесперебойную эвакуацию десятков предприятий на восток, дали «зеленый свет» десяткам частей и соединений, шедших на фронт с востока страны, а в 1945 г., войдя в состав действующей армии, обеспечили скрытную переброску наших войск на восток.

Список литературы:

1. *Ануфриев А. В., Чапыгин И. В., Южаков А. В.* Так сражались чекисты: история и боевой путь 272-го Иркутского полка от Байкала до Сталинграда: моногр. Иркутск, 2021. С. 136.
2. *Всё для фронта, всё для победы! // Сборник документов из фондов ГАНИИО.* Иркутск, 2011. С. 10–12.
3. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 607. Л. 182–183.
4. *Дальневосточный фронт 1941–43 // Милитера.* Военная литература: URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/grigorenko/20.html> (дата обращения: 04.11.2021).
5. *Жданов С. А.* Пограничники Забайкалья накануне и в годы Великой Отечественной войны. Иркутск, 2015. С. 71, 85.
6. *Лантев Н. М.* Организация оперативных перевозок на ВСЖД в годы Великой Отечественной войны // Иркутский государственный университет путей сообщения : сайт. URL: <http://www.irgups.ru/news/organizaciya-operativnyh-perevozk-na-vszh-d-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 10.11.2022).
7. РГВИА. Ф. 38281. Оп. 1. Д. 8. Л. 15–20.
8. РГВИА. Ф. 38281. Оп. 1. Д. 10а. Л. 3, 22, 64.
9. РГВИА. Ф. 39026. Оп. 1. Д. 408. Л. 44.
10. РГВИА. Ф. 39026. Оп. 1. Д. 409. Л. 12.
11. РГВИА. Ф. 39026. Оп. 1. Д. 409. Л. 29. Об. 43.
12. РГВИА. Ф. 39026. Оп. 1. Д. 409. Л. 50–52.

Андрей Юрьевич Климов,
доктор исторических наук, доцент,
главный научный сотрудник
научно-исследовательского центра
Академия управления МВД России
E-mail: klimovandrey2008@rambler.ru

Министр внутренних дел князь Куракин Алексей Борисович и его вклад в развитие министерства

Аннотация

Статья посвящена жизненному пути и деятельности второго по счету и самого активного руководителя Министерства внутренних дел Российской империи первой четверти XIX в., прямому потомку Рюрика князю Алексею Борисовичу Куракину.

Ключевые слова и словосочетания: князь Куракин Алексей Борисович; министр; министерство внутренних дел; Российская империя; права; обязанности.

Исследование истории полиции, истории правоохранительных органов, истории учреждений Российской империи имеет своей составной частью изучение биографий их руководителей. Это обусловлено тем, что личностные качества важных государственных деятелей в сочетании с возможностями вверенных им организаций оказывают значимое влияние на ход исторического процесса. Служебная карьера и биография конкретного государственного деятеля вносят определенный вклад в понимание истории общества и государства определенного исторического периода. Это относится и к министрам внутренних дел Российской империи. В современной справочной и научной литературе встречаются противоречия относительно деятельности второго по счету министра внутренних дел князя А. Б. Куракина. По нашему мнению, и исходя из исследовательского опыта, считаем, что чем ближе по времени дата создания исторического источника к исследуемому событию или явлению, тем точнее содержащиеся в нем сведения. Согласимся, что это суждение можно оспорить, тем не менее в данной статье при составлении научной биографии князя Алексея Борисовича Куракина и устранения противоречий в имеющихся о нем знаниях мы попытались опираться в основном на источники XIX – начала XX в.

Князь Алексей Борисович Куракин, ставший вторым руководителем министерства после В. П. Кочубея, был самым родовитым министром внутренних дел за весь имперский период российской истории. Древний княжеский род Куракиных ведет свое происхождение «от Великого князя Владимира Святославовича, который крестил Русскую землю» [1, с. 365], что подтверждает родство министра внутренних дел А. Б. Куракина с основателем российской государственности Рюриком.

Родился Алексей Борисович Куракин 19 сентября 1759 г. Отец Алексея Борисовича, князь Борис-Леонтий Александрович Куракин, был государственным деятелем времен Екатерины II – генерал-поручик (1761), гофмейстер (1762), президент Коллегии экономики (1763), президент Камер-коллегии, сенатор (1764). Мать – Елена Степановна, в девичестве Апраксина, являлась дочерью фельдмаршала Степана Федоровича Апраксина. В семье, кроме Алексея Борисовича, было восемь детей, пятеро из которых умерли в младенческом возрасте.

Образование Алексей Борисович получил в Лейденском университете, старейшем учебном заведении Голландии, в котором он обучался в 1775–1776 гг., где проявил серьезный интерес к юридическим наукам. По обычаю того исторического периода князь А. Б. Куракин начал службу прапорщиком в гвардии. Производство его в прапорщики состоялось 22 сентября 1776 г. В 1779 г. он был пожалован чином камер-юнкера и в течение года выполнял придворные обязанности при дворе Екатерины II. В 1780 г. Алексей Борисович был избран петербургским дворянством в заседатели 1-го департамента верхнего земского суда. Позднее был принят в канцелярию генерал-прокурора князя А. А. Вяземского, где получил богатый опыт в делах государственного управления под руководством А. И. Васильева, ставшего впоследствии первым министром финансов Российской империи. За это время он получил в 1786 г. чин камергера, что соответствовало VIII классу Табели о рангах, в 1793 г. награжден орденом Св. Анны, в 1794 г. – орденом Св. Владимира 2-й степени, а в 1795 г. пожалован чином тайного советника.

В детстве и юношестве цесаревич Павел Петрович находился в дружеских отношениях с князем Александром Куракиным, что послужило причиной его внимательного расположения и к его брату князю Алексею Куракину. Практически сразу после восшествия на престол Павел I назначил 37-летнего князя Алексея Борисовича Куракина на одну из высших должностей русской администрации – главным директором ассигнационного банка. Кроме этого, 4 декабря

1796 г. указом Павла I он назначен генерал-прокурором [4] и присутствующим в совете Его Императорского Величества. Этим же указом ему поручается руководство тайной экспедицией и комиссией по составлению проекта нового Уложения. А Указом от 16 декабря 1796 г. [6], князю А. Б. Куракину как генерал-прокурору было поручено составить из существующих узаконений три книги законов: уголовных дел, гражданских и казенных. 19 декабря 1796 г. Алексей Борисович Куракин пожалован кавалером ордена Св. Александра Невского. Через полгода, 5 апреля 1797 г. А. Б. Куракин становится действительным тайным советником, а в декабре 1797 г. за деятельность по созданию вспомогательного для дворян банка получает высшую награду Российской империи – орден Святого апостола Андрея Первозванного [2, с. 67].

Исполняя обязанности генерал-прокурора, князь Куракин заметил огромное количество накопившихся нерешенных дел в департаментах Сената и по общему собранию, число которых к концу 1796 г. составляло по департаментам Сената – 11 476 гражданских и уголовных, а по общему собранию – 360 гражданских. Сенат был не в состоянии привести их к окончанию теми средствами, которые находились в его распоряжении. Эти недостатки в производстве дел были одинаково тягостны как для судей, так и для судящихся. Понимая всю важность затруднительного положения Сената, от которого страдало и само правосудие, князь Алексей Борисович Куракин представил монарху проект преобразования Сената, который заключался в новом распределении дел по департаментам и в дополнительном учреждении трех временных департаментов. По этому проекту из всех департаментов должны составляться два общие собрания: одно – из департаментов постоянных, другое – из временных. Это и было высочайше утверждено указами Павла I от 13 декабря 1796 г. [5] и от 21 января 1797 г. [9].

За время нахождения на должности генерал-прокурора князем А. Б. Куракиным был подготовлен и обнародован ряд важных узаконений: Указом от 30 декабря 1796 г. устанавливалось, что в случае упущений, учиненных опекунами по делам малолетних, дозволят последним приносить на те упущения жалобы по достижению совершеннолетия [7]; Указом от 17 января 1797 г. определено опубликовывать по империи Правительствующему Сенату неправленные решения судебных мест [8]; Указом от 1 апреля 1797 г. губернаторам было запрещено отменять без рассмотрения Правительствующего Сената наказания, определяемыми уголовными палатами [10]; Указом от 5 апреля 1797 г. – запрещено принуждать крестьян работать в воскресные дни [11]; 19 июля 1797 г. издан Указ о ябедниках,

которым за «напрасное вчинание дел» полагался штраф в пользу Приказа общественного призрения, а также информация о них должна была публиковаться в газетах [12]; 31 августа 1797 г. разработано и обнародовано наставление прокурорам межевых канцелярий и контор, в котором, кроме всего прочего, отмечалось: «лучше представлением ошибиться, нежели молчанием» [13]; и т. д.

В 1798 г. князь А. Б. Куракин стал жертвой борьбы и интриг придворных партий, что привело к охлаждению императора к братьям Куракиным. Впав в немилость Павла I, несмотря на все его заслуги, Алексей Борисович Куракин был отправлен в отставку и более трех лет провел в затворничестве в своем имении Куракино-Преображенское в Орловской губернии.

Вступивший на престол император Александр I в 1801 г. опять назначил князя А. Б. Куракина сенатором 1-го департамента Правительствующего Сената. Затем, 4 февраля 1802 г., Алексей Борисович Куракин был назначен малороссийским генерал-губернатором [3, с. 2]. На этой должности он пробыл до ноября 1807 г. и снискал любовь, почет и уважение населения за свою плодотворную деятельность. Как отметил в своем очерке И. Ф. Павловский, «им (Куракиным А. Б.) было сделано очень много, и мы не знаем со времени учреждения Полтавской губернии другого администратора, который бы сделал так много для управляемых им губерний. Для Малороссии это историческая личность» [3, с. 131].

После подписания с Наполеоном Тильзитского мира император Александр I 24 ноября 1807 г. отправил в отставку министра внутренних дел В. П. Кочубея, являвшегося противником заключенного соглашения. И в тот же день министром был назначен князь Алексей Борисович Куракин.

Должность министра он занимал в течении 2-х лет и 4-х мес. с 24 ноября 1807 г. по 31 марта 1810 г. За это время А. Б. Куракин реализовал целый ряд мероприятий по организации деятельности недавно созданного государственного органа управления – Министерства внутренних дел. Основные усилия его преобразований были направлены на укрупнение штатов министерства и полицейских органов, расширение выполняемых функций и на общую систематизацию работы ведомства.

Сразу после вступления в должность министра князь Алексей Борисович Куракин обратил внимание на то, что в связи с ростом документооборота в делопроизводстве имевшееся количество сотрудников в экспедициях не справлялось с текущим объемом работ. В связи с чем возникла необходимость усиления штатной структуры. Для этого по его докладу, получившему высочайшее

одобрение, 20 марта 1808 г. количество отделений в экспедиции государственного благоустройства возросло до трех [14]. Через несколько месяцев были увеличены штаты экспедиции государственной медицинской управы, в частности, третий стол второго отделения был преобразован в «ревизионную часть в виде особого третьего отделения» «для установления должной поверки по денежным и материальным оборотам третьей экспедиции Департамента внутренних дел» [15].

Для устранения проблем с обеспечением войск обмундированием и организацией бесперебойных поставок сукна в армию по предложению князя А. Б. Куракина Указом Александра I от 27 июня 1808 г. [16] в структуре министерства внутренних дел было образовано Главное правление мануфактур, в состав которого вошли четыре отделения. Как отмечалось в Указе, функциями I отделения было «заведовать все фабрики и заводы вообще и содействовать успехам оных», II отделение обязано было «заниматься поставками сукон с обязанных и вольных фабрик», III отделению вменялось «попечение о умножении и усилении выделки в государстве сукон», на IV отделение возлагались контрольно-ревизионные функции. Фактически, теперь МВД стало выполнять функции Мануфактур-коллегии.

Немаловажным решением министра внутренних дел было введение знаков отличия и форменной одежды для чиновников министерства, что было определено в высочайше утвержденном Александром I 27 марта 1808 г. «Описании и рисунках мундиров для чинов по ведомству Департамента внутренних дел» [17]. В данном документе впервые для МВД были установлены знаки отличия в мундирах чинов Департамента внутренних дел в соответствии с занимаемой должностью, что послужило, в свою очередь, примером для создания форменной одежды со знаками отличия для государственных чиновников в гражданских ведомствах.

В 1808 г. важнейшее место среди дел нового министра занимали заботы о народном здравии: в Саратове оказалась какая-то подозрительная болезнь, которую сочли чумой, приняли против ее распространения самые энергические меры, и, действительно, успели прекратить болезнь. Недостаток врачебных сил и средств побудило князя Куракина выработать новый Устав Медико-хирургической академии и новые правила об экзаменах на медицинскую степень при главном медицинском управлении, в университетах, которые и были утверждены 28 и 31 июля и 22 августа 1808 г. [18]. Благодаря предпринятым министерством внутренних дел мерам, удалось несколько сократить недостаток врачей в государстве.

В этот же период министру приходилось принимать различные меры по обеспечению населения хлебом в связи с неурожаем и решать проблемы с недостатком в соли, так как в виду эпидемии в Саратове возникли серьезные задержки по поставкам Эльтонской соли, которая добывалась на озере Эльтонское в Саратовской губернии. Эта проблема была решена путем улучшения организации соляных промыслов на Крымском полуострове.

Особое внимание А. Б. Куракин уделял организации деятельности приказов общественного призрения, находившихся в ведении губернских администраций и возглавлявшихся губернаторами. Под управлением губернских приказов общественного призрения находились школы, госпитали, больницы, богадельни, сиротские дома. Царским указом от 21 сентября 1809 г. были утверждены предложения князя А. Б. Куракина о передаче в ведение МВД «Комитета, учрежденного для приведения в лучшее состояние человеколюбивых заведений» [19]. Основными обязанностями Комитета стал контроль за отчетностью приказов общественного призрения и за состоянием и работой вверенных приказам «человеколюбивых заведений». Для этого был увеличен штат чиновников Комитета.

Князем А. Б. Куракиным было составлено, а затем высочайше утверждено, как значится в о многих источниках, Указом Александра I от 9 декабря 1809 г. «Наставление товарищу министра внутренних дел» [20]. Кстати, дата утверждения Наставления вызывает сомнения. Дело в том, что в Полном собрании законов Российской империи этот Указ расположен в 30-м томе первого собрания между документом № 23472 от 9 февраля 1809 г., и документом № 23474, также от 9 февраля. В связи с этим можно предположить, что фактически Наставление было высочайше утверждено 9 февраля 1809 г., которое определило права и обязанности товарища министра, чья должность была введена еще в 1802 г., однако обязанности по этой должности так и не были определены. В соответствии с Наставлением, «товарищ министра является его действительным помощником и заменяет министра во всех случаях, где надобность того требует» [20]. Товарищ министра должен был быть «употребляем по делам, составляющих его заведование и собственно на министре лежащих, чтобы он участвовал в упражнениях по оным делам министра», на основании чего «разделял с ним суждения о сих делах». Должность товарища министра в этот период занимал тайный советник О. П. Козодавлев.

В 1809 г. при непосредственном руководстве А. Б. Куракина при МВД была учреждена первая официальная газета министерства под названием «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская

газета», которая начала издаваться в ноябре 1809 г. взамен «Санкт-Петербургского журнала». Газета печаталась при Почтовом департаменте МВД под редакцией товарища министра О. П. Козодавлева с периодичностью два раза в неделю с рубриками внутренних и зарубежных известий.

Несмотря на то что финансирование полиции в это время осуществлялось из местных бюджетов, и это объясняло довольно высокий уровень самостоятельности полицейских органов на местах, вместе с тем благодаря целенаправленной деятельности министра внутренних дел А. Б. Куракина, хоть и постепенно, но решались важные задачи единообразного построения полицейских органов в масштабах всей империи.

Все изложенное подтверждает, что под руководством князя А. Б. Куракина процесс совершенствования деятельности Министерства внутренних дел не останавливался ни на минуту. МВД постепенно превращалось в хорошо отлаженный механизм, охватывающий руководство целым спектром отраслей государственного хозяйства. При этом реформирование проводилось хоть и постепенно, но продумано и взвешенно, так как составные части департамента внутренних дел имели серьезные отличия друг от друга и министру требовалось время для изучения особенностей их взаимодействия, чтобы интегрировать в единый механизм. Итогом усилий министра стала законченная и единообразная структура министерства внутренних дел. В результате к моменту новых кардинальных преобразований, проведенных в 1811 г., МВД империи являлось центральным государственным учреждением, ведавшим вопросами внутренней политики, обладавшим значительными полномочиями и способным решать стоявшие перед ним задачи.

1 января 1810 г. при учреждении Государственного Совета по новому положению было объявлено и о предполагавшихся изменениях в устройстве министерств. Однако князь Куракин участия уже в нем не принимал. Есть свидетельства современников, которые говорят, что тайные недоброжелатели Куракина – и между ними даже будто бы, Сперанский – поспешили под благовидным предлогом удалить Куракина из Петербурга, не без основания рассчитывая в его отсутствие привести министерство внутренних дел в такой вид, что князь Куракин не пожелает оставаться министром. Предлог представился очень хороший: Наполеон вступал в брак с дочерью императора австрийского, и бракосочетание планировалось отпраздновать с особенным великолепием. Князь Алексей Борисович Куракин был отправлен в Париж чрезвычайным послом для принесения поздравлений Наполеону. В конце марта 1810 г. князь

Алексей Борисович Куракин выехал в Париж с собственноручным письмом императора Александра [21, с. 572].

Между тем в Петербурге, за время отсутствия министра внутренних дел, реформирование министерства было произведено таким образом, что князь Куракин по возвращении, действительно, не пожелал сохранить за собой управление министерством, в значительной степени лишенным своего прежнего значения: из круга дел, подлежавших прежде ведению министра внутренних дел значительная часть была передана в ведение министерства финансов, — именно дела по соляной и винной части, дела о казенных землях и наблюдение за городским хозяйством; часть — в ведение министерства народного просвещения — управление Медико-хирургической Академией и связанные с этим дела по цензуре ученых сочинений. Наконец, прямо из состава министерства внутренних дел было выделено особое министерство полиции и главное управление духовных дел иностранных исповеданий. Вернувшись в Петербург 6 октября 1810 г., князь А. Б. Куракин уже не вступал в управление министерством и в январе 1811 г. был назначен в Государственный Совет; он был председателем департамента гражданских и духовных дел и с 1821 г. замещал председателя Государственного Совета князя П. В. Лопухина в случае его отсутствия.

В заключение необходимо отметить, что огромный круг задач, стоявших перед недавно созданным министерством внутренних дел на этапе его становления требовал от руководителя незаурядных административных, организаторских способностей и не менее важной черты — политической прозорливости. До сих пор мы еще не имеем полных знаний о тех, кто, благодаря судьбе или своему таланту, или воле верховной власти, стоял у руля крупнейшего в государстве министерства, о тех, кто благодаря своим стремлениям и способностям, осознавая свое предназначение, руководил борьбой с преступностью и охраной общественного порядка.

Список литературы:

1. Архив князя Ф. А. Куракина : в 10 т. СПб., 1890. Т. 1.
2. *Иванов И.* Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции. СПб., 1863.
3. *Павловский И.Ф.* Очерк деятельности малороссийского генерал-губернатора князя А.Б. Куракина. Полтава. Тип. бывш. И. А. Дохмана. 1914.
4. ПСЗРИ. Собр. 1 : в 45 т. СПб., 1830. Т. 24. № 17610.
5. ПСЗРИ. Собр. 1 : в 45 т. СПб., 1830. Т. 24. № 17639.

6. ПСЗРИ. Собр. 1 : в 45 т. СПб., 1830. Т. 24. № 17654.
7. ПСЗРИ. Собр. 1 : в 45 т. СПб., 1830. Т. 24. № 17698.
8. ПСЗРИ. Собр. 1 : в 45 т. СПб., 1830. Т. 24. № 17741.
9. ПСЗРИ. Собр. 1 : в 45 т. СПб., 1830. Т. 24. № 17751.
10. ПСЗРИ. Собр. 1 : в 45 т. СПб., 1830. Т. 24. № 17900.
11. ПСЗРИ. Собр. 1 : в 45 т. СПб., 1830. Т. 24. № 17909.
12. ПСЗРИ. Собр. 1 : в 45 т. СПб., 1830. Т. 24. № 18055.
13. ПСЗРИ. Собр. 1 : в 45 т. СПб., 1830. Т. 24. № 18119.
14. ПСЗРИ. Собр. 1 : в 45 т. СПб., 1830. Т. 30. № 22907.
15. ПСЗРИ. Собр. 1 : в 45 т. СПб., 1830. Т. 30. № 23099.
16. ПСЗРИ. Собр. 1 : в 45 т. СПб., 1830. Т. 30. № 23126.
17. ПСЗРИ. Собр. 1 : в 45 т. СПб., 1830. Т. 30. № 22921.
18. ПСЗРИ. Собр. 1 : в 45 т. СПб., 1830. Т. 30. № 23185,
№ 23193, № 23245.
19. ПСЗРИ. Собр. 1 : в 45 т. СПб., 1830. Т. 30. № 23853.
20. ПСЗРИ. Собр. 1 : в 45 т. СПб., 1830. Т. 30. № 23473.
21. Русский биографический словарь : в 25 т. СПб., 1903. Т. 9.

Олег Андреевич Кнаус,
доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники в органах внутренних дел
Восточно-Сибирский институт МВД России
E-mail: knaus.oleg@yandex.ru

**Кадровое обеспечение милиции СССР в 1960–1980 гг.
(по материалам УВД Иркутского облисполкома)**

Аннотация

В статье анализируется деятельность МВД СССР, направленная на отбор, обучение, переподготовку кадров милиции в 1960–1980 гг. Исследуется состояние кадрового обеспечения Иркутской милиции в преддверии реформы МВД 1966–1968 гг., организационные и практические мероприятия, реализованные в период проведения реформы и постреформенный период. Оценивается роль партийных и комсомольских организаций в реализации требований советского государства в сфере повышения доверия населения к органам внутренних дел. Изучаются отдельные формы и методы, направленные на совершенствование деятельности органов внутренних дел в исследуемом регионе, а также нормативные правовые акты СССР, МВД СССР и УВД Иркутского облисполкома в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова и словосочетания: кадры; отбор; подготовка; профессиональное образование; СССР; МВД; Иркутская область.

Анализируя состояние обеспечения кадрами МВД России, научный интерес представляет изучение аналогичных процессов развития МВД СССР в 60–80-х годах прошлого века, осмысление которых позволит осуществить выбор оптимальной для современности системы отбора и подготовки специалистов.

Необходимо отметить, что несмотря на меры, предпринятые государством, кадровое обеспечение милиции к середине 60-х годов XX в. уже не соответствовало сформировавшемуся к этому времени уровню преступности [4, с. 22].

Для преодоления этих негативных факторов советское государство предприняло ряд нормативно-правовых и организационных мер направленных на повышение качественного состава органов внутренних дел (далее – ОВД).

Так, постановлением ЦК КПСС, Совмина СССР от 19 ноября 1968 г. № 902–316 «О серьезных недостатках в деятельности милиции и мерах по дальнейшему ее укреплению» руководство СССР потребовало обеспечить комплектование милиции «путем тщательного отбора лучших представителей трудящихся, подготовленных и грамотных людей, способных по своим политическим и деловым качествам успешно выполнять возложенные на органы милиции задачи» и обязало комплектовать ОВД «в первую очередь по направлениям коллективов трудящихся с обсуждением рекомендуемых на работу в милицию на собраниях партийных, профсоюзных и комсомольских организаций».

В первую очередь эти меры затронули действующих сотрудников милиции, для чего в июле 1969 г. была проведена переаттестация всего старшего, среднего, младшего начальствующего и рядового состава подразделений УВД Иркутской области (далее — УВД ИО). В результате переаттестации из 5 493 работников Иркутской милиции было установлено несоответствие занимаемой должности 293, в том числе 167 подлежащих увольнению и 126 переводу на другую работу. На вышестоящие должности были выдвинуты 164 чел.¹

ЦК КПСС, в свою очередь, потребовало от компартий союзных республик, крайкомов и обкомов повысить требовательность к ОВД за подбор кадров и политико-моральное состояние личного состава, а также обязало партийные органы «проявлять постоянную заботу об укреплении кадров ОВД, для чего направлять для работы в них лучших коммунистов и комсомольцев». Только в 1969 г. для работы в милицию было направлено 20 тыс. коммунистов и комсомольцев.

Выполняя указанное решение КПСС, областное бюро Иркутского комитета комсомола в январе 1969 г. потребовало от районных и городских комитетов комсомола подобрать на работу в ОВД в 1969 г. 281 лучших комсомольцев «производственников, студентов юристов, демобилизованных воинов, повысить требовательность к комсомольским организациям отделов милиции, проявлять постоянную заботу об укреплении служебной дисциплины молодых сотрудников»².

Соответствующая разнарядка была направлена в первичные комсомольские органы. На практике же, желающий служить в милиции, обращался в кадровое подразделение ОВД, откуда его направляли в райком ВЛКСМ за комсомольской путевкой, получить которую не составляло труда, учитывая спрос за невыполнение

---

¹ Архив ИЦ ГУ МВД России по Иркутской области. Ф. 8. Оп.1. Д. 314. Л. 181.

² Там же. Ф. 8. Оп.1. Д. 305. Л. 27.

разнарядки. В результате, в 1969 г. 90 % кандидатов были приняты на работу в Иркутскую милицию через рекомендации партийно-советских органов и трудовых коллективов.

Несмотря на принимаемые меры, кардинально решить проблему комплектования милиции в период реформирования руководством УВД ИО не удалось. Некомплект подразделений ОВД региона в указанный период оставался значительным, а образовательный уровень работников милиции не соответствовал новым предъявляемым требованиям. Так, в Усольском ГОВД только 73 % принятых милиционера в 1969 г. имели среднее образование¹. В Чунском, Аларском, Зиминском, Тайшетском, Ленинском и Черемховском ОВД на должности милиционеров принимались лица с образованием 5–6 классов². В 1972 г. в связи со сложной ситуацией, связанной с большой текучестью кадров, особенно среди рядового и младшего начсостава, решение об увольнении указанных сотрудников стали производить только по согласованию со специально созданной комиссией УВД ИО³.

По результатам проверки, проведенной УВД ИО в 1973 г. подчиненных ОВД отмечалось, что «в некоторых горрайорганах грубо нарушаются требования постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 ноября 1968 г. в части комплектования кадрами милиции. При подборе кадров в милицию деловые и моральные качества вновь принимаемых глубоко не изучаются, на работу принимаются лица, имеющие низкий образовательный уровень, в результате чего попадают случайные люди, которые нарушают служебную дисциплину, а в ряде случаев – совершают преступления, тем самым позорят честь Советской милиции. Так, милиционеры Тулунского горотдела «Г» и «Е» были приняты на работу при наличии образования у первого – только пяти, у второго – шести классов. Оба были приняты не организованным путем, то есть без направлений партийно-советских и комсомольских органов, и рекомендаций коллективов трудящихся. Кроме того, «Е» ранее увольнялся из этого же горотдела за пьянство и нарушение законности, но, несмотря на это, снова был принят»⁴.

Определенные положительные тенденции к улучшению качественного состава кадров по образованию наметились в 1974 г. с принятием МВД СССР Положения о прохождении службы рядовым и начальствующим составом органов внутренних дел.

---

¹ Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 305. Л. 34.

² Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 308. Л. 258.

³ Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 361. Л. 126.

⁴ Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 383. Л. 93

Так, в течение 1975 г. в службы органов и учреждения внутренних дел Иркутской области было принято 215 чел. с высшим, 22 — с незаконченным высшим и 379 — со средним специальным образованием. Среди начальствующего состава 61,3 % составляли дипломированные специалисты с высшим и средним специальным образованием (милиция — 50,3 %, исправительно-трудовые учреждения — 71 %, военизированная пожарная охрана — 75,3 %). Тем не менее, в числе принятых в 1975 г. в рядовой и младший начальствующий состав только 41,8 % имели среднее образование. Количество рядового состава милиции со средним образованием увеличилось за год на 1,6 % и составило 33,1 %. Некомплект составил 8,1 % — начсостав и 13,7 % — рядовые. Текучесть кадров в Иркутской милиции составила 11,7 %¹.

Новые требования, предъявляемые к сотрудникам ОВД, повлекли за собой и изменения в системе их подготовки, переподготовки и повышения квалификации. Для улучшения первоначальной подготовки рядового состава милиции, участковых уполномоченных и других работников ОВД, укрепления и расширения учебно-материальной базы учебных пунктов, в 1969 г. Госплан СССР выделил дополнительные капиталовложения для их строительства в размере 1 млн руб. Необходимые капиталовложения на эти цели были заложены и на 1970–1971 гг. Лиц, проходящих первоначальную подготовку на учебных пунктах, стали обеспечивать общежитием и питанием по нормам, установленным для курсантов специальных школ милиции. В Иркутской области в этих целях в 1970 г. на базе учебного пункта была организована межобластная школа подготовки младшего и среднего начальствующего состава УВД ИО на 150 чел., штатной численностью 21 работник [5, с. 298].

В указанный период во все учебные заведения МВД СССР (кроме Московской высшей школы) принимались лица мужского пола из числа гражданской молодежи рядового и сержантского состава МВД, отслужившие в Советской Армии, имевшие среднее образование и, соответственно, имевшие практический опыт работы в команде, обученные обращению с оружием, дисциплине и другим качествам, необходимым для работы в силовых структурах. В результате чего кандидат к моменту поступления в учебные заведения являлся уже полностью сформировавшейся личностью в физическом и психологическом плане [3, с. 376]. В Омскую высшую школу милиции (далее — ОВШМ) и Иркутское пожарно-

---

¹Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 408. Л. 90.

техническое училище (далее — ИПТУ), кроме того, принимались и лица призывного возраста.

Срок обучения в высших учебных заведениях МВД СССР составлял 4 года, в средних — 2 года, в ИПТУ — 2 года 9 мес. После окончания учебного заведения МВД СССР выдавался диплом высшей или средней квалификации, с присвоением звания «лейтенант» соответствующей службы.

В период учебы курсанты находились на полном государственном обеспечении и получали стипендию в высших учебных заведениях МВД СССР и средних специальных школах милиции — 40 руб., в средних школах подготовки начсостава МВД и ИПТУ на первом курсе — 7 руб. 50 коп., на втором — 12 руб. 50 коп. и на третьем — 13 руб.

Курсанты Барнаульской, Владимирской и Уфимской средних школ МВД СССР из числа рядового, сержантского и младшего начальствующего состава обеспечивались денежным содержанием в размере месячного оклада по последнему месту работы, если они до направления на учебу проработали в органах МВД не менее 6 мес. по состоянию на 1 октября.

На заочный экономический факультет Рязанской высшей школы МВД принимались лица старшего и среднего начальствующего состава а также служащие экономических служб органов и учреждений внутренних дел, имеющие среднее образование и стаж практической работы не менее одного года, независимо от возраста.

Для снижения затрат на обучение, в регионах организовывались отделения и учебно-консультационные пункты специальных средних и высших учебных заведений МВД СССР. Так, с момента образования в 1966 г. в Иркутском отделении ОВШМ и учебно-консультативном пункте Хабаровской специальной средней школы милиции для УВД ИО к 1970 г. было подготовлено соответственно 172 и 237 специалистов-юристов высшей и средней квалификации. В 1970 г. в этих учебных заведениях находилось на обучении заочно уже 339 чел. (165 в высшей и 174 в средней).

Проведение экзаменов при поступлении в учебные заведения МВД СССР разрешалось в комплектовующих органах. Так, в Хабаровскую и Новосибирскую специальные средние школы милиции управление учебных заведений МВД СССР позволило проводить их непосредственно в г. Иркутске с 27 августа по 1 сентября¹.

Анализ результатов отбора кандидатов в учебные заведения МВД СССР показал, что ОВД Иркутской области уделяли должное внимание комплектованию школ МВД. Вместе с тем план по отбору

---

¹ Архив ИЦ ГУ МВД России по Иркутской области. Ф. 8. Оп. 1. Д. 316. Л. 141

кандидатов в Барнаульскую среднюю школу подготовки начсостава, являвшейся базой для Иркутской области по подготовке специалистов исправительно-трудовых учреждений постоянно не выполнялся. Так, в 1971 г. в эту школу было отобрано всего 12 чел. вместо 25, а в 1972 г. – 16 вместо 26-ти запланированных.

Кроме того, в рассматриваемый период, возникали проблемы и при комплектовании заочных отделений. Зачастую на учебу в эти отделения рекомендовались малоперспективные, со слабой общеобразовательной подготовкой и не отличающиеся особым прилежанием сотрудники. Не всегда по месту службы слушателям создавались необходимые условия для их учебы.

Указанные факторы становились «второгодниками» или отчислялись из учебных заведений по неуспеваемости. Так, на заочную учебу в ОВШМ в 1971 г. было зачислено 48 сотрудников. По указанным причинам на повторное обучение на первом курсе было оставлено 13 слушателей, а восемь отчислено.

Необходимо отметить, что при аттестовании, присвоении специальных званий, выдвижении по службе стали учитывать в том числе и успеваемость работников, обучающихся заочно¹. При этом за успешное окончание учебы в высших учебных заведениях МВД слушателей-заочников регулярно поощряли премиями и ценными подарками [2, с. 125].

С 1974 г., учитывая потребность в специалистах для Иркутского УВД, министерство ежегодно увеличивало количество мест для обучения на очных отделениях школ и училищ МВД СССР. По итогам 1979 г. от УВД ИО в них поступило 223 сотрудника и гражданских лица, а в 1980 г. – 315 чел. из 567 кандидатов².

Значительный вклад в решение кадровой проблемы УВД ИО внесли учреждения Министерства высшего и среднего специального образования СССР Иркутского региона, которые стали направлять для прохождения практики студентов и учащихся юридических вузов и вузов в территориальные ОВД. Так, с 1969 г. студенты Иркутского государственного университета (ИГУ) проходили практику ежегодно, начиная с третьего курса. Значительное количество обучающихся в этих учебных заведениях состояли в комсомольских оперативных отрядах и являлись внештатными сотрудниками милиции [1, с. 39].

---

¹ Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 327. Л. 233.

² Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 509. Л. 22.

Одновременно с решением вопросов, связанных с отбором и подготовкой кадров в рассматриваемый период были предприняты значительные меры по повышению денежного содержания и обеспечению социальных гарантий сотрудников ОВД. В 1974 г. приказом МВД СССР был увеличен лимит денежного содержания сотрудников. Через три года вновь отмечается значительное увеличение объемов финансирования МВД. Так, с 1 февраля 1977 г., в соответствии с приказом МВД СССР № 23 от 28 января 1977 г. «О повышении минимальной заработной платы рабочих и служащих с одновременным увеличением должностных окладов и ставок среднеоплачиваемых категорий работников органов МВД СССР», были увеличены оклады всех категорий сотрудников.

С 1 января 1979 г., в соответствии с приказом МВД СССР от 15 декабря 1978 г. были увеличены оклады денежного содержания рядовому и младшему начсоставу ОВД. В январе 1979 г. приказом МВД СССР от 22 декабря 1978 г. были установлены новые повышенные предельные специальные звания по должностям начальствующего состава в подразделениях уголовного розыска, БХСС, следственных, а также участковых инспекторов милиции.

Указанный комплекс мер позволил к середине 80-х годов прошлого века в целом решить наиболее проблемные вопросы в обеспечении МВД квалифицированными кадрами и значительно снизить текучесть кадров.

«Чистка» МВД СССР, начавшаяся в 1983 г. после отстранения от руководства Н. А. Щелокова затронула в полной мере и УВД ИО. Масштабы необоснованных наказаний сотрудников милиции и в первую очередь оперативных служб в Иркутской области приведен как наиболее яркий пример в историческом очерке «Министерство внутренних дел» изданный к 200-летнему юбилею МВД, где отмечалось: «В Иркутской области вместе с руководством УВД ИО из 28 начальников горрайорганов 27 были сняты с работы, 103 сотрудника уволены из органов или представлены к увольнению, 56 понижены в должности, более 100 наказаны в дисциплинарном порядке, 56 коммунистов исключены из членов КПСС, 162 получили партийные взыскания. Это привело к тому, что работа УВД была парализована. Естественно, что в области значительно возросла преступность».

Последствия указанных мероприятий на общее состояние правопорядка в регионе, как и роль, и мотивы каждого участника этих событий, требуют отдельного, детального изучения. Однако можно с большой долей вероятности утверждать, что они нанесли значительный ущерб кадровому составу Иркутской милиции, преодолеть

который стало возможным только в середине 2000-х годов и уже в другой стране.

Резюмируя изложенное, необходимо отметить, что в 60–80-х годах прошлого века меры МВД СССР, направленные на обеспечение ОВД профессиональными кадрами имели различные организационные формы. Совершенствовалось нормативно-правовое регулирование этой деятельности, повышались меры материального и социального обеспечения сотрудников ОВД, улучшалась система подготовки, переподготовки кадров и повышения их квалификации, ужесточались требования к отбору кандидатов на службу в ОВД, использовались различные методы стимулирования сотрудников в повышении их профессионального уровня. Для решения задачи укрепления кадров ОВД использовались государственные и партийные органы, а также институты общественных организаций правоохранительной направленности и гражданского общества.

Список литературы:

1. Кнауц О. А. Деятельность общественных организаций в обеспечении общественного порядка и раскрытии преступлений на территории Иркутской области в 1960-х – 1980-х гг. // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2022. № 1 (100). С. 29–46.

2. Кнауц О. А. К вопросу о системе поощрений сотрудников УООП (управления охраны общественного порядка) Иркутской области в 1966–1968 гг. // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1 (11). С. 117–131.

3. Кнауц О. А. Получение профессиональных компетенций полицейских. Проблемы, пути решения // Актуальные вопросы образования в области права, внутренних дел и чрезвычайных ситуаций: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Улан-Батор, 2022. С. 372–378.

4. Кнауц О. А. Реформа МВД СССР 1968–1969 гг. (по материалам УВД Иркутского облисполкома) // Актуальные проблемы полицейского права : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 10-летию вступления в силу Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Омск, 2021. С. 22–24.

5. Кнауц О. А., Синиченко В. В., Токарева Г. С. К вопросу о развитии системы ведомственного образования системы органов внутренних дел в Иркутске в 60-х гг. XX века // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (2). С. 296–302.

Анастасия Михайловна Кожевникова,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры государственных и
гражданско-правовых дисциплин
Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД России
E-mail: kozhevnikova.sfkrdu@gmail.com

Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации как источник по истории органов внутренних дел

Аннотация

В статье рассматриваются возможности использования коллекций музеев России, размещенных на сайте Государственного каталога музейного фонда Российской Федерации, в качестве дополнительных источников по истории органов внутренних дел (далее – ОВД). Анализируется потенциал Госкаталога как агрегатора источников одного типа (например, фотографии), так и самого по себе. Указываются существующие недостатки в заполнении Госкаталога, которые затрудняют работу исследователей. Анализируется потенциал уже загруженных коллекций и экспонатов, в том числе и ведомственных музеев, представляющих интерес в контексте истории ОВД.

Ключевые слова и словосочетания: история ОВД; исторический источник; музейный фонд; Госкаталог музейного фонда РФ; ведомственные музеи.

Возникновение, развитие и функционирование отечественных органов внутренних дел – достаточно популярный объект исследований как среди маститых историков, так и среди региональных и начинающих специалистов. В последние годы в научный оборот вводятся большие корпуса архивных документов, как правило – регионального значения. Особо «урожайным» в этом плане представляется 2018 г. – год 300-летия российской полиции, когда в мало каком регионе не был издан сборник документов по истории местных ОВД, хотя такого рода издания выходили и раньше, и позже. Беглое изучение интернет-публикаций позволило установить, что такого плана сборники были подготовлены в Томске, Кирове, Краснодаре, Барнауле.

Введение в научный оборот архивных источников – безусловно, необходимый процесс для развития исторической науки. Документы из региональных архивов позволяют как установить общие для всей страны вехи и элементы развития правоохранительной системы, так и выявить частности. Однако, как документальные, так и источники другого плана (фотографии, материальные объекты) хранятся не только в архивах, но и в музеях, нередко – в запасниках, доступ к которым редко когда бывает открыт местным исследователям. Как отмечают многие исследователи, музейные собрания являются «потенциальным информационным ресурсом исторической науки» [3, с. 135]. И слово «потенциальный» в данном случае обладает не только положительной коннотацией. Сторонние исследователи нечасто допускаются в святая святых музеев – в фонды даже «просто посмотреть», не говоря уже о «поработать». А сами музейные сотрудники не так часто и плотно, как хотелось бы, занимаются историей ОВД по разным, вполне объективным, причинам. В связи с этим представляется огромной удачей для всех исследователей появление такого ресурса, как Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации (далее – Госкаталог).

В соответствии со ст. 10 Федерального закона от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ (в ред. от 3 июля 2018 г.) «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», Госкаталог представляет собой федеральную государственную информационную систему государственного учета музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации, созданную в целях обеспечения их правовой защиты и государственного контроля. Внесение сведений о музейных предметах возложено на государственные и муниципальные музеи, в коллекциях которых находятся эти предметы. На март 2023 г. на официальном сайте Госкаталога зарегистрировано 3 322 музея, внесено – 36 235 631 предмет.

Очевидно, что Госкаталог – это не только «инструмент внутреннего пользования для организации централизованного учета предметов музейными сотрудниками» [1, с. 35], но и объемная, и разноплановая база данных, доступная как для исследователей, так и для интересующейся публики, а также для представителей системы образования.

Как историк, не один год занимающийся становлением и развитием правоохранительных органов Черноморского округа, а также как в прошлом музейный сотрудник, автор данной статьи видит большой потенциал Госкаталога в качестве источниковой базы для коллег по профилю исторических исследований.

Так, в процессе работы с Госкаталогом было установлено, что в нем представлено помимо всех прочих музеев 31 ведомственный музей, включая Постоянно действующую выставочную экспозицию, посвященную созданию и истории МВД России – филиал федерального казенного учреждения «Центральный клуб Министерства внутренних дел Российской Федерации». Поисковая система Госкаталога по ряду ключевых для истории ОВД слов выдала следующие результаты:

- «МВД» – 29 583 экспоната;
- «милиц» – 21 449 экспонатов;
- «полиц» – 12 623 экспоната;
- «НКВД» – 7 321 экспонат;
- «внутренних дел» – 7 269 экспонатов;
- «милиционер» – 1 771 экспонат;
- «жандарм» – 3 369 экспонатов.

Безусловно, это не абсолютные цифры, и часть из выданного по поиску большого значения для истории ОВД не имеет, однако и эти результаты представляются весьма вдохновляющими для исследователя. Хотя в этих показателях есть и достаточно печальный факт: наша служба действительно «на первый взгляд, как будто не видна», ибо удельный вес экспонатов, связанных с ОВД, в объеме всех представленных предметов музейного фонда РФ весьма невелик. Это наталкивает на две удручающие мысли: сбор экспонатов по истории полиции и милиции музеями ведется не очень активно, а в тех музеях, где имеются соответствующие фонды и коллекции, выкладывать именно эти экспонаты не торопятся, возможно, в силу кажущегося низкого интереса к этой части отечественной истории. Конечно, в каком-то смысле это авторское допущение на базе собственного – пускай и не очень репрезентативного – опыта.

Однако и то, что уже размещено в Госкаталоге, который пополняется ежедневно, представляет собой определенный интерес. Среди представленных экспонатов можно выделить отдельные группы:

- вещевой фонд (форменное обмундирование, вооружение (чаще патроны и гильзы), снаряжение – жезл, кобура и т. п.);
- фалеристика, печати, памятные знаки и значки;
- документы, среди которых – почетные грамоты, пропуска, удостоверения, удостоверения личности, мандаты, поздравительные письма, воспоминания, а также делопроизводственные документы разных лет – приказы, обзоры;
- книги по истории правоохранительных органов;
- фотографии.

Последний вид экспонатов и источников представляет, на наш взгляд, большую ценность, так как многим региональным исследованиям зачастую не хватает иллюстративности. Но фотография – это не только «украшение», но и ценный исторический источник – по истории повседневности, будней и праздников, форменного обмундирования, вооружения, повседневной службы в отделах и несения службы по охране общественного порядка во время массовых и публичных мероприятий.

Например, в музейном фонде ГБУК СК «Ипатовский районный краеведческий музей» (Ставропольский край) представлены такие фотодокументы из истории местной милиции как «Сотрудники милиции и ОГПУ села Винодельное. 1927–1930-е годы», «Милиционер Кудлай Семён Тихонович. 1939 год», «Сотрудники Ипатовского ОВД в парадной милицмейской форме. 1970-1980-е гг.», «Капитан милиции Нужный Иван Георгиевич за работой в кабинете. 1970-е годы», «Старшина милиции Унтевский Юрий Иванович – участник Великой Отечественной войны, участник парада Победы в Москве 24 июня 1945 года. 1980-е годы» (очень интересное фото в плане форменного обмундирования старшины).

Авторы коллективной монографии «Фотография как источник научной информации» отмечают, что фотография с научно-исследовательской точки зрения выполняет три функции: «источник информации, объект исследования и обоснования научных гипотез и источник научных доказательств» [2, с. 48]. Не являясь специалистом в источниковедении мы не считаем возможным останавливаться подробно на особенностях и потенциале фотофонда российских музеев как источника.

Хотелось бы отметить исследовательские проблемы, которые могут и возникают в процессе взаимодействия с этим видом источника, представленным именно в Госкаталоге. В принципе, Госкаталог следует за особенностями музейного учета как такового, – в первую очередь речь идет о неудовлетворительном ведении учетной документации, что затрудняет поиск и получение полной, достоверной информации о музейных фондах [3, с. 137]. Тут сталкиваются две проблемы – проблема методики систематизации и классификации музейных источников, и проблема методики представления музейных экспонатов в Госкаталоге. Каждый музей, осуществляя выгрузку экспонатов в Госкаталог, руководствуется собственными представлениями о необходимой атрибуции представляемых материалов. Это касается как объема представляемой информации, так и его формы. Так, слово «хлопчатобумажный» может заноситься в описание к экспонату в таких вариантах как «X/б», «хлопч.-

бумаж.» и т. д. Отсутствие унификации описания и атрибутирования затрудняет поиск по сайту.

Размещение и издание фотографий требует тщательного археологического описания, в которое, по мнению большинства специалистов, должно входить указание авторства, даты съемки, места хранения, тип и размер документа [4, с. 228]. Кроме качественного описания, фотодокумент нуждается и в «качестве электронного образа (качество сканирования или оцифровки)», «качестве графической обработки электронной копии и качестве ее хранения и использования» [4, с. 228–229].

Стоит отметить, что некачественное предоставление «электронной копии» характерно не только для фотографий и документов, но и для вещевого фонда, что также не способствует продуктивной исследовательской работе. Но даже если не представляется возможным рассмотреть экспонат детально и в нескольких проекциях, позитивным является уже сам факт уяснения существования такого экспоната и его локации. При необходимости, можно связываться напрямую с музеем, где хранится интересующий исследователя предмет, и просить предоставить более качественную информацию, а чаще – приобретать ее за отдельную плату. То есть, можно сказать, что работа исследователей в Госкаталоге позволяет установить источниковедческий и источниковый потенциал музеев, особенно маленьких и ведомственных, к которым не так просто добраться. Стоит отметить, это требует разработки инструментов и методологии работы именно с Госкаталогом как источником, а не просто с отдельными экспонатами.

Госкаталог – это интеграция музейного фонда Российской Федерации в глобальное информационное пространство, сохранение через оцифровку и электронное представление подлинников документов и фотографий, широкий и – что немаловажно – удаленный доступ всех заинтересованных пользователей к экспонатам, составляющим историко-культурное наследие нашей страны, потенциал для создания виртуальных музеев и выставок. Однако процесс оцифровки исторических источников из архивов и музеев сопровождается «массой проблем не только нормативно-методического, но и технологического, правового, источниковедческого и археологического характера» [5, с. 97]. Эти проблемы опосредованно касаются и исследователей, но они не должны становиться препятствием в их изысканиях.

Хотелось бы остановиться на потенциале музеев, относящихся к МВД России. Как уже указывалось, в Госкаталоге зарегистрирован 31 ведомственный музей (музейные комнаты, экспозиции,

далее – музеи), относящийся к организациям, находящимся в ведении МВД России. Анализ регистрационных карточек этих музеев сам по себе представляет определенный исследовательский интерес. Карточка позволяет установить статус каждого музейного учреждения, а также лицо, ответственное за него. Так, руководителем внештатного музея Воронежского института МВД России является инспектор, вероятно, отдела по работе с личным составом. Постоянно действующей экспозицией Культурного центра Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Саратовской области руководит начальник экспозиции. Внештатный музей «Органов внутренних дел Ямала» Управления МВД России по Ямало-Ненецкому автономному округу возглавляет внештатный начальник музея. Среди руководителей остальных музеев встречаются такие наименования должностей, как заведующий сектором музея, старший инспектор по контролю за исполнением поручений, внештатный начальник, заведующий отделом музея культурного центра, специалист по кадрам направления по работе с ветеранами, директор музея, главный специалист группы морально-психологического обеспечения, Заведующий сектором музея культурного центра МВД, главный хранитель фондов, главный специалист – помощник начальника института (по работе с ветеранами), внештатный руководитель (хранитель), заведующий передвижной выставкой.

На страницах некоторых музеев, например, Музея истории органов правопорядка Дона, представлена история их создания и развития. Надеемся, что в дальнейшем и другие музеи МВД России последуют этому примеру.

Хотелось бы отметить Алтайский край, который представлен двумя ведомственными музеями, один из которых, к сожалению, не разместил на сайте Госкаталога ни одного экспоната, впрочем, как и 24 другие ведомственные музейные организации. Зато Музей истории ОВД культурного центра ГУ МВД России по Алтайскому краю разместил 1 427 экспонатов, по количеству которых он занимает второе место после постоянной экспозиции «Центрального клуба МВД РФ», на странице которой в Госкаталоге представлено 16 275 экспонатов. Остальные пять ведомственных музеев, осуществляющие работу с Госкаталогом, оцифровали от 200 до 800 экспонатов из собственных фондов. Среди вузов системы МВД России страницы своих музеев в Госкаталоге создали всего четыре: Воронежский институт МВД России, Казанский юридический институт МВД России, Уфимский юридический институт МВД России и Волгоградская академия МВД России.

Изучение экспонатов ведомственных музейных учреждений может способствовать уточнению истории тех организаций, в рамках которых они функционируют. В музеи нередко передают личные вещи и документы ветеранов ОВД из числа как бывших сотрудников музея, так и местных ОВД, но еще больше свидетелей истории правоохранительных органов, к сожалению, оказываются на свалке по причине невостребованности у наследников.

Подводя итог, отметим, что музейные фонды Российской Федерации через размещение их экспонатов и коллекций в Госкаталоге могут и должны быть огромным подспорьем в проведении исследований на самые разные темы, включая историю становления, развития и повседневности отечественных ОВД.

Список литературы:

1. *Костенко В. В., Козлова А. С.* Госкаталог Музейного фонда России: первый подход к прикладному анализу данных // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 9 (61). С. 34–38.
2. *Лепский М. А., Мальцев О. В., Самсонов А. В.* Фотография как источник научной информации : моногр. Днепр, 2020. 322 с.
3. *Рыгалова М. В. Рыгалов Е. В.* Музейные коллекции как исторический источник (обзор отечественной историографии) // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 5 (103). С. 135–139.
4. *Тронина Е. В.* К вопросу о некоторых проблемах представления электронных копий фотодокументов в сети Интернет (на примере фотографий Великой Отечественной войны) // Актуальные проблемы региональной истории. Памяти учителей: Аркадий Андреевич Тронин (1931–2016), Степан Парфёнович Зубарев (1911–1994), Михаил Андрианович Садаков (1916–1993) : материалы II Всероссийской (с международным участием) науч. конф., Ижевск, 2021. С. 227–240.
5. *Юмашева Ю. Ю.* Проблемы электронной археографии // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2017. № 4. С. 97–105.

Сергей Сергеевич Кондратьев,
адъюнкт факультета
подготовки научных
и научно-педагогических кадров
Академия управления МВД России

Вклад Министерства внутренних дел в развитие оспопрививания в Российской Империи в XIX в.

Аннотация

Статья посвящена исследованию нормативных актов, регламентирующих деятельность Министерства внутренних дел по распространению на всей территории Российской Империи в XIX в. практики прививания коровьей оспы как наиболее действенного средства по профилактике эпидемий оспы. Учитывая состояние здравоохранения в указанный период, различные эпидемии повторялись практически ежегодно с большей или меньшей силой, унося вслед за собой множество жизней. Одной из таких повальных болезней являлась натуральная оспа. Но если против других заразных болезней, носивших эпидемический характер, медицина того времени не знала иного средства, кроме карантинных, то против оспы имелось верное средство – прививка коровьей оспы, распространению которой, несмотря на всю ее очевидную пользу, так сильно сопротивлялась основная масса населения Империи.

Ключевые слова и словосочетания: оспопрививание; прививка; оспа натуральная; коровья оспа; эпидемия; народное здравие; Российская империя XIX века.

В Российской империи XIX в. недостаток врачебной помощи ощущался повсеместно. Очень часто, особенно в деревнях, заболевания принимали повальный характер.

Одним из таких заболеваний, ежегодно уносившим массу человеческих жизней, являлась натуральная оспа. Но, в отличие от других повальных болезней, перед лицом которых человек был бессилен, против натуральной оспы было одно испытанное и «благодетельное средство» – оспопрививание.

Понимая всю важность данной процедуры, с первых же дней своего образования Министерство внутренних дел принялось за распространение в народе оспопрививания.

Министерством были составлены правила оспопрививания и вместе с вакцинами они направлялись на места. Кроме этого, Медицинским управлением были разработаны формы ведомостей, по которым Врачебные управы должны были доставлять в МВД сведения о результатах вакцинации. О развитии этого полезного начинания свидетельствует количественный рост привитых: 227 634 в 1809 г. против 66 835 в 1804 г. [4, с. 241].

В 1811 г. данное направление деятельности перешло в ведение новообразованного Министерства полиции, которое энергично принялось за дело. Однако уже в 1811 г. Министр полиции Александр Дмитриевич Балашев нашел, что несмотря на все распоряжения и заботы прежних лет, число детей, которым была привита оспа, весьма ограничено. [2, с. 189].

В этой связи Министерством полиции был предпринят ряд мер, призванных исправить сложившуюся ситуацию. Правовой основой данной деятельности министерства стало принятое 3 мая 1811 г. Положение «О распространении прививания коровьей оспы в Губерниях» [4, с. 241].

Обобщив имеющиеся сведения, был сделан вывод о том, что дальнейшему распространению дела оспопрививания препятствуют три основные причины:

1) предрассудки многих людей, а особенно простого народа, суть которых заключалась в том, что «несообразно природе человеческой заимствовать оспенную материю от животного». Простой народ усматривал в этом не только возможность причинения вреда здоровью, но и, больше того, вероятность «некотораго худаго влияния и на самую нравственность»;

2) неимение в довольном числе Медицинских чиновников или других способных людей, способных повсеместно распространить сию операцию;

3) недостаточный надзор и усердие в данном вопросе местных начальников [3].

Для преодоления указанных причин Министерством полиции были предложены следующие меры:

1) организация разъяснительной работы с населением в целях искоренения имеющихся предрассудков против «спасительнаго для рода человеческого средства»;

2) учреждение в столицах и губернских городах специальных Комитетов, в состав которых входили бы представители высшего руководства губерний, духовенства и медицины для осуществление надзора за повсеместным развитием дела оспопрививания;

3) учреждение различных государственных наград для предстителей различных сословий, проявляющих усердие в развитии дела оспопрививания.

Для устранения первой из озвученных выше причин, препятствующих дальнейшему развитию оспопрививания в Российской империи, а именно, коренящихся в народе предрассудков, активно привлекалось духовенство.

Следует отметить, что разъяснение простому народу всей пользы от прививания коровьей оспы было возложено на духовенство еще в 1804 г. Однако в указанном выше Положении от 3 мая 1811 г. акцентировалось внимание, что вменялось «в особую обязанность пастырям духовным, дабы они всемерно старались преклонять прихожан своих к принятию сего спасительного средства, сравнивали в приличных и убедительных выражениях действие оспы натуральной с оспою коровьею» [3].

Помимо этого, священнослужителям вменялось в обязанность объявлять по окончании богослужения имена выздоровевших от оспы прихожан [3]. Также духовенству рекомендовалось действовать не только убеждением, но и наглядным примером, для чего приглашать в церковь для слушания Божественной литургии выздоровевших детей, которым ранее была привита коровья оспа, для наглядной демонстрации эффекта, которого удастся добиться посредством оспопрививания [3].

В свою очередь врачам, занимающимся прививанием коровьей оспы, настоятельно рекомендовалось избегать называть ее между простым народом коровьей, по причине невежественного предубеждения к ней и употреблять это название только в донесениях и других официальных документах [3].

Положение «О распространении прививания коровьей оспы в Губерниях» предусматривало учреждение в столицах, губернских и уездных городах всей Империи особых Оспенных Комитетов.

Основными обязанностями указанных Комитетов являлись:

- а) формирование и ведение учета детей, которым была сделана прививка от оспы;
- б) принятие мер по организации прививания населения;
- в) снабжение прививателей вакциной, необходимыми материалами и инструментами;
- г) обучение лиц, желающих научиться оспопрививанию, с привлечением медицинских чиновников.

Таким образом, на Комитеты было возложено общее попечение о распространении повсюду практики прививания коровьей оспы.

Губернские Комитеты обобщали полугодовые ведомости, полученные из уездных комитетов, после чего направляли их Министру полиции [3].

Помимо вышеперечисленных мер, в целях повсеместного развития оспопрививания предлагалось:

а) показывать в училищах, особенно духовных и народных, способ прививания оспы ученикам, оканчивавшим курс;

б) преподавать способ прививания повивальным бабкам в их институтах;

в) указать руководству губерний на необходимость присылать в Оспенные Комитеты людей, способных обучению оспопрививанию;

г) разработать под руководством Медицинского Совета печатное издание, написанное самым простым и внятным для всех слогом, с надлежащими наставлениями и рисунками по прививанию коровьей оспы. Указанное печатное издание предлагалось перевести на все языки, бывшие в провинции и за счет казны разослать необходимое число экземпляров по всему государству [3].

Принятые меры дали свои плоды. Начальники Губерний усердно принялись за дело и действовали всеми зависевшими от них средствами, распространяя отчасти наставления Правительства, отчасти рассылая свои собственные, воодушевляя оспопрививателей и привлекая к распространению оспопрививания людей, имевших в губерниях значение. Чины губернского медицинского управления не отставали от Начальников Губерний в этом отношении и многие из них получили публичную благодарность местных жителей [2, с. 189].

В последующие годы, судя по отчетам, доставленным в Министерство Полиции, оспопрививание шло успешно, хотя прежнее усердие к делу со стороны местных начальников было уже не так заметно. Несмотря на это, Министерство полиции продолжало действовать с прежней твердостью, принимая все зависевшие от него меры [2, с. 326].

В последующем, тенденция к ослаблению контроля за данным направлением деятельности продолжилась. Усердие, которым прежде отличалось местное начальство, начало ослабевать, и в 1814 г. со стороны Министерства полиции, не упускавшего из виду этого важного средства к предохранению народного здоровья, были приняты побудительные меры к местным чиновникам. Причиной такого охлаждения к вопросу оспопрививания, без сомнения, следует считать Отечественную войну, увлекшую общественное внимание и деятельность к спасению Отечества [2, с. 372].

Таким образом, на данном этапе Министерство Полиции приняло все необходимые меры, какие только могли быть предложены для распространения оспопрививания, и достигло временного, хотя все-таки незначительного успеха: к 1815 г., в течение 10-ти лет, оспа была привита 1 899 260 детям. Но уже с 1815 г. начинаются жалобы на то, что оспопрививание прекращается – действительно, количество прививок падало из года в год: энергия Министерства и его органов разбивалась о предубеждения темных масс [1, с. 69].

4 ноября 1819 г. Министерство Полиции вошло в состав Министерства внутренних дел вместе со всеми делами по медицинской части, включая вопросы оспопрививания.

Министерство внутренних дел продолжало активно пропагандировать оспопрививание и контролировать этот процесс, несмотря на имеющиеся предубеждения широких народных масс и некоторое пренебрежение со стороны местных губернских властей. Достаточно здесь указать на некоторые губернии для образца: в Могилевской, например, осталось к 1822 г. 112 811 детей, которым не была привита оспа, а число тех, на которых исполнена операция, простиралось до 22 367 чел. [2, с. 146].

Даже в самих донесениях Оспенных Комитетов Министерству внутренних дел замечается некоторое небрежение: так, некоторые доносили по два, другие только по одному разу в год о состоянии оспопрививания [2, с. 147].

Министерству внутренних дел приходилось систематически направлять многочисленные напоминания о доставлении установленных полугодичных ведомостей касательно состояния оспопрививания в губерниях.

Такой контроль со стороны Министерства положительно сказался на результатах работы по данному направлению, и в 1823 г. оспа была привита уже 417 113 детям [2, с. 294].

Трудности, с которыми Министерству внутренних дел приходилось сталкиваться на пути развития практики оспопрививания отражены в отчете генерал-штаб-доктор гражданской части за 1826 г., в котором сказано: «...прививание предохранительной оспы, – писал он, – к сожалению, не может подчиненными генерал-штаб-доктору врачами быть приводимо в действие в том пространстве, как бы желать надлежало. Уездные врачи, долженствовавшие заниматься этим делом, не взирая на величайшее с их стороны усердие, редко бывают в состоянии посвятить оному нужное внимание, ибо большую часть времени должны проводить в разъездах по делам судебно-медицинским. С другой стороны, весьма важная препона к успешному распространению к прививанию оспы есть существую-

щее в народе закоренелое предубеждение против сей операции, клонящейся, по мнению онаго, к нарушению предопределения, – предубеждение, которое даже увещаниями духовных лиц, с примерным усердием содействующих врачам в деле сем» [2, с. 114].

Тем не менее практика оспопрививания продолжала распространяться по Империи. Число детей, коим привита предохранительная оспа, со второй половины 1826 по конец 1827 г. составило 622 967 [3, с. 114].

Забываясь все более и более о распространении этой операции, Правительство установило для священников и чиновников медали за усердие по этому предмету, подобно как в прошлом году для других сословий [2, с. 114].

В последующие годы министерство также продолжало активно пропагандировать оспопрививание и контролировать этот процесс. Так, в циркуляре министра внутренних дел А. А. Закревского от 22 августа 1828 г. вменялось «в обязанности губернским Оспенным комитетам доставлять в Министерство внутренних дел, по известной форме, полугодовые ведомости о привитой предохранительной оспе, за первую половину года к 1 сентября, а за вторую – к 1 марта каждого года, непременно». Кроме того, члены губернских Оспенных комитетов и врачебных управ несли ответственность за «соблюдение сего в точности», а в случае неисполнения «с них взыскиваемо строго и ни какие извинения в оправдание приняты быть не могут» [4, с. 242].

Примечательно, что даже в годы эпидемий, при самом бедственном состоянии народного здоровья, когда, казалось бы, нельзя было ожидать успехов от оспопрививания, указанное направление деятельности на забывалось Министерством внутренних дел. В этой связи показателен например 1830 г., когда в Российской империи была зафиксирована первая вспышка холеры, но несмотря на это, судя по официальным сведениям, содержащимся в отчете Министра внутренних дел, состояние оспопрививания было удовлетворительнее чем прежде: во второй половине 1829 и в первой 1830 г. предохранительная оспа привита 507 036 детям [2, с. 349].

Весомый вклад в развитие оспопрививания внес граф Лев Алексеевич Перовский, занимавший должность Министра внутренних дел в период с 1841 по 1852 г.

Относительно оспопрививания Л. А. Перовский отмечал, что «оспопрививание не сделалось в полной степени народным; что в некоторых местах недостаточно оспопрививателей, в других они действуют не так, как бы должно, в третьих и самый народ смотрит на эту операцию с недоверчивостью» [2, с. 737].

Вместе с тем, несмотря на перечисленные трудности, согласно Отчету Министра внутренних дел за 1845 г., число детей, над которыми исполнена удачно эта операция, простиралось до 1 193 413, число детей, к которым она не принялась – 6 776, число детей, оставшихся без оспопрививания – 685 784 [2, с. 283].

К 1847 г. численность должностных оспопрививателей, не считая врачей, лекарских учеников и прочих, удалось довести до 10 тыс. чел. [3, с. 415].

Вопросы практики оспопрививания неоднократно рассматривались Медицинским советом, на основании заключений которого министр издавал циркулярные распоряжения. Так, циркуляром от 2 июля 1856 г. № 5102, на основании предложения Медицинского совета для лучшего сохранения прививочного материала и неразрушения его под «влиянием крайностей температуры», было поставлено в обязанность местных медицинских чиновников организовать транспортировку «в продолжении весенних и осенних месяцев и притом из мест, по возможности ближайших». А циркуляром от 28 апреля 1856 г. № 3334, «согласно заключению Медицинского совета», вводилось вторичное прививание «оспы предохранительной (особенно во время появления случаев натуральной оспы), и прививать ее вторично не только детям, но и взрослым, хотя бы они и имели несомненные признаки бывшей у них оспы привитой» [3, с. 243].

Таким образом, несмотря на все возникающие трудности и преграды, невзирая на взлеты и падения, случавшиеся на этом пути, начиная с момента своего образования, Министерство внутренних дел непрерывно осуществляло деятельность по развитию оспопрививания, как наиболее действенного средства против страшного недуга, ежегодно уносившего множество жизней, находясь на страже народного здоровья Империи.

Список литературы:

1. *Адрианов С. А.* Министерство внутренних дел 1802–1902. СПб., 1902.
2. *Варадинов Н. В.* История министерства внутренних дел. Ч. 1–2. СПб., 1858–1859.
3. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 31. № 24622.
4. *Яковлев К. Л.* Государственно-правовой статус Министерства внутренних дел Российской империи в дореформенный период (1802–1861 гг.) : дис. ... д-ра юрид. наук, 2016.

Газиз Загирович Кутушев,
кандидат исторических наук,
стажер по должности преподавателя кафедры
истории и теории государства и права
Уфимский юридический институт МВД России
E-mail: gazizkutushev@rambler.ru

Страницы биографии наркома внутренних дел Башкирской АССР Абдуллы Камалетдиновича Адигамова (1896–1968)

Аннотация

В рассматриваемой статье исследуется биография известного общественно-политического деятеля первых лет советской власти Абдуллы Камалетдиновича Адигамова, который руководил Народным комиссариатом внутренних дел Башкирской АССР в 1921 г. Анализируются результаты его профессиональной деятельности на различных должностях, которые он занимал в системе управления Башкирской АССР и центральных органах власти РСФСР в период с 1917 по 1930 гг. Приведенные факты позволяют сделать вывод о том, что А. К. Адигамов внес значимый вклад в дело советского национально-государственного строительства и стоял у истоков формирования новой социалистической системы управления Башкирской АССР.

Ключевые слова и словосочетания: *Абдулла Адигамов; нарком внутренних дел; Башкирская АССР; советская милиция.*

В постсоветской научной историографии и публицистике мы можем отчетливо наблюдать возрастающую тенденцию к изучению биографий государственных и общественных деятелей, чьи имена до недавнего времени были незаслуженно забыты. Доступ к архивным данным позволяет раскрыть неизвестные прежде вехи судьбы этих людей, проанализировать их вклад в развитие социально-политических отношений, экономики, науки, искусства. К числу таких исторических личностей, сравнительно недавно ставших объектом исследования, стоит отнести и Абдуллу Камалетдиновича Адигамова (1896–1968) – одного из первых народных комиссаров внутренних дел Башкирской АССР. Несмотря на то что он возглавлял систему республиканского НКВД лишь несколько месяцев, жизненный и профессиональный путь его крайне интересен, раскрывает нам портрет человека эпохи революционных перемен, сто-

явшего у истоков советской системы национально-государственно-го строительства.

К биографии А. К. Адигамова в постсоветский период обращались в своих работах такие авторы, как Г. Д. Иргалин, Ю. В. Ергин, А. Ш. Ярмуллин. Они акцентировали внимание на изучении общественно-политической деятельности Адигамова в годы Гражданской войны как одного из лидеров Башкирского правительства, а также исследовали этапы его профессиональной карьеры на ответственных должностях в системе государственного аппарата Башкирской АССР в 20-е годы XX в. Кроме того, в 2019 г. свет увидела работа под названием «Мы – Адигамовы!», которую написала родственница Расима Адигамова в форме семейной хроники и посвятила ее жизненному пути братьев Абдуллы и Мухаметдина Адигамовых. Тем не менее многочисленные аспекты политической биографии этого известного государственного деятеля изучены на сегодняшний день в недостаточной степени, что подчеркивает актуальность рассматриваемой тематики.

Как следует из его собственной автобиографии, А. К. Адигамов родился 10 марта 1896 г. в деревне Абдулнасырово 2-й Тангауровской волости Орского уезда Оренбургской губернии (ныне территория Хайбуллинского района Республики Башкортостан). Будучи еще подростком, он подрабатывал на приисках известного золотопромышленника Рамеева, где параллельно обучался навыкам чтения и письма как на русском языке, так и на тюрки. В 1908 г. способный 12-летний мальчик зачисляется в первый класс Верхнеуральского реального училища, а спустя три года, уже получив башкирскую стипендию, переходит учиться в Оренбургскую гимназию. Юноша проявил завидное трудолюбие и тягу к знаниям, завершив обучение в гимназии с золотой медалью в 1917 г. [8, с. 80].

Осенью 1917 г. А. К. Адигамов поступил на медицинский факультет Казанского университета. В любое другое время он мог бы стать талантливым врачом, сделать блестящую карьеру на профессиональном или научном поприще. Однако бурные и тревожные события революционного лихолетья подготовили новый поворот в его судьбе.

В ноябре 1917 г. Абдулла Адигамов приехал по делам в Оренбург, но обратно в Казань для продолжения обучения ему вернуться не удалось из-за начавшихся боевых действий в Урало-Поволжском регионе. Здесь же, в Оренбурге, он вовлекается в деятельность башкирского национального движения. Так, в декабре 1917 г. А. К. Адигамов участвует в работе Третьего Всебашкирского Учредительного

Курултая, где избирается кандидатом в члены Башкирского предпарламента (Кесе-Курултая) [2, с. 88].

Отношения между сторонниками идеи Башкирской автономии и большевиками на тот период времени были крайне напряженными, несмотря на отдельные попытки наладить политический диалог. После занятия Оренбурга советскими войсками в начале 1918 г. большевистские деятели арестовали нескольких лидеров башкирского национального движения, в том числе и А. К. Адигамова, изолировав их в местной тюрьме. Однако уже в апреле 1918 г., в результате совместного рейда на Оренбург казачьей конницы атамана Дутова и военных частей Амира Карамышева, указанные деятели были освобождены.

В июне 1918 г. Абдулла Адигамов официально вошел в состав Башкирского правительства, которое временно обосновалось в Челябинске, находившемся тогда под контролем чехословацкого корпуса. Начиналась широкомасштабная Гражданская война, на начальном этапе которой башкирские войска выступали на стороне белого движения в силу ряда политических и экономических разногласий с большевиками. Сам А. К. Адигамов в сентябре 1918 г. вместе с несколькими соратниками принял участие в работе Государственного совещания в Уфе, поддерживая идею объединения различных политических сил для общей цели борьбы с советской властью [2, с. 89–90].

В то же время дальнейший союз с разношерстным белым движением стал быстро разрушаться после прихода к власти Колчака – убежденного сторонника идеи единой и неделимой России, противника любых форм национальных автономий. В этих условиях с конца 1918 г. начинается уже обратный процесс политического сближения руководства башкирских автономистов с большевиками, выдвинувшими лозунг о свободном самоопределении народов. А. К. Адигамов был одним из тех представителей Башкирского правительства, кто наиболее активно работал в этом направлении. В частности, именно он 16 февраля 1919 г. в статусе временно исполняющего обязанности председателя Башкирского правительства подписал первый нормативно-правовой акт о переходе на сторону Советской власти, объявив территорию Башкирской автономии (тогда известную как Малая Башкирия) составной частью РСФСР под названием Башкирской Советской Республики [7, с. 81].

20 марта 1919 г. в Москве было подписано Соглашение центральной Советской власти и Башкирского правительства о создании Автономной Башкирской Советской Республики. Одновременно, при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного

Комитета (ВЦИК), было учреждено Башкирское представительство в Москве. Первыми официальными представителями республики при ВЦИК РСФСР стали Абдулла Адигамов и Абдрашит Бикбавов [1, с. 8]. Следует отметить, что на протяжении 1919–1920 гг. в условиях становления новой советской системы государственного управления на территории Башкирской АССР, Абдулла Камалетдинович выполнял важнейшую работу по координации совместной работы центра и республики в вопросах подбора кадров, снабжения продовольствием и материально-техническими ресурсами, формирования государственных учреждений в регионе. К примеру, на заседании членов Башвоенревкома, состоявшемся в Стерлитамаке 31 августа 1919 г., было принято решение о командировании в Москву трех представителей от республиканского правительства во главе с Абдуллой Адигамовым для разработки во ВЦИК плана организации органов Башкирской АССР [3, с. 60]. При этом в ноябре 1919 г. председатель Башкирского правительства Харис Юмагулов поставил в известность Башпредставительство о том, что Адигамов должен курировать в Москве проекты и задания гражданского предназначения [5, с. 350].

В январе 1920 г. Башкирский военно-революционный комитет утвердил проект Положения о представительстве Башреспублики при ВЦИК Советов РСФСР. Оба официальных представителя республики наделялись равными полномочиями и правами членов ВЦИК. В их обязанности, помимо вопросов экономического характера, входила задача своевременно доводить в Стерлитамак содержание срочных и актуальных нормативно-правовых актов, издаваемых высшими органами власти РСФСР в социально-политической, экономической и культурной сфере [4, с. 353].

Абдулла Адигамов продолжал занимать пост официального представителя Башкирской АССР при ВЦИК РСФСР до лета 1920 г. Известно, что в марте 1920 г. он вступил в ряды РКП(б). Кроме того, параллельно, в том же 1920 г. был привлечен в рамках трудовой мобилизации и направлен на работу в Ростов в качестве уполномоченного Чусоснаба и Главodeжды с целью организации предприятий военной промышленности [2, с. 90]. Однако после самороспуска старого состава Башвоенревкома и начала политического кризиса в регионе в июле 1920 г. состав Башкирского представительства был обновлен, и данное учреждение возглавил Ш. Н. Ибрагимов [6, с. 521].

До начала 1921 г. А. К. Адигамов продолжал работать в Москве, успев даже поступить на учебу слушателем в Московский землеустроительный институт. Но в марте 1921 г. постановлением

ЦК его командировали в Стерлитамак, в распоряжение Башобкома РКП(б). Вернувшись в республику, он был назначен народным комиссаром внутренних дел Башкирской АССР, занимая данный пост около 2-х мес., с апреля по июнь 1921 г.

За два с небольшим месяца руководства наркоматом внутренних дел А. К. Адигамов не успел реализовать каких-либо масштабных преобразований в работе своего ведомства. Данный этап его карьеры можно считать переходным, поскольку в Совнарком Башкирской АССР тогда шел процесс постоянных кадровых перестановок, вызванных не в последнюю очередь противоборством местного Башобкома и представителями прежнего состава Башревкома. Сразу после проведения II Всебашкирского съезда Советов (1–4 июля 1921 г.) состав республиканского СНК, который возглавил М. Д. Халиков, был вновь обновлен и Адигамова перебросили на новую должность.

Тем не менее изучение опубликованных архивных документов, отражающих деятельность НКВД Башкирской АССР в рассматриваемый период, позволяет выделить несколько основных направлений работы, которые тогда курировал А. К. Адигамов. Во-первых, отголоски Гражданской войны и крестьянского восстания в башкирских кантонах летом – осенью 1920 г. давали о себе знать в форме борьбы правоохранительных органов с бандитизмом в отдельных кантонах республики. Во-вторых, органы НКВД оказывали помощь в работе по устранению последствий эпидемии тифа и обеспечению продовольствием голодающего населения региона. В-третьих, шел процесс активного советского национально-государственного строительства на местах, в ходе которого сотрудники НКВД контролировали создание советских органов власти, а также реализацию декретов и постановлений центрального правительства. Наконец, в-четвертых, в период 1919–1922 гг. продолжались постоянные изменения административно-территориальных границ молодой Башкирской республики, поэтому на органы внутренних дел была возложена ответственная задача регулировать точность и законность территориального размежевания уездов, кантонов, волостей и населенных пунктов между Башкирской АССР и соседними губерниями [5, с. 201, 310, 330, 477, 555, 577].

В период с июля 1921 по октябрь 1922 гг., в условиях массового голода в Урало-Поволжье, руководство Башобкома РКП(б) направило А. К. Адигамова на самые ответственные направления государственной и хозяйственной работы. В частности, тогда он последовательно занимал должности заместителя председателя Комиссии помощи голодающим (Помгол) и народного комиссара земледелия.

27 сентября 1922 г. Абдулла Камалетдинович был назначен народным комиссаром просвещения Башкирской АССР и находился на этом посту вплоть до ноября 1923 г. Стоит отметить, что в этот период новый нарком серьезно заболел, по всей видимости, давали о себе знать последствия эпидемии тифа, перенесенной еще в 1919 г., а также общее физическое истощение на фоне массового голода. Так или иначе, непосредственно к управлению Башнаркомпросом Адигамов приступил лишь с 15 ноября 1922 г. В течение следующего года ему пришлось решать масштабные задачи в сфере народного просвещения: восстанавливать материальное и кадровое обеспечение школ после ужасающего голода 1921–1922 гг., реализовывать проект внедрения нового башкирского литературного языка в сферу делопроизводства и образования, укреплять работу в области ликвидации безграмотности, организовывать научную деятельность Академцентра при комиссариате просвещения [3, с. 85–88].

Несмотря на завершение Гражданской войны, в начале и середине 1920-х годов политическая обстановка в СССР продолжала оставаться достаточно напряженной. Проходившие периодически в государственных и партийных учреждениях проверки биографий личного состава нередко отражались на профессиональной карьере многих советских управленцев. В июне 1923 г. на четвертом совещании ЦК РКП(б) по национальному вопросу в Москве с участием высшего руководства страны прошло обсуждение дела известного политического деятеля Мирсаида Султан-Галиева. Ведущую роль в этом мероприятии играл новый генеральный секретарь партии И. В. Сталин. М. Султан-Галиева обвиняли в искажении партийной линии в национальном вопросе, а также в связях с антибольшевистски настроенными бывшими лидерами национальных движений. По итогам совещания, Султан-Галиев был исключен из рядов партии, а чуть позже арестован. Процесс расследования его дела органами ГПУ затронул карьеры еще нескольких десятков человек, в основном ответственных работников национальных автономных республик и областей. Одним из привлеченных к ответственности оказался и А. К. Адигамов, который хорошо знал М. Султан-Галиева и вел с ним переписку [5, с. 48–57].

В августе 1923 г. Башкирскую АССР посетила специальная комиссия ЦК РКП(б) для изучения дел в местном обкоме и советских органах власти. По итогам проверки, комиссия рекомендовала отозвать из республики для работы в других регионах нескольких партийных работников, включая Абдуллу Адигамова. В итоге он был направлен для работы в Юго-восточное бюро ЦК РКП(б) в г. Ростов-на-Дону. Далее, в конце 1924 г. А. Адигамова отозва-

ли в Москву на должность сотрудника информационного отдела ЦК РКП(б). В январе 1926 г. он был откомандирован обратно в Башкирию, где начал работать в Обкоме РКП(б) сначала заведующим организационно-пропагандистским отделом, а затем заместителем председателя республиканского Госплана [2, с. 96–98].

А. К. Адигамов принял активное участие в разработке долгосрочного 15-летнего плана развития сети культурно-просветительных учреждений Советской Башкирии. Данный проект предполагал внедрение всеобщего начального обязательного обучения для детей к 1933 г. и был одобрен IV Всебашкирским съездом Советов (15–23 марта 1927 г.). Основные положения указанного проекта публикуются в статье «Проблема введения всеобщего начального образования в Башкирии» под авторством А. К. Адигамова в первом номере политико-экономического журнала «Хозяйство Башкирии» за 1927 г. [2, с. 98].

Осенью 1929 г. по путевке Башобкома РКП(б) А. К. Адигамов откомандировали для учебы на химико-технологическом факультете Уральского политехнического института. Однако в этот период органы ОГПУ вновь начали расследовать дело Султан-Галиева, привлекая уже к уголовной ответственности всех тех, кто был с ним так или иначе связан. В итоге Адигамов был арестован в Свердловске, а в июле 1930 г. постановлением Коллегии ОГПУ, на основании ст. 58 УК РСФСР приговорен к пяти годам заключения в исправительно-трудовых лагерях с формулировкой «участника антисоветской буржуазно-националистической группы Султан-Галиева» [7, с. 82].

А. К. Адигамов отбывал наказание на строительстве Беломоро-Балтийского канала. Благодаря успехам в работе, он был включен в число заключенных-ударников и на этом основании досрочно освобожден. Политическое чутье подсказало ему не возвращаться в родные края в условиях усиления репрессивных тенденций. Вместо этого он стал трудиться в качестве вольнонаемного сотрудника в планово-финансовом отделе Управления строительством канала Москва – Волга. Затем, вплоть до выхода на пенсию, Адигамов работал в Тагил-строе и других организациях, курировавшихся органами НКВД – МВД.

Скончался Абдулла Камалетдинович Адигамов в декабре 1968 г. В мае 1992 г., на основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 февраля 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начале 50-х годов», он был полностью посмертно реабилитирован [2, с. 102].

Список литературы:

1. Акманов А. И, Ярмуллин А. Ш. Военная деятельность представительства Автономной Башкирской Советской Республики в 1919–1920 гг. // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 4 (20). С. 7–12.
2. Ергин Ю. В. Абдулла Адигамаев – первый нарком просвещения Большой Башкирии // Педагогический журнал Башкортостана. 2007. № 3 (10). С. 86–104.
3. Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы : в 4 т. / авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. Уфа, 2004. Т. 3. Ч. 1. 692 с.
4. Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы : в 4 т. / авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. Уфа, 2006. Т. 3. Ч. 2. 624 с.
5. Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы : в 4 т. / авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. Уфа, 2008. Т. 4. Ч. 1. 608 с.
6. Трудный путь к правде / сост. Г. Д. Иргалин, Н. П. Каменев. Уфа, 1997. 272 с.
7. Ярмуллин А. Ш. У истоков Башкирской республики (1917–1920 гг.). Уфа, 2017. 232 с.

Александр Алтерович Литвин,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой Отечественной истории
Институт международных отношений
Казанского федерального университета
E-mail: hist33rus@yandex.ru

Макка Исрапиловна Долакова,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры Всемирного культурного наследия
Институт международных отношений
Казанского федерального университета
E-mail: makka7@mail.ru

Деятельность полиции Казанской губернии по расследованию причин пожаров 1859 г.: исторические аспекты

Аннотация

В статье рассмотрены основные направления деятельности казанской полиции в расследовании причин пожаров 1859 г., дана характеристика основных мероприятий по предупреждению пожаров, выявлены факторы, способствовавшие распространению пожаров.

Ключевые слова и словосочетания: полиция; Казанская губерния; полицмейстер; пожарная команда; поджигатели; ссуда; комитет.

Система организации полиции Российской империи была сложной и неоднородной. Деятельность полиции на местах была подчинена губернатору. Полиция была наделена большим спектром административно-хозяйственных функций, что во многом объяснялось слабостью института местного самоуправления в первой половине XIX в. [4, с. 97]. Полиция в Казанской губернии принимала активное участие в разрешении проблемы частых пожаров.

Как известно, для архитектурного облика Казани XIX в. было характерно преобладание деревянного зодчества. Каменных зданий было немного, в основном они располагались в центре города. К началу 60-х гг. XIX в. из 3 322 строений Казани 2 811 были деревянными [1, с. 679]. Пожары являлись колоссальной городской проблемой в связи с такими особенностями облика города. Несмотря на внимание городских властей к данной проблеме, пожары воз-

никали регулярно. При пожаре 1847 г. своих домов лишились 854 семей, пожаром 1848 г. было уничтожено 586 домов. Последствия пожаров нанесли огромный урон благосостоянию города и государство стремилось принимать участие в организации поддержки пострадавших от пожара, что являлось необходимым в условиях неразвитости системы страхования жилого имущества. Так, например, после пожара 1842 г. Николаем I было пожертвовано из личных средств 50 тыс. руб. и выделена ссуда в 1 млн руб. для погорельцев с рассрочкой выплаты от 15 до 37 лет. Для централизованной помощи пострадавшим был основан особый комитет. В 1848 г. в связи с частыми пожарами из числа казаков казанского гарнизона было создано специальное подразделение для разъездов по городу. Самим домохозяевам вменялось в обязанность усилить караулы так, чтобы при каждых пяти домах по взаимному согласию домовладельцев стояло бы два караульщика. Свои участки эти караулы должны были обходить не только ночью, но и днем, а в случае тревоги они должны были явиться на пожар и находиться в полном распоряжении полицейских чиновников [1, с. 589].

После пожаров 1840-х гг. власти начинают реорганизацию и усиление противопожарной службы. В специальной противопожарной службе города, которая как одно из подразделений входила в состав полицейской части и непосредственно подчинялась казанскому полицмейстеру, начали увеличивать численный состав. Однако пожарная команда города комплектовалась из присылаемых из гарнизонных батальонов штрафников и инвалидов, оказавшихся неспособными нести службу в действующих войсках, что сказывалось на эффективности службы.

Из рапорта казанского полицмейстера казанскому губернатору Баратынскому от 15 августа 1848 г. мы узнаем, что «14 августа сего года в 3 ½ часа пополудни на Вознесенкой улице близ озера Кабан вспыхнул пожар, истребивший 586 домов, в том числе частным лицам принадлежавших здания домов: каменных 47, суконная фабрика г. Осокина каменная с повреждением механизма, деревянных 513 ... Именной же список домохозяев и других заведений, также и сгоревших людей, буду иметь честь, вслед за сим, предоставить Вашему превосходительству» [4, с. 4].

Казанский губернатор генерал-майор И. А. Боратынский доносит императору о пожаре 1848 г., отметив, что «все усилия полицейской пожарной команды, гарнизонного батальона, уральской казачьей сотни и жителей остановить пожар были тщетны, и только с утишением ветра возможно было остановить с невероятными уси-

лиями дальнейшее распространение пожара ... о причине же пожара и произошедших от него убытков производится следствие» [5, с. 4].

Пожары, постигшие Казань в 1859 г. были не менее разрушительными, но у города был уже опыт борьбы с масштабными пожарами. Пожар 25 мая 1859 г. начался с деревянного дома казанского мещанина Свешникова и по направлению ветра начал движение. Усилившийся ветер привел к тому, что очень быстро загорелся целый квартал, и пламя начало перекидываться на соседние кварталы. В рапорте императору о пожаре вице-губернатор Казанской губернии Калиновский пишет: «Опустошительное же действие пожара, перекинувшего пламя через площадь, было в высшей степени поразительно. Здесь не только пожарная команда и прибывшие ей на помощь войска не могли действовать, но от удушливого воздуха и засыпавшего глаза песку, соединенного с искрами, не было даже никакой возможности переходить через улицы» [3, с. 1]. Расследование причин пожара 25 мая 1859 г. – важный источник для исторической реконструкции общего алгоритма действия полиции в условиях частых казанских пожаров. В Национальном архиве Республики Татарстан отложилась выписка из следственного дела о причинах пожара 25 мая 1859 г. в г. Казани и о количестве понесенных потерь за подписью председателя следственной комиссии. После опроса свидетелей было установлено, что пожар был непредумышленным, он возник из-за неосторожного обращения с огнем в жилом помещении. В результате пожара погибло 4 чел., материальные потери были также значительны, всего строений 587, больше чем в пожаре 1848 г., на сумму по городской оценке 626 849 руб. Следствием такого разрушительного пожара было и недополучение в городской бюджет квартирного налога, что негативно сказывалось на состоянии городских финансов. Общая сумма потерь от данного пожара составляла 1 342 277 руб.

Следствием было установлено, что действия пожарных команд были правильными до момента, когда огонь начал уже перебрасываться на соседние кварталы. По показаниям полицмейстера, с этого момента каждая из огнегасительных труб действовала отдельно, без всякой связи друг с другом, что позволяет говорить о состоянии паники. Жители начали роптать на бездействие полиции в этот момент, и в самих пожарных командах, как отмечается в донесении, «начались беспорядки. Так, например, следствием обнаружился случай, что было дано за пожарную трубу и бочку воды для затушения загоревшего пожара с имуществом 3 руб., без которых нижние чины не хотели ехать» [2, с. 2].

30 мая 1859 г. в Казани случается повторный пожар в семь часов утра в доме мещанина Строгалёва, но прибывшей пожарной команде удаётся этот пожар потушить, и потери от него составят всего два дома. Однако уже в два часа дня пожар вновь возник уже на улице Красной и истребил 22 дома. Усиление ветра также грозило перекинуть огонь на соседние строения, но благодаря совместным усилиям полиции, пожарных команд, жителей, удалось это предотвратить. В донесении вице-губернатора Казанской губернии министру внутренних дел указывается, что «как повторение пожаров, так равно взятые под стражу подозрительные лица и распространяющиеся слухи заставляют предполагать о существовании в Казани поджигателей: посему и имея в виду многосложность труда и занятий, составленной уже мною комиссии для исследования причин пожара 25 мая, а также важность таковых слухов и сведений о поджогах, я для исследования причин последних двух пожаров признал необходимым составить особую комиссию для произведения строжайшего следствия об открытии поджигателей» [3, с. 6].

Городские власти обязали всех домовладельцев иметь бочки с водой для тушения огня, чтобы при первых же тревогах подавить пожар. Также необходимо было иметь по три караульщика «в продолжении настоящего тревожного времени». Изнурительные пожары в 1859 г. привели к тому, что полицейская команда так же, как и войска, участвовавшие в тушении пожаров, были истощены, поэтому в Казань в экстренном порядке были вызваны несколько рот солдат для соблюдения порядка в городе и усиленного содержания ночных патрулей.

Городские власти также стремились контролировать цены на нанимаемое для погорельцев жильё, так как, учитывая ажиотажный спрос на квартиры оставшихся без крова погорельцев, многие домовладельцы начали повышать цены на жильё. Городская администрация обратилась к жителям с увещеваниями и угрозой штрафов.

Таким образом, пожары 1859 г. остались в истории Казани явлением и печальным, и загадочным, поскольку причины последовавших один за другим пожаров установить не удалось, были ли они предумышленными, остается загадкой. Совместная работа городской администрации, полицейской команды и жителей города позволили противостоять разрушительным пожарам.

Список литературы:

1. История Казани в документах и материалах. XIX век. Казань, 2011. С. 815.

2. Выписка из следственного дела о причинах пожара 25 мая 1859 года в г. Казань и о количестве понесенных жертв // НА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1576.
3. Донесение казанского военного губернатора, свиты Императорского Величества генерал-майора Боратынского // НА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 670.
4. *Мочалова А. А.* Основные начала развития полиции России в первой половине XIX века // Вестник Нижегородской академии МВД России 2013. № 22. С. 97–100.
5. Рапорт Казанского полицмейстера // НА РТ. Ф.1. Оп. 2. Д. 669.

Наталья Вячеславовна Ляскина,
преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Владивостокский филиал
Дальневосточного юридического института МВД России
E-mail: Lnv2412@list.ru

**Навеки в строю: сотрудники милиции Дальнего Востока
в борьбе с преступностью несовершеннолетних
в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)**

Аннотация

В статье рассматривается деятельность сотрудников милиции Дальнего Востока в борьбе с преступностью несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны. Вопросы защиты детства в военные годы считались делом государственной важности. Рост детской беспризорности, безнадзорности и преступности приобрел массовый, порой неконтролируемый характер. Делается акцент на том, что в условиях военного времени, выполняя главную задачу по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, сотрудники милиции вносили неоценимый вклад в общую Победу, ежедневно рискуя своей жизнью не только на доверенных участках фронта, но и в тылу. Особое внимание в статье посвящено страницам биографии сотрудников милиции Дальнего Востока Я. П. Степченко, М. Д. Гуревич, Н. В. Ивановой, В. И. Сеницына. На основе архивных материалов УМВД России по Приморскому и Хабаровскому краям обозначается их вклад в борьбу с преступностью, в том числе и несовершеннолетних. Делается вывод о том, что освещение жизни и деятельности сотрудников милиции может служить достойным примером исполнения служебного долга и воспитания молодежи на героических страницах.

Ключевые слова и словосочетания: *Великая Отечественная война; Дальний Восток; сотрудники милиции; преступность; несовершеннолетние правонарушители; подвиг.*

В настоящее время Россия переживает международный политический кризис. Реалии специальной военной операции на Украине в очередной раз напоминают нам о героических страницах и консолидации русского народа в годы Великой Отечественной войны. Война потребовала принятия чрезвычайных государственных мер во всех эшелонах власти в кратчайшие сроки. Деятельность

милиции по предупреждению, раскрытию преступлений, розыску преступников серьезно усложнилась в военные годы. Правоохранительные органы стали единой частью всей системы обеспечения безопасности страны, прочности и надежности тыла как важнейшего гаранта Победы. Крепкий тыл и фронт сыграли важную неочевидную роль в достижении Победы.

Вопросы защиты детства считались делом государственной важности. Рост детской беспризорности, безнадзорности и преступности в первые годы войны приобрел стихийный характер. Исторические и правовые исследования, состоящие в изучении опыта преодоления этих негативных социальных явлений, актуальны и на современном этапе. В отечественной историографии появляются все больше научных региональных трудов о деятельности советской милиции в годы Великой Отечественной войны. Имеются научные исследования, посвященные различным аспектам организационно-правовой деятельности милиции Дальнего Востока.

Целью настоящей статьи является изучение и обобщение архивных страниц, затрагивающих жизнь и деятельность дальневосточных сотрудников милиции, которые ежедневно выполняли свои служебные обязанности в суровые будни, боролись с преступностью и с правонарушениями несовершеннолетних на Дальнем Востоке.

Память о сотрудниках милиции, работавших в военное лихолетье 1941–1945 гг., остается на архивных старых страницах приказов по личному составу управлений внутренних дел районов, краев, областей, в личных делах сотрудников милиции. В книгах памяти, в юбилейных журналах зачастую встречаются небольшие биографические данные о сотрудниках, кто добросовестно и самоотверженно выполнял свой долг – боролся с преступностью в стране.

Содержание личных дел сотрудников милиции мало отличается от современных: заявление о приеме на службу; черно-белая фотография, рукописная автобиография; лист званий и назначений; приказы о назначении на должность, передвижения по службе; аттестационные листы на присвоение очередного специального звания; характеристики (служебно-политическая, полит-деловая, партийно-деловая); служебные справки и прочее. Документальные свидетельства о сотрудниках скудны, но дают общее представление о свидетельствах их общественной жизни и советской эпохи. Все данные о сотрудниках тщательно проверялись сотрудниками государственной безопасности НКВД.

Анализ рассекреченных личных дел дает основание утверждать, что после проведенных специальных проверок и перепроверок ком-

петентными органами сотрудник подлежал увольнению при наличии компрометирующего материала.

За малейшие нарушения дисциплины жестко наказывались с привлечением к дисциплинарной ответственности. Примечательно, что за неоднократные привлечения к дисциплинарной ответственности встречаются приказы об увольнении сотрудника с формулировкой «уволить с невозможностью дальнейшего использования», «за невозможностью соответствующего использования».

Наружные службы милиции, оперуполномоченные, участковые уполномоченные под руководством начальников при взаимодействии с партийными и другими государственными органами и общественными организациями осуществляли работу по предупреждению и пресечению правонарушений и преступлений со стороны несовершеннолетних. Особое место в профилактической деятельности милиции занимали сотрудники детских комнат отделов по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью. Во всех уголках страны, во исполнение постановления СНК СССР № 659 от 15 июня 1943 г., в составе НКВД образовывались такие отделы, в том числе и в составе дорожных отделов милиции при органах милиции Управлений НКВД.

В общую борьбу по сдерживанию растущей детской преступности включились и сотрудники трудовых воспитательных колоний, созданных по всей стране¹. В системе профилактической работы принимали участие сотрудники трудовых колоний, которые образовались в 1933 г. из трудовых коммун.

Существенную помощь родителям и родственникам в розыске потерянных детей оказывали сотрудники справочно-адресных столов, функционировавшие при НКВД, созданные после издания постановления СНК СССР № 75 от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей».

Одними из первых сотрудников, активно включившихся в борьбу с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних в период Великой Отечественной войны, были сотрудники детских приемников-распределителей (далее – ДПР). В соответствии

---

¹ Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством : постановление СНК СССР от 15 июня 1943 г. № 659 // Электронная библиотека исторических документов : сайт. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/371592-postanovlenie-snk-sssr-locale-nil-659-locale-nil-ob-usilenii-mer-borby-s-detskoj-besprizornostyu-beznadzornostyu-i-huliganstvom-locale-nil-15-iyunya-1943-g> (дата обращения: 28.03.2023).

с постановлением СНК СССР¹, ДПР открылись по всей стране, финансирование осуществлялось местными исполкомами на основании смет НКВД (УНКВД). В 1943 г. ДПР были переподчинены вновь созданным отделам по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью НКВД (УНКВД).

Некоторые свидетельства о людях, заботившихся о «чужих» детях, остались в забвении, зачастую мы можем встретить лишь данные о фамилии (и инициалы). Многие личные дела на сотрудников милиции до сих пор содержат гриф секретности, некоторые подлежат уничтожению без снятия грифа секретности, рассекречено ничтожное количество дел.

Навеки в строю находятся многие сотрудники милиции Дальнего Востока, участвовавшие в боевых действиях в составе воинских частей Красной армии и партизанских отрядов. Их вклад в общее дело Победы состоял не только в участии на фронте, но и, находясь в тылу, они вели борьбу с преступностью, охраняли общественный порядок, обеспечивали безопасность важных промышленных предприятий, боролись с последствиями бомбардировок. Многие были удостоены высоких государственных наград.

Яков Павлович Степченко героически погиб вблизи Берлина. Яков Степченко родился 25 октября 1914 г., уроженец деревни Долотни поселка Владимировки, Дегтяревского сельсовета, Мценского района, Орловской области, выходец из семьи крестьян, образование: четыре класса, член ВЛКСМ с 1932 г.

С 20 октября 1938 г. по 6 июля 1944 г. служил в милиции города Артема Приморского края в должностях – милиционера, участкового уполномоченного, с 1941 г. служил в должности оперуполномоченного уголовного розыска. Архивные документы Управления НКВД по Приморскому краю характеризуют Якова Павловича Степченко так: «...зарекомендовал себя как активный и стойкий работник в деле борьбы с уголовным элементом, в работе усидчив, в разрешении вопросов по следственно-оперативной работе смелый и решительный. Политически устойчив. Идеологически выдержан, по образованию малограмотен...».

В июне 1944 г. Я. П. Степченко добровольцем ушел на фронт, где служил в должности командира отделения стрелкового полка. Весной 1945 г. Степченко выполнял оперативно-разведывательные

---

¹ Об устройстве детей, оставшихся без родителей : постановление СНК СССР от 23 января 1942 г. № 75 // Электронная библиотека исторических документов : сайт. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/264688-ob-ustroystve-detey-ostavshihsiya-bez-roditeley-postanovlenie-snk-sssr-ot-23-yanvarya-1942-g-75> (дата обращения: 28.03.2023).

мероприятия переднего края обороны противника вблизи Берлина. Отделение попало под минометно-пулеметный огонь. Степченко повел бойцов в атаку, достиг вражеской траншеи и гранатами уничтожил пулемет и фашистов. Когда закончились боеприпасы, был вынужден вступить в рукопашный бой. Якову Павловичу Степченко посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Его имя навечно занесено в списки личного состава отдела органов внутренних дел г. Артема Приморского края.

В архиве УМВД России по Хабаровскому краю содержатся тысячи благодарностей сотрудникам милиции, самоотверженно исполнившим свой служебный долг, изо дня в день, защищая мирных граждан от преступных посягательств.

В январе 1943 г., по инициативе начальника 1-го городского отдела милиции П. М. Шашкина, в Хабаровске открыли первую на Дальнем Востоке детскую комнату под руководством Миры Давыдовны Гуревич. Мира Давыдовна осталась одна с тремя детьми после гибели супруга, сотрудника уголовного розыска Ф. Н. Тынькова, участвовавшего в ликвидации банды в Троицком районе.

Среди детей, которых приводили в детскую комнату, были и те, кто лишился родителей во время бомбежек или эвакуации, впоследствии они стали путешествовать вдали от фронта в поисках лучшей жизни и родственников, потерявших во время эвакуации. В силу личностных душевных качеств, М. Д. Гуревич окружила чужих детей любовью и теплом. Чуткость к чужому горю помогли ей создать домашний уют в детской комнате. К благоустройству детской комнаты были привлечены активисты из женсовета, бригадильцы, студенты медицинского и педагогического институтов.

Мира Давыдовна избрала новый подход в работе с детьми, став для них близким человеком, оказывая им посильную помощь в питании, ночлеге, оформлении документов, в розыске родителей, решении других житейских вопросов.

Основа успешной работы заключалась в социально-педагогической помощи и правовом воспитании детей, оказавшимся в сложной жизненной ситуации. М. Д. Гуревич организовала деятельность детской комнаты так, что кривая преступности несовершеннолетних сразу поползла вниз.

М. Д. Гуревич к профилактической работе активно привлекала молодежь, бригады содействия милиции (бригадмил), которые впоследствии заинтересовывались службой и оставались служить в милиции. Ее педагогическое мастерство и новаторский опыт работы активно внедряли и в других дальневосточных городах.

Одной из главных проблем в годы войны стал кадровый «голод» – нехватка профессиональных кадров, возникшая в связи с мобилизацией значительного числа сотрудников в действующую армию. Некомплект кадров решался с помощью партийных и комсомольских органов, по путевкам которых на службу в милицию стали приходить и женщины.

Наталья Васильевна Иванова родилась 23 декабря 1923 г. в Лазовском районе Приморского края. Девятнадцатилетняя девушка хотела уйти добровольцем на фронт, но получила предложение о работе в милиции. Слова заместителя начальника УМ НКВД полковника милиции В. Ф. Тарасова изменили ее жизнь: *«Милиция – это тоже фронт. Здесь вы замените мужчин»*.

С 25 апреля 1942 г. по сентябрь 1943 г. Н. В. Иванова служила инспектором административной группы отдела службы и боевой подготовки (ОСБП УМ по Приморскому краю). С 1 сентября 1943 г. стала работать с беспризорными и безнадзорными детьми. С 20 декабря 1945 г. работала инспектором справочного детского стола Управления милиции НКВД Приморского края по розыску потерявшихся детей. Наталью Васильевну стали называть «краевая мама».

В годы войны сотрудники милиции работали самоотверженно, часто рискуя своим здоровьем и жизнью. Об одном из них в Архиве Управления МВД Камчатской области хранятся документальные свидетельства о сотруднике милиции Василии Ивановиче Синицыне, 1906 г. рождения. Уроженец г. Улан-Удэ Бурят-Монгольской АССР, выходец из семьи неграмотных крестьян и разнорабочих, Василий Иванович пришел на службу в милицию зимой 1932.

В. И. Синицын служил на разных должностях: помощником уполномоченного отдела уголовного розыска; старшим оперуполномоченным группы по борьбе с детской преступностью; начальником отдела материально-технического обеспечения; начальником административно-хозяйственного отдела; помощником начальника городского отделения милиции НКВД.

Профилактические беседы и разъяснительная работа с родителями и детьми, общественные выступления на родительских собраниях, в школах при взаимодействии с общественными объединениями являлись основными методами работы Василия Ивановича.

В. И. Синицын в марте 1944 г. стал помощником начальника Петропавловского отделения милиции, впоследствии возглавлял руководство участковыми, временно исполнял обязанности и начальника паспортного стола. На первое место ставил оперативную агентурную работу, которая в военные годы дала положитель-

ные результаты – снижение преступности и правонарушений общественного порядка.

Будучи руководителем, Василий Иванович являлся примером для своих коллег, оказывал помощь, передавал опыт молодым сотрудникам, являлся наставником, вел здоровый образ жизни, занимался физкультурой, самообразованием.

Архивные данные подтверждают, что при поступлении на службу в милицию В. И. Сеницын имел начальное-среднее образование (окончил «два класса второй ступени»). В 1944 г. окончил семь классов. Партийно-деловая характеристика содержит свидетельства его честного и требовательного отношения к исполнению служебных обязанностей, что «требовательно относился к себе, к подчиненным и правонарушителям».

В 1944 г. был награжден медалью «За боевые заслуги». В августе 1945 г. капитан милиции В. И. Сеницын погиб при исполнении служебных обязанностей.

Судьбы сотрудников дальневосточной милиции являются яркими страницами ее истории, содержащими опыт служения своей Родине в годы Великой Отечественной войны, значение, которое трудно переоценить. Тем не менее освещение жизни и деятельности сотрудников милиции может служить достойным примером исполнения служебного долга и воспитания молодежи на героических страницах.

Татьяна Георгиевна Лясович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры социально-экономических и
гуманитарных дисциплин
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России
E-mail: vyaznikova@mail.ru

**«Сохраняйте веру в свободу России»: князь Г. Е. Львов
на посту министра-председателя и министра внутренних дел
Временного правительства (март – июль 1917 г.)**

Аннотация

В статье представлены авторские рассуждения о деятельности князя Георгия Евгеньевича Львова на посту министра-председателя и министра внутренних дел Временного правительства в марте – июле 1917 г. Автор, опираясь на архивные и научные источники, предлагает собственные умозаключения о роли личности Г. Е. Львова в истории российской государственности, истории органов внутренних дел. Актуализации задачи исследования способствует, во-первых, сложность рассматриваемого исторического периода с учетом его насыщенности событиями и фактами, а также интенсивности развития исторических сюжетов; во-вторых, полярность оценок очевидцев событий, советских и российских исследователей в отношении свершившихся государственно-правовых трансформаций, а также роли Г. Е. Львова как главы правительства и руководителя МВД. Цель работы – исследовать роль князя Г. Е. Львова на посту министра-председателя и министра внутренних дел Временного правительства (март – июль 1917 г.). Предмет исследования составляет формирование представлений о вкладе князя Г. Е. Львова как исторической личности, государственного деятеля, реформатора, руководителя правоохранительного ведомства в развитие отечественных государственно-правовых институтов и правоохранительной системы в условиях институционализации республиканской модели и обеспечения ее легитимности.

Ключевые слова и словосочетания: *Февральская революция 1917 года; князь Львов; Львов Георгий Евгеньевич; Временное правительство; министр-председатель; министерство внутренних дел; буржуазно-демократическая республика; права и свободы гражданина.*

«Сохраняйте веру в свободу России...» [2, с. 125] – эта глупая по своему смыслу (и даже фатальная) фраза, сказанная когда-то князем Георгием Евгеньевичем Львовым, могла стать и известным философским изречением, и религиозным постулатом... Однако она, малоизвестная современному исследователю, буквально канула в Лету вместе с ее автором, жизнь которого тихо завершилась в парижском бедном квартале.

Судьба щедро одарила Г. Е. Львова множеством возможностей – стать продолжателем одного из самых старейших и знатных русских дворянских родов, заниматься всю жизнь важным и любимым делом, возглавить Российское государство и одновременно стать руководителем первого по значимости в государственном механизме ведомства – когда-то всемогущего МВД, избежать гибели в революционных вихрях и катастрофах Гражданской войны, оказывать помощь русским эмигрантам во Франции и, наконец, тихо уйти из жизни в почтенном возрасте вдали от любимой родины. Однако все эти «официальные» данные и биографические характеристики не дают нам полной картины свершившегося в отечественной истории революционного катаклизма, свидетелем и участником которого стал князь Львов.

Причину его поступков, которые логично вылились в принимаемые правительством под его руководством решения и стали основой проводимых им реформ, следует искать во внутренних убеждениях князя, его мотивах, вере и представлениях о справедливости.

Г. Е. Львов, безусловно, был исторической Личностью, сила и мудрость которой измерялись не умением красиво и убедительно говорить на митингах, а внутренней силой и убежденностью возможности принести пользу Отечеству. Мужество и патриотизм Львова проявлялись не только в его бескорыстном служении на муниципальном и благотворительном поприщах, но и побуждали князя принимать важные политические решения, одним из которых стало в том числе и решение об отставке в июле 1917 г.

Современники называли Г. Е. Львова настоящим патриотом своей страны, его авторитет был безупречен, а преданность общему делу и Отечеству – очевидна, поэтому неслучайно именно он 2 (15) марта 1917 г. был назначен министром-председателем и одновременно министром внутренних дел Временного правительства первого состава [8, с. 357].

Назначение Львова на два столь важных государственных поста определялось и объективными обстоятельствами: именно оно могло подчеркнуть легальность существования правительства, оказавшееся у власти в результате революционных событий февраля 1917 г.

Мысль о том, что именно император одобрил кандидатуру Львова на должность председателя Совета министров незадолго до своего отречения давала новой политической элите ощущение преемственности, а следовательно, законности своей власти. Это впоследствии позволило заявить на государственном уровне о продолжении внешнеполитического курса императорской России и принятии на себя ее обязательств, что вызвало политический кризис и беспорядки, завершившиеся в итоге сменой кабинета и отставкой Львова (после июльских событий 1917 г.).

Однако в первые месяцы после революции доверие к Львову и в народе, и в правительстве было очевидным. Это прослеживается и в тексте Декларации Временного правительства от 3 марта 1917 г., где подчеркивалось, что «министрами первого общественного кабинета назначаются лица, доверие к которым ... обеспечено их прошлой общественной и политической деятельностью»¹. Безукоризненное прошлое Львова являлось своеобразным гарантом и сложившейся постреволюционной диархии власти, в рамках которой, наряду с Временным правительством, на полноту власти в государстве претендовали и советы рабочих и солдатских депутатов в лице Петросовета. Ситуация политической нестабильности и компромиссного двоевластия между этими двумя органами, обладавшими полярными политическими взглядами, не могла продолжаться долго. После июльского кризиса 1917 г. Советы перешли на нелегальное положение, тем самым сформировав несистемную (революционную) оппозицию официальной власти, а само Временное правительство фактически лишилось «всенародной» поддержки.

Заслуживает отдельного рассмотрения вопрос о совмещении Г. Е. Львовым двух ключевых государственных постов в условиях постреволюционной нестабильности и «переходного состояния государства и права» [4, с. 33].

Исследователи отмечают, что сложность сложившейся после Февральской революции ситуации заключалась в том, что «никто из претендовавших на место в правительстве не изъявлял желания возглавить МВД, фактически с корнем уничтоженное во время революционного взрыва» [9, с. 27]. Следовательно, можно заключить, что Львов, являясь человеком верующим² [2, с. 125], смиренно принял на себя всю полноту ответственности за происходящее, в том

---

¹ Декларация Временного правительства о его составе и задачах от 3 марта 1917 г. // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1917. Вып. 1.

² Вера Г. Е. Львова была очень специфична. Он «слепо» верил в неизбежный триумф демократии, в способность русского народа играть созидательную роль в делах государства...

числе и за состояние дел в правоохранительной сфере. Не имея опыта правоохранительной и даже военной службы, являясь в полном смысле этого слова «штатским» человеком, тем не менее, он решил стать во главе силового ведомства и более того, провести радикальные преобразования по изменению всей правоохранительной системы, что являлось, безусловно, чрезвычайно смелым (и даже безрассудным – *прим. авт.*) поступком для политического деятеля. Мог ли Львов отказаться от этих замыслов? Юридически – да, фактически – нет. Безусловно, он мог сосредоточить свое внимание именно на Министерстве внутренних дел и обязанностях министра, отыскав себе для должности председателя правительства настоящего заместителя, а также озаботиться поиском энергичных и авторитетных сотрудников для Министерства внутренних дел [6]. Однако он этого не сделал, видимо, предпочитая выполнять самые сложные дела самостоятельно, не перекладывая ответственность на кого-либо. Результаты этого решения, как известно, фатальны: упразднение царской полиции и жандармерии в совокупности с политической амнистией привело к резкому осложнению криминогенной ситуации в стране; попытка сделать ставку на «любимые» органы местного самоуправления в вопросе создания народной милиции не увенчалась успехом. Правоохранительная система императорской России фактически оказалась разрушенной не только революционными событиями, но и волевыми решениями Временного правительства и ее председателя [7].

Справедливости ради следует сказать, что эти решения зачастую были продиктованы политическим моментом и констатировали уже свершившееся. Силловые инструментариумы Российской империи (полиция, жандармерия, царская «охранка») скомпрометировали себя в глазах населения, а оттого не были жизнеспособны в условиях новой демократической России. Если бы их не упразднило Временное правительство своими решениями, их упразднила бы сама революционная действительность. И доказательством этому являются яростные погромы полицейских участков в дни революции и безжалостные расправы с полицейскими и членами их семей [12, с. 181]. К примеру, Л. В. Румянцев, ссылаясь на воспоминания В. Шкловского, участника событий Февральской революции, повествует о бессмысленных и жестоких убийствах полицейских и членов их семей: «...опьяненные свободой люди устраивали ритуальные сожжения "врагов народа", привязывая к железным кроватям, которые водружали на костер» [13, с. 36]. О подобных зверствах упоминал и М. Пришвин в своем дневнике [11, с. 27].

Таким образом, совершенно не случайно князь Г. Е. Львов и его соратники при обсуждении вопроса о создании правоохранительных органов нового типа избегали «старой» дореволюционной терминологии: на смену ненавистному названию «полиция» пришло новое – «милиция»¹. Эти решения не были спонтанные, они были продиктованы политической прозорливостью правительства и его председателя.

Как известно, основной задачей Временного правительства стала подготовка к выборам в Учредительное собрание [10, с. 129]. Собственно, ее решению были подчинены все иные правительственные мероприятия [2, с. 123]. От реализации этой генеральной задачи зависел не только авторитет самого правительства и конкретных его персоналий, от этого зависела судьба государства. И кто, как ни Львов, отлично понимал это. Справилось ли правительство с этой задачей? В целом – да, только не сразу. Как известно, подготовка к выборам была организована в достаточной степени эффективно, насколько это было возможно, в условиях постреволюционной России, в которой подавляющее большинство населения не было грамотным. Однако правительство, опираясь на местный самоуправленческий аппарат (здесь помогла вера Львова в силы земских и городских самоуправлений – *прим. авт.*), неторопливо и тщательно подготовило выборы в будущий «общероссийский парламент»², т. е. выполнило свою основную «системообразующую» задачу. Однако плодами этой масштабной подготовительной работы воспользовались уже иные политические силы. В октябре 1917 г. в стране произошел переворот, в результате которого власть перешла в руки большевиков, а правительство было низложено. Созванное Учредительное собрание не устроило новую власть и было разогнано.

---

¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 1470. Л. 13.

² Долгие обсуждения на высшем государственном уровне создавали видимость активной работы Временного правительства и демократического настроя кабинета. В то же время они влекли к затягиванию принятия решений, «пробуксовке» актуальнейших вопросов современности, требовавших немедленного решения. В сохранившихся архивах канцелярии МВД, а также Земского отдела содержится немало ценных свидетельств о тщательной и долговременной работе правительства и его структур с органами местного управления и самоуправления, гражданами, общественными организациями. Реагирование на многочисленные жалобы, дача разъяснений, комментариев по насущным вопросам, безусловно, было важно, но занимало и немало времени, попросту растрачивало ресурсы и в результате не приносило реальной пользы на практике. (Стенограмма совещания при Земском отделе по вопросам составления проекта реформы о местном управлении и самоуправлении от 8.04.1917 // РГИА. Ф. 1291. Оп. 33. Д. 81. Л. 12.)

В то же время идеи – проведения всеобщих выборов на демократической основе, созыва общероссийского органа парламентского типа, реорганизация правоохранительной системы на новых демократических принципах с изменением терминологии, муниципализация правоохранительных органов¹ – не утратили своего «живого» звучания и в наше время и не кажутся такими абсурдными, как летом – осенью 1917 г., когда авторитет правительства был крайне низок, а большинство его реформ потерпели неудачу или сошли на нет.

Констатируя это, подведем следующие итоги нашего исследования.

Во-первых, деятельность князя Г. Е. Львова на посту министра-председателя и министра внутренних дел Временного правительства заслуживает самого пристального внимания и, следовательно, всестороннего изучения с теоретических и практических сторон. Этому способствует сложность исторического периода и противоречивость событий, прямым участником которых стал Г. Е. Львов. Назначение князя Львова на ключевые государственные посты было обусловлено его личностными характеристиками и его непререкаемым авторитетом среди политической элиты и населения [3, с. 17]. Именно поэтому его назначение обеспечило временную политическую стабильность (даже в условиях двоевластия), что позволило начать подготовку к выборам в Учредительное собрание и задуматься о проведении иных преобразований.

Во-вторых, политическое чутье, жизненный и управленческий опыт в совокупности с субъективными чертами характера (а современники отличали спокойствие Львова, его требовательность, упорство) [3, с. 17] обеспечили реализацию главной задачи Временного правительства – проведение избирательной кампании в Учредительное собрание, а также способствовали выстраиванию слаженной и эффективно действующей на местах системы органов местного самоуправления [1], являвшихся опорой правительства.

В-третьих, при всех положительных качествах и характеристиках следует отметить, что субъективный набор личностных качеств князя Львова (мягкость, уступчивость, деликатность, готовность

---

¹ Милиция должна быть в ведении земского и городского самоуправления. В земских губерниях начальников милиции избирают уездные земские начальники и управы, в неземских губерниях – все уезды будут подлежать ведению избранного городской управой начальника милиции. (Стенограмма совещания при Земском отделе по составлению проекта о местном управлении // РГИА. Ф. 1291. Оп. 33. Д. 81. Л. 10–11.)

к компромиссу) [3, с. 9]¹ диктовал принятие решений, не соответствующих революционному моменту, что фатальным образом сказалось на политической ситуации летом 1917 г. и ходе развития отечественной государственности в целом.

В-четвертых, радикальные реформы Временного правительства, инициированные Георгием Евгеньевичем Львовым, не были реализованы большей частью на практике в силу различных причин и остались декларативными [5, с. 8–9]. Однако идеи новой политической «постреволюционной» элиты о свободе, законности и справедливости, частично заимствованные у западных и русских либералов и прогрессистов, стали теоретической основой современных учений о парламентаризме, политическом плюрализме и конституционализме.

Список литературы:

1. *Вязникова Т. Г.* Реформы местного самоуправления в России: концепция Временного правительства (историко-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 24 с.

2. *Керенский А. Ф.* Россия в эпоху великих потрясений. М., 2017. 256 с.

3. *Князь Г. Е. Львов.* Воспоминания. Предисловие Н. В. Вырубова. М., 1998. 320 с.

4. *Лясович Т. Г.* Российская государственность в 1917 году: смена парадигмы развития (к 105-летию Февральской революции в России) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 4 (92).

5. *Лясович Т. Г., Локнов А. И.* Князь Г. Е. Львов – председатель и министр внутренних дел Временного правительства и его проекты по преобразованию правоохранительной системы Российского государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (78). С. 8–13.

6. *Набоков В. Д.* Временное правительство // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 1.

7. *Нижник Н. С.* О неизбежности краха полицейского государства в 1917 году // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI вв. : материалы Междунар. науч. конф. Витебск, 2017.

---

¹ В Львове не было ни властности, ни склонности быть вождем... (Князь Г. Е. Львов. Воспоминания / предисл. Н. В. Вырубова. М., 1998. С. 9).

8. *Нижник Н. С., Сальников В. П., Мушкет И. И.* Министры внутренних дел Российского государства (1802–2002). Библиографический справочник. СПб., 2002. 584 с.

9. Памятники российского права : в 35 т. // Памятники права Временного правительства : учеб.-науч. пособие / под общ. ред. А. А. Демичева, Р. Л. Хачатурова. М., 2016. Т. 21. 248 с.

10. Парламентаризм: история, теория, технология: колл. моногр. / под ред. Р. А. Ромашова. СПб., 2022. 202 с.

11. Полиция в событиях февраля 1917 года / В. П. Сидоренко [и др.] // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 3.

12. *Ремнева С. В.* О ликвидации в Петрограде политической полиции в ходе Февральской революции // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции). СПб., 2017.

13. *Румянцева Л. В.* Небархатная революция // Ваш тайный советник. Популярный исторический журнал. Проект агентства журналистских расследований. 2017. № 2.

Андрей Анатольевич Машковцев,
доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории и политических наук
Вятский государственный университет
E-mail: usr07875@vyatsu.ru

Участковые уполномоченные милиции Кировской области – участники Великой Отечественной войны

Аннотация

В статье рассмотрено участие участковых уполномоченных милиции Кировской области в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны. Автор проанализировал масштабы мобилизации сотрудников Управления НКВД по Кировской области, установлено общее число участковых уполномоченных милиции, ушедших на фронт, описано их участие в крупнейших сражениях Великой Отечественной войны, выявлено количество мобилизованных участковых, погибших и пропавших без вести в 1941–1945 гг.

***Ключевые слова и словосочетания:** Управление внутренних дел по Кировской области; участковые уполномоченные милиции; Великая Отечественная война.*

С первых дней Великой Отечественной войны сотрудники кировской милиции встали на защиту Родины, отправившись на фронт. Так, в августе 1941 г. в действующую армию отбыла группа из 93 кировских милиционеров. Имевшие хорошую физическую и стрелковую подготовку, а также большой опыт выявления криминальных элементов, они особенно были востребованы в армейской разведке и контрразведке. Всего, по данным Ю. Б. Порфирьева, в течение 1941–1944 гг. на фронт было призвано 2 492 сотрудника органов внутренних дел Кировской области [3, с. 145]. Среди ушедших на фронт кировских милиционеров было немало и участковых инспекторов. В 1938 г. в штатах УНКВД СССР по Кировской области числилось 16 городских и 215 сельских участковых инспекторов, около 70 % из них были призваны в рабоче-крестьянскую Красную армию (далее – РККА).

Некоторые из сотрудников органов внутренних дел были призваны в армию еще до войны. В сентябре 1939 г. отправился служить на Дальний Восток уроженец Уржумского района Александр Николаевич Говязин. Его 356-й стрелковый полк дислоцировался в райо-

не города Бикин Хабаровского края, охраняя границу с Манчжурией, оккупированной японцами. После вооруженных столкновений в районе озера Хасан и у реки Халхин-Гол обстановка на границе была напряженной, постоянно ждали провокаций или нападения. Даже подписание 13 апреля 1941 г. в Москве советско-японского Пакта о нейтралитете не снимало полностью угрозы войны с этой страной, тем более что по ту сторону границы стояла огромная Квантунская армия, а японский Генеральный штаб работал над планом «Кантокуэн», предусматривавшим нападение на советский Дальний Восток в августе 1941 г., поэтому, когда началась Великая Отечественная война, полк, в котором служил младший сержант Говязин, оставили охранять восточные рубежи страны. Лишь когда части вермахта оказались у стен Москвы, а советский резидент в Токио Рихард Зорге сообщил о нежелании японцев ввязываться в войну с СССР, началась масштабная переброска наших войск с Дальнего Востока в Европейскую часть страны.

Говязин оказался в составе 115-й стрелковой бригады в должности командира отделения разведки. Бригаду направили на Западный фронт, участвовавший в контрнаступлении под Москвой. Свой первый бой разведчик принял в январе 1942 г. в районе города Сухиничи Калужской области [5, с. 91]. В ходе атаки на деревню Дудино старший сержант Александр Говязин первым ворвался в траншею противника и лично застрелил трех немецких солдат, за что был удостоен своей первой награды – медали «За отвагу». Благополучно пройдя всю войну, Говязин вернулся на Родину, однако крестьянским трудом больше не занимался. Отважный разведчик, закаленный в боях, был приглашен на службу в Уржумский РОМ, где не хватало сотрудников. Последующую четверть века А. Н. Говязин отдал службе в правоохранительных органах.

В Московской битве принимали участие и другие участковые уполномоченные из Кировской области. Участковый Зуевского РОМ Василий Николаевич Олюшин был призван в ряды РККА в августе 1941 г. В составе 5-й гвардейской дивизии Западного фронта в ноябре 1941 г. участвовал в боях под Волоколамском, где был впервые ранен. После восстановления вернулся на фронт, став командиром взвода, воевавшего в составе 290-й стрелковой дивизии Западного фронта. В августе 1943 г. В. Н. Олюшина вторично тяжело ранили, после чего на фронт он уже не вернулся, а продолжил службу в органах НКВД.

Участником Московской битвы являлся и участковый Бисеровского РОМ Кладов Иван Захарович, ушедший на фронт добровольцем в июле 1941 г. В отличие от большинства однополчан он

имел боевой опыт, поскольку в 1939–1940 гг. участвовал в советско-финской войне. Он стал командиром противотанкового орудия и осенью 1941 г. принял участие в жестоких боях под Наро-Фоминском. Во время одного из таких сражений расчет Кладова подбил два немецких танка, однако ответный выстрел немцев уничтожил советское орудие и убил сослуживцев героя. Сам Иван Захарович получил тяжелое ранение, и врачи два месяца боролись за его жизнь. В конечном итоге Кладов смог восстановиться, но получил инвалидность и был комиссован. Он вернулся в родной Бисеровский район и продолжил службу в должности участкового уполномоченного.

Кировская область была глубоким тылом, и И. З. Кладов полагал, что он уже никогда не столкнется с фашистами и не примет участия в боевых операциях, однако он ошибся. 18 февраля 1944 г. на границе Бисеровского района Кировской области и Юрлинского района Коми-Пермяцкого автономного округа была высажена немецкая разведгруппа, состоявшая из 7 диверсантов [4, с. 74]. Это были бывшие бойцы РККА, попавшие в плен и завербованные немцами. Десантирование должно было пройти значительно южнее (в зоне Транссибирской магистрали), однако немецкий самолет сбился с курса и сбросил диверсантов в заснеженной тайге. Уже при десантировании погиб радист группы Ю. Марков, еще двое диверсантов получили сильные обморожения и, не выдержав страданий, застрелились. 17 марта оставшиеся диверсанты застрелили четвертого члена группы А. Кинеева, у которого из-за обморожений началась гангрена, и он не мог самостоятельно передвигаться.

Однако оставшиеся трое вражеских агентов представляли очень серьезную угрозу. Они прошли хорошую подготовку в немецкой разведшколе «Ульм», были вооружены автоматическим оружием и имели 7 кг взрывчатки. 5 июля 1944 г. в поисках продовольствия диверсанты вышли из тайги и пришли в деревню Кая, находившуюся в 15 км от райцентра Бисерово. Хотя все диверсанты были одеты в форму бойцов РККА, но появление в этой таежной деревне небритых и изможденных людей вызвало подозрение местных жителей, сообщивших о прибытии подозрительных незнакомцев в Бисеровский районный отдел НКВД. В операции по задержанию предателей приняли участие все местные милиционеры, в том числе и бывший фронтовик И. З. Кладов. В результате диверсанты были арестованы и в дальнейшем понесли заслуженное наказание за переход на сторону врага.

Несколько участковых уполномоченных, призванных из Кировской области, участвовали в обороне Ленинграда. Одним из защит-

ников города на Неве был бывший участковый уполномоченный Арбажского РОМ Алексей Матвеевич Багин, работавший в милиции с октября 1939 г. 10 августа 1941 г. Багин получил повестку и со сборного пункта в Котельниче был отправлен в Ленинград, к которому рвались войска германской армии «Север». Воевал в 173-м стрелковом полку 90-й стрелковой дивизии 21-й армии Ленинградского фронта. За проявленные мужество и героизм Багин неоднократно награждался орденами и медалями. Так, летом 1944 г. в ходе боев с финскими частями на Карельском перешейке Багин был награжден медалью «За боевые заслуги». В наградном листе А. М. Багина, размещенном на сайте «Подвиг народа», указано, что медаль герою вручена за то, что «он в бою 14 июня 1944 г. в районе дер. Каннаксен при прорыве второй оборонительной линии финнов, под сильным артиллерийским и минометным огнем противника своевременно доставлял на передний край боеприпасы в достаточном количестве. При смене огневых точек сумел первым доставить свое орудие на новую огневую позицию» [1].

Участковые уполномоченные принимали участие и в сражениях коренного перелома в Великой Отечественной войне. Участником Курской битвы был уроженец Бисеровского района Ожегин Андрей Федорович. В январе 1943 г. 18-летний юноша был призван в ряды РККА и направлен на учебу в Челябинск. Получив новенький танк Т-34, А. Ф. Ожегин летом 1943 г. был направлен в район Курска, где воевал в составе 5-й гвардейской танковой армии генерала П. А. Ротмистрова. В дальнейшем участвовал в Корсунь-Шевченковской операции 1944 г., а закончил войну в Восточной Пруссии. После окончания войны служил участковым Бисеровского РОМ.

Многие участковые уполномоченные, призванные из Кировской области, освобождали страны Восточной Европы и участвовали в Берлинской операции. Боец 38-й отдельной артиллерийской противотанковой бригады Шалагинов Николай Ильич (Котельнический район) принимал участие в освобождении Польши, а 17 января 1945 г. его бригада в числе первых вошла в освобожденную Варшаву. Командир отделения 303-й стрелковой дивизии 1-го Украинского фронта Николай Георгиевич Рыков (Даровской район) в мае 1945 г. участвовал в освобождении Праги, а разведчик Александр Яковлевич Варанкин (Зюздинский район) – в штурме Берлина.

К сожалению, не все участковые уполномоченные милиции, призванные на фронт из Кировской области, дожили до Великой Победы. 38 из них погибли на фронте или пропали без вести. Всего же из 2 492 сотрудников органов внутренних дел Кировской области, призванных на фронт, 402 чел. погибли, защищая Отечество [6, с. 174].

Таким образом, участковые уполномоченные милиции Кировской области приняли активное участие в крупнейших сражениях Великой Отечественной войны, проявив героизм и воинскую доблесть.

Список литературы:

1. *Багин А. М.* Подвиг народа. URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=36777530&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 05.02.2023).
2. Защищая Отечество. Милиция Кировской области в Великой Отечественной войне, 1941–1945 / отв. ред. В. Т. Юнгблюд. Киров, 2020.
3. *Порфирьев Ю. Б.* Органы внутренних дел в годы войны // Город, ковавший победу. Киров, 2012. Кн. 1.
4. Славим. Помним. Гордимся. 75-летию Победы посвящается. УНКВД-УНКГБ СССР по Кировской области, 1941–1945. Киров, 2020.
5. *Шеин В. Ю.* Тебе, Россия, присягая. Киров, 2015.
6. 300 лет на страже правопорядка. Т. 1: 1718–1945 гг. Киров, 2018.

Андрей Владимирович Морозов,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника
Управления по борьбе с преступлениями
в сфере незаконного оборота наркотиков
синтетического происхождения и прекурсоров
ГУНК МВД России
E-mail: amorozov@mvd.ru

Основные даты в истории формирования подразделений по контролю за оборотом наркотиков МВД России

Аннотация

Автором представлен краткий обзор истории создания и формирования подразделений по контролю за оборотом наркотиков МВД России с акцентом на определенных датах. На основе их краткого анализа автором предлагается более ранняя историческая дата для отсчета момента создания таких подразделений.

Ключевые слова и словосочетания: наркоконтроль; история полиции; борьба с незаконным оборотом наркотиков; ФСКН России; ГУНК МВД России.

Знание истории имеет большое значение для развития нашей страны. Ошибки и просчеты в государственном управлении должны быть обязательно учтены в будущем, а полученный положительный опыт даст новый толчок к его совершенствованию. Достоверное изложение и понимание прошедших исторических событий будет способствовать правильному воспитанию нашей молодежи, обеспечения непрерывности, содержательности и глубины преемственности поколений, формированию гордости и патриотизма.

Неслучайно этим вопросам уделил внимание Президент России В. В. Путин 22 декабря 2022 г. на заседании Государственного Совета, посвященном вопросам реализации молодежной политики в современных условиях, по итогам которого поручено разработать и внедрить в учебные процессы отдельный академический курс, посвященный истории и основам российской государственности.

Полиция России как один из важных элементов государственного управления, конечно, имеет свою богатую и глубокую 305-летнюю историю.

Подразделения по контролю за оборотом наркотиков российской полиции, охраняющие здоровье наших граждан, не могут похвастать тем же, но при этом за недолгий срок их официального существования произошло не мало ключевых, важных и интересных событий.

В самом начале XX в. на территории нашей страны имели распространение всего два современных наркотических средства: опиум и кокаин. В дальнейшем к опиуму присоединились морфин и героин. Эти вещества имели сугубо аптечное происхождение, причем изначально отпускались без рецептов врачей. Потребителями являлись в основном хорошо обеспеченные люди из так называемой «богемы», а о негативных последствиях их потребления, как и о самом понятии наркомании, наука еще не знала. Потребление этих веществ не запрещалось, поэтому городская, уездная полиция и отдельный корпус жандармов Российской империи задач по борьбе с распространением наркотиков не имели.

Последствия первой мировой войны, а также февральской и октябрьской революций 1917 г. привели к политическому и экономическому хаосу в стране, в котором нашлось место наркотикам. Эти аптечные вещества вышли из-под контроля, спровоцировав не только активизацию злоупотребления ими, но и многочисленные преступления как ненасильственного, так и насильственного характера.

31 июля 1918 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР издает предписание № 7206–7212 «О борьбе со спекуляцией кокаином», в котором определяет необходимость *совершенно немедленно принять самые решительные меры к открытию очагов и притонов этих спекулянтов, проследить их способ действия, склады кокаина, взаимные отношения между этими спекулянтами и аптеками и аптекарскими магазинами и беспощадно арестовывать всех этих мерзавцев, наживающих деньги на полном расстройстве жизни и смерти огромного числа людей*. Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (далее – ВЧК), Московскому совдепу, Управлению городской милиции, Уголовному розыску, Комиссариатам юстиции, здравоохранения и внутренних дел предписывалось *«сейчас же выработать особое постановление, особо жестоко карающее этот род спекулянтов»*.

В итоге, в составе ВЧК в отделе по борьбе со спекуляцией создается подотдел по борьбе со спекуляцией наркотиками, первое в российской истории подразделение «наркоконтроля».

В дальнейшем к началу 30-х г. основная нагрузка в борьбе с незаконным оборотом наркотиков стала возлагаться на милицию, а конкретнее на Главное управление рабоче-крестьянской милиции

в составе Народного Наркомата внутренних дел СССР. В составе милиции основная нагрузка ложилась на Уголовный розыск.

18 января 1963 г. специальным распоряжением Министерства охраны общественного порядка РСФСР лидирующей службой милиции в сфере борьбы с наркотиками определяется уголовный розыск [2], которому ставятся задачи выявления крупных сбытчиков наркотиков, организации взаимодействия с оперативными аппаратами ИТУ, следствием, государственными учреждениями, общественными организациями, средствами массовой информации и т. д.

Спустя 10 лет, 7 июля 1973 г. в составе Управления уголовного розыска МВД СССР создается самостоятельный отдел по борьбе с наркоманией со штатной численностью 6 человек.

В 1989 г. Отдел по борьбе с наркотиками реорганизовали в 3-е Управление по борьбе с незаконным оборотом наркотиков и преступлений, связанных с иностранными гражданами ГУУР МВД СССР [3].

В 1990 г. за счет штатной численности ГУУР и ГУБХСС МВД СССР создается Управление по борьбе с распространением наркомании ГУУР МВД СССР. В его структуре, помимо двух центральных, формируются еще семь межрегиональных отделов по борьбе с наркобизнесом, подчиненных непосредственно МВД СССР [1]. В основные функции управления вошли, например, такие как организация работы с межрегиональными подразделениями, международное взаимодействие, научное обеспечение оперативно-служебных задач [5]. В целом задача борьбы с незаконным оборотом наркотических средств по-прежнему возлагалась на подразделения уголовного розыска.

Между тем, незаконный оборот наркотических средств в СССР только набирал силу. К началу девяностых годов «мода» на наркотики в России значительно возросла. В итоге 6 декабря 1991 г. приказом МВД СССР¹ Управление выводится из-под юрисдикции ГУУР МВД СССР, на его основе образуется Бюро по контролю за незаконным оборотом наркотиков МВД СССР (четвертое бюро), которое становится самостоятельной отраслевой службой милиции. Штатная численность бюро составила 48 человек.

С этой даты принято считать момент создания отраслевой службы криминальной милиции по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств. Эту дату сотрудники подразделений нарко-

---

¹ Об организационно-штатных вопросах МВД СССР : приказ МВД СССР от 6 декабря 1991 г. № 409.

контроля МВД России в настоящее время отмечают как свой профессиональный праздник¹.

В 1992 г. (период ликвидации МВД СССР) Бюро сливается с отделом Управления по борьбе с наркоманией УУР МВД РСФСР, в результате образовано Управление по борьбе с незаконным оборотом наркотиков (УНОН) МВД России (место дислокации – г. Москва, ул. Житная, д. 16). Управление являлось самостоятельным структурным подразделением центрального аппарата МВД, оперативно-розыскным подразделением криминальной милиции Российской Федерации, созданным в целях организации и осуществления противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ и злоупотреблению ими (далее – НОН).

В ноябре 2001 г. Управление НОН МВД России реорганизовано в Главное управление по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств СКМ МВД России (ГУБНОН). Для выполнения обязанностей по борьбе с наркопреступностью и противодействию НОН непосредственно при Главном управлении создается Оперативно-розыскное бюро по раскрытию преступлений межрегионального и международного характера, связанных с НОН. Главку также подчинялся Центр межведомственного взаимодействия в сфере пресечения НОН при МВД России, который выполнял функции координации в системе органов – субъектов противодействия НОН.

В 2002 г. ГУБНОН СКМ МВД России приказом МВД России № 1101 реорганизован в Государственный комитет по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ при МВД России. Он входил в состав криминальной милиции, но являлся самостоятельным структурным подразделением МВД России, обеспечивая полномочия Министерства в области противодействия незаконному обороту наркотиков непосредственно, а также через подразделения по противодействию незаконному обороту наркотиков при МВД, ГУВД, УВД, горрайорганах. На 1 января 2003 г. штатная численность подразделений по линии БНОН ОВД составляла 8200 единиц.

В 2003 г. произошла значительная реорганизация системы органов, осуществляющих противодействие незаконному обороту наркотиков в системе МВД России [1]. Все эти подразделения с 1 июля 2003 г. упразднились. С целью объединения усилий органов государственной власти, дальнейшей активизации антинаркотической

---

¹ Об объявлении Дня образования подразделений по контролю за оборотом наркотиков системы МВД России : приказ МВД России от 23 ноября 2016 г. № 750.

деятельности образован Государственный комитет Российской Федерации по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ (ГККН, Госнарконоконтроль России, с 2004 г. – Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков – ФСКН России¹).

11 марта сотрудники органов наркоконтроля отмечали свой профессиональный праздник².

В структуре его центрального находились 4 главных управления (Главное оперативное управление, Главное управление по контролю за легальным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, Главное организационно-аналитическое управление, Главное следственное управление), 12 управлений (управление собственной безопасности, управление международного сотрудничества, управление специального назначения, управление кадров, управление межведомственного управления взаимодействия в сфере профилактики, управление режима и информационной безопасности, информационно-технологическое управление, управление делами, правовое управление, финансово-экономическое управление, организационно-мобилизационное управление, управление общественных связей), отдел дознания и административной практики.

ФСКН России являлось федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики, нормативно-правовому регулированию, контролю и надзору в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также противодействия их незаконному обороту. ФСКН России специально уполномочена на решение задач в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в области противодействия их незаконному обороту³.

В составе ФСКН России создается Управление специального назначения и охраны, созданное на базе Управления физической защиты ФСНП России, которое включало в себя оперативно-боевые отряды и кинологическую службу. Отряды специального назна-

---

¹ Вопросы Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков : Указ Президента Рос. Федерации от 28 июля 2004 г. № 976 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2023).

² О Дне работника органов наркоконтроля : Указ Президента Российской Федерации от 16 февраля 2008 г. № 205 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2023).

³ Положение о ФСКН России : утверждено ст. 2 Указа Президента Рос. Федерации от 28 июля 2004 г. № 976 «Вопросы Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2023).

чения (ОСН) в территориальных подразделениях наркоконтроля были переведены в 2003 г. из Налоговой полиции и имели специальное наименование «Гром».

Учитывая, что за ОВД в соответствии с федеральным законодательством на всех уровнях административно-территориального деления обязанность осуществлять борьбу с НОН, включая предупреждение, выявление, пресечение, раскрытие наркопреступлений, а также осуществлять профилактику злоупотребления наркотиками сохранилась¹, в июле 2003 г. в структуре ГУБОП СКМ МВД России создано Оперативно-розыскное бюро (ОРБ) ПНОН² № 4 (в последствии ОРБ № 14), ОРБ определено как головное оперативное подразделение, непосредственно осуществляющее борьбу с организованной преступностью и координацию деятельности подразделений ОВД по противодействию НОН в системе МВД России.

Таким образом, ОВД продолжали оставаться антинаркотической правоохранительной системой, располагающей подразделениями, непосредственно работающими с населением на всех уровнях административно-территориального деления Российской Федерации. При этом задачу противодействия наркопреступности были призваны исполнять практически все службы и подразделения (ГУООП, ГУЭБиПК, ГУОБДД, ГУУР и другие)³.

В 2008 г. подразделения по организованной преступности, в том числе входящие в их состав ОРБ (на региональном уровне – ОРЧ) были упразднены⁴, при этом возложенные функции внутриведомственной координации антинаркотической деятельности ОВД были вновь переданы в подразделения уголовного розыска (в центральном аппарате – ОРБ № 14 МВД России, а с 2011 г. – Управление по организации деятельности органов внутренних дел в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков ГУУР МВД России,

---

¹ О наркотических средствах и психотропных веществах : Федер. закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2023).

² О создании ОРБ ПНОН ГУБОП СКМ МВД России : приказ МВД России от 30 июня 2003 г. № 500 (ст. 41).

³ Об утверждении положения о взаимодействии ОВД и ВВ МВД России по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков: приказ МВД России от 19 января 2006 г. № 22 (утратил силу).

⁴ О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 6 сентября 2008 г. № 1316 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2023).

в ГУ (У) по субъектам Российской Федерации в Управления (отделы) УР¹.

Следует отметить, что между ФСКН и МВД России в практике организации ОРД часто возникали различные проблемы, связанные с межведомственной разобщенностью и несогласованностью.

5 апреля 2016 г. коренным поворотом в реформировании подразделений по борьбе с НОН ОВД стало решение Президента Российской Федерации об упразднении ФСКН России с передачей всех полномочий в МВД России². 13 летняя история работы ФСКН России закончилась.

В июне 2016 г. на базе ФСКН России и УОБПНОН ГУУР МВД России создано Главное управление по контролю за оборотом наркотиков (далее – ГУНК) МВД России, призванное выполнять функции головного подразделения Министерства в области контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в сфере противодействия их незаконному обороту³, имеющее в своем составе 8 управлений, 3 самостоятельных отдела и специальный отряд быстрого реагирования, созданные для решения всех сложных и разноплановых задач противодействия современной наркопреступности и обеспечения контроля за оборотом наркотиков в стране.

Во всех территориальных органах МВД России на региональном уровне за счет штатной численности территориальных подразделений ФСКН созданы Управления НК (КОН), в территориальных органах на районном уровне – отделы (отделения, группы) НК (КОН)⁴, их кадры составили наиболее опытные сотрудники уголовного розыска и бывшие оперуполномоченные наркоконтроля ФСКН России.

Подводя итог этому краткому историческому обзору становления подразделений по контролю за оборотом наркотиков МВД России хотелось бы еще раз обратить внимание на 6 ключевых дат: 31 июля 1918 г. – первое нормативное решение по борьбе

---

¹ О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 6 сентября 2008 г. № 1316 : приказ МВД России от 12 сентября 2008 г. № 795.

² О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции : Указ Президента Рос. Федерации от 5 апреля 2016 г. № 156 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 12.02.2023).

³ Об утверждении Положения о Главном управлении по контролю за оборотом наркотиков Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 23 апреля 2016 г. № 209.

⁴ О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России : приказ МВД России от 30 апреля 2011 г. № 333.

с наркотиками; 18 января 1963 г. – правовое закрепление за службой уголовного розыска милиции задачи по борьбе с НОН; 7 июля 1973 г. – в УУР МВД СССР впервые создается самостоятельный отдел по борьбе с наркоманией; 6 декабря 1991 г. – создание в МВД СССР ОРБ № 4, являющегося самостоятельной службой по борьбе с НОН); 11 марта 2003 г. – создание ГKN (ФСКН) России. Официально отмечался сотрудниками ФСКН России и отмечается ее ветеранами; 5 апреля 2016 г. – создание ГУНК МВД России.

Анализируя эти даты и рассматривая их с точки зрения именно отправных точек в формировании подразделений наркоконтроля, возникают различные сомнения в правильности официально закрепленного 6 декабря 1991 г. датой создания службы¹.

Другие представленные даты имеют не меньшую важность в истории, при этом, полагаем, что из всех представленных 7 июля 1973 г. должно было бы стать самой первой отправной точкой на этом длинном и тернистом пути.

Именно создание первого в истории России небольшого, но уже самостоятельного и специализированного отдела по борьбе с наркоманией повлекло дальнейшее развитие и становление в будущем как ОРБ № 4, ФСКН России, так и существующего в настоящее время ГУНК МВД России. Момент его создания объективно должен стать отправной точкой в истории подразделений по борьбе с НОН ОВД, и именно на основе этой даты правильнее было бы отмечать «День образования подразделений по контролю за оборотом наркотиков системы МВД России», который тогда в этом году мог бы быть отмечен 50-летним юбилеем.

Так, например, в Кыргызской Республике день образования Службы НОН официально отмечается с 22 апреля 1991 г. – даты создания специализированного отдела в Управлении уголовного розыска Республики.

Список литературы:

1. Данилов В. В. История и нормативно-правовое регулирование оборота наркотических средств и наркопреступности в СССР и России в XX веке // Мир науки и образования. № 3. 2015.

2. История подразделений по контролю за оборотом наркотиков. Хронологический справочник памятных дат и событий: справочное пособие. М., 2021.

---

¹6 декабря 2021 г. отмечался 30-и летний юбилей.

3. *Локтева О. А.* Причины появления и упразднения Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков // Вестник науки и образования. 2021.

4. *Морозов А. В.* О некоторых вопросах эффективности организационно-штатных мер подразделений по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2013.

5. *Тонков Е. Е., Гаврилов В. Г., Польщиков В. П.* Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ : учебное пособие / под ред. В. А. Галкова. М., 2003.

Сергей Григорьевич Москаленко,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Ростовский юридический институт МВД России
E-mail: moscalenko1963@mail.ru

Организационно-функциональная эволюция полиции Российской империи 1718–1917 гг.

Аннотация

В статье анализируются направленность и организационно-правовые основы эволюции полиции в Российской империи. Рассмотрены специфические черты процесса становления регулярной полицейской службы, установлена корреляционная связь формирования полиции и общей трансформации российской имперской государственности от иррегулярного к регулярному типу. Предлагается интерпретация соответствующей фактографии, показывающая двойственный характер организационного устройства полиции, сочетание профессионализации полицейской службы и иррегулярного типа обеспечения полицейской функции государства. Особое внимание уделяется такой характерной черте эволюции полиции в Российской империи, как сравнительно поздняя институционализация в сравнении с военным и гражданско-административным управлением, что в значительной степени связано с доминированием общеевропейского понимания природы и организационных основ полиции, основанного на локально-иррегулярном восприятии полицейской службы. В результате исследования специфики организационно-функциональной эволюция полиции установлен инновационный и прагматический характер полицейского строительства в Российской империи.

Ключевые слова и словосочетания: *регулярная полиция; нижний земский суд; служба благочиния; городничий; частный пристав; квартальный надзиратель.*

Полицейская функция российского государства получила регулярное профессионализированное оформление позднее, чем иные государственные функции. Военный, фискальный, гражданско-административный и судебный аспекты государственного управления институционализировались значительно раньше, чем полицей-

ский. Почему? На первый взгляд совершенно очевидно, что история полиции и ее организационно-правовых форм прямым образом связана с формированием территориальной конструкции государства, с созданием основных элементов регулярного государственного управления.

Процесс трансформирования иррегулярного государственного управления в регулярное осуществлялся на основе планомерной реализации программы формирования городской основы территориальной организации государства, зафиксированной императором Петром I в «Пунктах, данных Санкт-Петербургскому генерал-полицеймейстеру» и в «Регламенте или Уставе Главного Магистрата» [1].

Эта программа до введения «Устава благочиния или полицейского» в 1782 г. была в большей мере декларативным проектом на будущее, чем практической частью функционирования государства, так как полиция учреждалась в России параллельно созданию организованных в иерархическую систему городов и контролируемых ими территорий, поэтому Петр не мог немедленно реализовать задачу профессионализации полиции.

Для этого не хватало не только ресурсов, но и самой вертикально-иерархической структуры центров государственного управления – городов. Обеспечение общественного порядка и борьбы с преступностью в самом только еще строящемся Санкт-Петербурге вынужденно признавалось Петром как инерционно продолжающееся на иррегулярной бесплатной и выборной основе, для чего обыватели выбирали десятских и сотских.

Казенное жалованье за полицейскую службу предполагалось только для генерал-полицеймейстера, а его аппарат комплектовался из командированных из армии офицеров, оплачиваемых из средств Военной коллегии. Основной массив деятельности государства еще в начале XVIII в. являлся иррегулярным, то есть только эмбрионально профессионализированным, бесплатным и выборным.

Серьезные элементы профессионализации были локализованы тогда исключительно в столицах и вооруженных силах. Бескрайние провинциальные территории находились на практически полном сословном самоуправлении иррегулярного типа по всем отраслям государственного управления.

Трансформирование иррегулярного управления в регулярное было только начато Петром (или продолжено, здесь историки спорят). В этом тектоническом процессе полицейская функция государства не могла быть не затронута. Формирование организационно-правовых основ для функционирования регулярной полиции в контексте этого инновационного процесса не могло не быть

не только радикально прагматическим, но и инновационным процессом.

Создание регулярной полиции в России, государстве, охваченном процессом трансформации в направлении регуляризации государственного управления в целом, являлось для того времени в высшей степени инновационным явлением. Сейчас это не очевидно, но проект Петра по созданию полиции во всех городах империи, то есть в общегосударственном масштабе как потенциально регулярной части государственного управления, был абсолютно новым и дерзким планом.

В Европе того времени полиция рассматривалась как локальное явление, как часть внутригородского самоуправления, осуществляющая свои задачи на бесплатной и выборной иррегулярной основе как очень важное и почетное общественное поручение на безвозмездной основе. За все время формирования централизованного государственного управления в Европе с XV по XVIII в. известны только две экспериментальные попытки по организации регулярной профессионализированной полиции: межгородская дорожная «Санкта Эрмандада» в Испании и проект Генри Филдинга по созданию профессиональных групп преследователей карманных воров «Боу стрит раннерз» в Англии, но эти шаги не стали там и тогда общей государственной практикой.

Петр находился под сильным влиянием общеевропейского локально-иррегулярного «магдебургского» понимания организационных основ функционирования полиции, как части городского самоуправления (это понимание закреплялось отчасти в «Регламенте или Уставе Главного Магистрата»). Инновационность инициативы российского императора заключалась в том, что целью эволюции полиции в России становилась ее постепенная регуляризация в общегосударственном масштабе, выход за рамки ее локально-городского понимания.

Резко ускорил процесс регуляризации полиции и всего государственного управления в империи создатель ситуации гражданской войны и раскола государственной территории Емельян Пугачев. Екатерина II хорошо понимала после подавления со стороны «повстанцев» угрозы самому существованию государства, и дальнейшее самосохранение государственности возможно только на основе общей профессионализации всего государственного управления и, в частности, такой важной его части, как полиция.

Императрица принимает решение ускорить процесс регуляризации государственного управления, вводит адекватное административно-территориальное деление, предполагающее наличие

в каждом городском центре территориальных единиц государства – губерний и уездов, регулярной полиции, регулярного гражданского и военного управления [5, с. 35]. Вплоть до 1862 г. важнейшей частью организационного и визуального городского ландшафта в Российской империи стали регулярные должностные лица – городничие, частные приставы, квартальные надзиратели, городовые полицейские стражники.

Только с периода 1775–1782 гг., когда были приняты акты «Учреждения для управления губерниями Всероссийской империи» и «Устав благочиния или полицейский», начинается полноценная история профессиональной полиции в России. Здесь не обошлось без организационно-функциональных сложностей, не решенных на основе практической инерции. Полицейские в губернских и уездных городах получили униформу, регулярное казенное денежное содержание, но изменять «Табель о рангах» с учетом регуляризации полиции не стали. В этом основополагающем для профессионализации государственной службы документе к колонкам «гражданская», «военная», «военно-морская» и «придворная» служба не добавили колонку «полицейская» служба, поэтому профессиональные сотрудники полиции («службы благочиния» как полиция называлась в России с 1782 по 1862 гг.) оплачивались по критериям гражданской службы и классные чины получали по ней же. Военные звания и соответствующее им денежное содержание сохраняли при переходе на службу в управы благочиния только отставные военные.

Следует особо отметить, что полная регуляризация полицейской функции государства не была достигнута не только в XVIII столетии, но и в XIX в. Дело в том, что на сельских уездных территориях (это 99 % территорий страны) полиция оставалась иррегулярной, то есть бесплатной, выборной от общин государственных крестьян и дворянских собраний, почетной службой-общественным поручением. Начальник такой выборной и бесплатной для государства полиции, получившей название «нижние земские суды», избирался дворянскими собраниями уезда и назывался «капитан-исправник». Он начинал получать казенное денежное содержание после 3 лет безукоризненного исполнения обязанностей начальника сельской иррегулярной полиции и только в случае избрания на второй трехлетний срок.

Такая организационно-функциональная двойственность полиции в Российской империи, сочетающая регулярные и иррегулярные элементы конструкции, могла быть жизнеспособной только при наличии какого-то обеспечивающего устойчивую структуру

ры элемента. Таким элементом являлось дворянское и крестьянское сословное самоуправление, окончательно сложившееся в 1762–1783 гг. Дворянское корпоративное самоуправление (дворянские собрания уездов и губерний) формировали руководящую часть выборного полицейского аппарата в сельских районах империи, а общины государственных крестьян (60 % всего крестьянского населения) избирали исполнительную часть иррегулярного полицейского «аппарата»: десятских и сотских. Оставшиеся 40 % крестьян, входивших в крепостной сектор экономической и социальной жизни империи, находились в пределах поместий под прямым полицейским контролем дворян-помещиков и поместной администрации (так называемая «вотчинная полиция»).

Организационно-правовая дуалистическая конструкция полиции в ее несущими и дополнительными элементами, созданная Екатериной Великой, просуществовала вплоть до великих реформ Александра II, с радикальными изменениями общества и государства в результате реформ, от такой организационной конструкции пришлось отказаться, трансформировав службы благочиния в городах и нижние земские суды на сельских территориях в унифицированную единую общегосударственную регулярную полицию в соответствии с «Временными правилами об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых» 1862 г.

Этот процесс унификации полиции сопровождался функциональной специализацией полицейской службы (появление сыскной и розыскной полиции наряду с общей полицией) [2–3, 4, с. 12]. В целом, эволюционный вектор в развитии полиции и полицейской деятельности в Российской империи был очевиден: полиция эволюционировала от иррегулярного типа через смешанный тип с 1775–1782 гг. до регулярного типа с 1862 г. Этот тип организации полиции просуществовал до февраля 1917 г., когда деструктивные процессы в ходе серии государственных переворотов захватили и регулярную полицию в России.

Список литературы:

1. *Борисов А., Малыгин А., Мулукаев Р.* Три века российской полиции. М., 2016.
2. *Бордюгова Г.* Политическая полиция Российской империи между реформами. От В. К. Плева до В. Ф. Джунковского. М., 2020.
3. *Пиотровский В., Кудрявцев Д., Очкур Р.* Полиция Российской империи. СПб., 2005.

4. *Рууд Чарльз, Степанов С.* Тайная полиция в России от Ивана Грозного до Николая Второго. М., 2022.

5. *Свечин Н., Погонин И., Введенский В.* Повседневная жизнь Петербургской сыскной полиции. М., 2021

Геннадий Геннадиевич Небрatenко,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории государства и права
Ростовский юридический институт МВД России
E-mail: gennady@nebratenko.ru

Становление российской полиции в Приазовье (1775–1802 гг.)

Аннотация

Возникновение российской полиции 305 лет назад является важной памятной датой, заслуживающей авторского внимания к организационно-правовому опыту ее становления. В силу произошедших событий, связанных с вхождением в состав России «новых субъектов», особо представляет интерес история органов внутренних дел, зародившихся и развивавшихся на их территории в досоветский период. Становление российской полиции в Приазовье: в рамках современной Донецкой Народной Республики, Республики Крым, Краснодарского края, Запорожской, Ростовской и Херсонской области происходило в 1775–1802 гг., и было непосредственно сопряжено с интеграцией в состав Российского государства.

Ключевые слова и словосочетания: *российская полиция; история Министерства внутренних дел; история органов внутренних дел; Херсонская область; Запорожская область; Республика Крым; Краснодарский край; Донецкая Народная Республика.*

30 сентября 2022 г. в состав Российской Федерации вошли четыре субъекта: Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область¹. Географически они являются частью Приазовья (кроме ЛНР) с добавлением Ростовской области и Краснодарского края, а также

---

¹ О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики : Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ; О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики : Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ; О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Запорожской области : Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 7-ФКЗ; О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Херсонской области : Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. №-ФКЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.06.2022).

Республики Крым, 18 марта 2014 г. ставшей частью России, вместе с городом федерального значения Севастополем¹. Побережье Азовского моря находится в юрисдикции одного государства, и в настоящий момент этот водный бассейн является внутренним, поэтому на него может распространяться «Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации»². Кроме того, географическая и историческая категория Приазовье в полной мере стала присуща России, в рамках которой имеется возможность для рассмотрения всех функций государства, в том числе в хронологической прогрессии.

Правоохранительная функция является одной из основополагающих, которая позволяет обеспечивать нормальную жизнедеятельность государства и динамичное развитие общества, а также осуществлять защиту прав человека и законных интересов граждан. На ежегодном расширенном заседании коллегии МВД России, проходившем 20 марта 2023 г., проблематика обеспечения национальной безопасности, законности и правопорядка на территории ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской области особо освещалась Президентом России В. В. Путиным. Глава государства отметил мужество, смелость сотрудников органов внутренних дел, участвующих в проведении Специальной военной операции, в том числе проявленную в ходе эвакуации мирных жителей. Кроме того, отмечалась острая необходимость завершения комплектования территориальных органов и подразделений новых субъектов России³.

Встречно Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции В. А. Колокольцев отметил, что МВД России с марта 2022 г. направило в приграничные районы 15 сводных отрядов полиции, в дальнейшем командировало еще 2 – в ДНР и ЛНР. В июне того же года на временной основе были сформированы управления МВД России по Запорожской области и Херсонской. Проведенная работа позволила в конце 2022 г. сформировать министерства внутренних дел по Донецкой Народной Республике и по Луганской Народной Республике, а также главные управления МВД России по Запорожской области и Херсонской. В итоге Министерством вну-

---

¹ О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя : Федер. конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ // СЗ РФ. 2014. № 12. Ст. 1201.

² Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации : Федер. закон от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.06.2022).

³ Расширенное заседание коллегии МВД // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/70744> (дата обращения: 01.04.2023).

тренних дел Российской Федерации была проведена масштабная работа по становлению в северной части Приазовья российской полиции, где таковая функционировала до февраля-марта 1917 г., а в дальнейшем осуществляли свою деятельность отечественные органы внутренних дел «милицейского типа». С историко-правовой точки зрения обоснованным является утверждение о возрождении российской полиции в Приазовском крае, для которого ее деятельность выступает апробированной в хронологической прогрессии практикой. В этой связи представляет научный интерес процесс становления органов внутренних дел в дореволюционный период.

Длительное время в Приазовье господствовала Оттоманская Порта и Крымское ханство, и ближним к ним краем Русского царства являлось Всевеликое Войско Донское, казаки которого в 1671 г. впервые приняли присягу на верность царю Алексею Михайловичу. В 1696 г. в состав России вошла Азовская крепость, стоящая в устье Дона, и в 1698 г. – на северо-восточном побережье Азовского моря была заложена Троицкая крепость, а также гавань и порт на мысе Таганый Рог. Впрочем, в 1712 г. Россия оставила контролируемую часть Приазовья после неудачного Прутского похода Петра I. Однако в результате русско-турецкой войны, закончившейся заключением Белградского трактата 1739 г., приблизила свои рубежи к Азовскому морю, но без права возрождения Азова, зато с возможностью возведения выше по течению Дона крепости святителя Димитрия Ростовского, заложеной в 1761 г. (ныне – Ростовна-Дону). Поэтому зарождение российской полиции в Приазовском регионе можно отнести к 1763 г., когда, собственно, искомая крепость была открыта, и полицейские функции в ней возлагались на обер-коменданта с комендантской канцелярией.

«Димитриевская крепость» сыграла заметную роль в войне 1768–1774 гг., закончившейся подписанием в 1774 г. Кучук-Кайнарджийского мирного договора, заложившего основу для последующего суверенного владения Приазовьем [3, с. 413–414], однако до 1783 г. край почти целиком оставался в юрисдикции Крымского ханства, утратив покровительство Турции. Российская империя по мирному договору приобрела принадлежавшую прежде туркам приазовскую крепость Керчь и ее «черноморского дублера» – Еникале. Одновременно легализовались восстановленная Азовская и Троицкая (Таганрогская) крепости. Кроме того, в российскую юрисдикцию перешел Херсон и черноморская крепость Кинбурн.

Сложившиеся международно-правовые реалии вызвали необходимость проведения административно-территориальной реформы, и в 1775 г. было учреждено Новороссийское генерал-губернаторство, во главе которого стал святейший князь Григорий Потем-

кин. В состав генерал-губернаторства входили губернии и казачьи войска, и один из новых субъектов именовался Азовской губернией¹, впрочем, приазовскими в географическом смысле являлись Азовская, Дмитриевская и Троицкая крепости. В каждой из них учреждалась «воеводская канцелярия», курировавшая земские дела, в том числе полицейского характера, при этом «нижние земские суды», введенные «Учреждениями для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г. для выполнения правоохранительных функций в уездах², пока не вводились. Задачи городской полиции реализовывались военными комендантами, состоявшими на правах городничего. Старшим комендантом среди них был оберкомендант Дмитриевской крепости, однако на рубеже 70–80-х гг. XVIII в. «воеводская канцелярия» сохранилась только в Таганроге, сформировавшемся как уездный город в результате упразднения в 1784 г. Троицкой крепости.

Между тем в 1783 г. произошло знаменательное событие, изменившее политический ландшафт Приазовского края, сделав его свободным от военно-политических претензий Оттоманской порты и от внутренних усобиц крымско-татарской и тюрско-ногайской знати: 8 апреля Екатериной II был подписан манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую Державу»³, и в результате Азовское море впервые в истории стало внутренним водным бассейном для Российского государства. Немного ранее – 30 марта 1783 г. появился указ «О составлении Екатеринославского наместничества из губерний Азовской и Новороссийской» (всего из 12 уездов)⁴, а 8 февраля 1784 г. состоялся указ «О составлении Таврической области из 7 уездов, и об открытии присутственных мест в оных городах»⁵.

Финальное административно-территориальное разграничение Приазовью было дано «Жалованной грамотой Войску Черноморскому» от 30 июня 1792 г.⁶, согласно которой кубанским казакам передавалось во владение азовское побережье с прилегающими землями по линии от Фанагорийского острова (ныне Таманский полуостров) до Ейского городка. Впрочем, часть побережья – Миусский округ – находился в составе Войска Донского, а в 1787–1796 гг. –

---

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 20. №14990.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 20. № 14251.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 21. № 15708.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 21. № 15696.

⁵ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 22. № 15924.

⁶ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 23. № 17055.

прибрежная линия между Миусским округом и Ейским городком в составе Екатеринославского казачьего войска.

В результате данных процессов становление российской полиции в Приазовье происходило по двум направлениям: «по общим учреждениям» и по «особым правилам». «Общие учреждения» регулировали устройство органов правопорядка в Екатеринославском наместничестве и Таврической области, а «особые правила» – в землях Донского, Екатеринославского и Черноморского казачьего войск. В наместническом, областном и уездных городах предусматривались «управы благочиния» в соответствии с «Уставом благочиния или полицейским» от 8 апреля 1782 г.¹, а на территории уездов функционировали «нижние земские суды» как первичные органы правопорядка. «Органы внутренних дел» в казачьих войсках находились еще в зачаточном состоянии, и примером для их создания стало Донское казачье войско, где регулярной городской полиции не существовало до конца XVIII в. В «округах», как в казачьем аналоге уездов, с конца 70-х гг. функционировали «сыскные начальства», численность и штаты которых варьировались «Войсковым гражданским правительством» исходя из текущих потребностей и оперативной обстановки (но не реже одного раза в 2–3 года). Екатеринославское казачье войско, находилось в оперативном управлении Войска Донского, пришло в упадок, поэтому было расформировано, а полиция в Черноморском казачьем войске развивалась самостоятельно, но аналогичным Донскому казачьему войску путем.

Между тем 12 декабря 1796 г. император Павел I осуществил административно-территориальную реформу², и на месте Екатеринославского наместничества, Таврической области, а также Екатеринославского казачьего войска образовалась Новороссийская губерния. Северо-Восточная и Восточная часть Приазовья осталась за Донским казачьим войском и Черноморским казачьим войском соответственно. Однако искомое устройство просуществовало недолго, и указом «О разделении Новороссийской губернии на губернии: на Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую, и об устройстве там судебных мест» от 8 октября 1802 г. устанавливалось иное устройство Приазовья³, сохранившееся практически в неизменном виде вплоть до установления в крае советской власти [1, с. 50].

Таким образом, в результате проводимых на рубеже XVIII–XIX вв. административно-территориальных преобразований в При-

---

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 21. № 15379.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 24. № 17634.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 27. № 20449.

азовье сложилась система органов российской полиции «губернского типа», общероссийского по своей сути, и «казачьего», отличающегося спецификой в силу особого правового статуса казачьего сословия и производных от него административно-территориальных единиц. В итоге российская полиция в Приазовье была представлена «органам внутренних дел» в составе Екатеринославской и Таврической губерний, а также Земли Войска Донского и Земли Черноморского Войска. Городская, уездная и окружная полиция данных субъектов Российской империи находилась в ведении губернских и войсковых правлений соответственно. С появлением в 1802 г. Министерства внутренних дел аппарат российской полиции перешел в его ведение, исключая функционирующий в казачьих войсках, в том числе Донского и Черноморского, которыми заведовало Военное министерство, что предопределялось особым сословным устройством «казачьих регионов». В целом же в 1775–1802 г. произошло становление российской полиции в Приазовье, и в дальнейшем провалились реформы по ее организационно-правовому совершенствованию в соответствии с текущими государственно-правовыми реалиями.

Список литературы:

1. *Небратенко Г. Г.* Зарождение российской полиции в Восточном Приазовье: историко-правовой аспект // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 1.
2. Официальный сайт Президента России // Расширенное заседание коллегии МВД. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/70744> (дата обращения: 01.04.2023).
3. *Тунян В. Г.* Отношения Российской и Османской империй в конце XVIII в. – 1806 гг.: союзничество и конфронтация // Четырнадцатая Годичная научная конференция: сборник научных статей. Ереван, 2020. Ч. I.

Сергей Александрович Невский,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник
органов внутренних дел
заместитель начальника –
начальник научно-исследовательского центра № 1
ВНИИ МВД России

Организация и деятельность истребительных батальонов НКВД в годы Великой Отечественной войны

Аннотация

В статье освещаются вопросы организации и деятельности истребительных батальонов НКВД в годы Великой Отечественной войны. Первоначально они были созданы для борьбы с парашютными десантами и диверсантами противника. Впоследствии истребительные батальоны были задействованы при проведении иных мероприятий: обеспечение общественного порядка, охрана важных объектов, борьба с дезертирством, бандитизмом, разминирование местности после боев и оккупации и др. Ряд истребительных батальонов в 1941–1942 гг. непосредственно принимал участие в боях с немецко-фашистскими войсками на территории Украины, в битве за Москву, при обороне Ленинграда, Севастополя, Сталинграда, Северного Кавказа, Воронежа и других городов. Большое значение имела деятельность истребительных батальонов на освобожденной от оккупации территории страны, особенно по борьбе с националистическим подпольем и националистическими формированиями на территории Украины, Белоруссии, территории Прибалтийских республик.

Ключевые слова и словосочетания: *истребительные батальоны; НКВД; парашютные десанты; диверсанты, бойцы, борьба с бандитизмом.*

Первоначальный период Великой Отечественной войны поставил перед органами НКВД СССР задачу – борьбу с парашютными десантами и диверсантами противника, что обусловило срочный поиск новых форм работы. В литературе отмечено: «Сразу же после нападения на нашу страну немецко-фашистские захватчики начали забрасывать в тыл наших войск диверсантов, шпионов и провокаторов. Враг рассчитывал посеять панику, деморализовать тыл

Советской Армии и тем самым облегчить действия фашистских войск на фронте. Для того чтобы сорвать коварные замыслы врага и пресечь вражескую деятельность в тылу нашей армии, необходимо было создать специальные подразделения, поэтому наряду с такими народными формами борьбы, как ополчение и партизанское движение, в начальный период войны была найдена особая форма борьбы с немецко-фашистскими захватчиками в лице истребительных батальонов НКВД. Эта форма борьбы вытекала из народного характера Великой Отечественной войны» [1, с. 7].

24 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». В соответствии с постановлением на органы НКВД возлагалась организация борьбы против парашютных десантов на территории Ленинградской области, Мурманской области, Калининской области, Карело-Финской республики, Украины, Белоруссии, Эстонской, Латвийской, Литовской и Молдавской ССР, Крымской автономной республики, Ростовской области, Краснодарского края, западной части Грузинской ССР. С этой целью предписывалось при городских, районных и уездных отделах НКВД, расположенных на указанных территориях, создать истребительные батальоны численностью 100–200 человек из числа проверенного партийного, комсомольского и советского актива, способного владеть оружием; начальниками истребительных батальонов – назначить надежных оперативных работников НКВД и милиции. Партийные и советские органы обязывались «оказывать всяческое содействие органам НКВД в деле организации и укомплектования истребительных батальонов в борьбе с парашютными десантами противника». Для реализации указанного постановления Совета Народных Комиссаров Союза ССР НКВД СССР 25 июня 1941 г. издал приказ № 00804 «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». Приказом для обеспечения своевременной успешной борьбы с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе в НКВД СССР создавался Штаб, в НКВД – УНКВД по г. Ленинграду и Ленинградской области, Мурманской, Калининской областям, Карело-Финской, Украинской, Белорусской, Эстонской, Латвийской, Литовской и Молдавской ССР, Крымской АССР, по Ростовской области, Краснодарскому краю и западной части Грузинской ССР – оперативные группы. Начальником Штаба истребительных батальонов НКВД СССР был назначен генерал-майор Г. А. Петров (начальник управления ГУПВ НКВД СССР).

Народным комиссарам внутренних дел, начальникам УНКВД перчисленных республик, управлений краев и областей предписывалось в 24 часа организовать при городских, районных и уездных отделах (отделениях) НКВД истребительные батальоны по борьбе с парашютными десантами и диверсантами численностью 100–200 человек. Командиров истребительных батальонов предполагалось назначать из числа «надежных и боевых оперативных работников НКВД, преимущественно из пограничных и внутренних войск и оперативных работников милиции», личный состав батальонов комплектовать из числа «проверенных, смелых самоотверженных коммунистов, комсомольцев, советских активистов, способных владеть оружием, без отрыва их от постоянной работы». Командирам истребительных батальонов для успешного выполнения возложенных на них задач предписывалось при колхозах, совхозах и на отдельных промышленных предприятиях в районах своей деятельности группы содействия. Впоследствии истребительные батальоны были созданы в других регионах Советского Союза.

К концу июля 1941 г. было сформировано 1 775 истребительных батальонов, насчитывавших 328 тыс. бойцов. В группах содействия истребительным батальонам состояло более 300 тыс. человек. Всего было сформировано около 2 тыс. истребительных батальонов: 1 000 – в РСФСР, 657 – в УССР, 78 – в БССР, 63 – в Молдавской ССР [6, с. 64–66, 77–79]. Например, по сообщению органов внутренних дел Украины союзному руководству, к 29 июня 1941 г. в Украинской ССР было организовано и действовало 629 истребительных батальонов, в которых насчитывалось 104 719 человек. В конце июня 1941 г. организовано 6 928 групп содействия истребительным батальонам, численностью 64 968 человек [9, с. 611]. 27 июня 1941 г. объединенное бюро Московского областного и городского комитета партии приняло решение о создании в каждом районе по одному истребительному батальону. К 15 июля 1941 г. во всех районах г. Москвы были сформированы истребительные батальоны, которые насчитывали свыше 12 500 человек [2, с. 124]. На территории Крыма, в том числе в Севастополе, к концу июня были также созданы истребительные батальоны. Личный состав был укомплектован партийно-советским активом и лицами, освобожденными от призыва по отсрочкам. Всего в Крыму были сформированы 35 истребительных батальонов и 2 отдельные истребительные роты общей численностью 7 240 человек. В Севастополе были сформированы два батальона – Севастопольский и Балаклавский. Командный состав севастопольских истребительных батальонов частично укомплектовывался за счет сотрудников горотдела НКВД, для формирования

истребительных батальонов были выделены 16 сотрудников горотдела милиции [5, с. 50]. В Калининской области были сформированы 73 истребительных батальона, из них 69 в районах области, 4 – в г. Калинин, общей численностью 1 485 человек [8, с. 642–643].

Изначально истребительные батальоны предназначались для борьбы с парашютными десантами и диверсантами противника, впоследствии они были задействованы при проведении иных мероприятий: охране общественного порядка, борьбе с дезертирством, бандитизмом, поддержании режима военного положения, охране важных объектов, сборе трофейного оружия, разминировании территорий после боев и оккупации и др. Например, в соответствии с постановлением Государственного Комитета обороны № 76сс от 9 июля 1941 г. о мероприятиях по борьбе с десантами и диверсантами противника в г. Москве и прилегающих районах кроме основной задачи по уничтожению десантов и диверсантов противника на истребительные батальоны г. Москвы и пригородных районов возлагались: а) борьба с возможными контрреволюционными выступлениями; б) организация патрульной службы и оказание содействия органам милиции в поддержании общественного порядка во время воздушной тревоги; в) установление тщательного наблюдения в районах возможной десантов и диверсантов противника. Начальникам районных отделов НКВД и начальникам (командирам) истребительных батальонов предписывалось в суточный срок разработать план взаимодействия истребительных батальонов с органами милиции, частями и подразделениями войск НКВД, военизированной охраны, предусмотрев в первую очередь мероприятия по обеспечению объектов военного значения и неохраемых войсками Красной Армии аэродромов и посадочных площадок. Численность истребительных батальонов предусматривалось довести до 500 человек, «доукомплектовав их проверенными, смелыми коммунистами, комсомольцами и советскими активистами, способными владеть оружием». Для прекращения текучести личного состава постановлением предусматривалось освободить бойцов истребительных батальонов г. Москвы и прилегавших районов от мобилизации в Красную Армию и призыва в народное ополчение. Личный состав истребительных батальонов надлежало освободить от работы на предприятиях и в учреждениях и постоянно держать на казарменном положении с оплатой за счет производства. Начальниками (командирами) истребительных батальонов прилегающих к Москве Кунцевского, Красногорского, Краснополянского, Мытищенского, Балашихинского, Перовского, Ухтомского, Ленинского, Химкинского и Люблинского районов надлежало назначить

из числа командиров из состава управлений войск НКВД, для работы в истребительных батальонах г. Москвы и пригородных районах – прикрепить по 15 чекистов в каждый батальон. Личный состав 35 истребительных батальонов г. Москвы и прилегающих районов необходимо было обеспечить форменной одеждой (пилотка, гимнастерка, ремень) и специальными удостоверениями [6, с. 222–223].

Приказом НКВД СССР № 001151 от 25 августа 1941 г. оперативные группы НКВД – УНКВД республик, краев и областей по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе были реорганизованы в 4-е отделы НКВД – УНКВД, на которые возлагалась обязанность организации и руководства боевой деятельностью как истребительных батальонов, так и партизанских отрядов и диверсионных групп [6, с. 518–519].

Многие истребительные батальоны участвовали в боях с немецко-фашистскими войсками. В обороне Ленинграда участвовали 45 истребительных батальонов Ленинградской области. Особенно отличились в боях 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 5-й истребительные батальоны Ленинграда, которые вели ожесточенные бои на северном берегу реки Невы с августа 1941 г. по январь 1942 г.; 73-й, 74-й, 75-й истребительные батальоны г. Колпино совместно с Ижорским рабочим батальоном в течение двух месяцев держали оборону на подступах к городу. 14 истребительных батальонов Московской области совместно с частями Красной Армии участвовали в боях по обороне столицы. Из десяти истребительных батальонов Тулы был сформирован 1-й Тульский рабочий полк, принявший активное участие в обороне города [1, с. 32, 35, 37]. Летом 1942 г. в период битвы за Кавказ непосредственно в боях с немецко-фашистскими войсками участвовали 13 истребительных батальонов Краснодарского края. Армавирский истребительный батальон участвовал в обороне г. Армавира в начале августа 1942 г., вел бои в районе моста через реку Кубань. Ейский истребительный батальон численностью 250 человек оборонял г. Ейск совместно с двумя батальонами морской пехоты, артиллерийским дивизионом, бронепоездом; с 26 июля 1942 г. занимал участок обороны вместе с 305-м батальоном морской пехоты, впоследствии участвовал в обороне г. Темрюка с 14 по 23 августа 1942 г. Краснодарский истребительный батальон участвовал в боях в г. Краснодаре в августе 1942 г. В обороне г. Темрюка в августе 1942 г. вместе с морским пехотинцами участвовали Темрюкский, Ейский, Приморско-Ахтарский, Старощербиновский истребительные батальоны [4, с. 165–171]. Истребительные батальоны сыграли большую роль в обороне Сталинграда. В конце 1941 г. в Сталинградской области насчитывалось

73 истребительных батальона численностью около 11 тыс. человек. В середине августа 1942 г. в области насчитывалось 83 истребительных батальона, из которых восемь дислоцировались непосредственно в Сталинграде. В конце августа 1942 г. истребительные батальоны участвовали в отражении наступления немецких войск, прорвавшихся к Сталинграду. В районе тракторного завода на пути немецких войск занял оборону истребительный батальон Тракторозаводского района под командованием начальника 8-го отделения милиции К. А. Костюченко. Истребительный батальон, которому на помощь пришли рабочие завода «Красный Октябрь» и подразделения других истребительных батальонов города, стойко удерживал свои позиции. Лишь в ночь с 27 на 28 августа 1942 г. истребительный батальон на боевой позиции сменил полк 10-й дивизии войск НКВД [3, с. 7, 12].

Истребительные батальоны, оставшиеся в тылу врага, действовали как партизанские отряды или диверсионные группы.

Следует отметить, что руководством органов НКВД заранее рассматривалась возможность использования истребительных батальонов в партизанской войне. В частности, в директиве НКВД УССР от 21 июля 1941 г. об улучшении деятельности истребительных батальонов, направленной начальникам областных управлений НКВД УССР, подчеркивалось: «В случаях вынужденного отхода регулярных частей Красной Армии, необходимо заранее подготовить переход батальонов на рельсы партизанских действий...». Начальникам областных управлений предписывалось направить на места сотрудников с целью выяснения ряда вопросов, в том числе о мероприятиях «по переводу истребительных батальонов на рельсы партизанских отрядов для действий в тылу противника партизанскими методами борьбы» [10, с. 508–509]. На территории Украины к партизанским методам борьбы в первый год войны перешли 109 истребительных батальонов. На их базе были сформированы партизанские отряды под командованием И. Копенкина, А. Куценко, Г. Кузьменко, А. Свитличного, С. Гнибеды и др. [9, с. 616].

В соответствии с приказом начальника УНКВД по г. Москве и Московской области от 17 октября 1941 г. из истребительных батальонов Коминтерновского (498 человек – 1-й батальон), Красногвардейского (469 человек – 2-й батальон) районов г. Москвы и сотрудников УНКВД по г. Москве и Московской области (3-й батальон) был сформирован истребительный мотострелковый Московский полк с подчинением УНКВД по г. Москве и Московской области. В декабре 1941 г. на базе истребительного батальона Подольского района Московской области был сформирован четвер-

тый батальон полка, в который были включены бойцы истребительных батальонов из Ивановской и Калининской области и районных отделов НКВД. Численность полка на момент формирования составила 1 914 человек. Полк участвовал в обороне Москвы, его бойцы выполняли в тылу противника разведывательно-диверсионные задания. Например, в первой половине ноября 1941 г. для выполнения боевых и диверсионных заданий в тылу противника из состава полка была сформирована 31 группа общим числом 474 человека (15–17 человек в группе): 10 групп было направлено в Рузский, 11 – в Верейский, 10 – в Боровский районы Московской области) [7, с. 203, 213–215, 490–491].

Значительная часть истребительных батальонов вошла в состав частей Красной Армии. По данным Ф. Г. Банникова, с 25 июня 1941 г. по 25 июня 1942 г. в Красную Армию было передано 93 % личного состава истребительных батальонов. Зачастую истребительные батальоны вливались в состав воинских частей в ходе совместных боевых действий. Например, в Московской области в октябре 1941 г. в Красную Армию был передан 41 истребительный батальон численностью 13 961 человек, а всего из истребительных батальонов Московской области в Красную Армию передано 196 741 человек. В Украинской ССР до 1 октября 1941 г. передано в Красную Армию 125 истребительных батальонов в полном составе [1, с. 43]. В Калининской области с 1941 г. по октябрь 1944 г. было обучено и передано в Красную Армию 14 044 бойцов истребительных батальонов [8, с. 643].

В литературе отмечено, что в ходе Великой Отечественной войны количество истребительных батальонов и численность их личного состава не была стабильной. В ряде областей состав батальонов менялся по нескольку раз (например, в Воронежской области 6 раз, в Ростовской области – 8, в Тульской – 3 раза). В связи с оккупацией части территории Советского Союза к концу 1941 г. перестали существовать многие истребительные батальоны Украины, Белоруссии, Молдавии, Крыма, Прибалтийских советских республик и ряда западных областей РСФСР [1, с. 13].

По мере освобождения территории Советского Союза, временно оккупированной противником, истребительные батальоны создавались вновь. На 31 июля 1943 г. насчитывалось 1 618 истребительных батальонов с численностью личного состава 169 628 человек¹.

Большую роль сыграли истребительные батальоны в годы Великой Отечественной войны в деятельности по борьбе с банди-

---

¹ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 9. Л. 25, 26.

тизмом, националистическим подпольем и националистическими формированиями, особенно на освобожденных от немецкой оккупации территориях Украины, Белоруссии, Прибалтики. В частности, Бюро ЦК КП (б) Латвии в своем постановлении № 91 от 28 декабря 1944 г. об усилении борьбы с диверсионно-террористическими и бандитскими проявлениями в Латвии, обязало наркомов внутренних дел и госбезопасности, секретарей укомов, горкомов и райкомов принять решительные меры, обеспечивающие наведение должного порядка как в уездах, так и в городах. С этой целью следовало пересмотреть, укрепить и численно увеличить имеющиеся истребительные батальоны, а там, где их нет – немедленно создать вновь, вооружить их и проводить систематическую работу с бойцами. Секретари Рижского горкома КП (б) и секретарям райкомов партии г. Риги предписывалось до 5 января 1945 г. организовать в каждом районе истребительные батальоны, а в г. Риге – истребительный полк, «поставив перед ними конкретную задачу наведения большевистского порядка в городе Риге и оказания серьезной практической помощи органам НКВД, НКГБ и милиции» [8, с. 750–751].

В соответствии с приказом НКВД СССР № 1525 от 28 декабря 1944 г. штабы истребительных батальонов НКВД – УНКВД были расформированы, организация руководством истребительными батальонами и местными формированиями была возложена на аппараты по борьбе с бандитизмом. С этой целью в составе Управлений – отделов НКВД–УНКВД по борьбе с бандитизмом были образованы соответствующие отделы – отделения – группы

По данным С. В. Биленко, за три года войны истребительными батальонами было уничтожено 400 танков и бронемашин, 128 самолетов, 66 штабов противника, 600 мостов, 280 складов и баз, свыше 3 тыс. автомашин, 50 тыс. солдат и офицеров противника, задержаны сотни шпионов и диверсантов, значительное количество преступников [2, с. 128].

Истребительные батальоны внесли свой вклад в общее дело Победы над фашизмом. Изучение их богатого опыта боевой деятельности имеет важное значение в современных реалиях.

Список литературы:

1. *Банников Ф. Г.* Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне. М., 1968.
2. *Биленко С. В.* Боевая деятельность истребительных батальонов // Внутренние воска и органы внутренних дел в период Вели-

кой Отечественной войны 1941–1945: материалы научно-теоретической конференции. Ленинград, 1976.

3. *Глебов И. А.* Ратный подвиг сталинградской милиции // Вместе с армией и народом. К 25-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Волгоград, 1970.

4. *Зайцев В. П.* День за днем. Милиция Кубани в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Краснодар, 2018.

5. *Неменко А. В., Кашицына О. А.* Павший севастопольский гарнизон. Симферополь, 2021.

6. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. М., 2000.

7. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 2. М., 2000.

8. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 2. М., 2007.

9. 1941 год: Страна в огне: в 2 кн. Кн. 1. Очерки. М., 2011.

10. 1941 год: Страна в огне: в 2 кн. Кн. 2. Документы и материалы. М., 2011.

Надежда Степановна Нижник,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургский университет МВД России
E-mail: n.nishnik@bk.ru

**Проблема прав человека
в российской полицейстике конца XIX – начала XX века**

Аннотация

Статья посвящена анализу полицейско-правовой теории, получившей развитие в политико-правовой мысли России в рамках полицейского права в конце XIX – начале XX в. Российская полицейстика, являвшаяся частью самостоятельной национальной науки – полицейского права, до настоящего времени остается изученной не в должной мере. Выявлено, что центральными вопросами российской полицейстики конца XIX – начала XX в. стали проблемы обеспечения прав человека. Российские полицейсты обосновали выводы о том, что права человека – это значимый институт правового государства, а приоритет прав человека – не только признак и свойство правового государства, но и его важная цель. Достижениями отечественной полицейстики стали идеи об обязанности государства законодательно закреплять права личности, о необходимости создания системы гарантий и защиты прав граждан, об ответственности государства за ее функционирование в отношении лиц из всех социальных слоев.

Ключевые слова и словосочетания: *полицейское право; полицейстика; полицейско-правовая теория; российская полицейстика конца XIX – начала XX в.; права человека.*

Права человека – базовая ценность цивилизованного общества. Права человека выступают как непрменный атрибут и функциональное измерение нормальной (конституционной) социальной и политической организации общества.

Современные представления о правах человека отражают процесс длительной эволюции юридической мысли, в которой воплотились попытки определения природы и содержания прав человека, обоснования их неотчуждаемости. Процесс концептуального (теоретического) упорядочения представлений о правах человека

и необходимости их законодательного закрепления нашел отражение в истории политических и правовых учений.

Проблема прав человека обособилась в самостоятельную тему теоретического и сравнительно-исторического правоведения. Отдельной страницей учений о правах человека является полицейстика – полицейско-правовая теория, наследие которой до настоящего времени остается изученным, осмысленным и оцененным не в должной мере.

Важной ее частью является полицейско-правовая теория, на основе которой в российском государстве определялись направления и формы реализации внутренней политики. Развитие взглядов о правах человека в полицейско-правовой теории тесно связаны с представлениями о достижении всеобщего счастья и обязанности государства заботиться о благе каждого индивида.

Возникновение полицейско-правовой теории связано с эпохой формирования абсолютизма в Европе. Имперские полицейские регламенты XVI в. понятием «полиция» обозначали постановления о водворении в стране порядка и безопасности, об улучшении нравов, подъеме народного благосостояния [6, с. 11]. Представления о благом управлении неразрывно связывались с правом решения проблем, касающихся общих интересов, – вопросов обеспечения безопасности, поддержания общественного порядка, сохранения морали, обеспечения благополучия.

В качестве идейной основы теории и практики государства использовалась философия эвдемонизма, признававшая основным фактором социальных трансформаций стремление человека к счастью. Главная цель государства – всеобщее счастье. Задача полиции – достижение благополучия, «удобства и спокойствия» [24], увеличение совокупного достояния государства и счастья его жителей [25, с. 7–8]. Опираясь на идею о том, что люди объединяются в политические сообщества не просто ради жизни, а для благой жизни, благо толковали как счастье, а счастье – как удовольствие. Содействие каждому человеку в его естественном стремлении к счастью, основанном на душевных, телесных и имущественных благах рассматривалось как предназначение государства [24].

Понятие «полиция», изначально понимаемое в России как деятельность по управлению внутренней жизнью государства, в XVIII в. наполнилось новым смыслом: полицией стали называть и систему органов, которые создавались для осуществления внутреннего управления. Осмысление выбора средств достижения государством своей цели, определение методов решения проблем управления государством и конкретных вопросов, касающихся

отношений между органами власти и обществом, способствовали развитию представлений о правах человека.

Идея необходимости регулирующего действия государства в области обеспечения интересов населения и его проникновения во все сферы общественной жизни была положена в основу системы управления в России.

И. В. Платонов, автор первого самостоятельного исследования по полицейскому праву в российской науке – работы «Вступительные понятия в учение о благоустройстве и благочинии государственном» [1, с. 21], рассматривал как цель государственной деятельности. Обязанность государства «обеспечивать» посредством закона, признаваемые за каждым права, и действ[овать] для создания условий безопасности и благосостояния» считал целью государства И. Е. Андреевский [1, с. 1].

В середине XIX – начале XX в., в условиях, когда полицейское право в России оформилось в самостоятельную национальную юридическую науку, вопросы обеспечения прав человека избрали предметом своего осмысления И. Е. Андреевский, А. Я. Антонович, Н. Н. Белявский, Э. Н. Берендтс, Н. Х. Бунге, С. В. Ведров, В. М. Гессен, Н. А. Грифцов, В. Ф. Дерюжинский, А. И. Елистратов, В. В. Ивановский, В. Г. Иозефе, В. Н. Лешков, В. Ф. Левитский, А. Е. Назимов, Г. Ф. Симоненко, Я. С. Степанов, И. Т. Тарасов, А. А. Трифионов, А. И. Чупров, П. Н. Шеймин, М. М. Шпилевский, Н. Д. Яворский, И. И. Янжул. Российская полиеистика демонстрировала стремление четко определить процедуру законодательного закрепления правового статуса личности, основания и пределы ограничения прав человека, границы полицейского вмешательства государства в частную и общественную жизнь.

Проблема обеспечения прав и свобод личности в российской полиеистике конца XIX в. – начала XX в. стала центральной. Российские полиеисты обосновали выводы о том, что права человека – это значимый институт правового государства, а приоритет прав человека – не только признак и свойство правового государства, но и его важная цель.

Характеризуя возможности государства определять права человека, В. Н. Лешков доказывал, что главным субъектом управления является не государство, а народ; что центр управления обществом находится не в «верхних этажах власти», а «внизу» – в общине, в миру. Только самоуправляемое общество посредством своих органов способно выявить и решить все свои насущные проблемы, обеспечить свои права [11, с. 66–69]. Регулирование общественных отношений по Лешкову осуществлялось на основе общественного

права – «права частных лиц и обществ на ту деятельность и на те средства, которыми совершается в государстве развитие и обеспечение цивилизации или благосостояния народа» [8, с. 22]. Общественное право – право личности на развитие посредством пользования общественными установлениями, существующими в государстве для этой цели [7]. Своими трудами В. Н. Лешков оформил новое направление в российской полицейско-правовой теории, а идеями подготовил почву для возникновения в российской правовой системе административного и муниципального права.

В российской полицейистике сформировались различные подходы к определению субъектов обеспечения прав человека, в качестве которых рассматривались народ, семья, община, земство (В. Н. Лешков) и государственные органы (И. Е. Андреевский, В. Ф. Дерюжинский, В. В. Ивановский, И. Т. Тарасов).

Особую актуальность приобрели вопросы о соотношении гарантий прав и свобод личности и использования мер государственного принуждения [21, с. 51–60; 20, с. 18–24]. Вопросы, касающиеся ответственности государства по отношению к индивиду, вызывали дискуссии ученых и государственных деятелей. И. Т. Тарасов подчеркивал, что в этой сфере общественных отношений особое значение имеет принцип взаимной ответственности государства, общества и личности [16, 18, 17], который должен применяться при решении всех проблем государственного управления.

С учетом того, что реализация полномочий органов исполнительной власти в сфере обеспечения прав личности осуществлялась посредством распоряжений и предписаний, не являвшихся законами, но обеспечиваемых силой государственного принуждения, И. Т. Тарасов полагал, что принцип взаимной ответственности государства, общества и личности должен был быть основой определения юридической силы исходящих от органов исполнительной власти распоряжений. Граждане имеют право неповиновения незаконным распоряжениям и предписаниям «в отношении к явно неправильным с внешней стороны или по форме действиям, распоряжениям и предписаниям» [19, с. 64], право сопротивления. В этом, по И. Т. Тарасову, заключалось «существо закономерного повиновения, в отличие от безусловного или пассивного повиновения, несовместимого с понятием о политико-гражданской свободе» [19, с. 64].

Осмысливая проблему обеспечения прав личности в условиях применения полицейского принуждения [3, с. 801–812], И. Т. Тарасов подчеркивал, что меры принуждения – крайнее средство, которым располагают полиция и администрация; именно принуждени-

ем наиболее легко и часто могут быть нарушаемы права граждан, поэтому применение принудительных мер должно осуществляться на правовой основе, опираться на законы и распоряжения, обеспечиваться процессуальными нормами [19, с. 65].

Мерой обеспечения прав личности превентивного характера И. Т. Тарасов считал регламентацию полицейской деятельности государства, находившую выражение и в четком определении компетенции органов полиции, и в определении пределов такой регламентации [19, с. 107; 17, с. 109], и в закреплении правил, какая деятельность подлежит регламентации законом, а какая – регламентации распоряжением [19, с. 107; 17, с. 109]. Состояние, когда деятельность органов полиции регламентировалась законодательными актами, а деятельность иных органов – административными распоряжениями, И. Т. Тарасов охарактеризовал как неустойчивость системы регламентации в государстве [19, с. 107; 17, с. 110]. При регламентации служебной деятельности полиции, в рамках которой обеспечиваются права и свободы личности, И. Т. Тарасов считал необходимым: исключить возможность органов полиции устанавливать порядок их деятельности; разграничивать предметы регулирования законов и распоряжений; исключать подробную регламентацию деятельности органов полиции законами; исключать возможность нарушения пределов регулирования распоряжений.

Реализация прав и свобод личности в государстве находилась в прямой зависимости от законности деятельности органов внутренних дел, состояние которой, считал И. Т. Тарасов, обеспечивалось различными факторами. Один из них – отчетность органов полиции, которая должна осуществляться в соответствии с определенными правилами: форма отчетности должна быть закреплена законом для всех без исключения органов полицейской деятельности; отчеты должны предоставляться не только вышестоящим, но и контролирующим органам; отчеты должны публиковаться и быть доступными и для органов государственной власти, и для населения; отчеты должны составляться о деятельности во всех сферах внутреннего управления и распространяться на все органы внутреннего управления; период отчетности должен обеспечивать возможность корректировки деятельности при обнаружении проблем; отчеты должны составляться неформально, сопровождаться поясняющими документами и пояснительными записками, быть достоверными; отчеты должны подвергаться обязательной проверке и контролю [15, с. 182–184].

Как меру обеспечения прав личности превентивного характера И. Т. Тарасов рассматривал контроль за деятельностью органов

управления [19, с. 112; 17, с. 114], который должен осуществляться как контроль внутренний и внешний контроль, документальный и письменный контроль, фактический и материальный контроль, а как меру репрессивного характера – дисциплинарную ответственность государственных служащих, которая заключалась в праве органов полицейской деятельности в порядке подчиненности применять дисциплинарные взыскания с целью поддержания порядка на службе и в управлении.

Анализируя проблемы, касающиеся ответственности государства по отношению к индивиду, полицейсты констатировали, что в XIX в. в России преобладала жалобная система юридической ответственности сотрудников государственных органов, которая заключалась в возможности подачи жалобы на действия либо бездействия государственной власти в суд только с резолюции органов полиции и администрации. При таких условиях, подчеркивал И. Т. Тарасов, гарантировать обеспечение прав и свобод человека и гражданина невозможно. Любой гражданин должен обладать правом подачи жалобы в суд напрямую без каких-либо разрешений и санкций. Урегулирование конфликтных отношений между гражданами и административными органами в связи с неправомерным поведением и бесконтрольным исполнением властных полномочий полицейсты считали предназначением института административной юстиции.

Вопросы обеспечения прав и свобод личности были центральными в творчестве В. Ф. Дерюжинского, который акцентировал внимание на обязанности государства гарантировать подданным их права [2, с. 15–16].

Признание «непреходящей ценности Человека» выступало «одухотворяющей идеей» всех рассуждений А. И. Елистратова [5, предисловие], а идея автономной личности – основой его теории государственного управления. Признавая российское государство начала XX в. правовым, А. И. Елистратов утверждал, что в России должна иметь место система гарантий и защиты прав граждан, а государство должно быть ответственным за обеспечение ее функционирования в отношении лиц из всех социальных слоев.

Вопросы, касающиеся обеспечения прав и свобод человека, определения границ использования мер принуждения администрацией и полицией, получили свое развитие в трудах Я. С. Степанова [14], И. И. Янжула [23], А. Е. Назимова [9], М. Н. Палибина [12, с. 1–22], О. О. Эйхельмана [22] и других полицейстов [10]. Укрепление идеи И. Канта о том, что государство не должно быть эвдемонистическим, привело к изменению понимания цели государства: в качестве цели

государства стало рассматриваться не обеспечение подданным счастья, а торжество идеи права, при котором произвол одного лица совместим с произволом другого согласно требованиям разумной свободы. Задачей государства провозглашалось «правовое разграничение свободы граждан, – безопасность и порядок, а не попечение об их благосостоянии» [4, с. 22].

Российская полицейстика внесла важный вклад в развитие теории прав человека, а отечественные полицейсты своей государственной и общественной деятельностью осуществили результативные попытки претворения своих идей в государственно-правовую жизнь Российского государства конца XIX – начала XX в.

Список литературы:

1. *Андреевский И. Е.* Полицейское право. Т. 1. СПб., 1874.
2. *Дерюжинский В. Ф.* Полицейское право. Пг., 1917.
3. *Егоров Н. Ю.* Российская полицейстика в лицах: Иван Трофимович Тарасов // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6.
4. *Елистратов А. И.* Государственное право. Пособие к лекциям. М., 1912.
5. *Елистратов А. И.* Основные начала административного права. М., 1917.
6. *Елистратов А. И.* Учебник русского административного права. Вып. 1. М.: Поставщик Высочайшего Двора Товарищества скоропечатни А. А. Левенсон, 1910.
7. *Лешков В. Н.* Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. М., 1858.
8. *Лешков В. Н.* Общественное право. 1876–1877 г.: Лекции заслуж. проф. Лешкова. [М.]: [б. и.], 1881.
9. *Назимов А. Е.* Лекции по полицейскому праву / под ред. Б. Ф. Лемеша-Лемешинского. Одесса, 1903.
10. *Нижник Н. С.* Российская полицейстика – наука и искусство управления государством // Вопросы государства и права: сборник научных статей / под общ. ред. Л. В. Карнаушенко. Краснодар, 2015.
11. *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А. И. Елистратова. М., 2017.
12. *Палибин М. Н.* Повторительный курс полицейского права. СПб., 1898.
13. *Платонов И. В.* Вступительные понятия в учение о благоустройстве и благочинии государственном. Харьков, 1856.
14. *Степанов Я. С.* Конспект лекций полицейского права.. Казань, 1889–1891. Вып. 1–3. Т. 1–3.

15. *Тарасов И. Т.* Лекции по полицейскому (административно-му) праву. Т. 2. М., 1910.
16. *Тарасов И. Т.* Личное задержание как полицейская мера безопасности. Ч. 1–2. Киев, 1875–1886.
17. *Тарасов И. Т.* Очерк науки полицейского права. М., 1897.
18. *Тарасов И. Т.* Полицейский арест. СПб., 1879.
19. *Тарасов И. Т.* Учебник науки полицейского права. М., 1891–1896. Вып. 1–4. Вып. 1.
20. Тарасов Н. К. Меры государственного принуждения: плюрализм подходов к классификации в теоретической юриспруденции России конца XIX – начала XX в. // Алтайский юридический вестник. 2020. № 3 (31).
21. *Тарасов Н. К.* Российская полиеистика конца XIX – начала XX века об основаниях и пределах применения мер государственного принуждения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (84).
22. *Эйхельман О. О.* Русское полицейское право. Конспект лекций. Киев, 1898.
23. *Янжул И. И.* Полицейское право. М., 1886.
24. *Delamare N.* Traité de la police où l'on trouvera l'histoire de son établissement, les fonctions et les prérogatives de ses magistrats, toutes les lois et tous les règlements qui la concernent: On y a joint une description historique et topographique de Paris, & huit Plans gravés, qui représentent son ancien Etat, & ses divers accroissements, avec un recueil de tous les statuts et règlements des six corps des marchands, & de toutes les Communautés des Arts & Métiers. Par M. Delamare, Conseiller-Commissaire du Roy au Châtelet de Paris. Vol. 1–2. Paris: J. et P. Cot, 1705–1710; 2-eme éd. Vol. 1–4. Paris: Chez Michel Brunet et chez J.-F. Hérisant, 1719–1738.
25. *Justi J. H. G., von.* Grundsätze der Polizeiwissenschaft. Dritte Ausgabe. Gottingen: Verlag der Witwe Vandenhoeck, 1782.

Владислав Алексеевич Овчинников,
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры истории России
Кемеровский государственный университет
E-mail: rpcsib@rambler.ru

Воспоминания подполковника милиции А. Н. Овчинникова как источник по истории органов внутренних дел СССР

Аннотация

В статье дана характеристика воспоминаниям подполковника милиции А. Н. Овчинникова, хранящимся в семейном (личном) архиве, как источнику по истории органов внутренних дел СССР. Мемуары охватывают хронологический период 1926–1960 г. Источник позволил уточнить детали, выявить личную позицию участника процесса формирования и развития милиции в Западной Сибири. В статье дана характеристика автора, определены условия возникновения и обстоятельства создания воспоминаний, дана оценка достоверности информации, проведен анализ содержания мемуаров.

***Ключевые слова и словосочетания:** Алексей Николаевич Овчинников; воспоминания; биография; советская милиция; органы внутренних дел; НКВД; МВД.*

Введение в научный оборот исторических источников позволяет уточнить, а в некоторых случаях и прийти к новому осмыслению уже изученных исторических событий. Воспоминания как памятник своего времени являются не только источником биографических сведений, позволяющим изучить историю личности, но источником, характеризующим определенную историческую эпоху. Основные характеристики воспоминаний как источника личного происхождения: документальность, ретроспективность и субъективность определяют подбор исследователем методического инструментария для их изучения [13, с. 375–378]. Часто воспоминания хранятся в личных архивах и недоступны исследователям [10, с. 106–112; 16, с. 135–154].

Несмотря на устойчивый интерес историков к истории органов внутренних дел в Сибири, это направление отечественной историографии требует дальнейшего исследования [2; 9, 12; 14; 19; 20, с. 43–47; 21; 22; 23; 24] Важное значение для изучения проблемы является введение в научный оборот новых источников, в том числе источников личного происхождения. В семейном (личном) архи-

ве подполковника милиции А. Н. Овчинникова (1906–1990 гг.) – деда автора по отцовской линии, наряду с делопроизводственными документами, материалами периодической печати, вещественными и изобразительными источниками, письмами, хранятся воспоминания.

Объект исследования в рамках данной статьи – история органов внутренних дел в Сибири, предмет – воспоминания А. Н. Овчинникова как источник по истории органов внутренних дел. Цель исследования: охарактеризовать воспоминания А. Н. Овчинникова и определить их значение как источника по истории органов внутренних дел СССР в 1930-е – 1950-е гг. Ранее часть документов семейного (личного) архива А. Н. Овчинникова была введена в научный оборот при подготовке совместных научных статей с профессором Е. В. Суверовым [17, с. 175–176; 18, с. 884–896].

В соответствии с поставленной целью нами применялись историко-хронологический, историко-сравнительный, историко-биографический методы, метод источниковедения (анализ и синтез источника). Совокупность методов обеспечила системность подхода к изучению воспоминаний как источника по истории органов внутренних дел СССР. Даны характеристики автора источника, условий возникновения, обстоятельств создания и анализ содержания источника.

Профессиональный путь А. Н. Овчинникова тесно связан с историей милиции, НКВД юга Западной Сибири. Осенью 1931 г. он начал службу политруком Поспелихенского отделения милиции (бывший Барнаульский округ), в 1930-е гг. служил политинспектором Барнаульского горуправления милиции, зам.начальника по политчасти Анжеро-Судженского горуправления милиции, начальником райотдела милиции в с. Алтайское Западно-Сибирского края, начальником 2-го отделения милиции Октябрьского района г. Барнаула. В августе-декабре 1941 г. проходил учебу в Центральной школе милиции НКВД СССР, затем был назначен начальником Троицкого райотдела милиции Алтайского края, позже начальником Троицкого райотдела НКВД, в 1946 г. – начальником Барнаульского горотдела милиции. В июня 1948 г. по 1950 г. зам. начальника, а затем до декабря 1961 г. – начальник Бийского горотдела милиции (Алтайский край).

Воспоминания содержат как факты автобиографии, так и указание основных направлений работы и проблем милиции, характеристику сослуживцев, описание громких уголовных дел. Воспоминания имеют ярко выраженный субъективный характер – их создателем был коммунист, человек, прошедший 30-летний путь службы в совет-

ской милиции. Эти социально-психологические и профессиональные особенности личности, жизненный опыт и специфика эпохи нашли отображение в трактовке и оценке исторических событий.

Воспоминания хронологически охватывают период с 1926 г. по 1960 г. Они представляют собой текст, написанный собственноручно (школьные тетради № 1–5, объединенные общим названием «Воспоминания ветерана милиции Овчинникова». Тетрадь 1А «Воспоминаний» (апрель 1985 г.) подписана «только для музея УВД Алтайского крайисполкома». А. Н. Овчинников отмечал, что воспоминания написаны по просьбам сотрудников музея УВД Алтайского крайисполкома, Центрального музея МВД СССР (г. Москва), музея УВД Кемеровской области.

Воспоминания были созданы спустя несколько десятилетий после описываемых событий и содержат ретроспективный взгляд на историю милиции и личную биографию. Они написаны в 1985–1986 г., когда автору исполнилось 80 лет. Он критично относился к возможностям своей памяти. Описывая 1930-е гг., отмечал: «...но запомнить мне эти эпизоды не удалось, из памяти изгладились» [4, с. 5]. В то же время он подчеркивал, что дела, в которых участвовал непосредственно, помнит хорошо. Сведения, изложенные в воспоминаниях, соотносятся с документами, хранящимися в личном архиве А. Н. Овчинникова. Достоверность источников также подтверждается сопоставлением с научными трудами по истории милиции и с документами, предоставленными Информационным центром ГУ МВД России по Алтайскому краю (архивная справка о службе, архивные копии материалов личного дела). В то же время не все эпизоды службы описаны в мемуарах. Так, они не содержат данные об участии в пресечении «Бийского бунта» 1961 г., хотя его фамилия упоминается в научной литературе и периодической печати [11, с. 406; 15].

Тетрадь № 1, 17 стр. Хронология: 1929–1946 гг. Дано описание поступления автора на службу в милицию: после окончания Барнаульской совпартшколы в марте 1931 г. по решению Пospelихинского райкома партии он был назначен политруком райотдела милиции [4, с. 1–2]. Начало службы А. В. Овчинникова пришлось на реформы советской милиции в 1930-е гг. 25 мая 1931 г. СНК СССР утвердил первое общесоюзное «Положение о рабоче-крестьянской милиции». Были восстановлены политорганы в милиции. Сибревком предлагал призывать в милицию «наиболее сознательных, грамотных рабочих, крестьян, твердо стоявших на платформе Советской власти» [12, с. 17; 14, с. 162–166]. По партийному призыву А. Н. Овчинников 1 октября 1931 г. был направлен на служ-

бу политруком милиции. Западная Сибирь начала 1930-х гг. была наводнена бандами. В конце 1930 г. в регионе было ликвидировано 537 банд. В 45 сельских районах Западно-Сибирского края в 1930 г. было убито 26 милиционеров. Время сплошной коллективизации стало пиком антиколхозных выступлений. В регионе было большое количество оружия [12, с. 17, 23].

В марте 1932 г. А. Н. Овчинников был назначен политинспектором Барнаульского межрайонного сектора управления милиции. Он отмечал, что кроме г. Барнаула межрайонный сектор милиции оперативно руководил 10 сельскими районными отделениями милиции. «В 1930-е годы в г. Барнауле обстановка была сложной и напряженной» [4, с. 2]. Милиция решала широкий круг задач: от ликвидации детской беспризорности до борьбы с бандитизмом. Были распространены грабежи, убийства, кражи государственного и личного имущества, хулиганство. Особая роль в борьбе с преступностью принадлежала уголовному розыску [4, с. 3–4]. Немногочисленным сотрудникам УГРО приходилось выезжать в сельские отделения милиции для усиления борьбы с преступностью, так как кроме двух лошадей другого транспорта не было, то часто сотрудники выдвигались на место преступления пешком. Автор охарактеризовал работников уголовного розыска: «Они хорошо знали уголовников: их клички, повадки, судимости и связи», «это были стойкие коммунисты в борьбе с преступностью. У них было чему учиться, их дела надолго останутся в моей памяти» [4, с. 3–5].

Много преступлений совершалось на вещевом базаре (карманные кражи, аферы, спекуляция). Опасным местом в городе считалась «Дунькина Роща» – лесной массив на окраине, где собирался преступный элемент. Автором описана операция лета 1932 г. по задержанию преступников, которые ночевали в часовне на кладбище (позже городской нагорный парк). Операцией руководил начальник УГРО Сибиряков. Выход из часовни держали под прицелом, освещая фонарями. Была дана команда выходить по одному. Некоторые сдались добровольно, часть оказала сопротивление. При обыске задержанных были обнаружены финки, бритвы и украденные вещи [4, с. 6].

В сентябре 1933 г. А. Н. Овчинников был направлен на новое место службы – в Анжеро-Судженское горуправление милиции. По его воспоминаниям, уровень и характер преступности на новом месте службы мало чем отличался от г. Барнаула (лишь был менее масштабным). Городской уголовный розыск насчитывал 5 сотрудников во главе с тов. Елизарьевым. Милицейский гарнизон в г. Анжеро-Судженске состоял из взвода милиции – 39 чел. и отделе-

ния городской милиции – 17 чел. [1, л. 23–26]. Увеличение штатов в 1934 г. позитивно отразилось на снижении уровня преступности. Начальником горуправления милиции Анжеро-Судженска был латыш К. К. Кийссел, член ВКП (б) с 1920 г., который много внимания уделял воспитанию и спецподготовке личного состава, сам выезжал на происшествия. Как отмечает А. Н. Овчинников, он многому у него научился и личность Кийсселя у него оставила неизгладимое впечатление.

В январе 1935 г. А. Н. Овчинников был назначен начальником Алтайского райотдела милиции. Он так характеризовал ситуацию в районе: штат – два оперативных работника на селения, разбросанные по большой территории. Были распространены кражи государственного и колхозного хлеба, конокрадство, самогоноварение, хулиганство, розыск бежавших из ссылки кулаков. Отмечал помощь бригадмилцев милиции, особенно во время хлебоуборки [4, с. 9–10]. Автор вспоминает, что для профилактики преступлений был организован «месячник по добровольной сдаче оружия». Было принято несколько десятков трехлинейных винтовок, берданок и даже гранат системы «Милас» образца 1914 г. [4, с. 11]. Он пишет, что в это время в Сибири не редкостью были преступления против представителей советской власти. Так, в 1935 г. в глухом переулке с. Алтайское был застрелен депутат местного сельского совета. Вскоре преступники были обезврежены (главарь Громоздин). Стал известен и мотив убийства: депутат стал свидетелем кражи зерна [4, с. 12]. Он приводит еще один пример сложной обстановки на Алтае, сохранявшейся до середины 1940-х гг., – в 1946 г. была обезврежена вооруженная банда Зингера из трех ранее судимых человек, совершающая убийства, сопряженные с вооруженными ограблениями магазинов и складов [4, с. 13–17].

Тетрадь № 2, 18 стр. Хронология: 1946–1960 гг. В 1946 г. А. Н. Овчинников был назначен начальником Барнаульского горотдела милиции. В мемуарах содержатся характеристики сотрудников милиции в 1946–1948 гг. Автор описывает раскрытие нескольких дел «по горячим следам»: 1. Убийство женщины осенью 1946 г. с обезвреживанием банды грабителей; 2. Убийство сотрудника 2-го горотдела милиции г. Барнаула военнослужащим, находившимся в патруле в нетрезвом состоянии; 3. Ликвидацию банды «Черная кошка» Беликова зимой 1947 г.; 4. Убийство женщины-стахановки летом 1947 г. [5, с. 1–12].

В июне 1948 г. А. Н. Овчинников был переведен на службу в г. Бийск. Автор дает характеристику структуры Бийского горотдела милиции, описывает обстановку в городе. Он отмечает, что

в связи с промышленным строительством в 1950-е гг., прибытием значительного потока людей с преступным прошлым (в результате амнистий 1953 и 1957 гг.), размещением в городе строительного батальона, в котором служили солдаты, имевшие судимость, «обстановка становилась все более беспокойной». Но принятие мер: создание отделения милиции в промзоне, усиление патрульной службы (особенно в вечернее и ночное время), взаимодействие с военной комендатурой, помощь бригадмилльцев, а с 1959–1960 гг. – народных дружинников, усиленное внимание к решению проблем горкома партии и горисполкома помогли восстановить порядок в городе [5, с. 13–18].

Тетрадь № 3, 22 стр. Хронология: 1950-е гг. Автор дает характеристику сотрудников, отмечая: «Партийная прослойка среди начальствующего состава и оперативного состава была высокой. Мало было сотрудников со средним и неполным средним образованием...». Для повышения квалификации сотрудники проходили по плану обучение в краевой школе МВД и школах милиции [6, с. 1–2]. На страницах воспоминаний автор описывает раскрытие трех дел: 1. Обезвреживание вооруженной банды Бычкова по кличке «Быча»; 2. Раскрытие убийства водителя для грабежа машины Совмонголторга, перевозившей муку в Монголию 14 августа 1951 г.; 3. Возвращение пистолета летом 1954 г. зам. командира воинской части, подвергнутому нападению [6, с. 3–12]. А. Н. Овчинников детально описывает преступления (ограбления и убийства), раскрытые с помощью служебно-розыскной собаки Джульбарс [6, с. 15–19]. Далее автор характеризует сложную ситуацию, сложившуюся в 1950-х гг. в промышленной зоне (ныне Приобский район) г. Бийска. Он приводит пример: зам.командира стройбата допустил рукоприкладство в отношении солдат, и те начали преследовать его. Он скрылся в отделении милиции, которое было атаковано солдатами, требующих выдать офицера для самосуда. Отдел милиции под руководством начальника тов. Пирогова проявили стойкость, позже прибыл наряд военной комендатуры. Военная прокуратура привлекла по делу 15 военнослужащих, часть из которых были ранее судимы [6, с. 19–20].

Тетрадь № 4, 18 стр. Хронология: 1949–1950-е гг. В воспоминаниях охарактеризована обстановка в г. Бийске в 1950-е гг., и описана работа милиции. Воспоминания содержат сведения о раскрытии 11 убийств и грабежей, в том числе убийства семьи (отца, матери, младшего брата) старшим сыном, сбежавшим из армии; деле о мешке с расчлененным трупом мужчины на железнодорожных путях в г. Бийске [7].

Тетрадь № 5, 6 стр. Содержит общие характеристики всего периода службы в милиции и воспоминания о сослуживцах. Дата написания 5.10.1986 г. [8].

Тетрадь № 1 А, 34 стр. Содержит надпись «Воспоминания о некоторых работников Барнаульской и Бийской милиция, с которыми вместе в те далекие годы приходилось вести борьбу с преступниками. Только для музея УВД Алтайского крайисполкома». Хронология: 1946–1950-е гг. Дата написания: апрель 1985 г. Воспоминания были написаны годом ранее тетрадей 1–5, в которых во многом дублируются сведения тетради 1 А. Сравнение позволяет выявить ряд дополнительных деталей. В воспоминаниях отражен период службы в г. Барнауле в 1946–1948 гг. и в г. Бийске в 1949–1960 г. Воспоминания содержат характеристики сослуживцев [3]. Отметим, что в тетрадях есть вырезанные страницы и отсутствуют воспоминания об учебе в 1941 г. в Центральной школе милиции НКВД СССР (г. Москва) и о периоде: декабрь 1941 – март 1946 гг. В декабре 1941 г. А. Н. Овчинников был назначен начальником Троицкого райотдела милиции Алтайского края, где прослужил до марта 1946 г.

Воспоминания А. Н. Овчинникова дополняют и уточняют сведения об истории советской милиции Сибири в 1930-е – 1960-м гг. Мемуары представляют ценность как исторический источник по истории милиции региона. Их использование в совокупности с другими источниками позволяет расширить понимание процесса создания и развития советской милиции в Западной Сибири и более детально изучить проблемы, жизненную позицию и мотивацию сотрудников милиции, показать «человеческое лицо» органов внутренних дел, их заслуги в укреплении безопасности и правопорядка. Это подтверждает жизнь и деятельность А. Н. Овчинникова, прошедшего сложный путь от политрука в сельском райуправлении милиции до начальника Бийского горотдела милиции. Автор отмечал: «Мои воспоминания написаны правдиво! Как было действительно в жизни. На конкретных примерах самоотверженной борьбы работников милиции, моих товарищей по службе» [8, с. 1].

Список литературы:

1. Архив ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 253.
2. *Бодерко Л. Н.* Милиция Западной Сибири в 1930 - 1956 годах: На материалах Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской областей: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Тюмень, 1999.

3. Воспоминания. Тетрадь № 1А // Личный архив А. Н. Овчинникова.
4. Воспоминания. Тетрадь № 1 // Личный архив А. Н. Овчинникова.
5. Воспоминания. Тетрадь № 2 // Личный архив А. Н. Овчинникова.
6. Воспоминания. Тетрадь № 3 // Личный архив А. Н. Овчинникова.
7. Воспоминания. Тетрадь № 4 // Личный архив А. Н. Овчинникова.
8. Воспоминания. Тетрадь № 5 // Личный архив А. Н. Овчинникова.
9. История органов внутренних дел Алтай. Барнаул, 2018.
10. *Калистратова Э. А.* Проблемы сохранности семейных (личных) архивов и использование их в родословном поиске и краеведении // Седьмые Чупинские краеведческие чтения : материалы конференции. Екатеринбург, 2014.
11. *Козлов В. А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.). М., 2009.
12. *Кузнецов Д. Е.* Деятельность советской милиции по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в Западной Сибири 1925–1937 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2016.
13. *Люцый И. А.* Исторические источники личного происхождения и их информационная ценность // Молодой ученый. 2017. № 6 (140).
14. *Николаев П. Ф.* Организация и деятельность советской милиции Сибири в период военного коммунизма и перехода к новой экономической политике (август 1919 – декабрь 1922) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1965.
15. Муравлев Анатолий. Бийский погром ... // Алтайская правда. 2006. 23 июня.
16. *Овсянников Ю. З.* Семейный архив – программный комплекс для организации архивов личного происхождения // Историческая информатика. 2017. № 3.
17. *Овчинников В. А., Суверов Е. В.* Документы личного архива подполковника милиции А. Н. Овчинникова как источник по истории советской милиции 1930–1960-х гг. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы 20-й международной научно-практической конференции. Барнаул, 2022. Ч. 2.
18. *Овчинников В. А., Суверов Е. В.* Жизнь и деятельность подполковника милиции Алексея Николаевича Овчинникова (1920-е гг. – 1941 г.) // Вестник Кемеровского государственного университета. Т. 23. № 4 (88). 2021.
19. *Суверов Е. В., Чибурова Е. А.* Деятельность милиции по борьбе с преступностью в Алтайском крае (1945–1953 гг.). Барнаул, 2012.
20. *Суверов Е. В.* Ликвидация бандитизма сотрудниками милиции в 1945–1949 гг. (на примере Алтайского края и Кемеровской

области) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2005. № 5 (38). 2015.

21. *Суверов Е. В.* Деятельность Алтайской милиции (1953–1991). Барнаул, 2018.

22. *Суверов Е. В., Кузнецов Д. Е.* Деятельность милиции по борьбе с преступностью в Алтайском крае (20-е – 30-е гг. XX века). М., 2019.

23. *Тепляков А. Г.* Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008.

24. *Чибурова Е. А.* Деятельность милиции Алтайского края по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в 1945–1953 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2010.

Александр Владимирович Панфилец,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургский университет МВД России,
профессор,
Академия военных наук;
член-корреспондент
Академии военно-исторических наук
E-mail: akpanf1950@mail.ru

Андрей Александрович Удальцов,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургский университет МВД России
E-mail: oudaltsov@mail.ru

Физическая и спортивная подготовка милиции в период блокады Ленинграда

Аннотация

В данной статье раскрыта организация физической и спортивной подготовки Ленинградской городской милиции в период блокады города. Предметом исследования является деятельность руководства Управления милиции города по повышению физического и морального состояния личного состава. Цель авторов состояла в том, чтобы проследить путь восстановления физической подготовки, оздоравливающей гимнастики и спортивных состязаний в чрезвычайных условиях блокады и непосредственной боевой работы личного состава. В результате исследования авторам удалось выявить в ведомственных архивных материалах приказы и распоряжения, подтверждающие заявленную цель работы. Исследуя и анализируя фонды ведомственных приказов Управления НКВД по Ленинградской области и начальника Управления милиции, авторы пришли к выводу, что во все времена физическая подготовка и занятия спорта были важны для руководства спецслужб и боевых формирований, так как они позволяли личному составу чувствовать себя уверенными как в бою, так и в борьбе с нарушителями общественного порядка и преступниками.

Ключевые слова и словосочетания: Ленинградская городская милиция; блокада Ленинграда; физическая и спортивная подготовка; Динамо.

Во все времена руководство Ленинградской городской милиции (далее – ЛГМ) уделяло должное внимание физической подготовке сотрудников и участию их в спортивных мероприятиях общества «Динамо», которому в этом году исполняется 100 лет. В далеком 1923 г. 18 апреля по инициативе Наркома внутренних дел и Председателя ГПУ НКВД РСФСР Ф. Э. Дзержинского было образовано Московское пролетарское спортивное общество «Динамо», которое затем становится всероссийским и всесоюзным [6, с. 170].

С началом войны, а затем и блокады Ленинграда профессиональная подготовка, и физическая в том числе, несколько были отставлены в сторону и проводились в основном по директивным указаниям, в связи с переводом всех подразделений городской и областной милиции на службу в условиях военного времени. Весь июль-декабрь 1941 г. шли ожесточенные бои с войсками всего «гитлеровского Евросоюза», необходимо было остановить врага у стен города, а затем еще и в декабре 1941 г. отбить у немецко-финских захватчиков г. Тихвин, не позволив установить второе кольцо блокады, что было бы смертельно для Ленинграда. С конца ноября 1941 г. и до марта 1942 г. в городе наступило, по меткому выражению ленинградцев, «смертное время», когда были периоды неотоулавливания продовольственных карточек, смертность горожан превысила все предполагаемые размеры, наблюдался значительный рост преступности в продовольственной сфере [1, с. 13]. Кажется, в такой обстановке не до обучения, быть бы живу, однако уже в феврале 1942 г. руководство Ленинградской городской милиции, пополняя поредевшие ряды сотрудников из-за призыва на фронт, в партизанские и диверсионные отряды, из-за бомбежек и артобстрелов города врагом, в немалой степени из-за голода, холода и болезней, озабочилось подготовкой вновь принятых милиционеров, издав приказ от 23 февраля 1942 г. № 64 «Об организации первоначальной подготовки с вновь принятым рядовым и младшим начсоставом отделений и частей милиции г. Ленинграда. Эта подготовка вновь принятых работников милиции была организована без физической подготовки, но с элементами строевой подготовки, которая на короткое время заменила физподготовку, которая физически была невозможна из-за истощения и элементарной дистрофии, поразившей ленинградцев в первый год войны¹. Так, только в январе 1941 г. погибло от истощения 166 работников городской милиции, а более полутора сотен по болезни были временно нетрудоспособны, всего же погибших сотрудников в блокадном городе по различным при-

---

¹ОАИ ИЦ ГУ МВД России по г. СПб и ЛО.

чинам, по примерным подсчетам авторов, составило 1 236 человек [3, с. 108].

Ранее, приказом начальника Управления НКВД по Ленинградской области (УНКВД ЛО) от 7 сентября 1941 г. был сформирован Особый батальон из сотрудников милиции и госбезопасности в составе трех рот, которому предписывалась ежедневная трехчасовая боевая подготовка, а с 14 октября был определен конкретный план командирской подготовки один раз в неделю, по понедельникам, с 9 час. до 12 час. по 40-ка часовой программе, где на тактические занятия отводилось 12 час., на огневую подготовку – 20 час. и на физическую подготовку – 8 часов. Инспекторская проверка Особого батальона уже в конце ноября показала высокий уровень боевой подготовки личного состава по знанию материальной части оружия, огневой подготовки, овладению навыками штыкового боя, в том числе были отработаны боевые действия батальона в составе отделений и взводов на лыжах [5, с. 135–136]. Подготовка личного состава милиции для непосредственных боевых действий с врагом не терпела никаких изъятий и тут физической подготовке постоянно уделялось должное внимание. Весной 1942 г. в блокадном Ленинграде начали организовываться различные спортивные соревнования, что улучшало не только физическую подготовку, но и значительно повышало моральный дух защитников. После тяжелейшей зимы 1941–1942 гг. руководство УНКВД ЛО и ЛГМ озаботились физическим состоянием личного состава и возобновили работу всех райсоветов общества «Динамо», в соответствии с приказом Наркома внутренних дел от 15 мая 1942 г., в котором предлагалось развернуть прежде всего военизированные виды спорта, по понятным причинам. Несмотря на полученный отпор под Москвой, враг был силен и продолжал вынашивать планы захвата нашей Родины¹. В мае город опроверг предположение фашистов о «городе мертвых» в разбрасываемых ими листовках. 6 мая состоялся футбольный матч между футболистами «Динамо» и командой Балтийского флотского экипажа, затем состоялся знаменитый футбольный матч 31 мая 1942 г. между «Динамо» и командой «Н-ского завода», по некоторым свидетельствам, с трансляцией хода матча на передовую и 7 июня между теми же командами. Олицетворением блокадного спорта принято считать футбольный матч, 31 мая 1942 г. на стадионе «Динамо» в Санкт-Петербурге открыта мемориальная доска об этом спортивном состязании с именами футболистов, среди которых были и сотрудники милиции [2, с. 240, 249–250].

---

¹ОАИ ИЦ ГУ МВД России по г. СПб и ЛО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. Л. 220.

Приказом начальника УНКВД ЛО от 1 июня 1942 г. за № 174, до выборов были назначены руководители спортивного общества и райсоветов, в президиум Ленинградского Областного Совета (ЛОС) «Динамо» вошел и начальник ЛГМ, одновременно и заместитель начальника УНКВД ЛО Е. С. Грушко, который и возглавил III райсовет «Динамо», куда входили все подразделения ленинградской милиции. Приказ о составе III Совета «Динамо» и ревизионной комиссии Е. С. Грушко издал 7 июня 1942 г. за № 177, назначив своим заместителем майора милиции И. А. Аверкиева, заместителя начальника Управления ЛГМ, членов Совета в количестве пяти человек и членов ревизионной комиссии в количестве 10 человек. Также были назначены руководителями спортобществ всех подразделений городской милиции, как правило, их начальники и командиры. Перед всем командно-начальствующим составом Управления милиции города была поставлена задача по всемерному развертыванию и укреплению оборонной и спортивно-физкультурной работы с целью добиться действительной боеспособности всего личного состава, который бы отвечал требованиям, предъявляемыми Отечественной войной и особым положением г. Ленинграда – блокадой¹. Приказом от 9 июня 1942 г. за № 181 начальник Управления милиции Е. С. Грушко ввел физкультурно-оздоровительные зарядки с личным составом милиции г. Ленинграда. В приказе предписывалось в целях укрепления боевой подготовки, улучшения строевого и внешнего вида у личного состава милиции города во всех отделах управления, частях и подразделениях ЛГМ ввести ежедневные 10-ти минутные физкультурно-оздоровительные зарядки с личным составом. Начальники и командиры подразделений и частей должны были назначить время, исходя из условий работы, проводить зарядки как на воздухе, так и в чистых светлых помещениях, а также определить штатных и внештатных инструкторов по физкультуре для их проведения. Контроль за выполнением данного приказа возлагался на начальника отдела Службы и Боевой подготовки (ОСБП) капитана милиции Усоленко. К приказу прилагался подробный план проведения утренней оздоровительной физкультурной зарядки из трех разделов, в первом определялось проводить построение, расчет, ускоренный шаг с переходом на пробежку (бегом) 2–3 минуты, во втором разделе следовало разомкнуть строй, поделать несколько упражнений из комплекса ГТО I-й и II-й ступени (вольные движения) упражнений 8–10 с соблюдением правил движений для органов дыхания 10–12 минут. В последнем, третьем

---

¹ОАИ ИЦ ГУ МВД России по г. СПб и ЛО. Л. 220–221 об.

разделе, надлежало провести перестроение с построением в колонну с движением ускоренным шагом с переходом на медленный, успокаивающий 2–3 минуты [4, с. 152–153]. Анализируя архивные материалы блокадной милиции, авторы не перестают удивляться живучести и героизму обесцененных недоеданием, болезнями и фашистскими бомбардировками, и артобстрелами милиционеров, сотрудников УНКВД ЛО и просто жителей города-фронта, выполняющих непосильные задачи военного и блокадного времени с высокой эффективностью, в особенности после 1942 г., когда граждане стряхнули с себя «смертное время» и устремились к победе над врагом.

Партийная и комсомольская организации ЛГМ тоже не были в стороне от физкультуры и спорта. Так, на заседании парткома Управления милиции от 10 июня 1942 г. при рассмотрении состояния военной подготовки среди личного состава управления отмечались недостатки в работе III Совета «Динамо» и профсоюзной организации по слабому участию в военной работе, что помогало более предметно организовывать физическую подготовку личного состава. В приказе начальника УНКВД ЛО комиссара госбезопасности 3 ранга П. Н. Кубаткина от 30 ноября 1942 г. за № 397 «Об итогах участия Ленинградской организации «Динамо» во 2-м Всесоюзном массовом кроссе общества «Динамо» им. Л. П. Берия» отмечалось, что с 1 по 20 октября 1942 г. Ленинградская ордена Ленина организация спортивного общества «Динамо» приняла участие во Всесоюзном массовом кроссе, в котором приняло участие 14 476 чел., причем из милиции – 1 534 чел., которые заняли третье место и были награждены грамотой ЛОС «Динамо». С наступлением зимы проводились лыжные соревнования, в том числе и в противогазах, и с оружием, приказом начальника ЛГМ от 9 февраля 1943 г. «О проведении 4-х лыжных соревнований на первенство подразделений милиции города Ленинграда» ставилась цель проверки работы подразделений и частей милиции гор. Ленинграда по лыжной подготовке и выявлению лучших лыжников милиции, назначался оргкомитет под председательством заместителя начальника ЛГМ И. А. Аверкиева и судьи. В программу лыжных соревнований входило: прохождение зараженной зоны в противогазе, стрельба из винтовки на 15-ти километровой дистанции, преодоление изгороди высотой 100 см на 25-ти километровой дистанции, метание учебных гранат по окопу, зачет по топографии. Все участники разбивались по подразделениям на две группы, определялась бальная система оценок по каждому лыжнику и сумма за команду подразделения, которая состояла из шести человек, в командах допускалось участие членов семей сотрудников милиции. За призовые три места

подразделения награждались грамотами, участники, занявшие первые места – грамотами и ценными подарками.

Проведение физической подготовки, организация спортивных соревнований самой разной направленности значительно способствовали оздоровлению личного состава и всей моральной обстановки блокадного периода в подразделениях и частях городской милиции. Несомненно, что эта непростая работа в чрезвычайных обстоятельствах города-фронта способствовала повышению работоспособности работников милиции и активизации борьбы с преступностью. В 1943 г. руководству Управления милиции удалось справиться с захлестнувшим город в 1942 г. бандитизмом, снизив бандитские проявления с 645 в 1942 г. до 157 в 1943 г. с раскрываемостью 99,5 %, снизились проявления грабежей, убийств и краж¹. Показатели снижения преступности в 1943 г. зримо подтверждают благотворное влияние на служебные успехи сотрудников милиции грамотно организованной физической культуры и спортивных состязаний. В немалой степени это повлияло и на конечный результат деятельности Ленинградской городской милиции, которая 5 августа 1944 г. «За образцовое выполнение заданий Правительства в условиях Отечественной войны, за доблесть и мужество, проявленные личным составом...» была награждена орденом Красного Знамени.

Список литературы:

1. История российской полиции. Научный справочник – календарь памятных дат / [А. Н. Конев и др.]; под общ. ред. В. Л. Кубышко. М., 2018.
2. Ленинградская милиция в годы войны 1941–1945 гг. Ощущение времени. СПб., 2020.
3. *Панфилец А. В.* Органы и войска НКВД на Северо-Западе СССР в годы Великой Отечестве войны: монография. СПб., 2016.
4. *Панфилец А. В.* 900 дней и ночей Ленинградской милиции (к 300-летию образования полиции России): монография. СПб., 2021.
5. *Янгол Н. Г.* Органы внутренних дел Ленинграда в годы Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект): монография. СПб., 1998.
6. *Яров С. В.* Блокадная этика. Представление о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. М., 2012.

---

¹ОАИ ИЦ ГУ МВД России по г. СПб. и ЛО. Ф. 29. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 23–26.

Андрей Александрович Плеханов,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
научно-исследовательского центра
(фундаментальных военно-исторических проблем)
Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: yanus60@mail.ru

Взаимодействие Отдельного корпуса жандармов и Отдельного корпуса пограничной стражи на границе Российской империи в начале XX века

Аннотация

В статье рассматриваются совместные действия чинов Отдельного корпуса жандармов и Отдельного корпуса пограничной стражи по борьбе в политической контрабандой на границе Российской империи. Теоретическая основа исследования – принцип системности и сравнительно-исторический метод. Автор делает вывод о том, что несмотря на все усилия Отдельного корпуса жандармов и Отдельного корпуса пограничной стражи не удалось устранить в полном объеме эту угрозу внутренней безопасности России в начале XX в.

Ключевые слова и словосочетания: *Отдельный корпус жандармов; Отдельный корпус пограничной стражи; Российская империя; политическая контрабанда; политическая литература; агента.*

При рассмотрении вопроса о взаимодействии на границе Российской империи Отдельного корпуса пограничной стражи (далее – ОКПС) и Отдельного корпуса жандармов (далее – ОКЖ) надо иметь в виду, что каждое из этих формирований было исполнительным органом государственного управления, специальной службой и представляло собой государственный орган, обеспечивающий защиту национальных интересов и безопасности внутри страны. По мнению С. А. Воронцова: «Это наиболее острый инструмент государственной власти, обеспечивающий политическое руководство объективной информацией о существующих внутренних и внешних угрозах» [1, с. 15]. Несмотря на разницу в основной задаче, организации своей деятельности, структуре и численности они

решали одну общую задачу – «выявление ... при помощи негласных методов лиц, чей образ мыслей и деятельность, согласно существующему законодательству и традициям, представляли опасность для данного государственного строя и его официальных представителей, пресечение такового поведения» [3, с. 10], то есть обеспечение политической стабильности в Российской империи. Необходимо подчеркнуть, что она в свою очередь была частью проблемы обеспечения государственной безопасности, под которой следует понимать состояние устойчивости государства и его способность обеспечивать защиту основ политической, экономической и идеологической систем общества от внешних и внутренних угроз, а под политической стабильностью – способность политической системы функционировать и сохраняться длительное время без резких изменений.

На рубеже XIX–XX вв. в пределах семиверстной пограничной полосы задачи военно-пограничного надзора – охрана границы Российской империи в финансовом и полицейском отношении, несение карантинной службы возлагалась на Отдельный корпус пограничной стражи, учрежденный 15 октября 1893 г.¹ В 1901 г. Корпус состоял из Управления, Штаба, 7 округов, 31 пограничной бригады, 2 пограничных особых отделов, 116 отделов, 565 отрядов, 1 901 поста. По штату в ОКПС числилось: 21 генерал, 199 штаб- и 859 обер-офицеров, 77 медицинских и 31 ветеринарный врач, 26 классных фельдшеров и 36 348 нижних чинов. Они охраняли 13 677 верст (14 497 км) государственной границы Российской империи [5, с. 458].

Борьбой с революционным движением в Российской империи в основном занималось Министерство внутренних дел, в частности, Департамент полиции – главный орган управления политическим сыском, в руках которого исполнительной силой был Корпус жандармов (создан 28 апреля 1827 г., Отдельный – с 1875 г.). К 1914 г. ОКЖ включал: Главное жандармское правление, Штаб, 106 жандармских управлений, 32 управления железных дорог, 19 крепостных и 2 портовые команды, 3 дивизиона. 1 конную и 2 пешие команды, 27 строевых частей².

Весь штат жандармских органов России на 15 октября 1915 г. состоял из 15 470 человек, в том числе генералов, штаб- и обер-офи-

---

¹ Все даты приводятся по старому стилю.

² Список общего состава Отдельного корпуса жандармов, исправленный по 15 октября 1914 г. 1 и 2 части. Пг., 1914.

церов – 993, класных чиновников – 38, вахмистров – 653, унтер-офицеров – 11 753, трубачей – 12, рядовых – 1 668, нестроевых – 353¹.

Оба эти органа тесно взаимодействовали по нескольким направлениям в деле обеспечения государственной безопасности империи. Основными были борьба со шпионажем и пресечение провоза политической литературы на государственной границе. Мы рассмотрим второе из этих направлений.

В связи с активизацией подрывной деятельности различных политических партий, в службе чинов ОКПС постепенно выдвинулось направление, по своей значимости порой выступавшее на первый план – борьба с контрабандой политической литературы, что было одним из направлений повседневной деятельности чинов ОКЖ.

Большое внимание правящие круги царской России вынуждены были в конце XIX – начале XX вв. уделять не только противодействию внешним, но и внутренним угрозам, посягавшим на устойчивость общественного и политического (государственного) строя, или, другими словами, на государственную безопасность. Источниками (субъектами) опасности для России со стороны внутренних угроз были нелегальные политические, националистические партии, заговорщические организации (группы); агенты спецслужб и политические эмигранты зарубежных стран, действовавшие на территории России и имевшие за рубежом свои центры; отдельные лица, выступавшие в качестве террористов-одиночек.

В период первой буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. до февраля 1917 г. внутренние угрозы царскому режиму усилились многократно. На смену народничеству с его заговорщической тактикой приходит все усиливающееся революционное массовое рабочее движение, идеологическую основу которого составляли социал-демократические и коммунистические идеи. С образованием Российской социал-демократической рабочей партии и Партии социалистов-революционеров началась концептуально и программно продуманная, четко организованная деятельность по свержению царизма и установлению нового общественно-политического строя. Методами их деятельности являлись: агитация, пропаганда, террор, экспроприация и т. п.

В пограничной полосе все активнее стали действовать не только контрабандисты, но и члены различных революционных партий, что учитывалось при организации службы по пограничному надзору. Командир ОКПС – генерал от артиллерии А. Д. Свиньин при-

---

¹ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 4. Д. 127. Л. 3.

казал командирам бригад, расположенным на европейской границе, установить особо тщательный надзор за политической контрабандой, «чтобы со стороны всех без исключения чинов пограничной стражи прилагались все усилия и принимались все меры к предупреждению тайного проникновения такой контрабанды в наши пределы»¹.

Листовки и брошюры революционного содержания, предназначавшиеся в основном для рабочих фабрик и заводов, начали распространяться еще в конце XIX в. Так, в 1896 г. только в Петербурге полиция обнаружила около 3 тыс. экземпляров книг и брошюр. В 1900–1917 гг. нелегальная литература выпускалась в 11 заграничных революционных типографиях. Кроме РСДРП(б) издательской деятельностью занимались и другие российские политические партии и группы [6, с. 87]. Основное количество революционной литературы печатали в Польше (Домброве и Сосновицах) и доставляли в приграничные города из Варшавы. Особую активность в этом проявляли эсеры и социал-демократы. Видя в нарастающем революционном движении угрозу устоям самодержавия, царское правительство, наряду с различными запретами, ограничениями, усилением цензуры, стремилось закрыть на границе каналы поступления нелегальной литературы. И решение этой задачи возлагалось на жандармов и пограничников.

При получении информации о возможном водворении политической контрабанды охрану участка поста (отряда) усиливали, особенностью являлось то, что в состав засады по возможности привлекался жандармский офицер. «Инструкция службы чинов ОКПС» предписывала: «... если в числе задержанных товаров, до осмотра их в таможене, обнаружится присутствие печатных произведений, то таковая контрабанда вместе с ее водворителем должна быть сдаваема чинами Пограничной Стражи, на общих основаниях, в ближайшую таможеню, о чем офицер Пограничной Стражи вместе с тем сообщает ближайшему жандармскому офицеру», «если контрабанда задерживается по заранее полученному сведению о том, что она имеет политической характер, то контрабанда эта, по задержании ее, передается вместе с водворителем ближайшему к месту задержания жандармскому офицеру, безразлично Жандармского Полицейского Управления железных дорог или Губернского Управления» [4, с. 323]. Отрядных офицеров также обязывали «о всех без исключения сведениях об ожидаемом водворении, провозе или складе революционной контрабанды... без всякого замедления ... сообщить ближайшему

---

¹ Приказы, приказания и циркуляры по войскам ОКПС за 1908 г. СПб., 1909. С. 47.

жандармскому офицеру для совместного действия и принятия мер к задержанию таковой контрабанды и ее водворителей» [4, с. 323].

В интересах службы пограничники могли воспользоваться техническими средствами связи (телефон, телеграф), находящимися в губернских жандармских управлениях, жандармско-полицейских управлениях железных дорог и охранных отделениях ОКЖ. В свою очередь, жандармским чинам не воспрещалось при исполнении служебных поручений находиться в пограничной полосе, а пограничников обязали «оказывать жандармским чинам в случае надобности, по их заявлениям, возможное содействие»¹.

Пограничная стража, жандармерия и полиция внимательно следили за контрабандой политической литературы, анализировали новые ухищрения нарушителей, информируя друг друга о наиболее значительных задержаниях. Так, 18 июля 1905 г. при досмотре посылок, следовавших из Базеля, в складных картонных папках переплетной работы пограничники обнаружили отпечатанные на тонкой бумаге издания революционного характера. Об этом способе политической контрабанды командир ОКПС в своем приказе в 1905 г. проинформировал всех командиров бригад и заинтересованные ведомства².

В указаниях от 1 сентября 1906 г. начальник VI округа рекомендовал своим подчиненным «внушать чинам, чтобы они при своих разъездах по деревням обращали бы внимание, не распространяются ли там неизвестными лицами какие-либо антиправительственные брошюры» и об этом доносить командирам отрядов³. Следуя этим указаниям, пограничники неоднократно пресекали революционную пропаганду. Пограничные наряды первой и второй линий, особенно разъезды в деревнях, старались выяснить – не распространяют ли неизвестные лица какие-либо брошюры, не ведут ли среди населения антиправительственную агитацию, а в случае задержания нарушителей – доносили «командирам отрядов для сообщения местной полиции»⁴.

Однако главным средством борьбы с контрабандой политической литературы все же оставалась активная разведывательная работа через доносителей внутри страны и данные, поступающие из-за границы. «С целью борьбы с агентами большевистской и дру-

---

¹ Инструкция службы чинов Отдельного корпуса пограничной стражи. СПб., 1912. Ст. 1674. С. 284.

² Приказы, приказания и циркуляры по войскам ОКПС за 1905 г. СПб., 1906. С. 7.

³ Приказы по войскам ОКПС за 1906 г. СПб., 1907. С. 94.

⁴ РГВИА. Ф. 4888. Оп. 1. Д. 14. Л. 94.

гих партий и организаций, запрещенных в стране, а также для воспреещения препровождения политической литературы, оружия и боеприпасов, чинов ОКПС необходимо вовлечь в установленную по всей границе правильно распределенную и объединенную в своей деятельности пограничную агентуру...», – ставил задачу чинам ОКПС Шеф пограничной стражи – министр финансов, статс-секретарь В. Н. Коковцов [2, с. 207].

В соответствии с этими рекомендациями действовал командир Новоселицкого отряда 20-й Хотинской бригады ротмистр Н. Д. Черноглазов. На основе агентурных сведений о месте нахождения политической контрабанды 12 апреля 1901 г. вместе с жан-дармским офицером обыскал постоялый двор Д. Пекера и повозку австрийского гражданина И. Коша. Они нашли в мешке 191 экземпляр изданных за границей книг, запрещенных к ввозу в Россию. Командир корпуса отметил умелые действия ротмистра, который, «лично участвуя в секретах и принимая всевозможные меры к воспреещению проникновения контрабанды», не останавливался даже перед материальными затратами «для приобретения надежных доносчиков, что обеспечило успех дела»¹.

С началом первой русской революции поток контрабанды политической литературы резко возрос. Только на границе с Австро-Венгрией в 1904 г. задержали более 39 тыс. экземпляров запрещенной политической литературы. В изъятых брошюрах напечатанные статьи говорили сами за себя: «Программа русских пролетариев», «Наши требования», «Пролетарский праздник», «Песни революции», «Социалистические общества» и др.²

Самым «урожайным» по поимке политической контрабанды за всю историю ОКПС стал 1905 г. По данным, приведенным в годовом отчете, только на границе с Пруссией в 7-й Вержболовской бригаде – 24 331 экземпляров, в 14-й Ченстоховской – 12 185 и Австро-Венгрией: в 19-й Волочической – 15 873 и 20-й Хотинской – 18 152 экземпляра. Всего же проведено 54 задержания, произведено 7 выемок, задержано 32 проносителя, 23 пуда 36 фунтов, или 153 692 экземпляра листовок, брошюр, книг и другой политической литературы. За задержание политической контрабанды в 1905 г. в награду 232 нижним чинам ОКЖ и ОКПС выдали 2 392 руб.³ Только в июле

---

¹ Приказы и приказания по войскам ОКПС за 1901 г. СПб., 1902. С. 123.

² РГВИА. Ф. 4888. Оп. 1. Д. 8. Л. 126–127.

³ РГВИА. Ф. 4888. Оп. 1. Д. 9. Л. 138.

1905 г. ассигнования Департамента полиции составили 507 руб. для 45 пограничников (от 2 до 25 руб. каждому)¹.

За задержание запрещенной политической литературы чинов ОКПС по согласованию с Департаментом полиции, который выделял средства на эти цели и установил порядок и размер вознаграждения «на всей Европейской границе точно определенный и справедливый, сравнительно с другим обложением высокой пошлиной контрабандным товарам, размер вознаграждения и полагал возможным назначить 25 руб. за задержание политической контрабанды с проносителем и 10 руб. за задержание таковой без проносителя». Порядок поощрения нижних чинов Пограничной стражи был определен секретным циркуляром командира ОКПС № 7 от 11 апреля 1903 г. Департаментом полиции за задержание политической контрабанды в 1903 г. выдано в награду 81 нижнему чину ОКПС 631 руб., в 1906 г. 85 чинам – 795 руб., в 1907 г. 50 чинам – 432 руб., в 1908 г. 47 чинам – 360 руб. [6, с. 93]. В 1913 г. по соглашению Управления ОКПС с Департаментом полиции в течение года за задержания политической контрабанды выдано в награду 14 задержателям – нижним чинам 84 рубля².

Кроме материального поощрения, чины ОКПС и ОКЖ при поимке запрещенной литературы награждались орденами и знаками отличия. Так, Высочайшим приказом по ОКПС от 11 июля 1903 г. ротмистр Н. В. Зубов был награжден орденом Святой Анны 3-й степени «за сделанные им выдающиеся из ряда обыкновенных задержаний агентов по водворению политической контрабанды», а объездчик Г. Якунин – знаком отличия Ордена Святой Анны [6, с. 93]. В свою очередь, знаками отличия, установленными для нижних чинов ОКПС, награждались и чины Корпуса жандармов. Приказом командира корпуса № 123 в 1914 г. именными часами с надписью: «За отличную пограничную службу» за № 17 и 18 наградили жандармских унтер-офицеров Люблинского жандармского управления Павленко и Юхмана соответственно³.

Таким образом, министерства финансов и внутренних дел искали и находили формы и методы взаимодействия ОКПС и ОКЖ, разработали меры материального поощрения, постоянно совершенствовали нормативную базу для реализации их деятельности. В свою очередь, пограничники и жандармы предпринимали значи-

---

¹ РГВИА. Ф. 4888. Оп. 1. Д. 8. Л. 165.

² Годовой отчет по Отдельному корпусу пограничной стражи за 1913 год. Пг., 1914. С. 23.

³ Алфавитный указатель приказов, приказаний и циркуляров ОКПС за 1910–1915 гг. Пг., 1915. С. 42.

тельные усилия для борьбы с политической контрабандой на государственной границе, но этого было явно недостаточно для того, чтобы остановить распространение социалистических идей в Российской империи. ОКПС и ОКЖ, как органы исполнительной государственной власти, как специальные службы и как правоохранительные органы принимали самое непосредственное участие в обеспечении политической стабильности. Однако силовые структуры не смогли уберечь царский режим ни от нагнетания политической напряженности, ни от социального взрыва в феврале 1917 г. и свержения самодержавия в России.

Список литературы:

1. *Воронцов С. А.* Спецслужбы России. Ростов-на-Дону, 2006.
2. *Ежуков Е. Л.* Горячие окраины России: Исторический очерк. М., 2000.
3. *Измозик В. С.* Политический контроль и сыск – методологические аспекты // Политический сыск в России, история и современность СПб., 1997.
4. *Плеханов А. М., Плеханов А. А.* Отдельный корпус пограничной стражи на границе России (1893–1919). 4-е изд., перераб. и доп. М., 2018.
5. Пограничник. 1907. № 24.
6. *Симаков Г. Н.* Задержание политической контрабанды чинами Отдельного корпуса пограничной стражи в 1894–1914 гг. (Из хроники пограничной службы) // Политическая история России: прошлое и современность. Исторические чтения. Выпуск XI. «Городская, 2». СПб., 2013.

Валентина Игоревна Позднякова,
старший преподаватель
кафедры гуманитарных дисциплин
Владивостокский филиал
Дальневосточного юридического
института МВД России
E-mail: anitnelav1711@mail.ru

История органов внутренних дел в киноискусстве: опыт патриотического воспитания курсантов

Аннотация

В статье раскрывается воспитательный потенциал искусства в целом и киноискусства, в частности. Отмечается, что для решения актуальной, сложной, детерминированной профессиональной деятельностью задачи патриотического воспитания курсантов необходима ориентация учебного процесса на реализацию принципов воспитывающего обучения. Делается акцент на особой роли гуманитарных дисциплин в развитии личности обучающихся. Подчеркивается, что историческое игровое кино является эффективным средством патриотического воспитания при реализации исторических дисциплин. Представляется положительный опыт использования кинокартины «Рожденная революцией» (1974 г., режиссер Г. Р. Кохан) в рамках изучения дисциплины «История органов внутренних дел».

Ключевые слова и словосочетания: *сотрудник органов внутренних дел; патриотическое воспитание; история; киноискусство; воспитывающее обучение.*

Патриотическое воспитание сотрудников правоохранительных органов является классической стратегической задачей государства в целом и органов, осуществляющих функции управления в сфере внутренних дел, в частности. Однако современная геополитическая ситуация, вызовы и угрозы национальной безопасности придают этому направлению особую актуальность. Национальная безопасность – это одновременно и внешняя и внутренняя темы, поэтому фокус внимания государства должен быть равнонаправлен на них обеих. За отказ от одного развития в пользу другого приходится «расплачиваться», и в истории России есть тому печальные примеры. Патриотическое воспитание полицейского во многом детерми-

нировано особенностями профессиональной деятельности. Солдату правопорядка приходится блюсти «большое в малом», быть «честным в незаметном и случайном» [6, с. 5], ежедневно вести бой местного значения, любить и поддерживать Родину, чаще видя ее слабости и негативные стороны, чем силу и мощь.

Актуальность проблемы патриотического воспитания сотрудников органов внутренних дел подтверждается устойчивым интересом исследователей к этой теме, в том числе и историков. Регулярно выходящие монографии [1], статьи [9], учебные пособия [11], посвященные данной теме, позволяют говорить о том, что это одно из самых активно развивающихся направлений отечественной историографии.

Глубокое, стойкое, зрелое патриотическое сознание является одним из ключевых требований профпригодности к службе в российской полиции. В авангарде патриотического воспитания стоят образовательные организации МВД, кузницы кадрового обеспечения системы. Выполнение этой задачи включено во все направления их деятельности. Мощным воспитательным потенциалом, по-нашему мнению, обладает учебный процесс, особенно в части реализации дисциплин гуманитарного цикла. Полагаем, тот факт, что гуманитарные дисциплины несут на себе нагрузку по формированию мировоззрения, не требует дополнительной аргументации. Однако существует ряд условий, отсутствие которых делает воплощение этого субъект-конституирующего потенциала невозможным.

Во-первых, это осознание преподавателем, что перед ним стоит задача не только передать курсантам профессиональные знания и сформировать умения, но и развить их нравственный интеллект, патриотическое сознание, духовные качества и т. п. Во-вторых, это целенаправленная работа по созданию пространства со-бытийной общности, экзистенциального общения, встречи, смысловотворчества. Указанные требования предполагают ориентацию профессорско-преподавательского состава на реализацию принципа воспитывающего обучения, которая может быть обеспечена дидактическим материалом дисциплины, особой организацией деятельности, личностью преподавателя или самого курсанта, использованием случайных или сконструированных воспитывающих ситуаций.

Есть и третье условие, относящееся ко второму субъекту воспитания, обучающемуся: он должен быть способен и готов к восприятию и пониманию гуманитарного текста, основному средству реализации мировоззренческой и конституирующей функций гуманитарных дисциплин. И вот здесь мы сталкиваемся со сложной философско-психолого-педагогической проблемой. В силу широ-

кого спектра причин (клиповое мышление, когнитивная лень, сложности в понимании метафор, отсутствие потребности решать задачи на смысл, прагматизм, деграматизация и т. п.) современные молодые люди утратили способность работать со Словом: «не берут» его, не могут интерпретировать, его смысл для них «не слышится и не сбывается».

Полагаем, что одним из возможных средств обеспечения принципа воспитывающего обучения и подготовки курсантов к восприятию гуманитарного текста является использование педагогического потенциала искусства. Начнем с того, что искусство играет важную роль в системе поведения человека. Распространенной является точка зрения, что искусство призвано заражать слушателей, читателей, зрителей определенными чувствами. Однако против этого упрощенного взгляда на художественное творчество, исключительно как на «резонатор, усилитель и передаточный аппарат для заражения чувством» [3, с. 372], выступал гуру отечественной психологии Лев Семенович Выготский. Ученый в своей известной работе «Психология искусства» последовательно и аргументировано доказывал, что значение искусства кроется в его жизненном избыточном практическом воспитательном действии на человека, а именно в его способности не просто вызывать чувства, а «претворять и преодолевать их». «Страх, боль, волнение, когда они вызываются искусством, заключают в себе еще нечто сверх того, что в них содержится, и это нечто преодолевает эти чувства, просветляет их, претворяет их воду в вино, и таким образом осуществляется самое важное назначение искусства» [3, с. 372]. Искусство, утверждает психолог, позволяет сконденсировать индивидуальное чувство творца, сделать его общественным, социальным. Другими словами, оно, влияя не только на чувства, но и волю человека, позволяет ему пережить те жизненные явления, которых не было в жизни, прочувствовать то, что еще не чувствовал [3, с. 387]. Воспитывающее слово искусства, «веское и решающее», проявляется в том, что оно «требует ответа, побуждает к действиям и поступкам» [3, с. 391]; «расширяет личность, обогащает ее новыми возможностями», предрасполагает к определенному поведению [3, с. 401]. Педагогическое воздействие искусства на человека, тонкое и сложное, подобно прививке: организует поведение человека на будущее, предстает как «установка вперед», заставляющая его «стремиться поверх жизни, к тому, что лежит за нею». Эта установка может сказаться когда-нибудь совершенно необыденно, хотя в немедленном действии она может не получить своего осуществления [3, с. 394].

Согласившись и взяв в качестве аксиомы представленную точку зрения великого психолога, мы остановим свое внимание на воспитательных возможностях одного из видов искусства, а именно киноискусства. Кино практически сразу после своего рождения завоевало и продолжает удерживать статус одного из самых мощных средств воздействия на человека. По меткому выражению французского философа Жюль Делёза кино – это «духовный автомат», очень мощный, который в силу особенности кинематографического образа способен самостоятельно «совершать» движение и делать то, «чего другие виды искусств лишь требуют (или о чем говорят)», «вбирает в себя сущность прочих искусств, становится их наследником, использует образы другого рода в собственном режиме, наделяет мощью то, что было лишь возможностью» [4, с. 238].

Действительно, силу воздействия киноискусства на человека можно объяснить тем, что оно носит синкретический и массовый характер. Во-первых, в восприятии кино участвуют как зрительный, так и слуховой каналы. В результате, здесь снова обратимся к Ж. Делёзу, возникает «шоковая волна или вибрация нервов, о которых мы больше не можем сказать «я вижу, я слышу», но говорим: я чувствую, а это уже «целостное физиологическое ощущение» [4, с. 239]. Второй важный аспект синкретизма кино связан со своеобразным, только ему присущим сцеплением семиотических элементов (Ю. М. Лотман) или множеством обертонов образов (Ж. Делёз). Юрий Михайлович Лотман и Ж. Делёз в своих работах подчеркивают, что кинематограф говорит со своим зрителем многими голосами, которые образуют сложнейшие контрапункты или образы: образ – движение (человек и движение), образ – время (человек и время), образ – действие (человек и поступок), образ – переживание (человек и его внутренний мир, человек и пространство). Именно эта «совокупность разнообразных интеллектуальных и эмоциональных структур», по-мнению Ю. М. Лотмана, «оказывает на человека сложное воздействие – от заполнения ячеек его памяти до перестройки структуры его личности» [7]. Резюмируя указанные идеи философов, мы приходим к выводу, что воспитательный потенциал киноискусства заключается в том, что оно через воздействие на эмоциональную сферу позволяет проникать в сознание человека (интеллектуальную, волевою, экзистенциальную сферы), причем, вспомним метафору В. М. Бехтерева, не с «парадного хода, а как бы с заднего крыльца, минуя сторожа – критику». Кинематограф говорит со своим зрителем, соединяя чувства, ум, волю и веру, создавая вибрацию нервов «рождает мысль, кинематографическое СОGITO, целое как субъект» [4, с. 239], то есть «говорит и требует, чтобы его понимали» [7].

На силу и эффективность воздействия кинематографа на человека, источником которых является массовость и доступность этого вида искусства, в свое время емко указал В. И. Ленин, отдавая ему ключевую роль в деле создания «нового человека». «В эпоху всеобщей безграмотности кино является важнейшим из искусств» – формула, которая не потеряла своей актуальности и сегодня. Мы уже отмечали факт «сложных отношений» современного молодого человека с гуманитарным текстом, со Словом. Полагаем, что в этих условиях экранный язык, доступный практически каждому, при грамотном педагогическом руководстве может выступить посредником между обучающимся и научным, философским текстом, дать последнему шанс быть понятым и принятым. Подтверждение этой мысли находим у Ж. Делёза – философ подчеркивает, что кино в отличие от классического философского текста дает не только логическую или абстрактную возможность мыслить, но и притягивает на то, чтобы дать способность, потенцию к этому. «Кино словно говорит нам: со мной, с образом-движением, вы не сможете избежать шока, который пробудит в вас мыслителя» [4, с. 238].

Следует отметить, что осмысление воспитательного потенциала киноискусства началось в нашей стране в 1920-х гг. XX в. и осуществлялось философами (Ю. М. Лотман и др.), режиссерами (Л. Кулешов, В. Пудовкин, Д. Ветров, великий С. М. Эйзенштейн, А. П. Довженко и др.), медиапедагогами (С. Н. Пензин, Ю. Н. Усов, А. В. Федорова, Л. М. Баженова и др.). В частности, Сталь Никанорович Пензин, родоначальник движения медиаобразования в России, настаивал, что «жизнь каждого человека проходит под знаком кино», что обладая совокупностью воспитательных воздействий (нравственное, эстетическое, патриотическое), кино способствует не только пониманию человека, но и развитию его личности [8, с. 145–148].

Помимо указанных общих характеристик киноискусство как средство воспитания обладает еще одним качеством, особо интересным для исторических дисциплин, особенно в части развития патриотического сознания обучающихся. Согласно культурно-историческому подходу кино (имеется в виду историческое игровое) является инструментом выражения культурной и исторической памяти, инструментом более ярким и впечатляющим (нередко, к сожалению), чем исторические научные труды. Другими словами, исторический фильм может быть в определенном смысле историческим источником или, как выразился французский историк М. Ферро, «фактором истории». Подходя к изучению кинопроизведения с вопросами, связанными со временем его создания, затронутыми в нем социальными и политическими темами, создаваемыми

и используемыми мифами, мы можем осмыслить события прошлого, получить новую информацию о прошлом, опыт определенного видения истории [10]. Подчеркнем, что под историческим игровым фильмом мы, вслед за Е. В. Волковым и Е. В. Понамаревой, понимаем «костюмный» фильм, повествующий о прошлом, сюжет которого основан на реальных событиях и персонажах. Согласно классификации, данной этими же исследователями, выделяют два типа исторических кинокартин. К первому относятся ленты, создатели которых пытаются приближенно к фактам представить реальные исторические события и/или жизнь и деятельность реальных исторических личностей. Фильмы второго типа изображают вымышленных героев, но участвующих в реальных исторических событиях [2, с. 23].

В качестве примера использования исторического игрового кино в целях патриотического воспитания курсантов при реализации дисциплины «История органов внутренних дел» представим опыт просмотра многосерийного фильма «Рожденная революцией» (1974 г., режиссер Г. Р. Кохан). Отметим, что учебная дисциплина «История органов внутренних дел», осуществляя специальную историческую подготовку курсантов, несет особую воспитательную нагрузку. Многовековой исторический опыт развития российской полиции и советской милиции призван показать будущим солдатам правопорядка, что несмотря на противоречивость, неоднозначность, сложность, порой трагичность своего пути, правоохранительные органы, часто вопреки нежели благодаря обстоятельствам, были достойны высокому наказу Петра I «быть душой гражданства и всех добрых порядков, и фундаментальным подпором человеческой безопасности и удобства». История органов внутренних дел – это не только и не столько история структуры, сколько история людей, сердце, совесть и честь которых не позволяли им оставаться равнодушными к беде другого, к насилию, воровству, беззаконию; людей, гордившихся своей профессией и отдавших жизнь служению долгу: защите Закона, Отечества, Человека.

Наглядный положительный пример профессионального и личностного становления сотрудника уголовного розыска в очень сложный период в истории нашего государства представлен в многосерийном фильме «Рожденная революцией». Литературную основу картины составил роман А. П. Нагорного и Г. Т. Рябова «Повесть об уголовном розыске». В течение 10 эпизодов генерал-лейтенант милиции Н. Кондратьев вспоминает о своей работе в уголовном розыске. Через его биографию показана история советского уголовного розыска, начиная с рождения службы в 1917 г. до 70-х гг. XX в.

Следует отметить, что фильм имеет документальную основу: описанные преступления и их раскрытия, упоминаемые нормативно-правовые акты – реальны. Более того создатели фильма обладают так называемым чувством истории: способностью находить и акцентировать внимание зрителя на основном звене исторического события, понимать и представлять психологию и мотивы поступков исторических лиц. Благодаря этому образы прошлого, показанные в картине, приобретают необходимые для патриотического воспитания глубину и достоверность.

Педагогический потенциал кинокартины «Рожденная революцией» проявляется в том, что она является транслятором с одной стороны знаний о прошлом, с другой – культурной и исторической памяти, с третьей – образцов поведения и идеалов. При грамотном использовании в учебном процессе, выраженном в умелом педагогическом сопровождении просмотра, данный фильм становится тем «духовным автоматом», который вдохновляет курсанта; вызывает сопереживание; актуализирует личностные смыслы профессиональной деятельности; помогает в интерпретации и понимании исторических фактов, научных и учебных текстов; оживляет знания и представления о долге, чести, служении, патриотизме сотрудника полиции. Задачи на смысл, духовные вопросы, нравственные дилеммы, личные трагедии, которые приходится решать и переживать героям, адресуются и экзистенциальной сфере курсанта – «а готов ли я пожертвовать своими интересами ради другого, ради страны», «как бы поступил я» и т. п. Встреча с фильмом, таким образом, является одной из трех ситуаций (наряду с критическими перестройками и личностными вкладами [5, с. 262–266]), в которых может происходить процесс смысловотворчества. Воспитательное воздействие вызываемого просмотром сопереживания ориентировано на будущее, на безболезненное непринужденное, деликатное, катарсическое развитие и обогащение форм осмысления курсантом действительности.

В заключение еще раз обратим внимание на ключевые положения статьи. Патриотическое воспитание сотрудников органов внутренних дел является фактором обеспечения национальной безопасности России, прежде всего в части предотвращения внутренних угроз. Профессиональная деятельность правоохранительных органов имеет ряд особенностей, которые детерминируют предъявляемые требования к подготовке личного состава, в том числе и в направлении развития патриотического сознания. Практическое решение этой сложной задачи в большей степени возложено на образовательные организации МВД, кузницы кадрового обе-

спечения системы. Учебный процесс, как основной вид деятельности курсантов, обладает особым воспитательным потенциалом, для реализации которого необходимо воплощение принципа воспитывающего обучения: целеполагание и создание особого пространства, стимулирующего смыслотворческую деятельность. Эффективным средством актуализации личностных смыслов и развития патриотического сознания курсантов при изучении исторических дисциплин является киноискусство. Особенности этого вида искусства, его синкретический и массовый характер позволяют эффективно воздействовать одновременно на эмоциональную, интеллектуальную, волевую и экзистенциальную сферу воспитываемого, тем самым деликатно открывая его для себя, развивая, обогащая и подготавливая его к будущей тяжелой, но очень необходимой профессиональной деятельности: к служению России и Человеку через служение Закону.

Список литературы:

1. *Бакшуттов С. Н., Орнацкая Т. А., Шабельникова Н. А.* Дальневосточная милицейская школа в государственной системе профессионального образования (1918–2011). Владивосток, 2017.
2. *Волков Е. В., Пономарева Е. В.* Игровое кино как исторический источник для изучения культурной памяти // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 10 (269). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovoe-kino-kak-istoricheskiy-istochnik-dlya-izucheniya-kulturnoy-pamyati> (дата обращения: 14.03.2023).
3. *Выготский Л. С.* Психология искусства. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016.
4. *Деллэз Ж.* Кино. М., 2004. URL: <http://yanko.lib.ru/books/philosoph/deleuze-cinema-ru.pdf> (дата обращения: 12.03.2023).
5. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 2003.
6. *Лихачев Д. С.* Письма о добром и прекрасном. М., 2020.
7. *Лотман Ю. М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин, 1973. URL: <http://lib.ru/CINEMA/kinolit/LOTMAN/kinoestetika.txt> (дата обращения: 11.03.2023).
8. *Пензин С. Н.* Кино как средство воспитания. Воронеж, 1975. URL: https://mediaeducation.ucoz.ru/_ld/1/135__1973.pdf (дата обращения: 11.03.2023).

9. *Усов А. В.* Формирование патриотического сознания в молодежной среде современной России: основные направления и методы // *The Newmanin Foreign Policy*. 2019. № 51–1 (95).

10. *Ферро М.* Кино и история // *Вопросы истории*. 1993. № 2. URL: <https://refdb.ru/look/2168781.html> (дата обращения: 11.03.2023).

11. *Шабельникова Н. А., Милежик А. В., Усов А. В.* Формирование системы профессионального образования сотрудников органов внутренних дел на Дальнем Востоке России : учебное пособие. Владивосток, 2020.

Игорь Анатольевич Потёмкин,
начальник отдела по изучению
проблем истории МВД России
научно-исследовательского центра
Академия управления МВД России
E-mail: igor.potiomkin@yandex.ru

Роль войск НКВД СССР по охране железных дорог в борьбе с националистическими формированиями на западных рубежах Советского Союза в 1944–1945 гг.

Аннотация

В статье автор освещает основные черты боевой работы соединений и частей войск НКВД СССР по охране железных дорог в третий период войны (1 января 1944 – 9 мая 1945 гг.) в Западной Украине, Западной Белоруссии и Прибалтике против бандитских националистических формирований. Специфика войск НКВД по охране железных дорог во время войны предполагала защиту железнодорожной инфраструктуры во всех видах боя и всем ее многообразии, включая деятельность отдельных частей бронепоездов (БЕПО). Особенность последнего этапа войны для этих войск на территории западных рубежей СССР заключалась уже не в непосредственном участии боевых действий, но активном противодействии бандитским вылазкам на тыловых коммуникациях Красной Армии, прежде всего железнодорожной инфраструктуры, обеспечением безопасности перевозки воинских грузов железнодорожным транспортом, ее бесперебойному функционированию. Объем охраняемых железнодорожных объектов, на которые совершали нападения и диверсии как немецкие диверсанты, так и националистические банды, значительно вырос.

Ключевые слова и словосочетания: Великая Отечественная война; войска НКВД по охране железных дорог; управление войсками; дивизия; полк; батальон; бронепоезд; националистические формирования; бандеровские организации; бандгруппы и отряды; дислокация; боевая деятельность; десантно-маневренные группы.

Деятельность Красной Армии, войск НКВД СССР и различных вооруженных формирований в годы Великой Отечественной войны – для историка неиссякаемый источник исследования. Недостаточно, например, освещены целые направления служебно-опера-

тивной деятельности и боевой работы войск НКВД СССР по охране железных дорог, занимающие в структуре народного комиссариата внутренних дел свою уникальную нишу, на разных этапах войны, в том числе и в борьбе с националистическими формированиями на западных рубежах СССР.

О борьбе с украинскими и прибалтийскими бандформированиями националистического толка войск НКВД СССР на третьем этапе войны, в 1944–1945 гг. на сегодняшний день представлено достаточно исторических исследований. Но это касается в первую очередь внутренних и пограничных войск. Логично, что на Западной Украине основная тяжесть борьбы с националистическими организациями ОУН-УПА легла на Украинский округ внутренних войск НКВД СССР, сформированный в 1943 г. В целях усиления этого округа весной 1944 г. с Северного Кавказа было переброшено четыре стрелковые бригады, кавалеристский полк, Орджоникидзевская и Сухумская стрелковые дивизии, танковый батальон и шесть отдельных стрелковых батальонов. Общая численность переброшенных войск составила достаточно внушительную цифру – 28 247 человек. К середине 1944 г. в состав округа входили: две стрелковые дивизии, девять стрелковых бригад, танковый батальон, кавалерийский полк и подразделения обеспечения с общей численностью 33 591 человек.

С весны по осень 1944 г. происходило восстановление окружной системы погранвойск на западном, юго-западном и северо-западном направлении. Пограничные войска НКВД СССР на Западной Украине, участвующие в борьбе с ОУН-УПА, были организованы в Управление пограничных войск НКВД с дислокацией в г. Львов, формирование которого началось в мае 1944 г.; Управление пограничных войск НКВД Прикарпатского округа с дислокацией в г. Станислав, созданного в августе 1944 г. Уже после окончания войны, в августе 1945 г. Прикарпатский округ был переименован в Закарпатский округ пограничных войск. В Украинский округ погранвойск для усиления борьбы с бандеровцами было передано общевойсковое формирование – 42-й мотострелковый полк.

В апреле 1944 г. с основной целью на этом этапе борьбы и ликвидации разного рода националистических формирований в Белоруссии был создан Белорусский округ внутренних войск НКВД СССР в составе двух мотострелковых дивизий войск НКВД, отдельного стрелкового полка и подразделения обеспечения. Штаб округа находился в г. Гомель. Немного позднее в округ была передана еще одна стрелковая дивизия войск НКВД.

Приказом наркома внутренних дел СССР в апреле 1944 г. было сформировано Управление пограничных войск НКВД Белорусского округа с дислокацией сначала в Смоленске, затем в Минске. Пограничные части округа принимали активное участие в ликвидации антисоветских националистических формирований на территории Западной Белоруссии.

Для осуществления оперативно-боевой деятельности на территории прибалтийских республик в декабре 1944 г. был создан Прибалтийский округ внутренних войск НКВД СССР с дислокацией в освобожденной Риге. Части округа участвовали в подавлении националистических бандформирований на территории Прибалтики. В нейтрализации националистических группировок в Литве – членов литовского национального фронта, вооруженных банд, состоящих из поляков (в советских военных документах их называли белополяками) активное участие принимали части Литовского пограничного округа НКВД. В Латвии против националистов, в том числе известной националистической организации «Айзсарги», действовали пограничные части Управления пограничных войск Латвийского округа НКВД.

Самые масштабные боевые действия против националистических бандформирований развернулись на Западной Украине, поэтому кроме внутренних войск и пограничных войск НКВД, к проведению операций привлекались Ленинградское, Орджоникидзево, Саратовское военные училища, Краснознаменная военно-политическая школа имени К. Е. Ворошилова, части отдельной дивизии им. Ф. Э. Дзержинского. Из состава НКВД были привлечены и конвойные части, которые помимо конвоирования преступников, взаимодействуя с оперативными частями НКВД в ходе оперативно-боевых операций, также проявляли мужество, стойкость и героизм.

Но никто не заострял свое внимание на том, что в борьбе с националистическими формированиями на Западной Украине, Западной Белоруссии и в прибалтийских республиках активное участие принимали также *войска НКВД по охране железных дорог*, на боевой деятельности которых и будет сосредоточено внимание в статье. Участие этих войск в Великой Отечественной войне, в том числе в борьбе с националистическими формированиями и бандгруппами, до сих пор в исторической литературе было освещено крайне скудно. На 1 января 1944 г. эти войска имели в своем составе 12 дивизий, пять бригад, 52 полка, 11 отдельных батальонов, 23 отдельных бронепоезда, два отдельных дивизиона бронепоездов, 18 школ офицерского и сержантского состава, 18 узлов связи. «Под охраной войск находилось 3 809 объектов (в том числе 847 – на дорогах,

освобожденных от противника), из них: 2 399 железнодорожных мостов и тоннелей, 531 станционный объект, 710 грузовых парков, 153 шоссейных моста и 16 складов Управления военного снабжения» [1, с. 285]. В 1945 г. охраняемых объектов стало еще больше. «На 1 января 1945 г. войска охраняли и защищали 3 925 объектов. Это количество было возложено на 2 961 гарнизон. В состав войск теперь уже входило: 13 соединений (дивизий), четыре бригады, 60 полков по охране железных дорог, восемь отдельных батальонов с правами отдельной части, три отдельных маневренных группы, 23 БЕПО, два отдельных дивизиона бронепоездов, 18 школ для подготовки сержантского состава и столько же узлов связи, а также две отдельные строительных роты, которые на наиболее важных участках наступления восстанавливали железнодорожное полотно» [2, л. 30].

Особо надо отметить боевые действия бронепоездов НКВД. Это была мощная сила. Войска НКВД по охране железных дорог в 1944–1945 гг. по штатному расписанию уже имели *отдельные* части бронепоездов (БЕПО). «В третьем периоде войны использование бронепоездов, окончательно превратившихся в самостоятельную мощную силу, давало армейским частям уже не только тактическое, но и оперативное преимущество перед противником в ходе ведения боевых действий. Особенностью этого периода являлось то, что бронепоезда были также задействованы в уничтожении националистических бандформирований в первую очередь на Западной Украине. В одном строю с военнослужащими гарнизонов войск НКВД по охране железнодорожных сооружений бронепоездники очищали от бандгрупп и националистов освобожденные от фашистского ига западные территории СССР» [2, л. 130].

По мере освобождения оккупированных территорий под охрану войск НКВД по охране железных дорог были приняты объекты еще на 17 железных дорогах. К концу 1944 г. на территориях, подверженных бандитским вылазкам националистических формирований, – Львовской, Винницкой, Ковельской, Брест-Литовской, латвийской и литовской железных дорогах действовали 16 бронепоездов войск НКВД. На 15 из них были сформированы десантно-маневренные группы, по 134 бойца в каждой. Именно они составляли ударную силу по выявлению и уничтожению националистических в первую очередь бандеровских отрядов и групп.

Особенностью этого периода являлось то, что бронепоезда войск НКВД, помимо прямого участия в боевых действиях Красной армии, стремительно наступающей и перешедшей границу Советского Союза, были также задействованы в их уничтожении в первую очередь на Западной Украине, а также в западной части

Белоруссии и Прибалтике. В одном строю с военнослужащими гарнизонов войск НКВД охраны тыла действующей армии и внутренними войсками, войска НКВД по охране железных дорог, включая личный состав бронепоездов, очищали от бандгрупп и националистических формирований освобожденные от фашистов западные территории СССР. Важность преодоления проблемы активности бандитского подполья, которое совершало диверсии на железнодорожной инфраструктуре, определяла потребность в задействовании войск по охране железных дорог в силу того, что роль последних в третий период войны существенно возросла вслед за увеличением протяженности дорожных коммуникаций и расширением инфраструктуры.

В соответствии с совершенно секретным приказом от 28 июля 1944 г. начальника войск НКВД СССР по охране железных дорог генерал-лейтенанта Т. Ф. Филиппова на усиление прифронтовых железных дорог на западном направлении были переброшены: 25-й БЕПО на станцию Барановичи Брест-Литовской железной дороги, 53-й БЕПО на станцию Молодечно Белостокской железной дороги, 24-й БЕПО со стрелковой ротой 100 человек на станция Вильнюс Литовской железной дороги, 23-й БЕПО на станцию Западная Двина Латвийской железной дороги, 73-й БЕПО на станцию Ровно Ковельской железной дороги, 46-й БЕПО на станцию Тернополь Львовской железной дороги¹.

Боевая летопись войск НКВД по охране железных дорог полна примеров мужества военнослужащих и грамотной организации мероприятий, направленных на борьбу с бандами и националистическими формированиями на западных рубежах Советского Союза, в том числе украинских националистов, имевших опыт ведения боевых действий в составе дивизий СС. В первую очередь это касается членов ОУН-УПА. Самый кровавый след оставили подчиненные Степана Бандеры. Приведем несколько примеров умелых действий личного состава частей и подразделений войск НКВД по охране железных дорог на Западной Украине и в Прибалтике. Так, 22 ноября 1944 г. группе личного состава БЕПО-78 с целью выявления бандформирования была поставлена задача на проческу Хорувского леса в Ровенской области с востока на запад в направлении хутора Дембино. Выполняя поставленную задачу, командир БЕПО-78 капитан Загородний утром 22 ноября 1944 г. на исходном положении восточнее опушки леса отдал приказ отряду под руководством лейтенанта Ковалева на начало движения по лесу в составе пяти

---

¹РГВА. Ф. 38261. Оп. 1. Д. 113. Л. 101–101 об.

групп по 8–12 человек каждая. Группа старшего сержанта Лебедева из этого отряда обнаружила в лесу две землянки и горящий костер, на котором в большом котле готовилась пища. Возле землянок и в стороне мелкими группами было до 40 человек в смешанной форме одежды с партизанскими знаками на головных уборах. Старший сержант Лебедев приказал своей группе открыть огонь из автоматов и одновременно начать обходить землянки с флангов. Бандиты ввиду интенсивного огня и действий на окружение не оказали никакого сопротивления и бежали в густые заросли. Последним выскочил из землянки главарь этой группы «Витер», который тут же был убит. В результате осмотра землянок было обнаружено три автомата, три винтовки, около 2 тысяч винтовочных патронов немецкого образца, обмундирование, продукты питания и сумка с документами, в числе которых оказался совершенно секретный приказ начальника НКВД по Ровенской области, сообщение о проведении нападения в селе Хорув на военную автоколонну вечером 21 ноября 1944 г., а также контрреволюционные листовки. Осмотр убитого главаря банды старший сержант Лебедев произвел лично и обнаружил винтовку, разобранный затвор к ней и документы, из которых установлено, что убитый бандит по кличке «Витер» родился в 1925 г., окончил спецшколу старшин и являлся руководителем группы УПА. Остальные поисковые группы, прибыв на сборный пункт к хутору Дембино, услышав частую стрельбу, немедленно отправились на поиски оторвавшихся военнослужащих группы и прибыли к месту расположения землянок. Командир БЕПО-78 капитан Загородний, получив донесение от старшего сержанта Лебедева, с группой в 30 человек также выступил на поддержку его отряда и прибыл в лагерь бандгруппы в 15 часов. После завершения осмотра лагеря, землянки были уничтожены путем сожжения¹.

Проведение таких операций было сопряжено с опасностью вступление в боестолкновение с многочисленным противником на освобожденной территории, численностью националистических отрядов в 1944 г. в среднем по 100–300 бандитов каждый. Так, 5 октября 1944 г. командиру 73-го отдельного БЕПО из Каменско-Бугского РО НКВД поступила информация о том, что в 13 км северо-восточнее станции Сапезанка Ковельской железной дороги остановилась на ночлег банда бандеровцев, численностью 150–200 человек. Командиром 73-го БЕПО с приданной десантной группой и истребительным отрядом РО НКВД была произведена операция по окружению и прочесыванию села Селец-Беньково, в результате

---

¹РГВА. Ф. 38276. Оп. 1. Д. 10. Л. 2–5.

которой 11 бандеровцев были задержаны, 12 сдались в плен и трое сгорели во время пожара дома¹.

Надо отметить, что националистические формирования на Западной Украине в первую очередь самые мощные и жестокие из них – бандеровские, до конца войны пользовались поддержкой определенной части сельского населения, связанного с националистическим движением организованной теневой структурой еще с довоенного времени. В силу этого они были мобильны и продолжали представлять из себя опасную силу противостоения. Многие из них до этого воевали в эсэсовских частях фашистской Германии, либо проходили обучение в разведшколах немецкой разведки «Абвер», но «фирменным» почерком всех оставалось не только террористические акты против представителей местной советской и партийной власти, но и осуществление карательных экспедиций и рейдов против мирного населения на территориях Украинской и Белорусской ССР.

Не менее остро проблема подрывной деятельности местных националистических группировок в 1944–1945 гг. проявляла себя на территории прибалтийский республик Советского Союза: Латвийской, Литовской и Эстонской ССР.

Так, по данным начальника Резекненского оперативного сектора подполковника госбезопасности Якушева, начальника ТО НКГБ подполковника Кургина и начальника УНКВД подполковника Радионова в Гайголовской, Дрицанской, Мокашанской волостях Резекненского уезда и на Утренской, Корсавской, Медзенской волостях Лудзенского уезда Латвийская ССР в течение октября, ноября и декабря месяца 1944 г. зарегистрировано несколько случаев убийства работников советского и партийного актива, работников НКГБ и НКВД, бойцов и офицеров Красной Армии, причем количество убийств с течением времени возрастало. Работниками НКВД и НКГБ было установлено, что в перечисленных выше волостях формировались бандитские группы из числа активных членов Латышской националистической партии «Айсбергов» и бывших полицейских-коллорабационистов. Руководители группировок с целью вовлечения в банду большого числа лиц, преимущественного латышской национальности и главным образом не желавших служить в Красной Армии, вели агитацию в пользу прихода в Латвию шведов, англичан и возвращения немцев.

Руководствуясь данными органов НКВД и НКГБ и результатами проведенных операций было определено, что бандитские груп-

---

¹РГВА. Ф. 38261. Оп. 1. Д. 109. Л. 168.

пы находились на указанных территориях в стадии своего первоначального формирования и действовали мелкими разрозненными отрядами численностью 10–30 человек. Для ликвидации бандформирований приказом начальника Резекненского оперативного сектора Якушева № 01 от 12 января 1945 г. был привлечен 23-й отдельный бронепоезд НКВД (БЕПО). За период с 12 по 24 января 1945 г. личным составом 23-го БЕПО проведены операции в Дрицанской и Карсовской волостях, на станциях Резекне, Резекне-2, Лудза, Зелупе, Абрена. В результате умелых действий бронепоездников были задержаны 50 бандитов и их пособников в Дрицанской и Карсовской волостях, из числа которых в результате применения оружия два активных участника формирования при оказании с их стороны сопротивления были ранены. Все задержанные были направлены в органы НКГБ для привлечения к уголовной ответственности за бандитизм. В районе станции Межведи в результате операции задержана группа из шести членов бывшей Латышской националистической партии «Айсбергов», участников массовых расстрелов советских граждан и военнопленных, проводивших антисоветскую агитацию среди рабочих железнодорожного транспорта и местного населения. В числе пойманных был изобличен главарь группы Свиланс Петерс. При проведении облавы на станции Резекне, Резекне-2, Лудза, Абрене задержано 112 человек, по данным ТО НКГБ станции Резекне, из них – три бандита, занимавшихся грабежом на станции и в городе Резекне, 13 человек, уклонявшихся от службы в Красной Армии, два человека дезертира промышленности, 60 человек без документов, большая часть из которых оказалась националистами¹.

Необходимо отметить, что планирование и реализация мероприятий, направленных на выявление и задержание участников антисоветских группировок, действовавших на территории Прибалтики после изгнания фашистов, по своему содержанию были сложными процессами, требовавшими достижения высокой степени координации задействованных сил и средств. Применение экипажей БЕПО и десантно-маневренных групп, высаживавшихся из броневагонов, требовало учета преимуществ использования огневой мощи бронепоездов и недостатка их зависимости от железнодорожных путей. В донесении командира 30-го отдельного бронепоезда НКВД капитана Пенкина от 24 января 1945 г., адресованного командиру 14-й дивизии войск НКВД СССР по охране железных дорог, штаб которой располагался в г. Вильнюс, на основе практиче-

---

¹ РГВА. Ф. 38286. Оп. 1. Д. 267. Л. 38–39 об.

ской служебно-боевой деятельности БЕПО с десантно-маневренной группой были раскрыты проявления недостатков в организации такой работы.

В частности, отмечалась нецелесообразность заброски отдельных бронеплощадок для дежурства или курсирования на участках сроком более 3–5 суток ввиду того, что дробление ДМГ не позволяло полностью обеспечить личным составом проведение операций по захвату бандитских формирований, поскольку хуторская система прилегавших к железнодорожным участкам населенных пунктов требовала привлечения значительного числа людей, а оторванность от основной базы на длительное время в большой мере затрудняло материально-техническое и продовольственное снабжение, вызывало трудности в организации питания личного состава. Практика показала, что эффективное использование бронепоезда для поддержки гарнизонов по охране объектов охранявшихся железных дорог было возможно исключительно при наличии своевременно переданных точных и полных оперативных данных, что обуславливало необходимость повышения качества сведений об обстановке, предоставляемых органами НКВД-НКГБ командирам БЕПО, а также усиления взаимодействия при проведении операций по разгрому националистических формирований и бандгрупп¹.

В своих выводах командир 30-го отдельного бронепоезда основывался на обширном служебно-боевом опыте, полученном экипажем в ходе выполнения задач по выявлению и задержанию криминальных элементов и националистов. Укажем для примера, что только с 1 января по 1 февраля 1945 г. оперативными группами БЕПО, и только действовавшими на железнодорожных коммуникациях Белорусской ССР, было задержано и отконвоировано в ОТО НКГБ и железнодорожную милицию станции Молодечно 1 911 человек, из которых 83 белополяков и дезертиров Красной Армии, 8 человек дезертиров оборонной промышленности и транспорта, 20 человек, уклоняющихся от призыва и мобилизации в Красную Армию, 45 человек отставших от воинских эшелонов, 1 755 человек различных уголовных преступников, в том числе являющихся членами различных националистических формирований. Белополяки во время Великой Отечественной войны – это принятое обозначение националистических польских формирований, действовавших против советской власти, Красной Армии и других войск на территории Западной Белоруссии. Их было несколько. Одно из них ПОВ – «Польска организация войскова». В спецсообще-

---

¹РГВА. Ф. 38286. Оп. 1. Д. 267. Л. 2–2 об.

нии от 12 апреля 1944 г. на имя начальника отдела НКВД СССР по борьбе с бандитизмом комиссара госбезопасности А. М. Леонтьева за подписью наркома внутренних дел БССР сообщалось, что «по данным Белорусского штаба партизанского движения на территории Польши и Западных областей БССР создана и действует националистическая контрреволюционная польская организация "Польска организация войскова" – ПОВ. Главный штаб "ПОВ" находится в гор. Варшаве. Штабу подчинены все руководящие центры округов и районов. Второй руководящий центр "ПОВ" находится в гор. Вильно, возглавляемый полковником Бжежинским, непосредственно подчинен Варшаве. Цель и задача Варшавского и Виленского центров – восстановление при помощи Англии панской Польши в границах 1930 г. ... Вооруженных в легионе от 200 до 400 чел. Крупные легионы базируются в Любоцкой и Беловежской пуцах и в Августовских лесах»¹. Все это – на территории Белоруссии, западной ее части, в поле компетенции Белорусского округа внутренних войск НКВД СССР и отдела по борьбе с бандитизмом НКВД Белорусской ССР, в октябре 44-го реорганизованного в Управление.

Следует указать, что националистические формирования в Западной Белоруссии нападали и на железнодорожную инфраструктуру, понимая ее значение для снабжения войск действующей армии на западном направлении, в первую очередь, в полосе наступления 1-го Белорусского фронта. Для пресечения подобных угроз с 16 по 26 июня 1944 г., приказом заместителя НКВД СССР по войскам от 21 мая «войсками НКВД по охране тыла 1-го Белорусского фронта во взаимодействии с органами внутренних дел и государственной безопасности, воинскими частями по охране железных дорог была проведена чекистско-войсковая (специальная) операция по очистке железнодорожных и шоссейных коммуникаций и прилегающей к ним местности от гитлеровской агентуры» [1, с. 297]. Надо добавить, что вместе с воинскими частями по охране железных дорог взаимодействовали десантно-маневренные группы бронепоездов.

На оперативную работу в этот период только из числа личного состава 53-го БЕПО с приданными ему силами было выделено 255 человек. При этом, наряду со служебной и оперативной деятельностью по охране участков Белостокской железной дороги, бронепоездов.

---

¹ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 115. Л. 1–2.

езд продолжал осуществлять зенитное прикрытие железнодорожного узла Молодечно¹.

Оценивая применение десантно-маневренных групп бронепоездов в борьбе с националистами на Украине, в Белоруссии и Прибалтике, необходимо отметить многообразие задач, выполнявшихся ДМГ, среди которых прочесывание прилегающей к железной дороге местности; прикрытие отдельных железнодорожных объектов и сооружений; усиление гарнизонов по охране железнодорожных сооружений; охрана отдельных железнодорожных участков дозорной службой; участие в разработке и составлении оперативно-чекистских планов операций; проведение операций по ликвидации бандитско-диверсионных групп в полосе железных дорог; оцепление и производство облав на железнодорожных станциях, поездах и населенных пунктах; проверка документов и задержание дезертиров и подозрительных лиц; патрулирование участков железнодорожных путей и другие².

Таким образом, можно уверенно констатировать, что боевая работа войск НКВД по охране железных дорог, включая действия личного состава бронепоездов, в том числе с применением десантно-маневренных групп, внесла свою значительную лепту в успешную борьбу с националистическими бандформированиями на территории Западной Украины, Западной Белоруссии и в Прибалтике в 1944–1945 гг.

Список литературы:

1. Органы и войска НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны. Военно-исторический труд в 2 т. Т. 2. Органы и войска НКВД СССР во втором и третьем периодах Великой Отечественной войны и советско-японской войне (1942–1945). М., 2020.

2. *Потёмкин И. А., Колтаков П. А.* Защита и охрана железнодорожной инфраструктуры силами НКВД в годы Великой Отечественной войны : монография. М., 2023.

---

¹ РГВА. Ф. 38286. Оп. 1. Д. 267. Л. 19.

² РГВА. Ф. 38286. Оп. 1. Д. 266. Л. 33–34.

Юлия Валерьевна Рыжова,
кандидат юридических наук, доцент,
докторант факультета
подготовки научных
и научно-педагогических кадров
Академия управления МВД России
E-mail: julia1806@eandex.ru

Деятельность политической полиции на страницах журнала «Былое» в начале XX в.

Аннотация

В статье анализируется деятельность политической полиции, освещавшаяся на страницах полуполициального в России журнала «Былое». Обращено внимание на значительный научный вклад издателей и научных редакторов журнала по сбору, анализу систематизации и опубликованию статей. Акцентировано внимание на выявленных статьях, освещавших деятельность политической полиции. Уделено внимание читательской аудитории журнала и показан личный вклад издателей журнала в сохранении ими уникальных архивных документов о деятельности политической полиции.

Ключевые слова и словосочетания: журнал «Былое»; Департамент полиции; освободительное движение; политическая полиция; Российская империя; издатели; редакторы; цензура.

Большое значение на формирование общественного сознания оказывает историческая память, которая представляет собой накопленную систему знаний, представлений по Отечественной истории, истории органов внутренних дел, истории государственного управления в России, которая в наши дни реализуется в том числе и через средства массовой информации. Например, об истории деятельности полиции Российской империи сегодня можно узнать через ряд исторических журналов популярных и специализированных – «Историк», «Родина», «Вопросы истории», «Отечественные архивы».

Ряд аспектов деятельности политической полиции Российской империи в начале XX в. нашли определенное отражение в периодических изданиях, а также в ведомственном периодическом издании – журнале «Вестник полиции», издававшегося с 1907 г. Вместе с тем информации именно о политической полиции отраже-

но в журнале было не столь много. Это объяснялось закрытостью структуры жандармской организации, специальными направлениями деятельности, которые выполняла политическая полиция. Можно констатировать, что на страницах журнала «Вестник полиции» можно было встретить информацию о кадровых назначениях, перемещениях по должности и награждениях.

Отдельный интерес с точки зрения освещения деятельности политической полиции представляет полулегальный журнал «Былое»¹, выходивший в 1900 г. на протяжении четверти века с перерывами в Лондоне, Петербурге, Париже, Петрограде и Ленинграде.

Прежде чем речь пойдет о тематике журнала, тематике статей, посвященных деятельности политической полиции, несколько слов хотелось бы сказать и о самих редакторах журнала, так как их судьбы складывались столь же драматично, как и судьба самого журнала «Былое» – они подвергались постоянным преследованиям и репрессиям со стороны царских властей.

Так, события 9 января 1905 г. (Кровавое воскресенье) повлияли на редактора журнала Павла Елисеевича Щеголева до глубины души. П. Е. Щеголев, решив начать с изучения материалов о восстании декабристов, добился получения разрешения работы в архиве III Отделения собственной его императорского величества канцелярии (высшей полиции).

Для получения разрешения на изучение архивных документов III Отделения он обратился в Академию наук и данное разрешение было получено. В частности, указывалось, что Департамент полиции имеет честь уведомить названное Отделение императорской Академии наук, что никаких препятствий для ознакомления с архивными документами не имеется. Изучив дела декабристов, П. Е. Щеголев перешел к делам петрашевцев и народовольцев.

Можно назвать имя еще одного редактора журнала «Былое» – Владимира Львовича Бурцева, который часто ездил по России и Западной Европе в поисках материалов для журнала². Много

---

¹Журнал «Былое» издавался с 1900 по 1904 гг. под редакцией В. Л. Бурцева. С 1905 по 1907 гг. издавался в Российской империи под редакцией В. Я. Богучарского. С 1908 по 1912 гг. издавался в Париже под редакцией В. Л. Бурцева. С 1908 по 1926 гг. издавался под редакцией В.Л. Бурцева и П.Е. Щеголева (после эмиграции Бурцева издавался Щеголевым).

²Интересный факт: Бурцев переписывался с С. В. Зубатовым. Данная переписка продолжалась в период с 1906 по 1916 гг. и она содержит 23 письма. Бурцев совершенно серьезно пытался убедить бывшего начальника Московского охранного отделения, чтобы тот навсегда порвал со своим прошлым и добивался от него для журнала «Былое» статей с разоблачением деятельности Департамента полиции. Несмотря на хорошо

сил Бурцев отдал в своих статьях и разоблачению провокаторов. В выпусках журнала Бурцев публиковал воспоминания бывшего полицейского чиновника М. Е. Бакая, перешедшего на сторону революционеров.

Бурцевым готовилась к опубликованию, но так и не вышла в свет статья под заглавием «Переписка Владимира Бурцева с генералом Герасимовым, бывшем на протяжении с 1905 по 1909 гг. начальником Петербургского охранного отделения. В частности, Бурцев предполагал получить от Герасимова ряд сведений о политическом сыске.

Своего рода движущей силой журнала «Былое» был Василий Яковлевич Богучарский. Именно по его инициативе помимо издания «Былое» издавались журналы «Минувшие годы», а также историческая серия сборников «Русская историческая библиотека»¹.

В. Я. Богучарский и П. Е. Щеголев, работая над выпусками журналов, готовили к опубликованию ряд архивных документов по деятельности «высшей полиции» – III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, Министерства внутренних дел².

Также на страницах журнала публиковались биографии и материалы В. И. Засулич, Б. В. Савинкова, В. Н. Фигнер, М. Ф. Фроленко, письма М. А. Бакунина, А. Н. Радищева. Журнал публиковал переписку К. П. Победоносцева с Н. П. Игнатьевым³.

Как отмечает историк Ф. М. Лурье, издательская история журнала «Былое» дореволюционного периода есть история его цензурных гонений. Она подробнейшим образом нашла свое отражение в многочисленных документах Петербургского комитета по делам

мотивированный отказ и настоятельные требования Зубатова прекратить переписку, Бурцев продолжал назойливо писать письма еще несколько лет.

¹ В Париже Богучарский на протяжении с 1903 по 1905 гг. издал три тома «Государственных преступлений в России в XIX веке» и три тома приложений.

² Одновременно с журналом «Былое» выпускалась серия исторических сборников под названием «Русская историческая библиотека», где печатались публикации и документы, начиная с убийства Павла I и заканчивая событиями 1907 г. Со спадом революции 1905–1907 гг. Петербургский комитет печати и Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел, приступили к преследованию прогрессивной на тот период времени периодики, в связи с чем в мае 1907 г. была закрыта «Русская историческая библиотека», а затем был приостановлен и выпуск номеров журнала «Былое».

³ Особый интерес для исследователей представляет материал, посвященный воспоминаниям директора Департамента полиции С. П. Белецкого о Г. Е. Распутине, а также протоколы допросов князя Ф. Ф. Юсупова, дочерей Распутина, сторожей, дворников, городских. В материалы прослеживаются действия полицейских чинов.

печати, Главного управления по делам печати и других ведомств Министерства внутренних дел, а также Министерства юстиции [4].

Действительно, уже с начала 1906 г. цензуру не упразднили, а лишь фактически переименовали. Согласно еще указу от 24 ноября 1905 г. каждый номер журнала издавался и передавался издателем в соответствующее учреждение или должностному лицу, которое исполнял обязанности цензора. Если, например, была обнаружена какая-либо крамола, то мог последовать арест номера, а затем было возбуждено судебное преследование, уничтожение арестованного номера и наказание редакторов и издателей.

Именно против журнала «Былое» (22 номеров, выпущенных в 1906–1907 гг.), царская администрация возбудила 17 судебных преследований и 3 – против самих редакторов журнала. Более драматической истории не было ни у одного русского журнала [5].

Номера журнала «Былое» затронули период назревания первой русской революции 1905 г., и они объективно отвечали потребности широких общественных кругов – показать историю борьбы самодержавием. Как показало время, журнал выполнил свое главное предназначение – издание волнующих многих статей, посвященных российскому освободительному движению.

В журнале были опубликованы не только материалы по истории освободительного движения в России, но и материалы биографического характера, очерки истории войн, материалы из переписки Николая II с П. А. Столыпиным, а также ряд неизданных писем известных русских писателей и критиков, например, на неизданное письмо Н. Г. Чернышевского, адресованное брату и детям и датированное 1882 г.

Вместе с тем значительное количество статей в той или иной степени затрагивали деятельность Департамента полиции Министерства внутренних дел и деятельность подразделений Отдельного корпуса жандармов.

Так, интерес представляет статья, посвященная школе филеров, опубликованная в № 3 (25) журнала за 1917 г.

При охране общественного порядка и обеспечения государственной безопасности Департамент полиции использовал в созданных охранных отделениях наружное наблюдение в виде филерской службы. Благодаря умело поставленному наружному наблюдению филерам удавалось, порой, достигать успешных результатов.

Наблюдая за профессиональными революционерами, раскрывая деятельность революционных кружков, тайных типографий, места по производству взрывчатых веществ, как отмечено на страницах журнала «Былое», столь плодотворные результаты получа-

лись вследствие умственного развития агентов наружного наблюдения, серьезной теоретической и практической подготовки опытными авторитетными руководителями политического розыска.

Однако в ряду с достоинствами Департамент находил в агентах наружного наблюдения и довольно много существенных недостатков, а потому кроме обстоятельной инструкции, признавал необходимым озаботиться серьезным обучением и воспитанием филеров, т. е. агентов наружного наблюдения. Особенно ответственно отнесся к этому вопросу Департамент полиции во времена Столыпина, когда выдвинулась на очередь даже идея основания специальной школы филеров [1].

В ноябре 1909 г. была образована особая комиссия по реорганизации наружного наблюдения под председательством начальника Санкт-Петербургского охранного отделения генерал-майора Герасимова. Школу филеров не учредили, но приняв во внимание указания опыта, выработали ряд инструкций по наружному наблюдению.

В № 5–6 (27–28) ноябрь–декабрь 1917 г. были опубликованы статьи: «Департамент полиции в 1892–1908 гг. (из воспоминаний чиновника)» и «Воспоминания тяжелых дней моей службы в Корпусе жандармов» [2].

В статье, посвященной Департаменту полиции, чиновник полиции упоминает и ликвидацию III Отделения собственной его императорского величества канцелярии и создание Департамента полиции в 1880 г. В статье приведен субъективный взгляд чиновника Департамента, отмечавшего в статье, что по инициативе Зубатова, Россия покрылась сетью охранных отделений, во главе которых были поставлены молодые жандармские офицеры, которые по словам Зубатова еще не испорчены рутинной жандармских управлений и более восприимчивы к новым методам политической борьбы, но многие из них, получив в свое распоряжение крупные суммы, потеряли голову и произвели растраты казенных денег, а другие, с целью прославиться, занимались провокацией; все эти офицеры вскоре были отчислены, а некоторые преданы суду».

Также в одном из номеров журнала за 1907 г. был опубликован «Обзор важнейших дознаний, произведенных в жандармских управлениях за 1901 год». Список дознаний был изложен на 54 страницах.

Во многом успеху журнала способствовала его широкая читательская аудитория. Издатели журнала «Былое», не опасаясь от преследования со стороны полиции, публиковали свои статьи и очерки ярко выраженного противоправительственного содержания.

На страницах журнала нашли отражение и документы, извлеченные из архива Министерства внутренних дел, материалов наро-

довольческих организаций, что стало своего рода откровением для широкой читательской аудитории того периода времени.

Отмечая, несомненно, историческое значение журнала «Былое» как исторического источника, обратим внимание и на некоторые вопросы методологического характера и прежде всего классификации статей журнала по темам, среди которых можно увидеть: «Из полицейских расследований 1882 г. касательно «противоправительственных сообществ не столь вредных», «Результаты полицейской слежки за деятельностью «Охранной дружины», «Дела Таврического губернского жандармского управления о председателе Таврической земской управе», «Из общего «обзора» составленного Департаментом полиции за 1882 год: «Дело о лицах, принадлежавших к руководящему кружку так называемой террористической фракции тайного сообщества, именующего себя русской социально-революционной партией, а также о ближайших пособниках их», «Письма Е. Ф. Азефа Б. Савинкову», «Общее положение к июлю 1016 г.: Записка Департамента полиции о политическом положении» и др. [3]

Одними из интересных публикаций были материалы о политическом сыске. Например, по политическому сыску осуществлялось издание археографических комплектов.

В заключение приведем высказывание историка Ф. Лурье, отмечавшего, что «ничто так не помогает понять современность и предвидеть будущее, как изучение прошлого. Сегодня – это вчерашнее будущее и завтрашнее прошлое. История – целостный, живой организм; игнорируя или деформируя часть его, мы неизбежно искажаем всю историю. И тем предопределяем и пороки дальнейшего развития общества, или обрекаем людей на мучительные поиски давно открытых истин, на трагическое повторение прошлых ошибок» [6].

После событий Февральской революции 1917 г. П. Е. Щеголев при участии профессор Е. В. Тарле, а также писателя-публициста В. В. Водовозова возобновили издание журнала в России. При этом сразу же было учреждено кооперативное издательство «Былое». После Октябрьской революции журнал «Былое» редактировал лично П. Е. Щеголев, а его заместителями были историк и библиограф А. А. Шилов и литературовед профессор Ю. Г. Оксман¹.

Особенность журнала «Былое» состояла в том, что именно в послереволюционный период издательской деятельности в нем публиковались статьи по истории политической полиции и о дея-

---

¹ В советский период вышло в свет 26 номеров журнала «Былое», в которых как и ранее значение уделялось революционному движению в России с 1880–1917 гг.

тельности жандармских подразделений Отдельного корпуса жандармов. Но по-прежнему, не меняя традиции, публиковались статьи и по истории освободительного движения в России.

Рукописную часть собрания и собственный архив П. Е. Щеголева уже его сын в 1931–1934 гг. передал в Ленинградское отделение Центрархива, фонды архива Щеголева имеются и в Рукописном отделе Центрального государственного исторического архива.

Таким образом, редакторы журнала «Былое» преследовали сугубо историческую задачу – собрать документы, включая и документы по деятельности царской полиции, без которых затруднительна разработка русской истории, что и было сделано в регулярных беспристрастных публикациях. Уникальность эта состояла в том, что публиковали очерки и статьи двух сторон – сторонников и противников освободительного движения.

Знакомство Щеголева, Бурцева и Богучарского с секретными обзорами Отдельного корпуса жандармов позволило получить представление о сведениях, которыми располагала политическая полиция, о состоянии дел как в революционных, так и в оппозиционных партиях, действовавших не только на территории Российской империи, но и стран Западной Европы.

Список литературы:

1. Школа филеров // Журнал «Былое». 1917. № 3 (25).
2. Журнал «Былое» ноябрь-декабрь 1918 г. № 5-6.
3. Журнал «Былое». 1918. № 3.
4. *Лурье Ф. М.* Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Л., 1990.
5. *Лурье Ф. М.* Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Л., 1990.
6. *Лурье Ф. М.* Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Л., 1990.

Александр Сергеевич Сальников,
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского центра
Академия управления МВД России
E-mail: nevsky5@rambler.ru

Правовые основы начального этапа формирования милиции в Ярославской губернии после Октябрьской революции 1917 г.

Аннотация

В статье анализируются правовые и организационные вопросы создания советской рабоче-крестьянской милиции на территории Ярославской губернии после революционных событий октября 1917 г. Рассмотрены некоторые региональные особенности данного процесса, издаваемые новой властью нормативные акты. Установлено, что основой создания нового правоохранительного органа стали, с одной стороны, отряды Красной гвардии, с другой – штатные подразделения гражданской милиции Временного правительства, сформированные в губернии.

Ключевые слова и словосочетания: *Октябрьская революция 1917 г.; Ярославская губерния; гражданская милиция; рабочая милиция; советская милиция; Красная гвардия; НКВД РСФСР.*

Одним из важнейших вопросов после революционных событий октября 1917 г. стал вопрос о формировании милиции. Процесс ее создания в новом Советском государстве условно можно разделить на два основных этапа. Первый из них – это период формирования органа охраны правопорядка на основе принципа добровольности и общественной инициативы, охватывающий время с октября 1917 г. по март 1918 г. Другой этап представляет собой постепенный генезис представлений о сущности, задачах, структуре системы милиции, начавшийся в марте 1918 г и закончившийся формированием структурированного правоохранительного органа на штатной основе, имеющего правовую базу в виде разработанного и введенного 12 октября 1918 г. общегосударственного нормативного правового акта.

Итак, начало создания милиции нового государства было положено с принятием НКВД РСФСР постановления «О рабочей

милиции» от 28 октября 1917 г.¹ Указанный нормативный правовой акт имел определенные признаки декларативности и был одним из ярких образцов революционного правотворчества. Документ не содержал сколько-нибудь скрупулезной регламентации структурного построения, формулирования направлений деятельности, компетенции, штатной организации органа правопорядка. Постановление предписывало Советам рабочих и солдатских депутатов создать рабочую милицию, которая в свою очередь вверялась в их полное подчинение (п. 1, 2). Документ устанавливал обязанность властей оказывать содействие милиции в части ее снабжения, в том числе «казенным оружием» (п. 3). Пункт 4 гласил о введении постановления в силу посредством телеграфа. Краткий и декларативный стиль изложения документа, как и многих других в тот период, во многом объяснялся во-первых, складывающейся ситуацией, которая требовала проявления и демонстрации решительности и готовности в деле претворения в жизнь провозглашаемых пришедшей новой властью преобразований. Во-вторых, в основе данного нормативного правового акта лежало сложившееся в то время видение системы блока государственных силовых органов [10, с. 172]. Согласно сформулированной еще до октября 1917 г. В. И. Лениным точке зрения охрана правопорядка в государстве должна осуществляться самим вооруженным народом, то есть рабочими и крестьянами [7, с. 146]. Так называемое «всеобщее вооружение народа» по мнению В. И. Ленина относилось к наиболее важным задачам новых властей [8, с. 40]. Следуя в контексте данной идеи, предполагалось, что вопросы охраны общественного порядка, борьбу с преступностью вполне возможно решать не с помощью специализированных правоохранительных структур, но посредством общественных военизированных формирований.

В то же время в создаваемом органе охраны правопорядка можно проследить и определенные признаки государственного начала, что безусловно оказывало некоторый эффект централизации. Так, например, Советы, на которые возлагалась миссия по организации милиции и в ведении которых она находилась, являлись по своей сути органами государственной власти. А следовательно и формируемая милиция носила в себе признаки государственного органа. На данный парадокс, выражавшийся в синтезе государственного и негосударственного в создаваемой милиции, в первые месяцы после событий октября 1917 г. указывают в своих работах ряд исследователей [1, с. 15]. Таким образом, советская милиция на заре

---

¹СУ РСФСР.1917. № 31. Ст. 15.

своей истории формировалась не как специализированный орган охраны правопорядка, но как часть системы военизированных формирований общественно-государственных, по своей сути, возникших в процессе революции.

Надо сказать, что на начальном этапе формирования милиции предполагалось, что ленинской идее о всеобщем вооружении народа более всего отвечают уже имевшиеся отряды Красной гвардии. В. И. Ленин называл Красную гвардию «первым звеном этой милиции» [12, с. 49]. Ее подразделения были организованы еще до октябрьских событий 1917 г. в значительном числе городов России. Основной задачей данных подразделений была охрана общественного порядка. Отряды Красной гвардии состояли из рабочих, которые не были освобождены от своих основных трудовых обязанностей. Участие в правоохране было своеобразной дополнительной нагрузкой и осуществлялось в свободное от основной работы время [5, с. 38]. Система отрядов красногвардейцев была наиболее приближенной к системе рабочей милиции, которая подразумевалась на первом этапе создания правоохранительного органа. Сложность ситуации была и в том, что милиция создавалась без четко разработанных единых подходов к ее организации, штатам, функциям. В данной ситуации власть на местах в лице Советов создавала структуру, определяла основные направления их развития, основываясь на общей стратегии и социалистической идеологии переустройства государства и государственного аппарата с учетом экономической, криминальной и политической ситуации в регионе. Это во многом определяло то, что при создании милиции вынуждено применялись подходы, сформулированные еще в документах предшествующего периода Временного правительства. Например, во Временном положении о милиции, принятом 17 апреля 1917 г., применялись такие критерии, как добровольность службы в органах правопорядка, необходимость наличия российского гражданства, решение вопросов комплектования кадрового состава милиции органами власти региона, которые применялись и после октября 1917 г. [14, с. 83]. Одновременно после октябрьского восстания 1917 г. получает свое развитие классовый подход к кадрам государственных структур, в том числе и милиции. На данную тенденцию применения классового принципа в комплектовании указывает наименование милиции, присутствующее в Постановлении Наркомата внутренних дел от 28 октября 1917 г., в котором она называется «рабочей». На этот же подход, согласно точке зрения А. Я. Малыгина, указывает факт того, что формирование милиции возлагалось на Советы [9, с. 6].

В то же время классовый подход в комплектовании на первом этапе создания милиции не был ярко выражен, но определялся рядом аспектов. Так, например, в нормативных актах того времени предписывалась необходимость представления претенденту на должность в милиции поручительства [11, с. 41–46], закреплялась выборность при назначении на должности в милиции, а также утверждение в должности и увольнение с нее со стороны Советов и т. д. [14, с. 85–86]. Также необходимо сказать, что на начальном этапе не были установлены ограничения о приеме на службу для чинов гражданской милиции Временного правительства и полиции. Более четко принцип классового подхода в комплектовании стал проявляться после введения в действие Инструкции Народного комиссариата внутренних дел и Народного комиссариата юстиции от 12 октября 1918 г. «Об организации советской рабочей крестьянской милиции».

Установление Советской власти в г. Ярославле и Ярославской губернии произошло в первые дни после октябрьских событий 1917 г. в Петрограде. На заседании Совета рабочих и солдатских депутатов при участии представителей от полковых и заводских комитетов 27 октября 1917 г. было принято решение о передаче всей полноты власти к Советам [13, с. 269–273]. В своей резолюции от 2 ноября 1917 г. Ярославский Совет приветствовал смелую борьбу рабочих и солдат Петрограда «за мир, землю и революцию» (п. 1); устанавливал сосредоточение всей полноты власти в губернии «в руках Ярославского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» (п. 2); утвердил состав Военно-революционного комитета и наделил его значительными полномочиями (п. 4); объявил о принятии «решительных мер» в отношении оппозиционных средств массовой информации («контрреволюционной прессы») (п. 7); предписывалось незамедлительно сформировать Красную гвардию (п. 8) [13, с. 289–290].

Необходимо сказать, что для первого этапа создания советской милиции в Ярославской губернии было характерным то обстоятельство, что данный вопрос рассматривался в контексте формирования отрядов Красной гвардии. Надо отметить, что в рассматриваемый период в губернии сложился определенный блок силовых структур, основными звеньями помимо Красной гвардии были воинские подразделения и имевшаяся гражданская милиция. При этом подразделения Красной гвардии представлялись действенной структурой, способной осуществлять охрану общественного порядка на территории региона и стать основой формирования милиции. В то же время определенной проблемой являлось то, что в губернии

до периода октября 1917 г. подразделения Красной гвардии практически отсутствовали. Не было развитым в губернии и создание на предприятиях других общественных вооруженных отрядов правоохранительной направленности, как правило, называемых в различных регионах «рабочая милиция». Последние присутствовали, например, на Ярославской большой мануфактуре, заводах Щетинина и Смолякова, химическом предприятии Понизовкина [15, с. 61] в Главных железнодорожных мастерских [6, с. 12]. В то же время основной задачей указанных отрядов являлась охрана предприятий, но не деятельность по поддержанию правопорядка в регионе.

Таким образом, создание советской милиции в губернии происходило одновременно с формированием самой Красной гвардии. Именно поэтому эти структуры представлялись как единое целое. Подтверждением этому стало, например, то обстоятельство, что комиссаром Красной гвардии и Губернским комиссаром милиции был один и тот же человек – Ф. М. Горбунов. Аналогичным образом можно объяснить и тот факт, что несмотря на достаточно жесткую риторику по отношению к сохранившейся в губернии гражданской милиции Временного правительства, обнаруживаемую в архивных документах того периода, последняя тем не менее включалась в создаваемую систему органов охраны правопорядка.

Сама имеющаяся в губернии гражданская милиция после революционных событий октября 1917 г. практически самоустранилась от выполнения своих обязанностей по охране общественного порядка и была деморализована. Патрулирование улиц в населенных пунктах осуществлялось воинскими подразделениями. Среди служащих милиции имелась определенная растерянность, недопонимание сложившейся ситуации и действий в дальнейшем. Практически милиции на улицах городов не было. Так, ярославская газета «Власть труда», являющаяся органом Совета рабочих и солдатских депутатов, на своих страницах сообщала об отсутствии милиции в городе Ярославле: «на постах ее не видно, хотя жалование получает аккуратно, в некоторых участках канцелярии закрыты, на дверях висят замки. Начальники участков куда-то уехали, или скрылись. Обыватели Ярославля не уверены в своей безопасности» [2]. Подобная же ситуация была присуща не только милиции, но и иным государственным учреждениям. Они в большинстве своем также не работали. Во-первых, это стало следствием некоторой растерянности чиновников в процессе развала системы государственных органов, во-вторых, осознанными попытками саботажа с их стороны деятельности вновь организуемой власти. Например, предыдущей губернской властью фактически была

спровоцирована забастовка чиновников государственных и общественных учреждений региона. Указанные лица были отправлены в отпуск, при этом им было вперед выплачено жалование за 2 месяца. Данная ситуация была рассмотрена на заседании Ярославского военно-революционного комитета 14 ноября 1917 г. На заседании Совета было принято Постановление [13, с. 317–318], которое предписывало чиновникам приступить к работе незамедлительно, лица «невыходившие» на службу подлежали увольнению (п. 2 «д»). Аналогично было предписано уволить без права на получение пенсии всех чиновников, которые не признали власть правительства в лице Совета народных комиссаров РСФСР, Военно-революционного комитета, а также Ярославского Совета рабочих и солдатских депутатов (п. 2 «а»). При этом увольняемые чиновники обязаны были в течение трех дней освободить служебное жилье (п. 2 «в»).

По поводу самоустранившейся от исполнения своих обязанностей гражданской милиции, исполкомом Ярославского Совета 13 ноября 1917 г. было принято Постановление, в котором ее функции возлагались на Красную гвардию и военнослужащих местного гарнизона [13, с. 317–318]. Одновременно этим же Постановлением Губернским комиссаром гражданской милиции («начальником милиции»), был назначен Федор Михайлович Горбунов, ранее проходивший военную службу в качестве прапорщика расположенного в Ярославле 209 запасного пехотного полка, он же был назначен и на должность комиссара Красной гвардии.

На начальном этапе создания органов правопорядка в Ярославской губернии подход к критериям отбора ее кадров был значительно более лояльным, чем на следующем этапе. Например, одновременно с декларированием замены гражданской милиции Временного правительства подразделениями Красной гвардии, советская власть в губернии не осуществляла каких-либо значимых действий по ликвидации имеющейся системы милиции. Власть, осознавая сложность кадровой ситуации, предпринимала шаги по сохранению милицейских чиновников. Не смотря на жесткую риторику в адрес и органов охраны правопорядка предыдущей власти, в архивных источниках того времени имеется значительное число данных, свидетельствующих о желании советской власти в губернии использовать наличный аппарат милиции. Это можно объяснить двумя обстоятельствами. Во-первых, формирование отрядов Красной гвардии только началось, и этот процесс еще был далек до завершения, следовательно одномоментно заменить милицию Красная гвардия просто не могла. Во-вторых, надо понимать, что подразделения Красной гвардии формировались, как правило, из числа рабочих,

крестьян и военнослужащих, то есть не из числа профессионалов в правоохранительной сфере, что также требовало сохранения старых кадров. Так, 17 ноября 1917 г. вышел приказ № 1 губернского комиссара гражданской милиции, в соответствии с которым всему личному составу милиции предписывалось явиться на службу. Игнорирование данного приказа грозило ответственностью в виде увольнения и даже возможностью предания виновных Военно-революционному суду и заключения в тюрьму [3]. Спустя 4 дня, 21 ноября 1917 г. был подписан приказ № 2. Данным нормативным актом за неисполнение приказа № 1 и бездеятельность были уволены от службы ряд сотрудников милиции, в частности, начальники городских участков милиции № 1 и № 5, а также 7 милиционеров, 5 из которых с «преданием военно-революционному суду» [4]. Необходимо отметить, что принятые меры произвели эффект. Председатель исполнительного комитета Ярославского Совета рабочих и солдатских депутатов Д. С. Закгейм в своем отчете от 20 ноября 1917 г. указывал, что «все чины гражданской милиции после общего собрания приступили к исполнению своих обязанностей после заявления, что они также не вступают в политическую борьбу» [13, с. 325–327]. Интересным является факт того, что в саботаже изначально не участвовали сотрудники уголовно-розыскного отделения. УРО продолжало свою работу. По этому поводу в указанном приказе № 1 даже имеется отдельное примечание о том, что «уголовно-розыскное отделение не бастует и предлагает свои услуги нуждающимся гражданам» [3].

Таким образом, можно заключить, что на первоначальном этапе создания советской милиции в Ярославской губернии в качестве основы ее формирования стали, во-первых, подразделения Красной гвардии, во-вторых, не взирая на общегосударственный курс на организацию милиции, основываясь на принципе всеобщего вооружения народа и опору на общественные военизированные формирования по охране общественного порядка, в Ярославской губернии практически в полностью была сохранена гражданская милиция, созданная после февральских революционных событий 1917 г. Подразделения гражданской милиции, поступив в распоряжение нового начальника милиции, по прошествии незначительного времени приступили к выполнению своих обязанностей по охране общественного порядка и борьбе с преступностью. Обновления личного состава милиции на первом этапе практически не произошло, из ее рядов было уволено незначительное количество сотрудников, большая же часть осталась на службе. Последнее обстоятельство является очень важным и характерным именно для Ярославской губернии

и во многом объясняет переход части ярославских милиционеров на сторону восставших в ходе Ярославского июльского антисоветского восстания 1918 г.

Список литературы:

1. *Борисов А. В., Малыгин А. Я., Мулукаев Р. С.* История советской милиции. М., 2015.
2. Власть труда. 1917. 15 ноября.
3. Власть труда. 1917. 18 ноября.
4. Власть труда. 1917. 21 ноября.
5. История Советской милиции / под ред. Н. А. Щелокова. М., 1977. Т. 1.
6. История Ярославской милиции / под общ. ред. Н. И. Трифонова. Ярославль, 2010.
7. *Ленин В. И.* Выступление по вопросу о водворении порядка в городе. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 31. М., 1976.
8. *Ленин В. И.* О двоевластии. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 35. М., 1976.
9. *Малыгин А. Я.* Развитие кадровой функции органов милиции в период строительства социализма в СССР (1917–1936 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980.
10. *Маркс К.* Людвигу Кугельману. 12 апреля / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33.
11. *Мулукаев Р. С.* Организационно-правовые основы становления советской милиции (1917–1922 гг.).
12. Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Сборник документов. М., 1957.
13. Установление Советской власти в Ярославской губернии: Сб. докум. и материалов. Ярославль. 1957.
14. *Шамаров В. М.* Государственная служба в милиции НКВД РСФСР (становление и развитие правовых и организационных основ). М., 1999.
15. Ярославская старина. Ярославль. 1924. Вып. 1.

Сергей Андреевич Синенко,
доктор юридических наук, доцент, начальник
Академия управления МВД России

Установление места захоронения второго министра внутренних дел Российской империи князя Алексея Борисовича Куракина

Аннотация

В статье представлена информация об исследованиях, археологических раскопках и их результатах, проводимых в целях установления точного места захоронения второго министра внутренних дел Российской Империи князя А. Б. Куракина в Орловской области, которое было утрачено после Великой отечественной войны.

Ключевые слова и словосочетания: *Министр; Куракин; Преображенская церковь; склеп; останки; элементы гроба; медальон; раскопки; дорожное полотно; перезахоронение; часовня.*

Руководитель Министерства внутренних дел России во все времена имела важное значение как для самого ведомства, так и для всей страны в целом. Особенно это актуально в условиях становления ведомства, определения его структуры, целей, задач, формирования коллектива и многого другого, присущего первоначальному этапу институционализации правоохранительного органа. Несомненно выдающейся личностью в этом аспекте был второй министр внутренних дел Российской империи – князь Алексей Борисович Куракин, который сменил на этом посту первого министра – Виктора Павловича Кочубея, начавшего формировать министерство и руководившего им в течение первых пяти лет его существования. Период полномочий в качестве министра у Алексея Борисовича начался 24 ноября 1807 г. и завершился 31 марта 1810 г. За это время управления министерством князь заслужил репутацию создателя. Общий вектор его деятельности был направлен на расширение функций и упорядочение работы ведомства [3, с. 72]. При А. Б. Куракине увеличился штат министерства, было создано Главное управление мануфактур, в ведение министерства передан Комитет для приведения в лучшее состояние человеколюбивых заведений, Канцелярия при министре по штату главного директора почт преобразована в Почтовое отделение, выработан новый устав Медико-хирургической академии, основана газета «Северная почта». В 1809 г. по ходатайству А. Б. Куракина было получено разрешение

на выдачу ссуд и пособий купцам и мещанам для создания новых фабрик и заводов (не более 3 млн руб.). В 1808 г. было введено «Положение о мундирах для чинов ведомства Департамента внутренних дел» [5], которое впервые установило отличия в форменной одежде чиновников Министерства внутренних дел Российской империи в зависимости от занимаемой должности.

Таким образом, в результате деятельности министра внутренних дел князя А. Б. Куракина министерство представляло собой орган центрального управления, наделенный значительным объемом полномочий, позволяющих ему осуществлять множество административных и хозяйственных функций, которые были на него возложены. Но все же одним из главных направлений деятельности министерства он видел именно полицейскую службу, которая имела своей целью обеспечение «тишины и спокойствия» и «повсеместного благосостояния народа».

В конце марта 1810 г. А. Б. Куракин был направлен императором Александром I с его собственноручным письмом в Париж чрезвычайным послом для принесения поздравления императору Наполеону I по случаю его бракосочетания с дочерью императора австрийского Марией-Луизой. В его отсутствие было произведено реформирование МВД, в ходе которого часть функций передана Министерству финансов и вновь созданному Министерству полиции. Вернувшись в Петербург в октябре 1810 г. А. Б. Куракин уже не вступал в управление Министерством внутренних дел [6, с. 571–527].

После ухода с поста министра внутренних дел в 1810 г. князь А. Б. Куракин сохраняет свое участие в государственных делах. С января 1811 г. он – член Государственного совета, с 1821 по 1829 гг. – председатель Департамента государственной экономии, с 1826 г. – канцлер российских орденов, член Верховного уголовного суда над декабристами [7, с. 571]. В 1826 г. Алексей Борисович получил чин «действительный тайный советник 1-го класса», который за время существования Российской империи получили всего 13 человек [2].

У А. Б. Куракина было любимое имение «Преображенское», которое находилось в селе Куракино Малоархангельского уезда Орловской губернии (ныне поселок Куракинский, Свердловского района, Орловской области, расположенный в 60 километрах от г. Орла). По мере возможности в условиях его высокой занятости на государственной службе он периодически приезжал в это имение. И когда он умер 30 декабря 1829 года, то был захоронен в склепе Преображенской церкви, построенной им в этом имении. Через два года, в 1861 году, рядом с ним после смерти была захоронена его супруга Наталья Ивановна Куракина (Головина).

В силу обстоятельств и событий, складывающихся до Великой отечественной войны 1941–1945 гг., в ходе ее ведения, а также в послевоенное время церковь прекратила свое существование, и информация о точном месте ее расположения была утрачена, а вместе с ней была утрачена информация о месте захоронения князя А. Б. Куракина и его супруги.

При подготовке празднования 300-летия российской полиции в МВД России был принят план мероприятий, в котором была предусмотрена работа по поиску и восстановлению мест захоронения выдающихся государственных деятелей, служивших в полиции¹. Безусловно, установление точного места захоронения второго министра внутренних дел Российской империи и его восстановление отвечало поставленным задачам. Решением задачи занялась научно-исследовательская группа Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. В марте 2018 г. был сформирован план работы группы и организована его реализация. Работа проводилась во взаимодействии с ЗАО «Куракинский», поисковым отрядом «Огненная дуга», научно-исторической общественностью Орловской области, территориальными органами власти и под эгидой археологических компании ООО НПЦ «Черноземье».

Перед началом поисковых работ была проведена исследовательская работа по установлению плана усадьбы Преображенское в целом и расположения Преображенской церкви, в частности. Были изучена историческая литература [1], архивные и музейные материалы, опрошены жители п. Куракинский, живущие и ранее проживающие в поселке. Исходя из местоположения сохранившихся зданий усадьбы, проведенных исследований была установлена территория площадью около 5 тысяч кв. м., в пределах которой находилась церковь. На этой территории находился сквер, центральная дорога поселка с асфальтовым покрытием и придорожные обочины. К сожалению, точного места, где стояла Преображенская церковь, установить не удалось.

Для поиска места захоронения была избрана следующая тактика проведения работ: осуществлять последовательное вскрытие грунта в пределах установленной территории до обнаружения подземных конструкций церкви (фундамента), установление контура фундамента и затем в пределах этого контура проводить поиск склепа князя А. Б. Куракина.

---

¹ План основных мероприятий Министерства внутренних дел Российской Федерации по подготовке празднования 300-летия российской полиции : распоряжение МВД России №1/6788 от 22 августа 2015 г.

Археологические раскопки проводились в соответствии с методическими указаниями и требованиями ИА РАН к Открытому листу («Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации» (утверждено постановлением Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от 20 июня 2018 г. № 32). Руководил раскопками сотрудник археологической компании на основании Открытого листа № 790, выданного Министерством культуры России 15 июня 2018 г. на имя Масликовой Ирины Николаевны (срок действия с 15 июня по 28 декабря 2018 г.).

Вскрытие грунта производилось как с помощью спецтехники (экскаватора), так и вручную. С июня по сентябрь 2018 г. была исследована территория сквера и придорожная обочина, прилегающая к северной стороне дороги. Фундамент церкви или его элементы, к сожалению, обнаружены не были. Но вместе с тем был обнаружен засыпанный двухкамерный склеп. В первой камере было найдено 40 индивидуальных находок, среди которых фрагменты обшивки гроба, части его украшений, остатки ножек гроба, элементы скелета человека и во второй камере фрагменты костей человека, деревянного гроба и его украшений, восемь цветочных горшков.

Изучение обнаруженных предметов, элементов скелета человека, исторической литературы и архивных документов о захоронении членов семьи Куракиных дали основание предположить, что обнаруженный склеп находился за пределами Преображенской церкви, но в пределах ее ограды, и в нем были захоронены праправнуки министра – пятилетний Борис Борисович (захоронен в 1886 г.) и двадцатилетний Иван Борисович (захоронен в 1896 г.).

В сентябре 2018 г. было сделано одно вскрытие грунта на участке, прилегающем к южной стороне дороги, но и оно не дало положительного результата. В связи с наступлением неблагоприятной погоды поисковые работы в 2018 г. были приостановлены.

В мае 2019 г. научно-исследовательская группа Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова совместно с ЗАО «Куракинский» и под руководством археологической компании СПОК «Елецкий стан» на основании Открытого листа № 2521, выданного Министерством культуры России 19 ноября 2018 г. на имя Гончарова Владимира Олеговича (срок действия с 19 ноября 2018 г. по 20 октября 2019 г.), возобновила проведение археологических поисковых работ¹.

---

¹ В 2019 г. поисковый отряд «Огненная дуга» в раскопках участия не принимал.

Поисковые работы проводились на территории, прилегающей к южной стороне центральной дороги поселка. В ходе раскопок в июне у непосредственного края асфальтового покрытия дороги была выкопана траншея размерами 10,2x1–1,1x2-2,5 м. Траншея была привязана к системе глобального позиционирования с помощью портативного прибора GPS (Garmin GPSmap 60CSx, система координат WGS-84) и координаты траншеи определены: начало – N52°34'34,31", E36°28'19,89", окончание N52°34'34,09", E36°28'20,30". В траншее были обнаружены фундаментный ров, заполненный бутом из известняковых камней и часть фундамента Преображенской церкви, а также элементы разрушенного краснокирпичного склепа и скелета человека, лежащие не в анатомической последовательности. Антропологом (А. А. Свиридов) установлено, что кости принадлежат мужчине старше 50 лет. Кроме того, в процессе раскопок были обнаружены фрагменты гроба (детали металлической декоративной обшивки, ножка гроба в виде львиной лапы, кованые гвозди). Особую ценность представляла находка артефакта – медальона из металла желтого цвета (предположительно золото). Он представлял собою две разрозненных створки, ранее скреплявшиеся между собой штифтом. Размер медальона в раскрытом виде составляет 6,8 x 4,6 x 0,2 мм. На лицевой стороне передней створки помещено изображение Иисуса Христа, несущего крест, на оборотной стороне задней створки выгравирован фрагмент цитаты из Псалом Давида (Пс22:1-6); «О Боже Спаситель мой! Ты благоволишь быть вождем моим: аще пойду посреде снни смертныя неубоюся зла яко Ты со мною еси». Археологами отмечено, что данный текст, как правило, использовали при отпевании людей, принадлежащих масонским ложам. Такой медальон свидетельствует об очень высоком социальном статусе его владельца.

Опираясь на данные письменных, археологических и антропологических источников, археологами было сделано заключение, что обнаружены элементы скелета Алексея Борисовича Куракина, его медальон, фрагменты гроба и часть кирпичной кладки разрушенного склепа, в котором он был захоронен. При этом полный контур склепа, гроб и останки супруги князя обнаружены не были. Такое расположение обнаруженных предметов давало достаточно высокие основания полагать, что основная часть склепа князя А. Б. Куракина и его супруги находится под асфальтовым покрытием дорожного полотна.

Девятого июля 2019 г. было вскрыто асфальтовое покрытие дороги, грунт под ним и на глубине около двух метров был обнаружен разрушенный склеп Куракиных. После расчистки склепа было

видно, что в нем на установленном месте находится только деформированный металлический гроб супруги Алексея Борисовича. Место рядом с ее гробом, в пределах склепа в сторону края дороги, было пустое. Элементы гроба, останки и медальон князя А. Б. Куракина, о которых указано выше, были обнаружены в пределах пяти метров от склепа.

После вскрытия деформированной металлической (металл, похожий на свинец) обшивки гроба супруги князя Натальи Ивановны внутри обнаружили элементы скелета, нательный металлический крестик, элементы одежды, которые были смешаны с грунтом (предположительно глина). Элементы скелета также были исследованы антропологом, который сделал заключение о том, что они принадлежат женщине старше 50 лет.

Таким образом, 9 июля 2019 г. было установлено точное место захоронения второго министра внутренних дел Российской империи князя Алексея Борисовича Куракина и его супруги Натальи Ивановны.

В связи с тем, что склеп Куракиных оказался под асфальтовым покрытием дорожного полотна, проходящего через поселок, их останки были торжественно перезахоронены 29 сентября 2019 г. во вновь построенную часовню в сквере п. Куракинский на расстоянии около 50 метров в северную сторону от обнаруженного склепа. Перезахоронение проводилось с учетом соответствующих обрядов русской православной церкви. В церемонии приняли участие Министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев и другие официальные лица.

Интересен исторический факт, о котором указывает В. Ф. Козлов, что «за несколько дней до кончины ... Алексей Борисович завещал похоронить его в Орловском имении. Он просил построить на его могиле часовню и пожелал, чтобы в день кончины, рождения и именин священники с причтом сел Преображенского, Александровского и Алексеевского служили панихиды и устраивали трапезы для бедных» [4, с. 46]. Таким образом, завещание князя было повторно выполнено. Снова на его могиле стоит часовня, куда в дни его рождения и кончины приходят не только жители упомянутых князем сел, но и многие другие, среди которых сотрудники органов внутренних дел, прокуратуры и иных правоохранительных органов.

Список литературы:

1. «Где найдешь Москву другую?..» Воспоминания архитектора В. А. Бакарева / авт.-сост. Л. И. Смирнова, В. А. Устинов. М., 2012.

2. Действительный тайный советник 1 класса. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 23.03.2023).

3. Казакова О. Ю. «Сиятельный» министр Алексей Борисович Куракин как самобытный человек и орловский помещик // История полиции Орловской области (к 300-летию российской полиции) : сборник материалов региональной науч.-практ. конф. (5 апреля 2018 г.). Орел, 2018.

4. Козлов В. Ф. Некрополь князей Куракиных в исследовании священника-историка Николая Скворцова // Куракинские чтения: Некрополь князей Куракиных в исследовании священника-историка Николая Скворцова. М., 2006.

5. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. 30. № 22921.

6. Русский биографический словарь: в 25-ти т. СПб.: Типография главного управления уделов. 1903. Т. 9.

7. Русский биографический словарь / издан под наблюдением председателя императорского русского исторического общества А. А. Половцева. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002921660?page=534&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 23.03.2023).

Владимир Викторович Синиченко,
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
научно-исследовательского центра
Академия управления МВД России
E-mail: v.v.sinichenko@bk.ru

**Японский криминальный мир в агентурных донесениях
Департамента полиции МВД России в период
«союзных отношений» 1916–1917 гг.**

Аннотация

В статье анализируется деятельность агентурного аппарата Департамента полиции Министерства внутренних дел России по изучению японского криминального мира на Дальнем Востоке в годы Первой мировой войны. Отмечается, что в 1916–1917 гг., когда был официально оформлен «оборонительный» русско-японский военно-политический союз, агентурный аппарат специальных служб Российского государства был ориентирован на выявление криминальных проявлений подданных Японского императора. Выявлялись, во-первых, факты участия японских подданных в международных контрабандных операциях в Азиатско-тихоокеанском регионе, во-вторых, анализировались и исследовались формы сотрудничества японцев и подданных враждебных России держав – Германии и Австро-Венгрии.

Ключевые слова и словосочетания: *Первая мировая война; японцы; криминальный мир; преступления; контрабанда; враждебные державы; хунхузы.*

Первая мировая война в истории японо-российских отношений – это краткий период взаимоотношений двух стран, когда они стали военно-политическими союзниками, активно помогавшими друг другу как в дипломатической, так и в военно-технической сферах.

Отметим, что к 1916 г. японо-британские противоречия из-за политики Японии в Китае начали нарастать, и поэтому в дополнение к англо-японскому союзу 1902 г. (действовавшему до 1922 г.) Япония 3 июля 1916 г. заключила с Россией самостоятельный «оборонительный союз».

В отечественной историографии исследование вопроса началось с монографии С. С. Григорьевича «Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг.». В этой работе автор описал условия заключения в 1916 г. военного оборонительного союза России и Японии, что существенно изменило оперативную и военно-стратегическую обстановку в Азиатско-Тихоокеанском регионе [2].

В конце XX – начале XXI вв. исследование русско-японских дипломатических и союзнических военных отношений в годы Первой мировой войны проводили такие ученые, как Ю. С. Пестушко и Питер Бертон [6, 7, 9].

Они также считали, что русско-японское соглашение от 3 июля 1916 г. существенно изменило картину геополитического расклада сил в регионе как минимум до периода крушения российской государственности в 1918 г.

Отметим, что японо-российские отношения в годы Первой мировой войны также исследуются в статьях отечественных и зарубежных авторов – О. А. Базина, Куросавы Фумитаки, К. О. Саркисова, а также достаточно объемной и содержательной монографии Д. Б. Павлова [1, 3, 5, 8].

Оригинальной стороной этих трудов стало то, что авторы полагали причиной, по которой японская дипломатия, в свою очередь, склонилась к оборонительному союзу с Россией – противостояние с США. Северо-Американские Соединенные Штаты после Синьхайской революции 1911 г. серьезно усилили свои позиции как в Китайской республике, так и других странах, расположенных в Тихоокеанском регионе. Противостоять США в одиночку Японская империя была не в состоянии. Союзник Японии – Великобритания, опасаясь за свои колонии, в те годы более склонялась к союзу с США, чем с Японией.

В этих условиях только Россия являлась для Токио той силой, которая позволяла ей реализовать ее экспансионные планы в АТР.

Анализ переписки российского МИДа и русского посла в Токио показывает, что тема военно-политического оборонительного союза обсуждалась с 1915 г. Так, телеграмма, посланная русским послом 22 июня 1915 г. № 213 содержит в себе следующую информацию: «Барон Гото заезжал сказать мне под величайшим секретом, что на этой неделе соберется тайное совещание трех Гэнро (Совет приближенных лиц при японском императоре. – Прим. автора) – Ямагата Аритомэ, Иноуэ Каору и Мацуката Масаеси в присутствии Председателя Совета Министров со специальной целью обсудить вопрос о необходимости безотлагательного заключения русско-японского

союза. После этого Председатель Совета Министров внесет проект Генро в Совет Министров для официального обсуждения. Гото прибавил, что в случае возражений в совете Ямагато решил взять проведение этого вопроса в свои руки. По-видимому, мысль о союзе тут вполне созрела, но встречает пока для своего осуществления некоторую нерешительность со стороны МИД (Японии)»¹.

Секретная телеграмма российского посла в Токио от 10 сентября 1915 г. № 322 гласила: «Граф Окума вызывал сегодня меня и моих сотоварищей, чтобы единогласно высказаться за присоединение Японии к Лондонской декларации, и что Японский император одобрил это решение. Японскому послу в Лондоне посылаются указания сговориться с сэром Эдуардом Греем (министр иностранных дел Британской империи. – Прим. автора) относительно формальностей присоединения. Граф Окума прибавил, что, отвечая таким образом на приглашение Держав присоединиться к соглашению, Япония желает доказать свою солидарность с ними и проявить свои чувства против германского милитаризма. Окума условился с нами, что настоящее решение Японского Правительства будет держаться в тайне, пока не будут выполнены в Лондоне формальности присоединения и пока не последует официального о том объявления Японского правительства»².

Наконец в секретной телеграмме посла в Токио от 8 октября 1915 г. № 362 говорилось: «Барон Исии сказал мне доверительно, что японское правительство предполагает опубликовать подписанный в Лондоне акт присоединения Японии к Лондонской декларации 5 сентября 1914 г., после 25-го октября нового стиля – вероятно 30, накануне дня празднования рождения Японского императора»³.

Однако только 3 июля 1916 г. после длительных дипломатических согласований и контактов русско-японский договор о военно-политическом союзе был подписан.

По международным правилам Россия, вступая в военно-политический союз с Японией, отказывалась от проведения в отношении этой страны негласной агентурной работы. Однако, как свидетельствуют архивные данные, Япония и ее подданные тем не менее оставалась в сфере внимания некоторых специальных служб Российской империи. Если в стране-союзнике и в отношении дипломатических органов союзника негласная агентурная работа была запрещена (со времен русско-японской войны 1904–1905 гг.

---

¹ АВПРИ. Ф. МИД Канцелярия Война. Оп. 473. Д. 96. Л. 2.

² АВПРИ. Ф. МИД Канцелярия Война. Оп. 473. Д. 96. Л. 25.

³ АВПРИ. Ф. МИД Канцелярия Война. Оп. 473. Д. 96. Л. 38.

в отношении японского посольства и японских консульств проводило оперативно-розыскную работу специальное секретное подразделение Департамента полиции МВД Российской империи т. н. «дипломатическая разведка»¹) [4], то в нейтральных странах представители заграничной агентуры Департамента полиции продолжали собирать информацию о криминальной деятельности некоторых подданных японского Микадо (императора).

Так, сообщение агентуры от 15 сентября 1916 г. № 10 содержало информацию о том, что в китайском городе Чанчуне на японской концессии «Тойдаогу» активно взаимодействовали японские и германские предприниматели. Японская концессионная полиция не чинила немцам никаких препятствий. В «Тойдаогу» проживало также несколько немцев занимавшихся продажей опиума, морфия и других запрещенных в Китае вещей. Несмотря на это японская полиция не беспокоила немцев и австрийцев, занимавшихся в регионе контрабандой и опиеторговлей².

В сообщении из Гирина от 15 марта 1917 г. говорилось, что интернированные в городе бывшие военнопленные Германской и Австро-Венгерской армий направляли свои письма в Ияньцзинь, Пекин, Мукден и пр. китайские города без всякой цензуры, а также партиями по несколько человек они посещали находившиеся в городе японские публичные дома, которые принадлежали офицерам японской армии³.

Сообщение от 10 ноября 1916 г. № 12 содержало информацию о встрече офицеров японской разведки и главарей китайских бандитов-хунхузов в Хунчуне⁴.

Действительно опиеторговля и сопутствующий ей бандитизм в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии) стал постепенно контролироваться японцами.

Как видно из агентурного донесения «секретного агента в Куанченцзы», на японской концессии «Тойдаогу» проживало более трехсот китайских бандитов-хунхузов. Они были частыми посетителями японских публичных домов и были вооружены винтовками японского образца. Японцы оказывали китайским преступникам содействие, размещали их в своих гостиницах. Бандиты-китайцы,

---

¹ «Совершенно секретное отделение дипломатической агентуры» Департамента Полиции МВД Российской империи имело своей главной целью получение посольских шифров. Их дешифровка позволяла контролировать сношения руководителей дипломатических миссий со своими правительствами и министрами.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 150–151.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 757. Л. 74.

⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 199.

действуя с территории японской фактории, осуществляли свои нападения на китайские банки и фирмы¹.

Кроме того, японцы открыто торговали в своих «аптеках» в Маньчжурии морфием и опиум. Как видно из разведсводки от 15 февраля 1917 г., японцы под видом магазинов и ломбардов торговали морфием в следующих местах: в Гирине – 2 ломбарда и 2 фирмы, в Цзючжане – 1 ломбард, Хуапинчане – 2 ломбарда, Иньчэньцзы – 2 ломбарда, Сюцзютай – 2 ломбарда, Тунцзцятань – 1 фирма².

С 19 по 26 августа 1917 г. поступили агентурные сведения от завербованного «китайского источника» в приграничном китайском городе Айгунь о том, что именно японцы организовали контрабандные поставки спирта из Китая в Россию. Изготавливался спирт на заводе в Айгуне, оттуда он поступал на сухопутную станцию Эрчжан, находившуюся посередине между Айгунем и Цицикармом и далее перевозился контрабандистами на побережье Амура, переправлялся через реку на русскую сторону в направлении сел Константиновки и Поряковой. Всего японцы, по агентурным сведениям, поставили за последнее время в Россию более 200 бочек контрабандного спирта³.

Японские контрабандисты не боялись в это время ни российской, ни китайской полиции. 21 августа 1917 г. в китайском городе Сахалин (расположен на русско-китайской границе) японский контрабандист в пьяном виде с ножом в руках бегал за китайцами-прохожими. Китайская полиция, которую некоторые прохожие просили арестовать японца, боясь каких-либо осложнений с японцами, уклонились от этого, по сути, закрывая глаза на выходки преступника. Этот случай являлся яркой иллюстрацией положения, занятого в Сахалине японцами – представителями местного криминального мира.

В это же время, когда амурские казаки вместе с делегатами военной организации в Благовещенске хотели арестовать русских контрабандистов-бутлегеров, укрывшихся на складе японской фирмы «Комияма», они не только не были туда допущены японцами, но и дело дошло до того, что один японец с револьвером в руках защищал свое право недопуска русского отряда в помещение. Затем, когда казаки и делегаты несколько отошли от склада, он сам перенес кули со спиртом в японскую лодку, куда бегом заскочили русские

---

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 757. Л. 162.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 757. Л. 56.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 730. Л. 181.

преступники и с контрабандным товаром быстро отчалили от берега Амура, скрывшись на территории Китайской республики¹.

Агентурные сообщения, поступавшие уже по линии милиции, отмечали, что в притонах, которые содержались как в России, так и в Китае, японцами скрывались темные личности и дезертиры. В японских гостиницах и особенно в гостинице «Комиямы» открыто продавали вино и разрешали играть в запрещенные азартные игры.

В результате того, что японские преступники взяли на себя руководство и контрабандой золота с территории России в Китай, цена на золота в Китайской республике существенно снизилась. Так, золото в Сахалине расценивалось по 18 руб. за золотник, тогда как в Благовещенске, городе, вокруг которого его собственно и добывали, оно шло по курсу 20 руб.²

Таким образом, вплоть до октябрьской революции 1917 г. как заграничная, так и внутренняя агентура сначала Департамента полиции, а затем и милиции фиксировала рост преступных посягательств со стороны подданных Японской империи в зоне русско-китайской сухопутной границы.

Список литературы:

1. *Базин О. А.* Позиция Японии по поводу участия в Первой мировой войне // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 1 (143).

2. *Григорьевич С. С.* Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг. Томск, 1965.

3. *Куросава Фумитака.* Японо-русские отношения после Портсмутского мира: между дружбой и недоверием // Российско-японские отношения в формате параллельной истории : коллективная монография / под общ. ред. акад. А. В. Торкунова и проф. М. Йокибэ; (науч. ред.: проф. Д. В. Стрельцов и доц. С. В. Гришачев); Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России; Ассоциация японоведов. М., 2015.

4. *Мерзляков В.* Русская контрразведка: на заре тотального шпионажа. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/history/author/single.htm%21id%3D10318095%40fsbPublication.html> (дата обращения: 21.03.2023).

---

¹АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 730. Л. 182.

²АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 730. Л. 183.

5. *Павлов Д. Б.* Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны. М., 2014.
6. *Пестушко Ю. С.* Почему японские войска так и не попали на европейский фронт // Япония. 2007. Ежегодник.
7. *Пестушко Ю. С.* Недолгий альянс – русско-японский союзный договор 1916 г. // Россия и АТР. 2007. № 1. Ежегодник.
8. *Саркисов К. О.* Японское оружие и добровольцы в российской армии в первую мировую войну // Япония. 2014. Ежегодник.
9. *Berton P. A.* New Russo-Japanese Alliance?: Diplomacy in the Far East during World War I // Acta slavica iaponica, №. 11. Sapporo, 1993.

Георгий Александрович Скипакий,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры теории
и истории государства и права
Уральский юридический институт МВД России
E-mail: skipsky.georgy@yandex.ru

**К вопросу об организации охраны общественного порядка
и борьбы с преступностью
в Московском государстве в XVI–XVII вв.**

Аннотация

Статья посвящена историко-правовому анализу социальных и политических предпосылок формирования системы полицейской повинности в Московской Руси в XV–XVII вв. В статье раскрывается правовой механизм данного исторического феномена, основанного на постоянных попытках налаживания взаимодействия органов центральной государственной власти Московской Руси с представителями местного самоуправления в целях совместного обеспечения общественного порядка и борьбы с преступностью. Особое внимание автор уделяет проблеме преодоления традиций феодального суверенитета и круговой поруки, препятствующих повышению эффективности зарождавшейся правоохранительной системы.

Ключевые слова и словосочетания: *Всеобщая полицейская повинность; феодальный иммунитет; челобитная; Разбойный приказ; волостели; путные бояре; губные старосты; целовальники.*

Исторический опыт обеспечения охраны общественного порядка и борьбы с преступностью в нашем государстве периодически нуждается в очередном переосмыслении, поскольку процессы формирования и эволюции правоохранительной системы России в течение многих столетий происходили в весьма сложных и неблагоприятных условиях. Среди них можно указать на такие, как низкий уровень развития экономической и социальной инфраструктуры, обусловленный экстенсивным характером колонизации обширных территорий, постоянное военно-политическое напряжение по контуру периодически расширявшихся сухопутных границ. В данных условиях все ресурсы государственной власти тратились на оборонительные цели и на экономическое освоение и упорядочивание сбора налогов.

Собственно сами функции обеспечения общественного порядка и борьбы с преступностью в эпоху средневековой Руси в основном оставались прерогативой органов местного самоуправления, которые для их реализации также не обладали необходимыми людскими и материальными ресурсами. Именно поэтому изначально в силу неразвитости органов государственного управления российская правоохранительная система стала формироваться в качестве всеобщей полицейской повинности, которая окончательно получила свое нормативно-правовое оформление в виде Наказа о градском благочинии царя Алексея Михайловича Романова от 30 апреля 1649 г.

Идейное и духовное понимание необходимости непосредственного вмешательства государства в решение проблем общественной и личной безопасности в стране стало оформляться, начиная с правления Ивана III. Именно тогда великие московские князья стали осознавать себя Государями, поставленными Богом блюсти благо целого народа, поддерживать порядок среди населения, хотя черты хозяина-стяжателя еще просматривались и у названного великого князя, и у его ближайших потомков – престолодержателей.

Территориальное расширение владений Московского государства сопровождалось усложнением задач управления и вызвало к жизни, начиная с середины XVI в., новые формы управления – делегирование полномочий Государями Всея Руси своим слугам – «путным» боярам. Для удовлетворения все возрастающих личных потребностей московские князья стали активнее привлекать средства вне своей домениальной вотчины, присоединяя к ней новые земли. «Путные» бояре с подчиненными им ключниками, поселскими и другими низшими должностными лицами ведали земельными угодьями, селами, вершили административное управление и суд над населением подведомственных территорий, попутно осуществляя полицейский надзор над ними. Так, их притязания на все русские земли подкреплялись объявлением сопредельных территорий стародавней вотчиной московских князей.

С образованием Московского государства светские и духовные феодалы в частных землевладениях сохранили иммунитетные права. Они по-прежнему были не просто хозяевами угодий, но и администраторами, судьями, полицейскими в принадлежавших им селах и деревнях; княжеские агенты не имели права вторгаться в боярские и монастырские имения для суда и сбора налогов [2, с. 143]. В жалованных грамотах великих князей встречаем такие типичные записи: «А наместники мои и волостели и их тиуни не въезжают» или «не всылают» к имеющим иммунитеты вотчинникам, «ни к их людем, ни по что» [7, с. 62].

Заслоняя население своих имений от представителей государственной власти, вотчинники часто попустительствовали насилиям, бесчинствам «живущих за ними людей». Забота землевладельца о своем слуге часто доходила до защиты в случаях его виновности в совершении тяжких преступлений и явного укрывательства преступника. Из челобитных известно немало примеров превращения вотчин церковнослужителей и бояр в воровские и разбойные притоны. В грамотах первой половины XVI в. имеется несколько описаний боярских наездов, в которых господа и их слуги избивали, грабили окрестное население и даже наносили побои судьям, расплачиваясь за эти преступления лишь денежными штрафами [7, с. 69].

Обузданию феодальной вольности способствовало новое представление о преступлении, отразившее понимание центральной властью обязанностей по укреплению общественной безопасности. Появилось понятие «лихое дело», которое, в отличие от «обиды» Русской правды, наносящей ущерб конкретному человеку, являлось деянием, причиняющим вред государству и всем сословиям в целом. За тяжкие преступления люди стали подвергаться уголовному преследованию на единых основаниях, независимо от социальной принадлежности. Преамбула Соборного Уложения 1649 г. содержала установку: «...чтобы Московского государства всяких чинов людем от большего до меньшего чину суд и росправа была во всяких делех всем ровна». Лица, совершившие общественно опасные деяния, назывались «лихими людьми» [6, с. 4]. Особенно сурово преследовались те, кто сделал воровство, грабежи, насилие своим промыслом.

По мере того как московские власти набирали силу и укрепляли общегосударственные интересы в уголовном праве и судопроизводстве, они постепенно начинали стеснять частные иммунитеты. Еще в середине XV в. у всех феодалов изъяли дела о душегубстве, а у некоторых – дела о разбое и татьбе с поличным с передачей их в руки наместников. В XVI столетии вотчинные судьи лишились права рассматривать уголовные преступления, преследуемые розыскным процессом. Более последовательно стал проводиться принцип ответственности феодала за своих слуг. Так, по Судебнику 1550 г. царя Ивана IV крестьянин, подозреваемый в преступном промысле и взятый на поруки землевладельцем, мог перейти к другому помещику только тогда, когда за него поручался новый владелец. Соборное Уложение 1649 г., включив общую норму об ответственности всех лиц за укрывательство преступников, распространило обязанность выдачи людей, обвиняемых в тяжких уголовных

деяниях, не только на тяглое население, но и на владельцев поместий и вотчин.

Постепенное ослабление феодального иммунитета привело к переходу от дворцового к административному управлению. Согласно нормам Судебника Ивана III была введена должность недельщика – должностного лица, в обязанности которого входили вызов в суд сторон, арест и пытка. Наименование должности «недельщик» связано с тем, что они менялись каждую неделю [5].

В Московском государстве охраной общественного порядка ведали приказы (от глагола «приказывать») – органы управления общей и широкой компетенции. Первые приказы создавались для решения какого-либо конкретного вопроса и потому носили временный характер. Постепенно в них сосредоточивается руководство определенной отраслью государственного хозяйства. Располагались они в княжеском дворце или поблизости от него в отдельных зданиях – «избах». Окончательно приказная система управления сложилась в период правления Ивана IV Грозного, когда для каждого из них был установлен свой штат и бюджет. Состоящая из более чем 40 постоянных приказов она просуществовала достаточно долго – до начала XVIII в.

Главным должностным лицом в приказе являлся дьяк, назначаемый, как правило, из числа бояр. Наиболее важные вопросы решались им совместно с приказным судьей. В наиболее значимых приказах судей было несколько, и главным из них обычно назначался член Боярской думы. На низшей ступени внутри приказной иерархии располагались подьячие, на которых возлагалось ведение делопроизводства и выполнение различных начальственных поручений. Достаточно продолжительные сроки рассмотрения приказами судебных дел (иногда до нескольких лет) давали основания современникам проявлять недовольство, говорить о «волоките».

Несмотря на специализацию, приказы являлись, по сути, многофункциональными органами, наделенными правами исполнения полицейских функций в связи с исполнением главной функции в отношении населения, проживающего на определенной территории. Существовавший «параллелизм» усугублялся наличием Земского приказа, выполнявшего функции общеуголовной полиции в Москве и Московском уезде. И только Разбойный приказ специализировался на борьбе с преступностью, причем на территории всего государства. Первое упоминание о нем относится к 1539 г. как о Разбойной избе Боярской Думы. В 1555 г. создается так называемая Разбойная изба, которая с 1571 г. будет именоваться Разбойным приказом.

Разбойный приказ при рассмотрении уголовных дел руководствовался положениями Уставной Грамоты Разбойного приказа, в основе которой лежало уголовное уложение, составленное около 1550 г. Именно это полицейское учреждение руководило из Москвы всеми губными избами. Предположительно приказ состоял из боярина, окольного, дворянина, иногда стольника и двух дьяков.

В первые годы существования данного центрального полицейского учреждения его возглавляли бояре Д. И. Курлятьев, И. М. Воронцов, позже – И. А. Булгаков. Разбойный приказ поначалу производил расследование наиболее тяжких преступлений (убийства, разбои, грабежи, поджоги) непосредственно или посредством направления на места «сыщиков» для ведения расследования и «недельщиков» для задержания преступников. Его штат, кроме боярина и дьяка, к концу XVII в. включал 4 судей и 45 подьячих.

Примерно в начале XVI в. возникают особые розыскные органы. Ими стали так называемые «особые обыщики». Они присылались из Москвы «в случае умножения в какой-либо местности разбоев и татев». Но вместо оказания помощи в борьбе с преступностью они причиняли местному населению только убытки. Жалобы горожан на их многочисленные притеснения побудили царя Ивана Грозного ввести постоянный полицейский орган из числа местных выборных людей – губных старост. Они избирались на два года из местных дворян. Необходимо было, чтобы кандидат на эту должность и «грамоте был горазд, и душою прям, и животом прожиточен» [9, с. 34].

После выборов губные старосты давали присягу в Разбойном приказе. Помощниками губных старост были губные целовальники, избравшиеся «сошными людьми». Губные избы ведали «разбойные, и убийственны, и татийные дела, про татей и про разбойников сыскивали и того смотрели и берегли накрепко, чтобы однолично нигде татей и разбойников, разбойничных станов и приездов не было» [4].

Проведение правоохранительной реформы Ивана Грозного по созданию губных изб объяснялось неспособностью наместников и волостелей в силу кратковременного пребывания на местах кормления эффективно противостоять растущей преступности. Местные дворяне и купцы челом отправляли царю челобитные о возможности самостоятельного осуществления полицейских функций. Новые учреждения получают название «губная изба». Целовальники назывались так потому, что целовали крест, с присягой, верно служить на этой должности и не нарушать божьи заповеди. И губные старосты, и целовальники выполняли полицейские функции, руководствуясь губными грамотами центральной власти.

Образование первой (из числа известных) губной избы относится к 1539 г. Тогда в Белозерском уезде появляются избранные «дети боярские», старосты, десятские и «лучшие крестьяне», призванные ловить разбойников, вести следствие, приводить в исполнение приговоры. Исполнению должности предшествовало принятие присяги с крестным целованием [1]. Их деятельность курировалась из Москвы соответствующим боярином Разбойного приказа.

В дальнейшем «избы» пополняются новыми должностными лицами: дьяком, сотскими, пятидесятскими. Выборы губных старост производились на сходах местных землевладельцев, посадского люда, черносошных, дворцовых и церковно-монастырских крестьян на основе полного единодушия (за «один») на неопределенный срок (до царского указа). Кандидатуры перед назначением утверждались Разбойным приказом.

Следует отметить, что принцип выборности должностных лиц, отвечавших за организацию дознания, следствия и судебного процесса, был окончательно установлен в период реформ Избранной Рады в 1550-х гг. Он был направлен на преодоление практики многочисленных случаев превышения полномочий среди обыщиков, недельщиков и прочих судебных исполнителей, ранее назначавшихся под контролем местной феодальной знати, преследовавшей собственные интересы, а не требования законности и беспристрастности в судебном процессе. Перед началом розыска особые обыщики и губные старосты были обязаны произвести так называемый повальный обыск – опрос представителей всех социальных групп: бояр, детей боярских, служителей религиозного культа, крестьян – «с выти по человеку». Сведения, полученные от лиц, подвергшихся обыску, записывались губными дьяками в «списки», к которым эти лица «прикладывали» руки. «Лихих людей», чьи имена были названы при повальном обыске, доставляли к обыщику или губному старосте, а если они не были задержаны, то принимались меры к их поимке.

Зарождение противопожарной службы в Московской Руси также было тесно связано с исполнением чиновниками и выборными людьми из горожан функций по охране общественного порядка. После указа Ивана III, принятого 1504 г. улицы Москвы и других городов в ночное время перегораживались решетками, около которых стали нести караульную службу «решеточные приказчики». На каждый район города были назначены «объезжие головы», которые были обязаны контролировать несение службы решеточных приказчиков, а также «ездить да огни гасить» [9, с. 55].

В 1649 г. царь Алексей Михайлович издал «Наказ о градском благочинии». Согласно Наказу, в Москве, а позднее и в других городах, «для бережения от огня и всякого воровства» привлекались для дежурства объезжие головы, которые вместе с десятскими, назначенными из местного населения, должны были с рогатинами, топорами и водоливными трубами «по улицам и переулкам день и ночь ходить и беречь накрепко, чтобы в улицах и переулках бою и грабежу, и корчмы и табаку, и иного какого воровства... не было» [3]. Таким образом, впервые на Руси был нормативно закреплён запрет на курение табака. Сама формулировка Наказа окончательно закрепила формирование полицейской и пожарной повинности за всем городским населением страны.

Переход к полицейской повинности горожан объективно привел к отказу от привлечения выборных лиц к выполнению судебно-полицейских функций. В 1669 г. институт губных старост был упразднен. Для надзора за выполнением полицейской повинности стали привлекать стрельцов и земских ярыжек, которые соответственно подчинялись Стрелецкому и Земскому приказам. Данное обстоятельство приводило к дублированию и ведомственному противостоянию среди правоохранительных структур Московской Руси.

Формирование стрелецкого войска началось в конце 1540-х гг. при Иване Грозном. Оно составило постоянный московский военный гарнизон. В 1550 г. царь повелел учредить в Москве выборных стрельцов с пищалей три тысячи человек и велел им «жити в Воробьевской слободе, а головы у них учинил детей боярских<...>. Да и жалования стрельцам велел давати по четыре рубля на год...» [8, с. 282–283]. Необходимые для содержания стрельцов денежные средства и продовольствие поступали в распоряжение Стрелецкого приказа из различных ведомств, в управлении которых находилось тяглое население городов и черносошное крестьянство. На этих категориях жителей Московского государства лежала вся тяжесть казенных повинностей, в том числе обязанность по уплате специального налога – «пищальных денег», а также сбор «стрелецкого хлеба».

Вскоре на стрельцов стали возлагаться задачи по поддержанию общественного порядка при крестных ходах, выезде царской процессии из Кремля, а также при тушении крупных пожаров в городе. Систематическое применение стрелецких полков для подавления антикрепостнических восстаний в XVII в. превратило их в главные силовые структуры правоохранительной системы Московского государства. Вместе с этим, после смерти царя Алексея Михайловича Романова стрельцы стали вовлекаться и в политическую борьбу

против всевластия клана бояр Милославских, и вскоре сами стали дестабилизирующим фактором в стране.

В заключение стоит сказать о том, что процессы создания и дальнейшего оформления всеобщей полицейской повинности в Московском государстве оставались в незавершенном состоянии, поскольку к концу XVII в. его владения достигли уже берегов Тихого океана. Теперь для ее развития необходимо было более интенсивное хозяйственное освоение новых владений, которое ни по экономическим, ни по демографическим причинам не могло быть осуществлено в тот исторический период.

Правоохранительная система Московской Руси оказалась парализована нарастающим бюрократизмом и сохранением древних традиций круговой поруки, а также пережитками феодального иммунитета. С этими проблемами пришлось столкнуться в следующую историческую эпоху, когда начались процессы модернизации правоохранительной системы в рамках реформ Петра Великого.

Список литературы:

1. Белозерская губная грамота 1539 г. URL: <http://portal-slovo/history/47541/php> (дата обращения: 12.02.2023).
2. *Грацианский Н. П., Мороховец Е. А., Тарасов Н. Г.* Формы организации труда и общества в Европе в эпоху преобладания натурального хозяйства и развития средиземноморской торговли / сост. Н. П. Грацианский, Е. А. Мороховец, Н. Г. Тарасов. 2-е изд. Л., 1925. URL: <https://nbmgu.ru/search/?adv> (дата обращения: 12.02.2023).
3. Наказ о градском благочинии 1649 года. URL: <https://yandex.ru/images/search?text> (дата обращения: 12.02.2023).
4. Соборное уложение от 29 января 1649 г. URL: <http://ivo.garant.ru> (дата обращения: 12.02.2023).
5. Судебник 1497 года. URL: http://russiahistory.ru/download/libres/istochnik/1073675_17929_sudebnik_1497_goda.pdf (дата обращения: 12.02.2023).
6. *Тихомиров М. Н., Епифанов П. П.* Соборное Уложение 1649 года. М., 1961.
7. *Тихомиров М. Н., Сыроечковский В. С., Лебедев В. И.* Хрестоматия по истории СССР. Т. 1. М., 1951.
8. *Чернов А. В.* Образование стрелецкого войска // Исторические записки АН СССР. М., 1951. Вып. 38.
9. *Черных В. В.* История органов внутренних дел. Иркутск, 2019.

Алексей Сергеевич Степанов,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского центра
(фундаментальных военно-исторических проблем)
Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: alexey-stepanoff@yandex.ru

Органы внутренних дел в борьбе с преступностью в блокадном Ленинграде

Аннотация

Статья посвящена анализу борьбы различных служб и подразделений органов внутренних дел г. Ленинграда с преступностью в период блокады. Рассматриваются различные виды преступлений, в том числе новые, а также зависимость их роста от социально-экономической ситуации в городе. Приводятся данные по работе органов внутренних дел, отраженные в статистике раскрытия разных видов преступлений. Делается вывод, что организатором в этой борьбе выступала Ленинградская городская милиция, а сама борьба проходила в тяжелых условиях, но принесла весомые и заметные результаты.

Ключевые слова и словосочетания: блокада; милиция; БХСС; бандитизм; хищения; кражи; людоедство.

Ситуация с преступностью в г. Ленинграде с начала блокады была весьма непростой. Произошли серьезные перемены в жизни людей, в том числе связанные с резким ухудшением бытовых условий ленинградцев. Скопление людей, близость фронта, доступность огнестрельного оружия – все это также осложнило криминальную обстановку в блокадном городе. Значительная часть трудоспособного населения города была связана казарменным положением на промышленных предприятиях и в различных учреждениях, многие были эвакуированы или мобилизованы на фронт. Из-за этого множество квартир с находящимся в них имуществом были оставлены безо всякого контроля. С другой стороны, из временно оккупированных противником областей их население перемещалось в Ленинград, в том числе и неорганизованно. Неудивительно, что вместе с беженцами и эвакуированными в город также проникал раз-

личный преступный элемент, в том числе освобожденный из тюрем и исправительно-трудовых учреждений прифронтовых районов или завербованный соответствующими немецкими спецслужбами для активизации преступной деятельности, в том числе диверсионной.

В условиях блокады Военный совет Ленинградского фронта 18 сентября 1941 г. принял постановление «Об усилении борьбы с дезертирством и проникновением вражеских элементов в город». В соответствии с этим постановлением устанавливались три заградительные линии южной части города Ленинграда. УНКВД по Ленинградской области поручило охрану второй заградительной линии Ленинградской городской милиции (ЛГМ) [2, с. 57]. На этой линии было организовано пять комендатур, выставлявших 30 контрольно-пропускных постов, на которых проходило службу 356 сотрудников милиции. Кроме этого, выставлялись 20 пикетов ГАИ, личный состав городских отделений милиции и Октябрьской дорожной милиции [6, л. 94]. Только за октябрь и ноябрь 1941 г. на второй заградительной линии и близлежащих к ней территориях было задержано 15 149 человек, в числе которых присутствовали диверсанты, дезертиры и другие преступные элементы [5, с. 107].

Уже в самом начале блокады начались перебои с электроснабжением в жилом фонде, нарушение работы сети общественного транспорта. Но сильнее всего ощущались последствия голода. Блокадник Н. П. Горшков 14 декабря 1941 г. писал в дневнике: «Водопровод работает с перебоями, с небольшим напором. Электрическая энергия экономится для подачи на предприятия оборонного значения. В связи с наступлением сильных холодов и целого ряда недостатков в бытовых условиях жизни наблюдается в последнее время большая смертность среди гражданского населения» [1, с. 45]. Согласно немецкой сводке о ситуации в СССР № 154 от 12 января 1942 г., подготовленной на основании разведывательных данных, в г. Ленинграде значительно увеличилось число случаев голодной смерти, которое почти в 4 раза превышало потери от артобстрелов [3, с. 188]. В свете этих данных необходимо учесть ослабление личного состава органов правопорядка из-за проблем со снабжением продовольствием и сильнейших зимних морозов.

Необходимо отметить, что в период блокады появились новые виды преступлений, в том числе убийства с целью завладения продуктами питания или продовольственными карточками, кражи из квартир фронтовиков или находящихся на казарменном положении, а также эвакуированных из города граждан, грабежи у мест выдачи продовольствия, подделки продовольственных карточек. Временное замораживание работы отдельных предприятий, а так-

же их эвакуация способствовали возникновению различных преступлений, в том числе хищений социалистической собственности и спекуляции. Таким образом, изменился качественный состав преступников и масштабы их деятельности.

К числу новых видов преступлений относилось и людоедство. Это страшное явление получило распространение зимой 1941–1942 гг. Приведем отрывок из докладной записки военного прокурора города А. И. Панфиленко А. А. Кузнецову о случаях людоедства от 21 февраля 1942 г.: «В условиях особой обстановки Ленинграда, созданной войной с фашистской Германией, возник новый вид преступлений.

Все [убийства] с целью поедания мяса убитых, в силу их особой опасности, квалифицировались как бандитизм (ст. 59-3 УК РСФСР).

Вместе с тем учитывая, что подавляющее большинство указанного выше вида преступлений касалось поедания трупного мяса, прокуратура гор. Ленинграда, руководствуясь тем, что по своему характеру эти преступления являются особо опасными против порядка управления, квалифицировала их по аналогии с бандитизмом (по ст. 16-59-3 УК РСФСР).

С момента возникновения в гор. Ленинграде подобного рода преступлений, т. е. с начала декабря 1941 г. по 15 февраля 1942 г., органами расследования за совершение этих преступлений было привлечено к уголовной ответственности: в декабре 1941 г. – 26 чел., в январе 1942 г. – 366 чел. и за первые 15 дней февраля 1942 г. – 494 чел.

...По состоянию на 20 февраля 1942 г. за указанные выше преступления Военным трибуналом осуждено 311 чел.» [2].

Таким образом, из документа следует, что к уголовной ответственности за людоедство только за два с половиной месяца зимы 1941 – 1942 гг. было привлечено 886 человек. По данным Управления НКВД Ленинградского округа весной 1942 г. за людоедство было арестовано более тысячи человек: в марте – 399, апреле – 300 и в мае – 326 [5, с. 112].

Охрана складов с продовольствием, работы хлебозаводов, выдача и отоваривание продовольственных карточек, в первую очередь, находилось в ведение отдела БХСС Управления милиции, а также подразделений милиции и правоохранительных органов [4, с. 161–162].

В спецсообщении А. А. Жданову начальник УНКВД ЛО комиссар госбезопасности 3-го ранга Кубаткин 11 января 1943 г. доносил, что за последнее время вскрыт и ликвидирован ряд преступных групп, которые изготовляли фальшивые продовольственные кар-

точки, а также талоны к карточкам и расхищали по ним в массовом количестве продукты питания [5, с. 110].

Только пристальное внимание органов милиции к этому виду преступлений дало возможность удержать ситуацию с продовольственными карточками под контролем, так как их не только подделывали, но и воровали во время распределения, пускали в оборот те, которые должны были быть уничтожены.

Борьба с бандитизмом характеризовалась следующими данными. Во втором полугодии 1941 г., особенно начиная с осени, за бандитизм было осуждено 159 человек. В первом полугодии 1942 г. эта цифра увеличилась в восемь раз. В результате энергичных действий с волной бандитизма удалось справиться довольно быстро. Если во втором полугодии 1942 г. за бандитизм было осуждено 542 человека, то в первом полугодии 1943 г. только 194 человека [7, с. 39].

Одним из самых распространенным видом преступлений были кражи. К примеру, кражи государственного имущества за период август – декабрь 1941 г. составили 2 507 случаев при раскрываемости 61,6 %. 1942 г. стал пиком показателей кражи государственного имущества за весь период блокады (9 953 преступлений), при этом раскрываемость значительно возросла (83,7 %). В дальнейшем число подобных краж неуклонно снижалось (в 1943 г. их было 2 903, а в 1944 г. – 2 139), процент же раскрываемости возрастал (87,4 % и 89,8 %, соответственно). Самым многочисленным по проявлению являлся такой вид преступлений, как «прочие кражи». В 1942 г. этот вид преступлений просто захлестнул город. Большой процент в «прочих кражах» составляли кражи из квартир граждан, эвакуированных из города или служивших в РККА. Пустующие квартиры привлекали к себе преступный элемент и просто бедствующих людей. Проанализировав динамику квартирных краж и принадлежность субъектов, их совершивших, руководство Управления ЛГМ установило, что только в 1942 г. из всех преступников, совершивших кражи из необитаемых квартир: управхозы и дворники составили 15 %, родственники потерпевших – 17 %, посторонние – 68 %, но в числе последних преобладали соседи по дому и квартире. Естественно, были приняты меры к пересмотру кадрового состава управхозов и дворников [5, с. 116].

Из приведенного материала можно констатировать экстремальный рост преступности в блокадном Ленинграде в период с августа 1941 г. до конца 1942 г. Помимо имевших место быть до войны видов преступлений появился и ряд новых. Борьба органов внутренних дел с преступностью проходила в тяжелых условиях, но принесла весомые и заметные результаты. Как видно из приведенных при-

меров, с преступностью блокадного города боролись все службы и подразделения органов внутренних дел, но организатором в этой борьбе выступала Ленинградская городская милиция.

Список литературы:

1. Блокадные дневники и документы / сост. С. К. Бернев, С. В. Чернов. СПб., 2007 (Серия: «Архив Большого Дома»).
2. Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 / отв. ред. А. Р. Дзенискевич; отв. сост. Н. Ю. Черепенина. СПб., 1995.
3. *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада: в 2-х книгах. СПб., 2004. Кн. 2.
4. *Павлов Д. В.* Ленинград в блокаде. 6-е изд., испр. и доп. Л., 1985.
5. *Панфилец А. В.* Деятельность ленинградской городской милиции по борьбе с преступностью в особых криминогенных условиях фашистской блокады // Ленинград город-фронт. К 70-летию Ленинградской битвы / сост. и отв. ред. Б. П. Белозеров, В. П. Сидоренко. СПб., 2014.
6. *Панфилец А. В.* Ленинградская милиция в годы блокады (сентябрь 1941г. – январь 1944 г.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.
7. Подвиг сотрудников органов внутренних дел при обороне Ленинграда. 1941–1945. СПб., 1995.

Евгений Васильевич Суверов,
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры теории
и истории права и государства
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: suverovev69@mail.ru

Борьба сотрудников милиции с преступным элементом в Томской области (в 90-х гг. XX в.)

Аннотация

Целью данного исследования стало определение основных направлений деятельности сотрудников органов внутренних дел по борьбе с преступностью в отдельно взятом регионе Томской области в 90-е годы прошлого столетия. Криминальная обстановка усложнялась высоким уровнем совершенных преступлений (в том числе и в молодежной среде), обнищанием населения, уходом профессионалов из милицейской службы. В данный период стали создаваться подразделения милиции, специализировавшихся на противодействие организованной преступностью, в том числе и этнической. Важным фактором для обеспечения государственной безопасности стало предотвращение правонарушений в экономической сфере. Свою эффективность доказали созданные в кратчайшие сроки следственно-оперативные группы для расследования преступлений особой важности. Несмотря на многочисленные трудности в целом личному составу УВД Томской области в изучаемый период удалось эффективно противостоять уголовному миру, раскрывая и предотвращая уголовные преступления.

Ключевые слова и словосочетания: *Томская область; милиция; преступность; подразделения; борьба.*

Распад СССР 1991 г. повлек разрыв экономических связей между союзными республиками, что спровоцировало обвал благосостояния среди населения и всплеск преступности, возникновению вооруженных столкновений на почве межнациональных противоречий, что значительно усилило нагрузку на весь личный состав органов внутренних дел.

Только с 1991 по 2001 гг. уровень преступности в России вырос практически в 2 раза, в 2001 г. было зарегистрировано около 3 млн преступлений, а с учетом высокого процента латентных правонару-

шений, этот масштаб был намного выше [2, с. 606]. На территории Октябрьского района города Томска за 4 месяца 1993 г. было совершено 14 убийств, 48 тяжких телесных повреждений, из которых осталось не раскрыто 4 убийства и 14 тяжких телесных повреждений¹.

Тревожной выглядела статистика молодежной преступности, с 1988 по 1992 г. число не работающих и не учащихся подростков, совершивших преступления в стране, возросло с 15 000 до 38 700, а количество участников преступлений в возрасте 14–15 лет, увеличилось на 53,7 % [2, с. 595].

Для раскрытия резонансных преступлений создавались следственно-оперативных групп. Так, 14 мая 1992 г. группой неустановленных лиц (двое из них были одеты в милицескую форму), угрожая огнестрельным оружием, осуществили разбойное нападение на семью П. А. Ботаненко по адресу: город Томск, ул. Б. Подгорная, 166. Злоумышленники завладели деньгами, золотыми изделиями и носильными вещами на сумму свыше 800 тыс. руб. и скрылись в неизвестном направлении. В короткие сроки была создана следственно-оперативная группа из 11 сотрудников, освобожденных от основных обязанностей, в их числе следователи, оперуполномоченные, эксперты, руководители ОРБ УВД и УР Ленинского района, участковые инспектора².

Центром противоправных устремлений стали, прежде всего, крупные материальные и денежные ресурсы общества и государства. Попытки преступников внедриться в сферу экономики, овладеть средствами для организации преступного бизнеса либо паразитировать на доходах, извлекаемых предпринимателями, отличались системностью и настойчивостью [1, с. 39–47].

Экономические преступления наносили серьезный удар по развитию России, переживающей итак не простые времена. Частыми явлениями стали: незаконная приватизация государственных предприятий, вывоз капитала, нажитого преступным путем, за границу, коррупционные схемы. Крупные денежные суммы, добытые незаконным путем, вынуждали организованную преступность и ее лидеров искать способы «отмывания» своих доходов.

В апреле 1993 г. в УВД по Томской области был создан внеструктурный отдел по раскрытию и расследованию дел о хищении по фиктивным кредитам «Авизо» и чекам «Россия» в связи с совершенными хищениями в особых крупных размерах (до 2 млрд рублей), куда был откомандирован ряд следователей, освобожден-

---

¹ Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1126. Л. 108.

² Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1114. Л. 76, 77.

ных от выполнения других служебных заданий по постоянному месту работы¹.

Приблизительно с 1993 г. начинается новый этап в развитии организованной преступности, связанный с активизацией ее легальной деятельности [6, с. 33]. Все эти действия криминала представляли серьезную угрозу суверенитету страны, против данных видов преступной деятельности была направлена деятельность различных подразделений ОВД России.

Сотрудниками МВД России предпринимались меры по сдерживанию преступных посягательств с помощью проводимых специальных операций.

Периодически проводились различные мероприятия по борьбе с определенными видами преступлений, куда привлекались все силы томской милиции. В октябре 1992 г. по всей стране в ходе проведения операции «Арсенал» было задействовано более 200 000 сотрудников милиции, которые изъяли более 10 000 единиц огнестрельного оружия, в том числе 2 400 нарезного, около 1 000 000 штук боеприпасов, было раскрыто 383 убийства, 770 разбоев и грабежей, 202 кражи оружия и боеприпасов. У преступников было обнаружено материальных ценностей на сумму в 1,5 млрд руб. [2, с. 596].

В июне 1992 г. в регионе была объявлена операция «Поиск-92», в связи с бегством из лечебно-трудовых профилакторев (ЛТП) 164 человек и 282 поднадзорных самовольно оставивших стройки народного хозяйства. Для поисков были привлечены сотрудники ЛТП, милиции, сформирована розыскная группа из числа военнослужащих в/ч 6569².

На территории Томской области с 15 по 25 марта 1993 г. была проведена общероссийская операция «Допинг», с 23 по 25 марта 1993 г. был введен в действие комплекс специальных мер «Арсенал». В ходе проведенных мер было выявлено 4 преступления, связанные с нарушением правил учета, хранения и отпуска наркотических средств, раскрыто 24 преступления в сфере незаконного оборота наркотиков и 20 преступлений, совершенных с применением оружия, изъято 145 единиц пистолетов, ружей, автоматов³.

Против представителей криминального мира эффективно действовали подразделения уголовного розыска совместно с отделами по борьбе с организованной преступностью. Сотрудники патрульно-постовой службы (далее – ППС) предотвращали преступные

---

¹ Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 2. Оп. 2. д. 1126. Л. 4.

² Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1114. Л. 329.

³ Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 2. Оп. 2. д. 1126. Л. 4.

замыслы во время осуществления охраны общественного порядка на закрепленной территории, в т. ч. на объектах транспорта. В городе Томске патрулирование осуществлялось силами отдельного батальона ППС (позднее ОБППС), а также отдельных рот ППС [4, с. 184–185].

Еще 30 сентября 1985 г. коллегия МВД СССР впервые констатировала наличие в стране организованных преступных групп и предложила ряд мер по усилению борьбы с опасными проявлениями групповой преступности. В соответствии с ее решением на местах в аппаратах уголовного розыска МВД, УВД создавались специализированные подразделения по борьбе с организованными проявлениями групповой преступности [1, с. 42].

На государственном уровне предпринимались меры по нейтрализации бандитских объединений. В январе 1993 г. оперативно-розыскные бюро УВД были преобразованы в управления по борьбе с организованной преступностью при УВД. На основании Указа Президента Российской Федерации от 14 июня 1994 г. № 1226 «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности», сотрудникам милиции предоставлялось право, по согласованию с прокурором, до возбуждения уголовного дела в отношении лиц, причастных к бандитизму, проводить экспертизу, результаты которой могли стать доказательством. В отношении к подозреваемым и обвиняемым, совершившим тяжкие преступления, подписка о невыезде не применялась, банковская и коммерческая тайны не являлись препятствием к получению необходимой информации. По мере необходимости милиционеры получали право досматривать здания, транспортные средства, а также их водителей и пассажиров [3, с. 172–174].

Преступные группировки зачастую формировались по этническому признаку, перечисляя за рубеж значительные материальные ценности (нажитые нечестным путем), что представляло национальную угрозу интересам страны. В частности, они занимались провозом и реализацией наркотических веществ в России, последствиями которого были сломанные судьбы многих людей, их ранняя смерть, рост преступлений, совершенных наркоманами, и т. д.

Для эффективного противодействия бандитским подпольям создавались спецподразделения. В июне 1992 г. в УВД Томской области было сформирована рота специального назначения ОБППС. Ее командиру – майору милиции Ю. Н. Набиеву было поручено укомплектовать 5 роту ОБПСС личным составом, обладающим физической подготовкой, психологической устойчивостью, способным грамотно действовать в экстремальных ситуаци-

ях. Новому подразделению были поставлены задачи: обеспечение общественного порядка при крупных производственных авариях, катастрофах, стихийных бедствиях, пресечение групповых антиобщественных проявлений, массовых беспорядков, проведение мероприятий по розыску и задержанию вооруженных преступников, участие в мероприятиях по предотвращению угонов автотранспорта, квартирных краж, изъятию оружия. В обычных условиях охрана общественного порядка осуществлялась на центральном и вещевом рынках и в районах города со сложной оперативной обстановкой¹.

Отряд милиции особого назначения был создан в апреле 1993 г. в соответствии с приказом МВД России № 112-93. Сотрудники ОМОНа осуществляли боевое сопровождение криминальной полиции и других подразделений в мероприятиях по задержанию преступников, освобождению заложников, пресечению преступлений террористической направленности [7, с. 96–98].

Предпринимались меры по усилению работы дежурных частей, координировались силы по оперативному задержанию преступников, организации охраны общественного порядка. Приказ МВД России от 20 сентября 1994 г. № 260 «О введении в действие Наставления по организации работы городских, районных ОВД и линейных органов внутренних дел на транспорте» определил, что начальник горрайлинооргана обеспечивал деятельность дежурной части по приему – сдаче дежурства, самостоятельно и с помощью штаба разрабатывал систему контроля в горрайлиноорганах. Начальник подразделения должен был получать информацию о совершенных преступлениях на своей территории, в том числе и не раскрытых, о задействованных силах и средствах, о количестве лиц, содержащихся в изоляторе временного содержания (далее – ИВС), о привлечении к ответственности за нарушение правил административного надзора, о подростках, доставленных в подразделения по делам несовершеннолетних, о нарушении законности и состоянии дисциплины среди личного состава, о результате работы нарядов милиции, об угрозе возникновения или риске и масштабах чрезвычайных ситуаций².

Во время проведения запланированных мероприятий по нейтрализации преступного элемента происходило тесное взаимодействие различных служб, например ОМОНа со службой участковых уполномоченных и патрульно-постовой службой. Во время патрулирования сотрудники ППС имели право задерживать лиц, которые совершали противоправные действия [5, с. 250].

---

¹ Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1114. Л. 331–338.

² Центральный архив МВД России. Ф. 163. Оп. 1. Д. 106. С. 14, 15.

Таким образом, в указанный период в Томской области наблюдался рост преступности, усугублявшийся тяжелым социально-экономическим положением в регионе и оттоком кадров из органов внутренних дел. В регионе регулярно проводились специальные операции по нейтрализации преступного элемента, свою эффективность доказали отдел по борьбе с организованной преступностью, различные спецподразделения, следственно-оперативные группы, патрульно-постовая служба и другие структурные подразделения милиции. Во время оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий широко применялись научно-технические средства. Экономические преступления наносили значительный ущерб российскому государству. Особое внимание уделялось ликвидации этнической преступности.

Список литературы:

1. *Волков Д. В., Красильников С. В.* Создание и правовые основы деятельности по борьбе с организованной преступностью в конце 80-х – середине 90-х гг. XX в. // Актуальные вопросы развития российской государственности и публичного права сборник материалов II всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Е. В. Трофимов. 2016.
2. Министерство внутренних дел. 1902–2002. Исторический очерк. М., 2004.
3. Правовые основы деятельности системы МВД России. Т. 1. М., 1996.
4. *Суверов Е. В.* Состояние служебной дисциплины в подразделениях ППС УВД Томской области в 90-е годы XX в. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2022. № 22-2.
5. *Сытченко А. В., Любаев А.С.* ОМОН: цели, задачи, функции. Юридическая наука и практика // Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. 2019.
6. *Третьяков В. И.* Российская организованная преступность как элемент преступности транснациональной // Юрист-Правоведь. 2004. № 3 (10).
7. *Шабельникова Н. А., Усов А. В.* Деятельность отряда мобильного особого назначения Приморского края по охране законности и правопорядка (1993–2019 гг.) // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : сборник материалов XXIII международной научно-практической конференции: в 2-х ч. / отв. ред. Д. В. Ким. 2020.

Алла Геннадьевна Факурдинова,
кандидат исторических наук,
заместитель начальника
отдела организации дознания
УТ МВД России по ЦФО
E-mail: akartashova3@mvd.ru

Роль квазисудебных органов в становлении советской милиции в 1920–1930 гг.

Аннотация

В статье проанализирована законодательная основа деятельности советской милиции и квазисудебных органов государственной безопасности (всероссийской чрезвычайной комиссии, объединенного государственного политического управления, государственного политического управления, «троек»), выявлены основные нормативные положения, объединяющие рассмотренные органы. Кроме того, рассмотрена роль рабочих дисциплинарных товарищеских судов, комиссий по борьбе с дезертирством, сельских примирительных камер как квазисудебных органов, способствующих «разгрузке» советской милиции. Диктатура пролетариата и революционное правосознание легли в основу формирования правоприменительной практики представленных органов. Определено, что советская милиция, квазисудебные органы государственной безопасности, иные квазисудебные органы находились в тесной взаимосвязи, а также были элементом общей системы правоохранительной деятельности, при этом в рамках этой деятельности отсутствовало дублирование функций друг друга. В статье представлены основные результаты взаимодействия советской милиции с квазисудебными органами, установлена тенденция политизации их деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: советская милиция; всероссийская чрезвычайная комиссия; объединенное государственное политическое управление; государственное политическое управление; тройки; правоохранительные органы; взаимосвязь.

Формирование советской милиции как компонента правоохранительной деятельности происходит в неразрывной связи с квазисудебными правоохранительными органами (ВЧК, ОГПУ, ГПУ) и квазисудебными органами, осуществляющими правоохранитель-

ную деятельность (товарищеские суды, сельские примирительные камеры, комиссии по борьбе с дезертирством). Такое взаимодействие было обусловлено в первую очередь отсутствием деления ветвей власти на законодательную, исполнительную и судебную, а также отсутствием кодификации законодательства. До 1922 г. ссылки на статьи указывались в декретах Совета народных комиссаров РСФСР и иных подзаконных актах, так, «к апрелю 1918 г. имелось 17 специальных уголовно-правовых декретов и 15 актов, определявших отдельные составы преступлений, а к концу июля 1918 г. — соответственно 40 и 69» [3, с. 86].

В связи с постоянными изменениями раннего советского законодательства, а также появлением различных квазисудебных органов, осуществляющих правоохранительную деятельность, изучение их роли в становлении советской милиции делают исследования в этой области важными и актуализируют их.

Правовая природа квазисудебных органов была подробно проанализирована в наших более ранних работах, в целом мы понимаем под ними институционализированные структуры общественного, государственного и смешанного происхождения, по форме деятельности, процедурам, социальному смыслу, выполняющему те функции, которые закреплены с точки зрения современной теории судебного права за судебными органами.

С теоретико-правовой точки зрения правовая природа понятий «правоохранительные органы» и «правоохранительная деятельность» в раннесоветском периоде не была до конца раскрыта, а также не проводилось соотношение этих понятий с деятельностью квазисудебных органов.

Рассмотрение нормативно-правовых актов 1920–1930 гг., регулирующих деятельность советской милиции и квазисудебных органов, наиболее раскрывает их роли в формировании друг друга.

В послереволюционный период 28 октября (10 ноября) 1917 г. постановлением НКВД РСФСР «О рабочей милиции»¹ была создана рабочая милиция, которая находилась в подчинении у Совета рабочих и солдатских депутатов. В сельской местности стала образовываться сельская милиция при содействии крестьянских советов.

Верно отмечает С. Н. Токарева о сущности термина «рабочая милиция», что «применение этого понятия связано с идеологическими установками и классовым подходом, теорией обеспечения

---

¹ О рабочей милиции : Постановление НКВД РСФСР от 28 октября 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 1. 2-е изд. Ст. 15.

общественного порядка путем вооружения трудящихся. Документа о переформировании народной милиции не издавалось: если она не признавала советской власти, то ликвидировалась, в обратном случае – преобразовывалась в рабочую милицию» [6, с. 111].

12 октября 1918 г. НКВД и НКЮ РСФСР был принята Инструкция об организации советской рабоче-крестьянской милиции¹, которая определила милицию как орган, исполняющий волю Советов, и находящийся в их ведении с подчинением НКВД. Инструкцией были закреплены правовые основы деятельности советской милиции, она строилась на иерархической основе от высшего к низшему, так было образовано: главное управление милиции, в губерниях и уездах: губернские и уездные управления, в городах милиция образовывалась только с разрешения НКВД.

Кроме того, гражданам разрешалось на добровольной основе входить с состав отрядов советской рабоче-крестьянской милиции (далее – СРКМ) на местах, а также отряды формировались на основе повинности, с привлечением принудительно граждан. Примечательным было то, что члены отрядов не получали какого-либо денежного довольствия, и оплата им могла производиться только в исключительных случаях, о которых в Инструкции не было указано.

Инструкцией установлены требования к кандидатам на службу в СРКМ, а именно: имеющие гражданство РСФСР, не моложе 21 года, грамотные, не лишённые избирательного права, признающие Советскую власть. Запрещалось принимать на службу лиц, находящихся под следствием или судом, осуждённых за имущественные преступления, ограниченных судом в правах, либо лишённых прав, занимающихся наёмным трудом с целью получения прибыли, торговлей, либо живущих на доходы, полученные путем спекуляции труда, имеющих отклонение в психическом и физическом здоровье, а также служителей различных культов, агентов бывшей полиции и жандармских отделений, либо служивших императорской семье.

На руководящие должности назначались только лица, ставящие интересы рабочих и крестьян превыше всего, имеющие рекомендации социалистических партий, профессиональных союзов, а также местных советов депутатов, что подчеркивает политизацию деятельности советской милиции, а также избирательность круга «нужных» лиц для власти.

---

¹ Об организации советской рабоче-крестьянской милиции : инструкция НКВД и НКЮ РСФСР от 12 октября 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 75. Ст. 813.

Главной задачей советской милиции была «охрана революционного порядка и гражданской безопасности»¹, а также соблюдение интересов рабочих и беднейшего крестьянства. На советскую милицию помимо охраны общественного порядка, проведения дознания возлагались также общественные обязанности (контроль за состоянием дорог, мостов, выдача трудовых книжек и др.).

Декрет СНК РСФСР от 3 апреля 1919 г. «О Советской рабоче-крестьянской милиции»² закрепил на законодательной основе обязательное участие сотрудников милиции на фронте, а также ввел воинскую дисциплину и обучение военному делу в милиции.

Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 10 июня 1920 г.³ определил рабоче-крестьянскую милицию (далее – РКМ), как вооруженный исполнительный орган, что обусловлено военной обстановкой в стране.

Послереволюционный период также породил многочисленное появление квазисудебных органов, регулирующих различные сферы деятельности.

Так, основным квазисудебным органом, тесно взаимодействующим с СРКМ, стала Всероссийская чрезвычайная комиссия (далее – ВЧК), образованная 7 декабря 1917 г. постановлением СНК РСФСР, которая проводила расследования в форме дознания или следствия, выносила решения о наказаниях и исполняла их. Террор и жестокость были основными «принципами» в деятельности ВЧК. Основной целью ВЧК и советской милиции была борьба с преступностью, саботажем и контрреволюцией. Преступность и контрреволюция в указанные периоды были взаимосвязаны, поскольку преступники зачастую прикрывали свои преступные деяния политической повесткой. СРКМ и ВЧК беспрекословно следовали указаниям Советской власти.

Военная обстановка в стране усилила взаимодействие СРКМ и ВЧК, произошло слияние уездных ЧК с уездными управлениями милиции, что послужило формированию политических бюро при уездных начальниках милиции. По решению третьей Всероссийской конференции ЧК 3 июня 1919 г. «О взаимоотношениях между местными чрезвычайными комиссиями и милицией» члены местных ЧК входили в коллегии губернских и уездных отделов управле-

---

¹ Об организации советской рабоче-крестьянской милиции : Инструкция НКВД и НКЮ РСФСР от 12 октября 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 75. Ст. 813.

² О Советской рабоче-крестьянской милиции : Декрет СНК РСФСР от 3 апреля 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 13. Ст. 133.

³ О рабоче-крестьянской милиции (Положение): Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 10 июня 1920 г. // СУ РСФСР. 1920. № 79. Ст. 371.

ний милиции [1, с. 293–294]. Кроме того, наиболее опытные сотрудники ЧК назначались на начальников уголовного розыска [3, с. 87].

После упразднения ВЧК, было образовано Главное политическое управление (далее – ГПУ) при НКВД РСФСР¹, основными задачами которой стала борьба с бандитскими и вооруженными восстаниями, шпионажем, контрреволюцией, охрана государственной тайны, государственной границы, железнодорожных и водных путей сообщений, выполнение заданий ВЦИК и СНК РСФСР. Впервые на законодательном уровне происходит объединение органов государственной безопасности и советской милиции.

Положением² было закреплено право ГПУ производить обыски, аресты, выемки, проводить дознание и следствие, однако право расстрела было не предусмотрено. 27 апреля 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) разрешило ГПУ применять право «непосредственного расстрела на месте бандитских элементов (т. е. участников вооруженных ограблений), захваченных при совершении ими преступления» [4, с. 716]. Кроме того, ГПУ имели право применять расстрел к рецидивистам, сотрудникам ГПУ, совершившим преступления, порочащие честь и достоинство ГПУ, что позволяет деятельность ГПУ признать как квазисудебную.

С образованием СССР было образовано Объединенное ГПУ (далее – ОГПУ)³, которое стало главным органом государственной безопасности, против шпионажа, бандитизма, сохранив право на применение высшей меры наказания. ОГПУ имели право проводить дознание, следствие, ОРМ, применять меры пресечения. В 1924 г. ОГПУ боролись с лицами, способствующими хлебозаготовительному кризису, а также со спекулянтами, применяя к ним наказание в виде помещения в концлагерь.

15 декабря 1930 г. ЦИК и СНК СССР было принято секретное постановление «О руководстве органами ОГПУ деятельностью милиции и уголовного розыска»⁴. Данным постановлением ОГПУ получили право заниматься кадровыми вопросами в отношении руководства уголовного розыска и милиции, фактически советская

---

¹ Об упразднении Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и о правилах производства обысков, выемок и арестов : Декрет ВЦИК от 6 февраля 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 16. Ст. 160.

² Об упразднении Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и о правилах производства обысков, выемок и арестов : Декрет ВЦИК от 6 февраля 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 16. Ст. 160.

³ Положение об Объединенном Государственном политическом управлении и его органах : Постановление Президиума ЦИК СССР от 2 ноября 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 12. Ст. 105.

⁴ О руководстве органами ОГПУ деятельностью милиции и уголовного розыска : Постановление ЦИК и СНК СССР от 20 декабря 1930 г. // АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 3. Л. 157–158.

милиция перешла под контроль ОГПУ. На законодательном уровне ЦИК и СНК СССР 27 декабря 1932 г. приняли постановление «Об образовании Главного управления рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР¹, тем самым определив, что советская милиция переходит под контроль ОГПУ, и лишь в 1934 г. ОГПУ и РКМ вошли в состав НКВД СССР².

В системе ВЧК-ГПУ-ОГПУ действовали «тройки», которые имели право применять смертную казнь. В ОГПУ «тройки» боролись с фальшивомонетчиками. Связь ОГПУ с РКМ прослеживается в создании в 1933 г. милицейских троек, образованных для борьбы с мелкими уголовниками и нарушителями паспортного режима. В 1935 г. после преобразования ОГПУ в НКВД председателем милицейских троек мог быть народный комиссар или его заместитель. Однако, милицейские тройки не имели право расстрела, а применяли только наказания в виде ссылок и помещения в концлагерь.

Отнесение всех рассматриваемых органов государственной безопасности 1920–1930 гг. к квазисудебным органам является справедливым, поскольку ВЧК-ГПУ-ОГПУ-«тройки» занимались вынесением внесудебных приговоров, а также имели право применять расстрел – высшую меру наказания, без суда и следствия.

Как отмечает Г. Т. Камалова, «привлекательность РКМ для спецслужб была в том, что по времени возникновения в Советской России это самый ранний орган диктатуры пролетариата. В количественном отношении – это самое многочисленное учреждение, наиболее приближенное к населению, имевшее разветвленную сеть своих структур» [2, с. 18].

Кроме квазисудебных органов государственной безопасности, послереволюционный период породил и иные квазисудебные органы, активно действующие в стране, в первую очередь, это рабочие дисциплинарные товарищеские суды³, деятельность которых была направлена на борьбу с нарушителями трудовой дисциплины, саботажем рабочих. Рабочие дисциплинарные товарищеские суды проводили расследование и выносили приговоры с самыми суровыми наказаниями: отправление в концлагерь, принудительные работы. Такие наказания зачастую выносились за прогулы, опоздания

---

¹ Об образовании Главного управления рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР : Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. // СЗ СССР. 1932. № 84. Ст. 518.

² Об образовании общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел СССР : Постановление ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. // СЗ СССР. 1934. № 36. Ст. 286.

³ О рабочих дисциплинарных товарищеских судах (Положение) : Декрет СНК РСФСР от 14 ноября 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 56. Ст. 537.

на работу, хищения на производстве. Если при рассмотрении дела товарищеским судом усматривалось уголовное деяние, оно передавалось в органы советской милиции или в Народный суд. Таким образом, рабочие дисциплинарные товарищеские суды разгружали СРКМ, не привлекая ее сотрудников к правонарушениям, совершенным на фабриках и заводах.

Товарищеские суды стали расширяться и в 1930-х гг. к подведомственности их дел относились хищения в общежитиях при фабриках и заводах¹.

Дезертирство, возникшее в послереволюционный период, прогрессировало в стране, в связи с чем были образованы комиссии по борьбе с дезертирством², которые пользовались обширными полномочиями и применяли карательные функции к дезертирам (облавы, обыски, захват заложников, применение штрафов, лишение избирательного права) вплоть до расстрела дезертиров. Комиссии по борьбе с дезертирами «чрезвычайными устрашающими методами, методами оперативной превенции выполняли функции административного надзора и поддержания общественного порядка, функции милиции – в том смысле, который вкладывался в это понятие в постреволюционное чрезвычайное время» [7, с. 100]. Таким образом, взаимосвязь комиссий по борьбе с дезертирством и РКМ отчетливо прослеживалась, поскольку комиссии помогали РКМ бороться с нарушителями общественного порядка (облавы, проверка документов на вокзалах с целью выявления дезертиров).

В 1928 г. в сельских поселениях при сельских советах стали образовываться сельские примирительные камеры, которые проводили дознание по делам (оскорбления, мелкое хулиганство, побои) и выносили решения без привлечения участковых надзирателей, что позволяло разгружать отделы милиции.

Рассматривая роль квазисудебных органов государственной безопасности в становлении советской милиции, можно выделить следующее.

Советская милиция и органы государственной безопасности входили в правоохранительную систему как коллегиальные органы, деятельность которых была направлена на борьбу с преступлениями и контрреволюцией. Рассматривая «правоохранительную деятельность» как юридический термин, можно определить, что это

---

¹ О товарищеских судах на фабрично-заводских предприятиях, в государственных и общественных учреждениях и предприятиях : Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 30 декабря 1929 г. // СУ РСФСР. 1930. № 4. Ст. 52.

² О дезертирстве : Постановление Совета Рабочей и Крестьянской Обороны от 25 февраля 1918 г. // СУ РСФСР. 1919. № 99. Ст. 1015.

деятельность государственных органов по борьбе с преступностью, защите прав и свобод человека. Однако, учитывая революционное правосознание как единственный легитимный источник права, сложно отнести квазисудебные органы, применяющие карательные функции и наказания к органам, осуществляющим защиту прав и свобод человека. Полагаем, применительно к конкретному историческому этапу формирования советской государственности необходима корректировка наполнения сложившегося понятия «правоохранительная деятельность».

Учитывая рассмотренную быстро меняющуюся законодательную базу деятельности правоохранительных органов, отнесение их к категории чрезвычайных по нашему мнению не является верным, поскольку законодателем они создавались как стабильные юридические институты, регулирующие ту или иную сферу деятельности жизни.

Советская власть и ее законы был главными для советской милиции и квазисудебных органов государственной безопасности, что также позволяет отследить их взаимосвязь в рассмотренных нормативно-правовых актах.

На протяжении всего изучаемого периода происходит подчинение СРКМ органам государственной безопасности, особенно это проявляется в 1922 г., когда ГПУ и РКМ находились в ведении НКВД РСФСР под председательством Ф. Э. Дзержинского. Кроме того, вмешательство ОГПУ в кадровые вопросы в РКМ позволяло ОГПУ приводить на службу нужных им лиц.

Таким образом, в рассматриваемый период не было четкого деления государственных и общественных структур в правоохранительной системе. Органы советской власти подчиняли себе как СРКМ, органы государственной безопасности, так и иные квазисудебные органы, действующие во имя советской власти, карая неудобных ей лиц. Исключительным является то, что СКРМ и квазисудебные органы не дублировали функции друг друга. Советская милиция, созданная в духе конституционной диктатуры пролетариата, четко следовала указаниям Советской власти, что не могло не оставить отпечаток на ее деятельности.

Список литературы:

1. Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии, 1917–1921 гг. : сборник документов. М., 1958.

2. Камалова Г. Т. Подразделение ВЧК – ГПУ – ОГПУ в системе органов государственной власти // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 7 (266).

3. *Колемасов В. Н.* Органы государственной безопасности и милиции в борьбе с преступностью (1917–1934 гг.) // *Lex Russica (Русский закон)*. 2016. № 7 (116).

4. *Коломиец К. А.* Правовое обоснование введения внесудебных полномочий органов госбезопасности в Советском государстве в 1920-е годы // *Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского*. 2012. № 27.

5. *Советская милиция: история и современность (1917–1987)* / под ред. А. В. Власова. М., 1987.

6. *Токарева С. Н.* Нормативно-правовые основы организации советской милиции в 1918 г. // *Историко-правовые проблемы*. 2016. № 17.

7. *Факурдинова А. Г.* Система квазисудебных институтов в советском обществе 1920-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2021.

Лев Олегович Хон,
адъюнкт факультета подготовки научных
и научно-педагогических кадров
Академия управления МВД России
E-mail: khon91@mail.ru

Развитие пенитенциарной системы в ведении МВД Республики Казахстан (2011–2020 гг.)

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются исторические моменты развития организационных и правовых основ деятельности органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания в Республике Казахстан с 2011 по 2020 гг. Автором акцентировано внимание на функционирование пенитенциарной системы в составе Министерства внутренних дел Республики Казахстан.

Ключевые слова и словосочетания: *уголовно-исполнительная (пенитенциарная) система; органы внутренних дел; пенитенциарные учреждения; пробация.*

Изучение исторических аспектов развития пенитенциаристики представляет насущную необходимость, т. к. и сегодня требуется осознание причин негативных явлений, поиск средств их исправления [3, с. 7].

В первое десятилетие XXI в. пенитенциарная система находилась в ведении Министерства юстиции Республики Казахстан. Несмотря на ряд положительных моментов в области расширения и соблюдения прав осужденных, улучшения условий отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях были выявлены и отрицательные стороны исполнения наказания, которые в ухудшении криминогенной обстановки и ослаблении режима содержания осужденных в местах лишения свободы.

В пенитенциарных учреждениях Казахстана, как и в других государствах Центральной Азии, обострилась проблема религиозного экстремизма [2, с. 33].

Например, в июне 2010 г. в городе Актау произошло трагическое событие, связанное с насильственным вооруженным побегом большого количества осужденных из колонии строгого режима [4], а в июле 2011 г. группа осужденных совершила попытку вооружен-

ного побега в колонии общего режима, расположенной в городе Балхаш [5].

Политическое руководство Казахстана, опасаясь распространения религиозного радикализма в пенитенциарных учреждениях и традиционного упования на роль усиления и ужесточения государственного контроля, приняло решение о передаче в 2011 г. уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы в силовое ведомство – МВД Республики Казахстан. Надо заметить, что облик МВД Республики Казахстан изменился по сравнению с первыми годами истории суверенного Казахстана.

В апреле 2014 г. принимается Закон Республики Казахстан «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» № 199-V ЗРК¹. Согласно ст. 7 Закона пенитенциарная система совместно с полицией, военно-следственными органами и Национальной гвардией образуют единую систему ОВД Республики Казахстан. Нормы Закона Республики Казахстан об ОВД 2014 г. восполнили пробелы правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы, конкретизировали и определили функции, задачи и полномочия в структуре исполнительной власти государства.

Следует отметить, что отличительная особенность рассматриваемого Закона 2014 г. от Законов, принятых в 1992 г. и 1995 г., заключается в отсутствии норм, регламентирующих прохождение службы, так как они были отражены в Законе Республике Казахстан № 380-IV «О правоохранительной службе»².

Изменение подведомственности не повлияло на снижение численности тюремного населения и совершенствование практики применения альтернатив лишению свободы. В Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года³ было обозначено расширение уголовно-правовых мер, не связанных с изоляцией от общества. Предусматривалась выработка соответствующих подходов для более активного применения судами мер наказания, альтернативных лишению свободы, а также повышение

---

¹ Об органах внутренних дел Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 23 апреля 2014 г. № 199-V ЗРК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000199> (дата обращения: 19.03.2022).

² О правоохранительной службе: Закон Республики Казахстан от 6 января 2011 г. № 380-IV. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000380> (дата обращения: 19.03.2022).

³ О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года: Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 г. № 858. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U090000858> (дата обращения: 19.03.2022).

эффективности их исполнения. Это обусловило институциональное развитие специализированного органа, ответственного за исполнение таких мер.

Таким образом, важным моментом в рамках процесса «реинтеграции» правонарушителей в здоровое общество является созданная в 2012 г. служба пробации. Структурно она была образована на базе функционировавших ранее уголовно-исполнительных инспекций¹. Пробация получила широкое распространение в странах Западной, Центральной и Восточной Европы, Азии, на американском континенте.

В декабре 2016 г. принимается Закон Республики Казахстан «О пробации», который дал ее официальное определение и закрепил 4 вида пробации: досудебную, приговорную, пенитенциарную и постпенитенциарную. Таким образом, пробация сопровождает правонарушителя с момента, когда наказание им будет открыто и появится необходимость в получении социальной, психологической и иной помощи для ресоциализации.

Одновременно шла работа по подготовке нового законодательства антикриминогенного цикла. На этом пути Казахстан снова оказался первым государством в Центральной Азии. Настал такой момент, когда прежнее уголовное, уголовно-исполнительное законодательство, принятое в первые годы государственного суверенитета, оказалось устаревшим и не отвечающим духу современным общественным отношениям.

В июле 2014 г. принимаются новый Уголовный кодекс Республики Казахстан (Закон Республики Казахстан № 226-VЗ)² и Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан (Закон Республики Казахстан № 234-V)³. Данное событие можно считать новым этапом в развитии уголовной и уголовно-исполнительной политики государства.

На протяжении 16 лет действовали УК и УИК Республики Казахстан, принятые в 1997 г. В период своего действия они неоднократно подвергались изменениям и дополнениям. Это объяснялось динамичностью развития общественных процессов в системе

---

¹ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам службы пробации: Закон Республики Казахстан от 15 февраля 2012 г. № 556-IV. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000556> (дата обращения: 19.03.2022).

² Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗПК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 19.03.2022).

³ Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 г. № 234-V ЗПК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000234> (дата обращения: 19.03.2022).

исполнения наказаний, тенденциями к гуманизации рассматриваемой сферы. Некоторые изменения были обусловлены необходимостью снижения численности лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях.

В соответствии с этими Кодексами были приняты Правила организации деятельности службы пробации, утвержденные приказом министра внутренних дел Республики Казахстан от 15 августа 2014 г. № 511¹, в связи с этим приказ МВД Республики Казахстан от 19 марта 2012 г. № 157², регламентирующий деятельность службы пробации при уголовно-исполнительной инспекции, утратил свою силу.

Важно подчеркнуть, что новшеством уголовно-исполнительного законодательства стала классификация пенитенциарных учреждений. Вместо привычных еще с Советского времени исправительных колоний различных режимов появились учреждения с разными уровнями безопасности. В соответствии со ст. 89 УИК Республики Казахстан 2014 г. учреждения подразделяются на 7 видов:

- 1) учреждение минимальной безопасности;
- 2) учреждение средней безопасности;
- 3) учреждение средней безопасности для содержания несовершеннолетних;
- 4) учреждение максимальной безопасности;
- 5) учреждение чрезвычайной безопасности;
- 6) учреждение полной безопасности;
- 7) учреждение смешанной безопасности.

Необходимо подчеркнуть, что подобная классификация пенитенциарных учреждений Казахстана должна пониматься правильно. Например, учреждение минимальной безопасности не означает, что в нем безопасность осужденных сведена к минимуму, название говорит о размещении в данном учреждении наименее опасных осужденных. В их отношении допустимы минимально необходимые ограничения контроля и безопасности, а в учреждении максимальной безопасности, напротив, используется максимальный объем пенитенциарного контроля и ограничения в отношении осужденных представляются более жесткими.

---

¹ Об утверждении Правил организации деятельности службы пробации : приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 15 августа 2014 г. № 511.

² Об утверждении Правил организации деятельности службы пробации уголовно-исполнительной инспекции : приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 19 марта 2012 г. № 157.

В мае 2015 г. принимается Программа Президента Республики Казахстан «План нации – 100 конкретных шагов»¹. Согласно данной Программе в целях обеспечения верховенства закона в п. 33 было запланировано выстроить работу социальной реабилитации лиц, освободившихся из пенитенциарных учреждений и находящихся на учете службы пробации. Кроме того, в п. 34 Программы акцентируется идея модернизации пенитенциарной инфраструктуры путем развития государственно-частного партнерства (далее – ГЧП).

В целях обеспечения безопасности личности, соблюдения прав и законных интересов лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, Концепцией правовой политики до 2020 г. было закреплено приоритетное направление в преобразовании пенитенциарной системы, которое заключалось в постепенном переходе к покамерному порядку содержания. Данное содержание подразумевало нахождение в дневное время осужденного за пределами камеры, возможность передвижения и межличностного общения в пределах учреждения, а в ночное время – изоляцию в отдельном помещении.

Таким образом, с 2011 по 2020 гг. в Республике Казахстан были проведены преобразования в законодательстве, которые регламентировали деятельность уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы. Принимаются ныне действующие Законы Республики Казахстан «О правоохранительной деятельности» и «Об органах внутренних дел». Также был принят УИК Республики Казахстан 2014 г., в котором были даны определения уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы, службы пробации, а также регламентированы наименования учреждений.

Исследуемый период характерен тем, что пенитенциарная система была возвращена в МВД Республики Казахстан. При этом были проведены организационно-правовые преобразования, направленные на развитие системы исполнения уголовных наказаний, принимались программы развития УИС, совершенствовался механизм ее взаимодействия с обществом.

Список литературы:

1. *Рахимбердин К. Х.* Гражданское общество Казахстана и его роль в гуманизации уголовной политики. Усть-Каменогорск, 2011.

---

¹ Программа Президента Республики Казахстан от 20 мая 2015 года: План нации – 100 конкретных шагов. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000100> (дата обращения: 19.03.2022).

2. *Рахимбердин К. Х.* Преодоление наследия ГУЛАГа: из прошлого в современность уголовно-исполнительной системы Казахстана : монография. Нур-Султан, 2022.

3. *Реент Ю. А.* История уголовно-исполнительной системы и органов юстиции России : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2022.

4. Побег из колонии строгого режима в Актау. URL: <https://titus.kz/?previd=18562&ysclid=lbsetqo4j1121005540> (дата обращения: 04.03.2022).

5. Хроники террора в Казахстане. Дерзкий побег и перестрелка. Из колонии строгого режима в Актау сбежали около 20 заключенных. URL: <https://www.ktk.kz/ru/news/video/2010/06/22/8830/?ysclid=lbda9n7jl2809161000> (дата обращения: 04.03.2022).

Алексей Станиславович Ченцов,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
научно-исследовательского центра
(фундаментальных военно-исторических проблем)
Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации

Особенности деятельности органов МВД СССР на территории Калининградской области в 1946–1949 гг.

Аннотация

История создания и функционирования органов внутренних дел Калининградской области в первые послевоенные годы фактически не получила достаточного освещения в отечественной историографии. Вместе с тем эти вопросы в настоящее время приобретают особую актуальность, что связано, в первую очередь, с тем обстоятельством, что накопленный опыт освоения территорий, ранее находившихся в другом государственном и правовом пространстве, крайне востребован в рамках интеграции новых регионов, вошедших в состав Российской Федерации.

По итогам Потсдамской конференции 1945 г. территория бывшей германской провинции Восточной Пруссии была разделена между Советским Союзом и Польшей. На вошедшей в состав СССР части провинции Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1946 г. была сформирована Кенигсбергская область, переименованная 4 июля 1946 г. в Калининградскую. Однако до середины 1947 г. руководство Калининградской областью осуществляли чрезвычайные органы управления – Кенигсбергское (Калининградское) областное управление по гражданским делам и его местные органы, что было связано с невозможностью быстрого создания конституционных органов власти в регионе, большинство населения которого составляли граждане Германии.

Официальной датой создания органов внутренних дел Калининградской области считается 24 мая 1946 г. В этот день был издан приказ МВД СССР № 00484, которым утвержден штат областного Управления МВД. Начало функционирования правоохранительных органов в Восточной Пруссии следует отнести к моменту вступления на ее территорию советских войск в январе 1945 г. На основании приказа НКВД СССР от 11 января 1945 г. № 0016 «О мероприятиях по очистке тылов действующей Красной армии от вражеских

элементов» на фронтах был создан институт Уполномоченных НКВД СССР, заместителями которых являлись начальники управлений контрразведки «Смерш» и начальники войск НКВД СССР по охране тыла фронтов [1, с. 59–62]. При каждой армии была создана оперативная группа НКВД СССР, в оперативном подчинении которой находились подразделения войск НКВД СССР по охране тыла действующей Красной армии. В последующем, во время проведения операции по очистке Восточной Пруссии от враждебного элемента в мае – июне 1945 г., территория провинции была разделена на 8 оперативных секторов, общее руководство деятельностью которых осуществлял штаб руководителя операции заместителя народного комиссара внутренних дел СССР генерал-полковника А. Н. Аполлонова¹.

В конце сентября 1945 г., на территории Восточной Пруссии, отошедшей к Советскому Союзу, был сформирован аппарат Уполномоченного НКВД СССР по Восточной Пруссии, переформированный в соответствии с приказом НКВД – НКГБ СССР от 4 января 1946 г. № 004/002 в аппарат Уполномоченного НКВД – НКГБ СССР в Восточной Пруссии [2, с. 17]. Именно эта структура стала основой для формирования Управления МВД по Калининградской области.

Следует отметить, что при формировании Управления фактически сразу возникли определенные трудности, связанные с его укомплектованием, которое осуществлялось как за счет имевшегося личного состава, так и сотрудников, прибывших по разверстке Отдела кадров МВД СССР. По состоянию на 15 июня 1946 г. в аппарате областного управления МВД было укомплектовано всего 55 % должностей. Фактически не были сформированы отдел пожарной охраны, отдел исправительно-трудовых учреждений, архивный отдел и отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. Более сложным было положение с комплектованием двух городских, пяти районных отделов и восьми районных отделений МВД, где процент укомплектованности составлял от 21,8 %, до 29,4 %². Нехватка личного состава, большая текучесть кадров из-за неблагоприятных бытовых и материальных условий серьезным образом влияли на деятельность органов МВД в Калининградской области.

В первые послевоенные годы оперативная обстановка на присоединенной к СССР территории по сравнению с другими регионами

---

¹ РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 178. Л. 10–10 об.

² ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 88–88 об.

страны была более сложной и специфической. Основным населением Калининградской области до 1948 г. оставались немцы – граждане Германии, значительная часть которых в прошлом принадлежала к различным нацистским организациям и достаточно настойчиво относилась к мероприятиям, проводимым как военными, так и гражданскими властями. Несмотря на определенные меры поддержки немецкого населения, его большая часть находилась в сложном материально-бытовом положении, что приводило к массовой смертности немецкого населения. Начальник Управления МВД по Калининградской области генерал-майор Б. П. Трофимов в своем докладе о политико-моральном состоянии области по состоянию на 1 января 1947 г. отмечал, что «в Калининграде в отдельные месяцы (1946 г.) умирало более 2 тыс. человек»¹. Подобная ситуация продолжала сохраняться и в 1947 г., когда органы МВД зафиксировали в Калининграде 12 случаев людоедства². Все это приводило к росту уголовных преступлений (кражи продуктов, грабежи и убийства) в среде немецкого населения.

Включение части Восточной Пруссии в состав СССР фактически сразу привело к бесконтрольному въезду на ее территорию различного уголовного элемента, который предполагал легкую наживу в виде оставшегося немецкого населения. Так, 23 июля 1946 г. органами МВД в Калининграде была ликвидирована бандгруппа под руководством В. И. Малофеева, прибывшая в область из Бобруйска, где совершила несколько преступлений, с целью грабежа немцев. У бандитов изъяты 3 пистолета и 105 патронов к ним³. Кроме того, широкое распространение приобрело объединение работников различных предприятий, прибывших в Калининградскую область, а также военнослужащих из состава воинских частей, расквартированных на территории области, в группы, занимавшиеся грабежом немецкого населения.

Сложная оперативная обстановка потребовала от органов МВД проведения первоочередных мер, направленных на учет населения и его паспортизацию. Кроме того, этого требовал и особый статус Калининградской области, введенный постановлением Совета министров СССР от 29 июня 1946 г. № 1435-631 сс «О запретной пограничной полосе и береговой пограничной полосе». В соответствии с приказом начальника областного гражданского управления В. А. Борисова от 5 сентября 1946 г. № 131сс вся территория Кали-

---

¹ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 11. Л. 6.

²ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 6. Л. 20 об.

³ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 5. Л. 4, 34.

нинградской области была включена в запретную пограничную зону, в которой ограничивалось передвижение гражданского населения, проводилась сплошная паспортизация, въезд и проживание разрешалось только по пропускам, выдаваемыми органами внутренних дел по месту жительства, а также запрещался прием на работу лиц, не имеющих документов на право проживания в области [3, с. 15].

Несмотря на определенные трудности, органы МВД Калининградской области смогли закончить мероприятия по паспортизации и прописке населения к 1 октября 1946 г. В последующем регулярно проводились сплошные проверки населенных пунктов, направленные на выявление лиц, не имеющих документов на право пребывания в запретной зоне. Так, 29 апреля 1947 г. в Калининграде была проведена проверка всех мест общего пользования, а также разрушенных зданий, бомбоубежищ, подвалов, чердаков, садов и пустырей с одновременной проверкой документов у гражданских лиц и военнослужащих как на улицах города, так и в жилых домах. Для проведения операции выделялось 573 человека¹.

Одновременно с проведением мероприятий по паспортизации и прописке населения была организована работа по проверке большого количества репатриантов, осевших на жительство в Калининградской области. В соответствии с совместным приказом начальника Управления МВД и начальника оперативной группы МГБ по Калининградской области от 4 июля 1946 г. № 0051/002 были сформированы проверочно-фильтрационные комиссии, приступившие к работе с 10 августа 1946 г. и имевшие задачу выявления среди репатриантов лиц, являвшихся агентами иностранных разведок, изменниками Родины и пособниками немецких оккупантов². Уже к 10 декабря 1946 г. проверочно-фильтрационными комиссиями среди 9 526 выявленных репатриантов было выявлено и арестовано 42 человека, являвшимися агентами немецкой и румынской разведок, а также пособниками оккупантов. Работа по фильтрации репатриантов продолжалась в течение всего рассматриваемого периода. В результате по состоянию на 1 января 1950 г. проверочно-фильтрационными комиссиями была осуществлена фильтрация 11 612 репатриантов, по результатам которой были выдворены за пределы Калининградской области – 2 564, арестованы – 245, направлены на спецпоселение – 69 человек³.

---

¹ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 8. Л. 95–96.

²ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 3. Л. 104–105.

³ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 42. Л. 233.

С середины 1946 г. началось массовое заселение области русским населением. В соответствии с постановлением Совета министров СССР от 9 июля 1946 г. № 1522 «О первоочередных мероприятиях по заселению районов и развитию сельского хозяйства Калининградской области» предполагалось на добровольных началах переселить 12 тыс. семей колхозников из 23 областей и автономных областей РСФСР и Белорусской ССР. Для руководства приемом, расселением и устройством прибывающих поселенцев были созданы областная и районные комиссии, в состав которых включались представители органов внутренних дел¹. Районными отделами и отделениями МВД были разработаны планы по охране общественного порядка и имущества переселенцев, особое внимание в которых обращалось на привлечение общественности в помощь органам внутренних дел, предупреждение случаев грабежей переселенцев, а также вербовку агентуры в их среде с целью выявления преступников и подозрительного элемента. Кроме того, планы предусматривали установление тесной связи участковых уполномоченных с руководством колхоза для быстрого реагирования на возможные эксцессы в пунктах расселения колхозников².

В условиях неоднородности населения Калининградской области основное внимание органы МВД уделяли вопросам борьбы с бандитизмом и охране общественного порядка. Так, в августе – ноябре 1946 г. в области было зарегистрировано 39 случаев бандпроявлений, в том числе 2 нападения на советско-партийный актив, 31 вооруженное ограбление и 6 убийств. Большая часть бандитов, как это было указано выше, являлась лицами, прибывшими на территорию области в целях «поиска трофеев». В ходе 32 чекистско-войсковых операций, проведенных органами внутренних дел совместно с подразделениями 63-й стрелковой дивизии внутренних войск, было ликвидировано 11 банд (41 человек) и 20 бандитов-одиночек. У бандитов изъяты 14 пулеметов, 58 автоматов, 208 винтовок, 35 пистолетов, 231 граната, 14 710 патронов³.

Наиболее крупной немецкой бандой, действовавшей в Калининграде, была банда Ханса Глиницкого, сформированная в начале 1947 г. В ее состав входили более 10 человек, в том числе и один русский – шофер средней школы № 2 города Калининграда И. И. Журавлев. Банда совершала нападения на городские магазины и склады с продуктами и материальными ценностями, а также

---

¹ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 4. Л. 43–50.

²ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 5. Л. 25.

³ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 5. Л. 60, 65, 71, 91.

убийства как гражданских лиц, так и сотрудников милиции. В ходе подготовки преступлений бандитами велась предварительная разведка объектов (наблюдение, знакомство с охраной). Большая часть преступлений совершалась при помощи разбора стен. Награбленные вещи реализовывались бандитами через жен и сожительниц на рынках Калининграда и Советска. Банда была ликвидирована в марте 1948 г. при подготовке к ограблению двух складов городского отдела торговли промышленными товарами.

В 1948 г. в целях пресечения случаев бандитизма Управлением МВД по Калининградской области практиковалась высылка оперативных групп в районы, в которых складывалась наиболее сложная обстановка. Активно осуществлялись репрессивные меры по отношению к преступникам и их пособникам, а также применялись меры административного удаления из области сомнительного элемента. В результате предпринятых мер уже в I квартале 1948 г. количество бандпроявлений снизилось до 5 (все – вооруженное ограбление), а во II квартале 1948 г. – до 1¹.

Следует отметить, что несмотря на близость Литовской ССР и значительное число проживавших литовцев в восточных районах Калининградской области, здесь фактически не отмечалась деятельность литовских националистических формирований. Единственный случай, зафиксированный органами МВД, произошел в сентябре 1948 г., когда в колхозе «Победа» группа литовских националистов совершила убийство двух трактористов и скрылась на территории Литвы.

Для организации борьбы с бандитизмом в район были направлены 2 оперативных работника отдела по борьбе с бандитизмом Управления МВД по Калининградской области с группой военнослужащих 106-го отдельного батальона войск МВД, которая в последующем была усилена подразделением 349-го полка конвойных войск МВД. В тесном взаимодействии с Краснознаменским районным отделением МГБ и Шакайским уездным отделением МГБ в октябре 1948 г. были проведены 5 чекистско-войсковых операций по проверке лесных массивов, в каждой из которых принимали участие от 50 до 100 сотрудников МВД, МГБ и войск МВД. На возможных участках переправы бандитов через р. Шешупа были выставлены 11 засад по 10–12 человек каждая. Одновременно с этим в 7 приграничных колхозах Калининградской области были сформированы 7 бригад содействия из числа фронтовиков общей численностью 49 человек. Помимо проведения чекистско-войсковых

---

¹ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 44. Л. 20–25, 40, 83 об.

мероприятий была проведена значительная агентурно-оперативная работа, в ходе которой осуществлялись выявление и разработка пособников бандитов из числа жителей Краснознаменского района. В результате проведенных мероприятий были ликвидированы 11 членов националистических вооруженных формирований, в том числе и группа, совершившая преступление в колхозе «Победа»¹.

Следует отметить, что на снижение уголовной преступности и бандитизма существенным образом повлияло переселение немецкого населения в советскую зону оккупации Германии. По мнению руководства Управления МВД по Калининградской области, именно наличие немцев «разлагающе действует на наиболее неустойчивую часть не только гражданского советского населения, но и на военнослужащих..., способствует развитию шпионажа в результате внедрения немцев в быт советских людей путем широкого использования их в качестве низко оплачиваемой или вообще бесплатной прислуги»².

Организованное переселение немцев было начато в марте 1947 г. В соответствии с распоряжением начальника Управления МВД по Калининградской области от 22 февраля 1947 г. № 10 лица, желающие выехать в Германию, должны были написать заявление на русском и немецком языках. Работающие немцы, кроме того, должны были предъявлять справки о том, что руководство предприятия не возражает против их увольнения³. В течение марта – апреля 1947 г. от немецкого населения поступило 5 017 заявлений на выезд, из которых по 760 было принято положительное решение⁴.

В соответствии с постановлением Совета министров СССР от 11 октября 1947 г. № 3547-1169с в октябре – ноябре 1947 г. предполагалось переселить в советскую зону оккупации Германии 30 тыс. немцев, проживающих в Калининградской области (жители города Балтийска и населенных пунктов, расположенных на побережье Балтийского моря, нетрудоспособные лица, не занятые общественно-полезным трудом, немецкие дети, находящиеся в детских домах, и престарелые немцы, проживающие в домах инвалидов) [4, с. 635]. В специальной инструкции, разработанной Управлением МВД по Калининградской области, отмечалось, что определение лиц, подлежащих переселению и установление очередности отправки осуществлялось начальником Управления МВД по согласованию

---

¹ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 44. Л. 153–155.

²ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 6. Л. 20 об.

³ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 3. Д. 12. Л. 35.

⁴ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 6. Л. 25.

с председателем областного исполнительного комитета и начальником Управления МГБ. Организация переселения на местах возлагалась на областную и районные оперативные группы, в состав которых входили представители МВД, МГБ и исполнительной власти. Всего же за период с 22 октября по 30 ноября 1947 г. было отправлено в советскую зону оккупации Германии 14 эшелонов, в которых находились 30 283 человека¹.

Постановление Совета министров СССР от 15 февраля 1948 г. № 333-122с предполагало выселить из Калининградской области уже все немецкое население в два этапа: в марте – апреле 1948 г. – 25 тыс. человек, в августе – сентябре 1948 г. – еще 37,3 тыс. человек. К концу 1948 г. в советскую зону оккупации Германии были переселены 71 842 человека (в том числе и немцы, проживающие на территории Литовской ССР) [4, с. 639].

Таким образом, проведенный анализ позволяет выявить ряд особенностей деятельности органов МВД Калининградской области в период интеграции бывшей территории германской провинции в состав РСФСР. Основной из них было тесное вовлечение органов внутренних дел в формирование нового национального состава области (участие в переселении колхозников из различных областей СССР, фильтрации репатриированных граждан СССР, осевших на жительство на территории Калининградской области, выселении немецкого населения в советскую зону оккупации Германии). Следует отметить, что все эти мероприятия проводились не самостоятельно, а в тесном взаимодействии с органами МГБ и исполнительной власти. Основное внимание органов МВД в рассматриваемый период было уделено проблеме борьбы с бандитизмом, который приобрел широкий размах вследствие большого количества лиц, прибывающих на территорию Калининградской области в поисках «трофеев», а также неблагоприятных материально-бытовых условий в среде немецкого населения. Проводимые мероприятия (чекистско-войсковые операции, высылка оперативных групп, расширение работы с агентурой) позволили в достаточно короткий срок стабилизировать обстановку в области.

Список литературы:

1. Аппарат НКВД – МГБ в Германии. 1945–1953 : сборник документов. М., 2009.

---

¹ОСФ ИЦ УМВД КО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–6, 36–38.

2. Калининградская милиция: Очерки, воспоминания, документы, 1946–2001 гг. Калининград: ФГУИПП «Янтарный сказ», 2001. 348 с.

3. Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. Калининград: Terra Балтика, 2009. 352 с.

4. Сталинские депортации. 1928–1953 / сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М.: Международный фонд «Демократия», издательство «Материк», 2005.

Наталья Алексеевна Шабельникова,
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин
Владивостокский филиал
Дальневосточного юридического
института МВД России
E-mail: nhistorik@mail.ru

История органов внутренних дел Дальнего Востока России в современных исследованиях и библиографии

Аннотация

Статья посвящена анализу истории органов внутренних дел Дальнего Востока в исследованиях и библиографии. Обращается внимание на то, что цивилизованному развитию Российского государства и спокойной жизни его граждан на дальневосточных рубежах во многом способствовали органы внутренних дел. С периода создания и до настоящего времени, являясь представителями власти, стражи правопорядка обеспечивали соблюдение законности, защиту населения, пресекали многочисленные виды преступного промысла, наносящего ущерб социальной и экономической стабильности в регионе. Делается акцент на том, что обобщение исторического опыта развития правоохранительных структур позволяет дать оценку современным органам внутренних дел и определить перспективы их развития. Выделяются основные направления научных исследований, в том числе и в рамках научной школы по истории правоохранительных органов Дальнего Востока. Дается краткий обзор исследований в рамках обозначенной тематики. Автор приходит к выводу о необходимости дальнейшего изучения истории органов внутренних дел на основе расширения источниковой базы, постановки новых проблем и вопросов, научного анализа и критического подхода к оценке имеющихся исследований.

Ключевые слова и словосочетания: история; органы внутренних дел; современные исследования; библиография; Дальний Восток; Россия; перспективы изучения.

Цивилизованному развитию Российского государства и спокойной жизни его граждан на дальневосточных рубежах во многом способствовали органы полиции. Являясь представителями власти, стражи правопорядка обеспечивали соблюдение законности, защи-

ту населения, пресекали многочисленные виды преступного промысла, наносящего ущерб социальной и экономической стабильности в регионе.

Полна героических подвигов и история советской милиции Дальнего Востока. Ее сотрудники противостояли преступности в период революции, Гражданской войны и интервенции. Следующее поколение сотрудников правопорядка боролось с фашистскими захватчиками и японскими милитаристами, а после окончания войны поднимало Родину из руин и достойно охраняло общественный порядок. В последующем большинство сотрудников дальневосточной милиции с честью несли службу в непростой и противоречивый период развала СССР, не только противостояли преступности, но и создавали необходимые условия для жизни и созидательного труда граждан нашего Отечества.

Реформирование системы органов внутренних дел в 2011 г. внесло новые коррективы, но неизменными остаются борьба с любыми проявлениями преступности, обеспечение общественного порядка и покоя, защита наших граждан и интересов государства.

В кризисных современных условиях, осложнившихся внешнеполитическими реалиями, значимость и ответственность сотрудников органов внутренних дел неуклонно возрастает и усиливается. Важно отметить, что где бы ни трудились дальневосточники – в дежурных нарядах и засадах на тех, кто «честно жить не хочет», с жезлом на вымокших под холодным дождем дорогах и на блокпостах в «горячих точках», – всюду они показывают многочисленные примеры беззаветного служения Отечеству.

И сегодня наследники славных традиций предыдущих поколений дальневосточников честно и добросовестно выполняют свой служебный долг, остаются верными Присяге – «Служим России – служим народу!».

Изучение истории органов внутренних дел современными отечественными учеными происходит в рамках исследования общих закономерностей и особенностей становления конкретных структурных подразделений в определенной исторической ретроспективе. Обобщение исторического опыта развития правоохранительных структур позволяет дать оценку современным органам внутренних дел и определить перспективы их развития. Кроме того, изучение истории подразделений стражей правопорядка в различные периоды является ориентиром в процессе воспитания подрастающего поколения в духе любви к Родине, уважения ее истории. Для граждан наша история порой становится откровением, «моментом исти-

ны» в формировании положительного отношения к правоохранительным органам в целом.

С периода создания дальневосточных органов полиции (милиции) и до настоящего времени ее история становится объектом изучения представителей разных сфер деятельности – сотрудников и ветеранов органов правопорядка, представителей музеев и архивов, преподавателей образовательных организаций, сотрудников научно-исследовательских институтов.

Закономерным явлением современного периода стало формирование научной школы по истории органов внутренних дел Дальнего Востока, основанной на базе ведомственной образовательной организации – Дальневосточного юридического института МВД России (далее – ДВ ЮИ МВД России) и флагмана среди высших учебных заведений региона – Дальневосточного федерального университета (ДВФУ) [20, с. 323]. В Дальневосточном юридическом институте МВД России в 2020 г. была открыта адъюнктура по специальности «отечественная история», что способствовало активизации исследований.

Важнейшим приоритетом научной школы является стремление вырастить научную смену, подготовив кандидатов и докторов наук. Учитывая, что ДВФУ и ДВЮИ МВД России, на базе которых проводятся исследования по истории органов внутренних дел, являются и образовательными, и научными, и воспитательными центрами, ученые-руководители, работая как с начинающими исследователями (курсантами и студентами), так и профессиональными (аспирантами и докторантами), стремятся не только научить их поиску и анализу источников, формированию собственной исследовательской концепции. Главная задача состоит в воспитании научных и, по большому счету, – мировоззренческих единомышленников.

Совместная научная работа требует от специалистов, изучающих историческое прошлое дальневосточных правоохранительных органов, целеустремленности и инициативы, стойкости убеждений, наличия внутреннего импульса развития и неудовлетворенности достигнутым, самостоятельности, и в то же время умения работать в команде [21].

История органов внутренних дел дальневосточного региона изучается в рамках трех крупных периодов: дореволюционного, советского и современного.

Результаты исследования публикуются в основном в статьях перечня ВАК, проходят апробацию в материалах конференций различного уровня (международного, всероссийского, регионального). Процесс формирования и развития органов внутренних дел Дальне-

восточного региона нашел отражение в монографических исследованиях Н. А. Беляевой, В. Ж. Дорохова, А. В. Жадана, А. В. Попенко, В. О. Шелудько и др. [5–7, 14, 17, 18, 23, 25], статьях А. В. Милежика, К. О. Никонова, Т. А. Орнацкой и др. [12, 13, 15, 24]. Ученые рассматривают различные аспекты организации и деятельности полиции/милиции на Дальнем Востоке России. Широкое освещение получили проблемы кадрового, материально-технического обеспечения, организационной структуры, борьбы с преступностью. В ряде трудов анализируются источникивые и историографические аспекты исследуемой проблемы [3, 11].

В современных условиях основными угрозами национальной безопасности России является деятельность иностранных спецслужб, террористических и экстремистских организаций, транснациональной преступности, направленная на дестабилизацию внутривосточной и социальной ситуации в стране. Это активизирует дальневосточных историков к деятельности по изучению не только органов внутренних дел, но и спецслужб России. Отличительная черта их трудов – подробное освещение структуры и конкретных операций, противоборствующих отечественной и, главным образом, японских спецслужб на российском Дальнем Востоке, а также показ недостатков в работе российской контрразведки.

Борьбе Охранной стражи КВЖД и Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС) с хунхузами, японскими шпионами и диверсантами посвятил монографию О. В. Вишняков [4]. А. М. Буяков, О. В. Шинин и Д. С. Кулешов рассматривают основные направления работы органов безопасности на советском Дальнем Востоке, включая участие в укреплении обороноспособности СССР в 1922–1941 гг., борьбу с подрывной деятельностью японских спецслужб и реализацию репрессивной политики государства [2, 10]. В трудах А. Н. Качкина и В. В. Синиченко анализируются действия иностранных разведок на северо-востоке Китая и российском Дальнем Востоке, развитие и деятельность (контр-)разведывательных органов по пресечению иностранного шпионажа, агентурную работу [8, 19].

Ряд дальневосточных исследователей рассматривали различные аспекты охраны государственной границы. М. В. Полянский обобщил условия постимперской трансформации Пограничной охраны России и факторы, повлиявшие на изменение подходов в охране государственной границы РСФСР [16]. Основные направления деятельности государственной безопасности ДВР по противодействию разведывательно-подрывной работы иностранных спецслужб и белого движения освещает М. В. Чепик [22]. В трудах

Б. Б. Кондратенко изучаются угрозы безопасности на Дальневосточной границе СССР 1939–1941 гг. [9]

Проблеме, не потерявшей своего значения, посвящен труд А. Л. Анисимова и А. П. Костюченко, где анализируется процесс формирования российско-китайской границы и ее демаркации в конце XVII – XX вв., а также обобщение особенностей участия пограничных органов в демаркации российско-китайской границы на Дальнем Востоке [1].

В целом, дальневосточные региональные исследования, основываясь на обширном материале, вносят существенный вклад в изучение истории правоохранительных органов. Исследователей ждут фонды Российского государственного архива Дальнего Востока, государственных архивов краев и областей Дальнего Востока; фонды музеев региона. Ценными источниками располагает Приморское краевое отделение Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» – «Общество изучения Амурского края».

Необходимо дальнейшее изучение истории правоохранительных органов на основе расширения источниковой базы, постановка новых проблем и вопросов, научный анализ и критический подход к оценке имеющихся исследований.

Список литературы:

1. *Анисимов А. Л., Костюченко А. П.* Демаркация российско-китайской границы на Дальнем Востоке и участие в ней пограничных органов: исторический опыт и современность. Хабаровск, 2019.

2. *Буяков А. М., Шинин О. В.* Деятельность органов безопасности на Дальнем Востоке в 1922–1941 гг. М., 2013.

3. *Виноградов А. М.* Деятельность органов внутренних дел по борьбе с экономической преступностью в 1991–2011 гг.: к вопросу об историографии проблемы // Клио. 2021. № 5 (173).

4. *Вишняков О. В.* История создания и деятельности охранной стражи КВЖД и Заамурского округа ОКПС (1897–1918 гг.). Хабаровск, 2011.

5. Дальневосточная контрабанда как историческое явление : борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – первой трети XX века) : монография / под общ. ред. Н. А. Беляевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 2019.

6. *Дорохов В. Ж.* УВД на границе. Деятельность органов внутренних дел Хабаровского края по обеспечению государственной и обще-

ственной безопасности в условиях обострения советско-китайских противоречий: 1959–1972 гг. : монография. Хабаровск, 2015.

7. *Жадан А. В.* Органы внутренних дел Приморского края в 1941–1945 гг.: исторический опыт организации и деятельности. Хабаровск, 2020.

8. *Качкин А. Н.* Борьба со шпионажем на Дальнем Востоке: Хабаровское контрразведывательное отделение и его руководители (1911–1917 гг.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 3.

9. *Кондратенко Б. Б.* Основные угрозы безопасности на Дальневосточной границе СССР 1939–1941 гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1.

10. *Кулешов Д. С.* Борьба советских органов безопасности с подрывной деятельностью японских спецслужб на Дальнем Востоке в 1920–1930-е гг. // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всеросс. науч.-практ. конф. (19–20 окт. 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ, 2022.

11. *Ляскина Н. В.* Деятельность милиции Приморского края по борьбе с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны: историографический аспект // Клио. 2020. № 11 (167).

12. *Милежик А. В.* Деятельность центральной школы подготовки комсостава народной милиции ДВР: опыт организации профессионального образования на Дальнем Востоке России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 2 (44).

13. *Никонов К. О.* Исторический опыт формирования жандармского полицейского управления Китайско-Восточной железной дороги в начале XX века // Клио. 2020. № 6 (162).

14. *Орнацкая Т. А.* Исторический опыт правового просвещения на Дальнем Востоке России (1917–1941 гг.). Владивосток, 2020.

15. *Орнацкая Т. А.* Современные угрозы безопасности России в пограничном пространстве // Гуманитарный научный журнал. 2022. № 4–1.

16. *Полянский М. В.* Организация и деятельность пограничной охраны советского государства в 1917–1922 гг. Владивосток, 2017.

17. *Попенко А. В.* Опыт борьбы с контрабандой на Дальнем Востоке России (1894 – конец 20-х гг. XX в.). Хабаровск: Хабаровский пограничный институт ФСБ России, 2009.

18. *Синиченко В. В.* Работа негласной агентуры МВД по выявлению фактов шпионажа на востоке Российской империи в годы Первой мировой войны: монография. Москва: Проспект, 2021. 144 с.

19. *Синиченко В. В., Токарева Г. С.* Работа правоохранительных органов России по противодействию предполагаемым диверсиям на Транссибе в годы Первой мировой войны // Известия лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2 (35).

20. *Тулиглович М. А.* Научная школа по истории правоохранительных органов на Дальнем Востоке России как феномен обучения творчеству и процесса исследования // Гуманитарные чтения: сборник статей. Выпуск 2. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2021. С. 321-331.

21. «Устремленные в будущее...». Система подготовки кадров МВД России / коллектив авторов под рук. В. Л. Кубышко / сост. С. В. Богачев, Л. Н. Бодя, Р. О. Иванов, В. В. Коновалов, В. И. Субботина. М., ДГСК МВД России, 2018.

22. *Четик М. В.* Деятельность государственной политической охраны по обеспечению безопасности Дальневосточной республики (1920–1922 гг.). М., 2017.

23. *Шабельникова Н. А.* Милиция Дальнего Востока России (1922–1930-е гг.): исторический опыт организации и деятельности. Хабаровск, 2018.

24. *Шабельникова Н. А., Усов А. В.* Военно-мобилизационная работа органов НКВД Приморского края в начальный период Великой Отечественной войны // Клио. 2021. № 11 (179).

25. *Шелудько В. О., Буяков А. М., Черномаз В. А.* Органы внутренних дел Приморья (1860–1917 годы). Владивосток: Дальнаука, 2004. 355 с.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ: ИСТОРИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

**Сборник материалов международной научной конференции,
приуроченной к 305-летию полиции России**

Редактор *В. А. Яровая, А. А. Уварова*
Верстка *С. Н. Портновой*

Подписано в печать __. __. 2023. Формат 60 × 84 $\frac{1}{16}$.
Усл. печ. л. 20,1. Уч.-изд. л. 18,1. Тираж 78 экз. Заказ № __

Отделение полиграфической и оперативной печати РИО
Академии управления МВД России
125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

ISBN 978-5-907530-75-1

